Неповторимая

Анна Герман

Сто воспоминаний о великой певице

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Необыкновенная судьба великой певицы Анны Герман раскрывается в этой книге сквозь призму воспоминаний ее друзей, родственников, коллег и простых зрителей. Звезды эстрады – Лев Лещенко, Иосиф Кобзон, Эдита Пьеха, Эдуард Хиль, знаменитые авторы – Александра Пахмутова и Николай Добронравов, Владимир Шаинский рассказывают пронзительные истории о встречах с этой удивительной певицей.

Автор – Иван Ильичёв – биограф певицы, более 15 лет собиравший материал, объездил многие страны, встречался с очевидцами гастролей Анны, с ее родственниками и друзьями. Книга иллюстрирована уникальными, ранее не публиковавшимися фотографиями и документами.

- Иван Ильичёв
  - ○
  - ○
  - ○ От автора
  - ○ Авторы песен
  - ○ Артисты
  - ○ Музыканты
  - ○ В студии звукозаписи
  - ○ В фотообъективе…
  - ○ Художники
  - ○ Кино
  - ○ Администраторы, работники сцены…
  - ○ Конферансье, дикторы телевидения
  - ○ Переводчики
  - ○ Журналисты
  - ○ Университетские годы
  - ○ Соседи
  - ○ Зрители
  - ○ Близкие друзья
  - ○ Семья
  - ○ Эхо детства
  - ○ Кулинарные рецепты Анны Герман
  - ○ Благодарность

Иван Ильичёв
Анна Герман. Сто воспоминаний о великой певице

© Ильичёв И. М., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Выходит в свет новая, очередная книга Ивана Ильичёва, которая состоит из рассказов, воспоминаний и впечатлений людей, соприкоснувшихся с Анной Герман, слышавших её голос в записях, присутствовавших на её концертах либо общавшихся с ней лично.

Это бесценные для потомков воспоминания. Я не произношу громких слов. Говоря об этом, я хорошо знаю, какое влияние имели песни Анны на жизнь её друзей, слушателей и поклонников.

Время бежит, и именно сейчас важно рождение этой книги, благодаря которой читатели смогут узнать больше и об Анне, и о времени, уже ставшем историей.

Испытываю чувство огромной благодарности ко всем тем людям, которые потрудились обратиться к своей памяти и передать эти воспоминания нам, слушающим и вспоминающим вместе с ними…

Эта тема – неисчерпаема…

Збигнев-Антоний Тухольский (муж Анны Герман), август 2015 г., Варшава

Фото Витольда Боревича

От автора

Однажды случайно найденная пластинка с песнями Анны Герман перевернула мою жизнь. Мне было шесть лет, когда я спросил у бабушки, глядя на красивую фотографию улыбающейся на обложке грампластинки женщины: «Кто это?». Её ответ меня удивил: «Это польская певица с трагической судьбой». В шестилетнем возрасте в 1988 году я ещё не знал, где находится Польша, не представлял себе, как выглядят польские женщины… Мне казалось, что полька должна выглядеть как-то иначе, по-иностранному… А тут такие родные, близкие русскому сердцу черты лица и ангельская улыбка. Трагическая судьба? Не может быть! Слишком светел её лик на этой фотографии… Ответом на мои недоумения мог быть только её голос, и я, незамедлительно вытащив пластинку из конверта, поставил чёрный диск на проигрыватель…

«Белый цвет, черёмухи цвет, это весны весёлый привет…»– зазвучал необыкновенный голос. Бабушка, заглянувшая в комнату на звуки музыки, сказала: «Ты послушай, какой чистый у неё голос – словно хрусталь, словно родник». Я тут же представил себе этот хрустально чистый струящийся поток воды и согласился с бабушкой: голос звучал для меня как волшебный колокольчик, унося в удивительную сказку, в заоблачные райские дали, где живут красивые ангелы… Двух с половиной минут, пока звучала эта коротенькая песенка, хватило, чтобы в моём, тогда ещё детском сердце разгорелся огонь любви и интереса ко всему, что связано с именем этой «польской певицы с трагической судьбой»… Мой интерес к Анне Герман я называю «магнитом», к которому вот уже более четверти века притягивается информация, касающаяся жизни и творчества этой великой певицы. Моей любимой певицы. На протяжении пятнадцати лет я непрерывно собирал свидетельства и воспоминания очевидцев. Слушая их рассказы, я осознавал, какое сокровище таили в себе слова людей, знавших и видевших Анну, ибо в каждом из этих воспоминаний открывались сокровенные и доселе неизведанные, глубоко личные переживания, родившиеся от восприятия голоса и личности певицы.

Та самая фотография с пластинки, обнаруженная дома у бабушки. Фото Евгения Савалова

Изначально у меня не было намерения браться за создание этой книги. Собирая материал, я и не думал, что за пятнадцать лет его накопится столько, что теперь хватило на большую книгу Из воспоминаний одних людей я черпал информацию о существовании других людей, которых также искал всеми возможными путями, порой по очень длинной цепочке. Видимо, Богу было угодно, чтобы мои контакты с героями книги всё-таки установились, несмотря на границы государств и континентов: мои поиски привели меня в Польшу, Узбекистан, Казахстан, Киргизию, где благодаря Анне Герман у меня теперь много друзей. Как может убедиться читатель, в книге есть и «географическая» составляющая – её герои живут (или жили) в разных городах и странах, они не знакомы между собой, но их воспоминания встретились под одной обложкой.

Я благодарю всех, кто принимал участие в поисках, кто помогал «наводить мосты». Труд этот – общий! Он принадлежит десяткам людей, которые на своём пути встречали «белого ангела песни», Анну Герман, и которые с готовностью доверили мне как автору и собирателю своё личное свидетельство, а также фотографии и документы из личных архивов. Особенно сердечно хочу поблагодарить тех, кто счёл возможным поделиться и наиболее ценным материалом – письмами Анны Герман, фрагменты которых представлены читателю. Мой вклад – лишь в собирании и бережной обработке этих свидетельств. Это моё приношение, скромный дар певице, имевшей в дар от Бога необыкновенный голос, сравнимый лишь с голосом ангела. Никто из нас не слышал, как поют ангелы на Небесах. Но мы слышали и имеем возможность слушать ангельский голос Анны Герман здесь, на Земле!

Так случилось, что теперь, когда книга готова, о многих людях мы говорим уже в прошедшем времени: Анна Качалина, Валентина Толкунова, Эдуард Хиль, Римма Казакова, Раиса Птичкина, Георгий Мовсесян, Игорь Якушенко, Артур Герман, пани Ирма Мартенс…

Об Анне Герман сказано и написано очень много. Порой кажется, что тема давно исчерпана. Но сколь несправедливой оказывается эта мысль, как только мы знакомимся с воспоминаниями, вошедшими в эту книгу… Сквозь их призму мы словно соприкасаемся с самой Анной – её душой, её жизнью, её музыкой, её характером. Каждое воспоминание, словно солнечный луч, пропитано теплом и добротой.

Кто-то скажет: «Всё слишком складно и идеально, неужели о ней нет ни одного хотя бы спорного мнения или воспоминания?». Заверяю вас, дорогие читатели, за пятнадцать лет работы над книгой я повстречал более сотни людей – разных профессий, национальностей, разных жизненных взглядов и вероисповеданий – и ни от одного из них не услышал недоброго или сомнительного слова в адрес Анны.

Сто воспоминаний… Сто сердец, подаривших читателю «свою Анну». Друзья и коллеги; известные и неизвестные читателю авторы песен и артисты; администраторы концертных организаций; фотографы, запечатлевшие Анну; журналисты, бравшие у неё интервью; обычные зрители – учителя, швеи, профессора; соседи Анны и её близкие люди: мама, супруг, дядя и даже друзья из далёкого детства. Устами героев этой книги говорит сама история: это и доселе неизвестные факты жизни семьи Анны Герман в Советском Союзе в тяжёлые 30–40-е годы прошлого столетия, это и история судеб десятков тысяч

российских немцев, пострадавших тогда на советской земле. Я намеренно поместил пронизанные болью воспоминания родственников Анны и воспоминания, касающиеся её происхождения и детства, в самый конец книги. Об этом почти не говорилось в советское и постсоветское время. Благодаря этой книге и публикации бесценных исторических воспоминаний вы увидите, в каких жёстких условиях формировался характер и внутренний мир сильного человека – Анны Герман.

Анна Герман – это эхо нашей общечеловеческой любви, которой так не хватает нашей планете. Анна Герман – это эхо надежды на то, что в нашей жизни всё будет благополучно. Анна Герман – это вера в то, что настоящее искусство неиссякаемо, и это одна из высших духовных ценностей. Анна Герман – это свет, словно с далёкой звезды освещающий нашу жизнь, и, хотя говорят, что звёзды светят холодным светом, свет её звезды источает тепло. И так будет всегда, пока на Земле существует Любовь!

Биограф Анны Герман Иван Ильичёв, 25 августа 2015 года

Авторы песен

Александра Пахмутова и Николай Добронравов «Надежда – мой компас земной»

Александра Пахмутова, народная артистка СССР, композитор (Москва)

Надежда – мой компас земной,
А удача – награда за смелость.
А песни довольно одной,
Чтоб только о доме в ней пелось.

Нас с Аней познакомила песня «Надежда». Мы впервые встретились, когда она приехала в Москву на запись.

В 1973 году нам позвонила Анна Качалина и попросила отправить Анне Герман ноты наших новых песен. Анна Николаевна очень дружила с Анной и помогала ей подбирать хорошие песни в репертуар. Мы начали думать, что можно предложить. Песня «Надежда» тогда была совсем новой, но её успел записать певец Юрий Пузырёв – нам тогда казалось, что это мужская песня. Когда подобрали для Анны несколько клавиров, то на всякий случай положили в конверт и ноты «Надежды», не возлагая на неё никаких особых чаяний.

Через некоторое время мы узнали от Анны Качалиной, что в Москву с гастролями приезжает Анна Герман и что она хочет записать несколько песен. В том же 1973 году на студии «Мелодия» Анна должна была записать три наших песни: «Надежда», «Песня тебя найдет» и «Прощай, любимый». Но по каким-то причинам записана была только песня «Надежда». Две другие песни потом попали в репертуар к Муслиму Магомаеву и Тамаре Синявской.

Мы присутствовали на записи этой песни, а потом у нас была очень тёплая встреча в её номере в гостинице «Москва». Анна была необыкновенной женщиной, мы ею любовались. При всей своей популярности и любви к ней миллионов людей она была скромная, кроткая, милая. Это была женщина очень высокого вкуса! В ней совершенно не было эстрадной звёздности, богемности! И она была способна облагородить даже самую простую и обычную песню.

Все годы мы узнавали об Анне Герман через Анну Николаевну. Особенно мы радовались, когда у Ани родился Збышек. Это была огромная радость для всех нас – её друзей.

Встреча в гостинице «Москва»: Александра Пахмутова, Анна Герман, Николай Добронравов, Анна Качалина, 10 июня 1974 года. Фото Михаила Пазия

В один из приездов в Москву Анна записала еще одну мою песню – романс на стихи Инны Гофф «И меня пожалей…». Этот романс первой записала Майя Кристалинская в манере городской песни, а Анна подошла к нему совсем иначе. Она назвала его «Страдание». К записи на студии я написала партитуру а Анна предложила совсем другой вариант – в сопровождении рояля. Играл очень талантливый музыкант Борис Фрумкин.

В 1981 году нам снова позвонила Аня Качалина и сказала: «Аля, у Анны очень плохи дела со здоровьем, надо её поддержать, запишите на кассету для неё что-то новое, я отправлю в Варшаву». Мы записали на кассету приветствие, слова поддержки и я подарила Анне совсем новую песню – «Я не могу иначе». На ту же кассету свои новые песни записали Ян Френкель и Евгений Птичкин. Эта кассета очень поддержала Анну, она помогала ей поверить в то, что она победит болезнь и вновь выйдет на сцену… Увы, этому не суждено было случиться… Ровно через год мы узнали о том, что она трагически ушла из жизни.

Обсуждение новых песен: Анна Качалина, Анна Герман и Николай Добронравов, 10 июня 1974 года. Фото Михаила Пазия

Николай Добронравов, лауреат Государственной премии СССР, поэт

Я хорошо помню каждую нашу встречу с Анной Герман, особенно на студии «Мелодия» во время записи песни «Надежда». Когда она вышла из аппаратной (песня уже была записана), я спросил её: «Анна, а почему вы выбрали именно „Надежду“?» И она ответила: *«Эта песня мне напомнила о моих друзьях – геологах».* Я не сразу понял смысл этой фразы, позже Аня Качалина рассказала мне, что Анна Герман училась на геолога.

Анна Герман – это уникальная певица, о которой нельзя говорить в прошедшем времени. Её любили раньше и продолжают любить сейчас. Я много раз слышал, как на радио звонили люди и в разные годы просили поставить песню «Надежда» именно в исполнении Анны Герман.

Она ушла несправедливо рано, почти сразу после её ухода я написал стихотворение «Памяти Анны Герман»:

Где забвенья и славы граница?
Разве песня уйдет на покой?
Негасимой звездой серебрится
В синем небе ваш голос земной.

В нём и ласки, и боли оттенки —
Те, что душу тревожат и жгут.
Пани Анна, все ваши «песенки»

В русском сердце находят приют.

Под трагически чёрной вуалью,
Не допев своих песен друзьям,
Вы ушли со своею печалью,
А надежду оставили нам…

И она в нашем сердце хранится,
Оставаясь, как вы, молодой.
И бессмертной звездой серебрится
Над планетой ваш голос родной.

Фрагменты писем Анны Герман к Анне Качалиной:

«Здравствуй, Аничка! Эта песня Пахмутовой, которую я выбрала, – она новая? Её еще никто не записал? Если так – она, по-моему, будет очень популярна. Я её сама всё время пою. Слова мне тоже нравятся» (29 июля 1973 года).

«В праздник октября у нас по телевидению показали Красную Площадь, и я сразу почувствовала себя у тебя. Как мы вечером из „Мелодии“ шли как-то раз по знакомым улицам и площади! А потом показали молодых строителей БАМа где-то „в конце света“, интервью с молодыми девушками, и самая младшая – повар – попросила передать своей маме привет с песней „Надежда“, „но в исполнении Герман“. Я совсем растрогалась от этой самой приятной неожиданности! Скажи об этом нашим друзьям-авторам, ладно?!!»

«Ты знаешь, сколько я писем получаю из Советского Союза с тех времён, как пошла „Надежда“ в эфир по радио и T.V.?!! Из далёких сёл Сибири просят прислать пластинку с „Надеждой“, ведь до нас она не дойдёт, пишут. И моя радость и что-то вроде „противной гордости“ очень велика – просят именно в моём исполнении. Ура-а-а-а!!! Когда увидишь маленькую-большую Александру и её мужа, поцелуй и благодари от меня каждый раз, хорошо?» (14 февраля 1975 года).

Владимир Шаинский, народный артист РСФСР, композитор (Москва) «Её любви негромкие слова»

Один раз в год сады цветут,
Весну любви один раз ждут,
Всего один лишь только раз
Цветут сады в душе у нас,

Один лишь раз, один лишь раз.

Людей, живших в эпоху Анны Герман, я считаю счастливыми. Это была певица, обладавшая голосом, равных которому не было ни на советской, ни на мировой эстраде. Нам всем очень повезло, что мы имели возможность соприкоснуться с ней, дружить, писать для неё песни. Я композитор, и мне нелегко подбирать слова, говоря об Анне Герман. Мне кажется, феномен этой певицы лучше всех описал бы Достоевский – писатель, умевший вникнуть в душу серьёзного и глубокого человека.

В студии с Владимиром Шаинским. Фото Николая Агеева

Многие мне задают вопрос: легко ли было находиться рядом с Анной Герман человеку, который почти в два раза меньше её ростом? Скажу честно: я об этом старался не думать. С «высоты» своего роста я мог лишь любоваться ею, её красотой. Я действительно вполовину меньше, чем Анна, но мы не делали на этом акцент.

Я был свидетелем её популярности и в Польше, и в России. Я несколько раз принимал участие в фестивалях советской песни в городе Зелёна-Гура, Анна там неоднократно выступала, и польские зрители принимали её очень сердечно.

Песню «Один раз в год сады цветут» не сразу утвердили на финал «Песни-77», музыкальный редактор программы хотел какую-то другую мою песню. Но я настоял, чтобы в финальном концерте «Песня-77» пела именно Анна Герман и именно песню «Когда цвели сады». И Анна спела! Без особенных усилий, с лёгкой подачей – и песня пошла в народ. Никто не смог эту песню спеть так, как её пела Анна. У неё было удивительно исполнительское качество: она не старалась покорить публику, не пыталась понравиться, она просто выходила и пела. И реакция зрителя была всегда одинаковой – овации. Именно так было и на «Песне-77». Никто не знал, как зритель воспримет эту песню. И вот Анна спела. Что творилось в зале! Таких оваций я никогда не слышал! Публика в телевизионной студии буквально неистовствовала, прося исполнить «Когда цвели сады» на бис. На таких съёмках никто никогда не поёт на бис, как бы ни принимала публика. Ведь это не концерт, это телевизионный процесс, всё рассчитано по минутам! Но для Анны было сделано исключение, и песня прозвучала ещё раз.

Для Анны Герман я написал несколько песен, и ещё одна наша совместная работа стала шлягером. Это песня на стихи нашего общего друга, поэта и журналиста Александра Жигарева. Мы как-то разговорились с Сашей, и он предложил написать для Аннушки какую-то шуточную песню. У него были стихи, в которых был очень симпатичный образ девушки, рассказывающей своим подругам о чувствах к парню, который с виду неказист и не вышел ростом. В образе этого парня я увидел себя, а песню решили предложить Анне.

Во время съемки телевизионной программы «Шире круг». Фото Алексея Агеева

Мне говорят: «Он маленького роста»,
Мне говорят: «Одет он слишком просто»,
Мне говорят: «Поверь, что этот парень
Тебе не пара, совсем не пара».

Эти стихи, несмотря на их внешнюю простоту, были очень талантливы. Они отражали и женскую душу, и женскую логику. И когда Анна это спела, зрители моментально подхватили эту песню и стали распевать. Для шлягера это очень важно, обычно люди подхватывают песни, которые им напоминают что-то из их жизни. А такие ситуации, как в этой песне, по жизни встречаются сплошь и рядом.

Также для Анны я написал песни «Невеста, «Любви негромкие слова», «Я помню всё», «Ты опоздал», но именно «Когда цвели сады» и «А он мне нравится» стали всенародными хитами и являются таковыми по сей день.

Однажды в Варшаве у нас было совместное выступление, после которого Анна пригласила меня в гости на чаепитие. У неё была очень скромная квартира, я был удивлён, увидев, как живёт выдающаяся певица. Безусловно, она заслуживала большего.

Мне часто задают вопрос: какая из сочинённых мною песен мне наиболее дорога. Таких песен несколько, и одну из них пела

Анна Герман. Я написал её на стихи Бориса Дубровина, она лирическая, нежная и романтическая – «Любви негромкие слова». Я очень горжусь именно этой песней.

Представь себе, такое вдруг случается,
Чему поверить можно лишь едва.
Представь себе, в снежинки превращаются
Моей любви негромкие слова.

Они в саду прикинутся черешнями,
Их повторит доверчиво листва.
И зазвучат сильнее грома вешнего
Моей любви негромкие слова.

Александр Морозов, народный артист России, композитор (Москва) «Это счастье, когда Анна Герман поёт твою песню»

Останься! Во имя будущего счастья я прошу:
Останься! Я это слово вновь и вновь произношу.
Останься! Все остальное мы должны преодолеть.
Останься! Чтоб никогда и ни о чем не пожалеть

С Анной Герман я познакомился в Ленинграде благодаря замечательной женщине – музыкальному редактору ленинградского радио – Лидии Ивановне Дубининой. Она дружила с Анной и однажды решила нас познакомить. Наша встреча состоялась за кулисами Ленинградского театра эстрады.

Гостиница „ЕВРОПЕЙСКАЯ"

Ленинград, ул. Бродского, 1/7 Тел. 210-31-49

Как будто гром
среди солнечного дня
твои слова звучали для меня
Хмельной ветер расставания
и разлуки
повеял вдруг, повеял вдруг

Останься, в нашем будущем
счастья я прошу
Останься! я эти слова
и снова прошу.
Останься! ведь остальное
мы должны преодолеть

Тип. № 2 Лениздата. Зак. 1417 — 100 000 24.04.77

Текст песни «Останься», написанный рукой Анны Герман

При встрече Анна произвела на меня очень приятное впечатление, она была очень эффектной, красивой. В общении – очень нежной. Я понимал, что передо мной не просто певица, передо мной – легенда. Мне хотелось ей показать песни лёгкого настроения, потому что грустных песен в её репертуаре было немало, а простых и лёгких песен не хватало.

Я сыграл на пианино и напел несколько своих вещей, из

которых она выбрала несколько: «Наливное яблочко», «Веришь ли ты в первую любовь?», «Останься». Эти песни она записала с ансамблем, записала очень проникновенно, в своём неповторимом стиле.

Сейчас я понимаю, что просчитался тогда с репертуаром для Анны… Мне казалось, ей нужны веселые ритмичные песни, а у самого уже были написаны такие песни, как «Зорька алая», «В горнице моей светло», на которые я тогда не обращал внимания. А ведь если бы я сообразил тогда предложить их Анне и она бы их записала – у этих песен была бы совсем другая судьба!

Вообще, это счастье, когда Анна Герман исполняет твою песню. В моём творчестве песни, которые записала Анна, не стали всенародными хитами, но они любимы народом, в концертных программах их по сей день поют многие артисты. Я благодарен этой замечательной певице за то, что она подарила жизнь этим песням.

Катажина Гертнер, композитор (Польша) «Её голос в одночасье пробил музыкальную моду тех лет»

«Святость»… Это понятие до сих пор не определено точно. Каждый из нас понимает, что такое «святость», но определить словами трудно. Я уверена, что это понятие можно отнести именно к Анне Герман, обладавшей множеством неповторимых, прекрасных человеческих качеств, отдавшей себя всю искусству и служению сцене и зрителям.

Она вся была соткана из теплоты, доброты и спокойствия.

С Катажиной Гертнер, январь 1966 года. Фото Станислава Чарногурского

За кулисами фестиваля в Сопоте с Катажиной Гертнер, август 1965 года. Фото Александра Ялосинского

Мы познакомились с Аней во Вроцлаве. Директором Вроцлавской эстрады тогда был Шимон Шурмей, он познакомил нас, и мы начали с Аней работать. Я предложила ей спеть несколько моих песен. Это, наверное, взгляд опытного человека: Шурмей сразу сказал, что из нашего «дуэта» выйдет хорошее дело. Он не ошибся.

Почти сразу после работы во Вроцлаве мы с Аней поехали в Жешув, где весь 1963 год провели, работая в составе Жешувской эстрады, опекаемые талантливым директором Юлианом Кшивкой. Мы создавали очень яркие музыкальные программы, и среди прочих выступавших артистов Аня всегда была «номер один».

Именно там, в Жешуве, Аня впервые исполнила «Танцующие Эвридики».

Всего года хватило Анне Герман, чтобы стать из солистки провинциальной эстрады звездой польского, а вскоре и международного масштаба. После фестиваля в Ополе для нас с Аней открылась дорога на большую профессиональную эстраду. А уж после триумфального выступления Анны на фестивале в Сопоте в августе 1964 года о ней заговорили как о лучшей польской певице. Лавры успеха достались и мне как композитору – я стала более востребованной. Аня пела мои песни уже на заграничных фестивалях, записывала их на радио и в студии звукозаписи.

Это было удивительно – высокий голос Анны сумел в одночасье «пробить» музыкальную моду тех лет, хотя тогда повсюду звучали The Beatles, Roling Stones. Стиль Анны Герман был иным, но зрители и слушатели полюбили её лирические интонации, волшебные обертона. Мы попробовали записать несколько песен в современных ритмах, но публика всё равно требовала от певицы лирических песен. Аня записала больше десяти моих песен, но наибольшим успехом в Польше пользовались две – «Танцующие Эвридики» и «Зацвету розой».

Я знала, что мы сможем достичь ещё больших высот, работая вместе. Когда перед Министерством культуры Польши встал вопрос, кого отправлять на международные музыкальные фестивали в Бразилию, на Майорку, в Японию – ответ был в нашу пользу: «Анна Герман и Катажина Гертнер». Увы… Уже были обговорены сроки нашего участия в международном фестивале в Токио, как из Италии пришла весть о трагической аварии. Планы рухнули в одночасье.

Я навещала Аню во время реабилитации. Вскоре она начала сочинять музыку сама. Жизнь меня кружила, я жила на две страны – в Польше и Швейцарии, где у меня был второй дом. Наши пути с Анной несколько лет не пересекались, а в конце 70-х Анна нашла меня и попросила новых песен. Она записала «Не плачь, не плачь», но нового витка успеха не последовало… А вскоре она ушла из жизни.

В России считают, что Анна Герман – это «их» звезда. Важно ли это? Важно ли, в какой стране ей выпал больший успех? Звезда «Анна Герман» светит на небе над нашей Землёй. Её история – это часть мировой истории, а её голос – единственный и неповторимый!

После репетиции с Катажиной Гертнер, январь 1966 года. Фото Станислава Чарногурского

Валентин Кушнирчук, композитор (Израиль) «Ей понравились наши песни»

Не вспоминайте вы при нём
О незапамятном былом.
Он выходил на зал – и зал рукоплескал!
Былая слава, как слеза… слеза…
И крики «Браво!»… и глаза в глаза…
Он не состарился – на память годы взял.
Старый артист. Было много свиданий в пути.
Старый артист. От любви никому не уйти…

Незабвенная Анна Герман… Моя встреча с ней была единственной и последней. Анна приехала в Житомир сразу после новогодних праздников в январе 1980 года с несколькими концертами, проходившими в здании областного театра. Я тогда работал художественным руководителем Житомирской филармонии, но филармония в те годы была в таком плачевном состоянии, что хорошие артисты там не выступали.

Гастроли такой знаменитой певицы в Житомире были событием не только для публики, но и для нас, молодых местных авторов. Я с моим другом, постоянным соавтором – поэтом Анатолием Певко, написал немало песен. И несколько из них мы решили предложить Анне Герман.

Я договорился с Анной о встрече, она пригласила меня в гостиницу «Житомир», где я прямо в её номере под гитару исполнил песни «Старый артист», «Невестины глаза» и ещё около десяти песен… Песни понравились Анне, она пообещала их спеть. Знаю, что Толя Певко ещё несколько раз прибегал к Анне, они что-то поправляли в текстах песен. Когда Толя узнал от Анны, что она простужена, он помчался домой и сказал жене Нине: «Анне Герман нужен мёд, чтобы поправить горло». Нина быстро собрала всё необходимое, и Толя полетел обратно к Анне. В благодарность он принёс маленькую грампластинку с дарственной надписью: *«Дорогой Нине с благодарностью от Анны Герман – за песенный талант мужа и за мёд из ваших добрых рук!».*

На концерте в Житомире, у рояля – Збигнев Вильк, январь 1980 года. Фото Михаила Пьехи

Я очень хорошо помню день отъезда Анны из Житомира. Мы провожали Анну у гостиницы. На проводы пришли ответственные обкомовские, райкомовские и прочие товарищи в ондатровых шапках. Мы с Толей скромно стояли в сторонке. Вышла Анна, со всеми поздоровалась, подошла к представителям нашей власти и сказала примерно следующее: *«Вы знаете, какие прекрасные и талантливые люди живут у вас? Какие замечательные песни пишут!»* – «Конечно!» – дружно ответили все и начали оглядываться, искать… кого же она имела в виду? Как хорошо мы посмеялись потом!

У гостиницы «Житомир», январь 1980 года. Фото Михаила Пьехи

Грустно и смешно: в Житомире Анна попросила отвезти её на строительную базу, где купила электрорубанок для супруга. Тогда хорошие инструменты (как и многое другое) были дефицитом. Анна искренне радовалась, что удалось найти то, что поможет ей ремонтировать новый дом.

Мы так и не услышали, как Анна пела наши песни. Спустя

годы я узнал, что две песни Анна все-таки включила в программу – «Старый артист» и «Невестины глаза». Это были её последние гастроли, и песни услышали лишь немногие зрители…

Тамада, за стол зови!
Всех гостей – не переждать,
Праздник радостной любви
Засветло начнём играть!

Пусть невестины глаза
Фотоплёнка бережёт.
Это – счастья адреса,
Доброе – не пропадёт.

Пусть прекрасна и грустна
Будет верность под луной,
Пусть влюблённые уста
Встретятся на золотой!

Людмила Иванова, народная артистка России (Москва) «Вам-м-м желаю счастья!»

До личной встречи с Анной я знала её только благодаря радио. Когда впервые прозвучала песня «Танцующие Эвридики», я была поражена, насколько божественный голос звучал из динамиков радиоприёмника. Её голос был именно божественным – другого определения ему я дать просто не могу На фоне преобладающих тогда бравурных советских патриотических песен «Эвридики» Анны звучали необыкновенно.

Анна Герман в гостях у Людмилы Ивановой в музыкальной программе «Песня далекая и близкая». Фото из архива Людмилы Ивановой

Личная встреча с Анной Герман оказалась возможной благодаря моему знакомству с редактором студии «Мелодия» Анной Качалиной. Она знала меня как автора песен, которые я записывала с Геленой Великановой, Майей Кристалинской, и предложила мне показать мои песни Анне Герман. Я смутилась, но Анна Николаевна пригласила меня к себе в гости, сказав, что там мы встретимся с Анной. Я пришла с мужем, тоже автором песен, Валерием Миляевым, в доме было много разных людей, в том числе Шаинский, шло оживлённое общение, авторы предлагали Анне новые песни, а мы с Валерием тихонько сидели в уголке и ждали своего часа. Когда все разошлись, мы, решив, что Анна устала, собрались на выход, но она попросила остаться: *«Вы сыграйте, спойте, я послушаю и отдохну».* И мы запели. Валера играл на гитаре, Анна внимательно слушала и просила петь ещё и ещё. Мы сыграли почти тридцать песен, и Аня сказала: *«Я хочу все их спеть, дайте мне кассету, я буду дома учить».*

В следующий её приезд в Москву мы с Валерием получили приглашение от Анны Герман посетить её концерт в Звёздном городке. Там в самом начале концерта состоялась премьера песни Валерия Миляева «Письмо солдату»:

За стеной пиликает гармошка,

За окном кружится белый снег.
Мне осталось ждать совсем немножко,
Ты вернёшься, милый, по весне.

Мне зима наворожила:
Будет радость, будет грусть,
Будет радость, будет грусть,
А я так себе решила:
Всё, что будет, будет пусть,
Всё, что будет, будет пусть…

Так мы стали дружить. Я пригласила Анну в театр «Современник», она посетила спектакль «С любимыми не расставайтесь», где увидела Стаса Садальского и предложила ему быть конферансье в её концертах. Увы, у всех актёров театра была большая занятость, и Стас не смог принять предложение Анны.

Когда Анна приезжала в Москву, мы встречались в гостиницах. Она не любила рестораны, поэтому Аня Качалина приносила ей прямо в номер домашнюю еду: жареную картошку, селедку и кефир или ряженку.

Когда она приходила сниматься на телевидение, вела себя скромно, часто пропускала вперёд себя других артистов, которые якобы куда-то торопились. Я говорила ей: «Аня, ну нельзя так! Ну подойди к режиссёру и скажи, чтобы они уже занялись тобой, а не другими». И она отвечала: *«Милочка, я так не могу. Ведь другие артисты здесь дома, у них, наверное, дела и дети. А я могу подождать».* А ведь эти ожидания её страшно утомляли.

Пару раз Аня бывала у нас в гостях. Ей нравилось общаться с моим старшим сыном Иваном, который хорошо рисовал картины. Ваня большого роста – два метра, что очень нравилось Анне, они даже как-то прогуливались по улице, и она чувствовала себя хорошо рядом с высоким парнем. Кстати, Аня увезла в Варшаву одну из картин кисти моего сына. А ещё я познакомила её с художником Валентином Массовым, он показал несколько картин, и она выбрала для себя одну – полную света, с изображёнными на ней полевыми цветами в глиняной вазе.

Тогда же Анна записала ещё одну песню – «Пожелание счастья» – на мои стихи и музыку Рафаила Хозака. Это очень проникновенная песня, исполняемая от лица женщины, проводившей своего возлюбленного на фронт и не дождавшейся его после войны. Её любимый погиб на войне, но она сохранила свою любовь до победного салюта.

День осенний, очень ясный, в небе синем-синем

На ветру листочком красным бьётся лист осины.
Нынче праздник, нынче вечер на заводе нашем.
Я осталась: полюбуюсь, как девчонки пляшут.

Так танцуют – пол качает, очень современно.
Вдруг оркестр вальс играет, старый, довоенный.
Этот вальс я танцевала так давно когда-то,
В сорок первом, провожая своего солдата…

Эту песню мы хотели записать с оркестром, но всё не позволяло время. В очередной раз, когда на студии уже заканчивалось время, отведённое Анне Герман, запись неожиданно состоялась. К Анне подошёл наш великий музыкант Давид Ашкенази и сказал: «Этой великой певице я буду аккомпанировать сам!». Через несколько минут запись уже была готова – необыкновенный дуэт великой певицы Анны Герман и великого пианиста Давида Ашкенази. В таком варианте эта песня потом попала на пластинку. С этой же песней Анна снималась на телевидении в программе «Песня далёкая и близкая», но за давностью лет запись, наверняка, не сохранилась.

Анна записала ещё одну нашу семейную песню, которую написал Валерий Миляев, – «Приходит время». На записи случился казус. В тексте песни были такие слова: «Поезжай в Австралию без лишних слов, там сейчас как раз в разгаре осень…». Кто-то услышал в этом призыв к эмиграции, и Анна прямо из студии позвонила нам: *«Мила, Валера, тут говорят, что вы призываете к эмиграции в Австралию, срочно перепишите слова».* Валера тут же в трубку продиктовал: «Поезжай в Антарктику с запасом дров…». В итоге фраза про отъезд с запасом дров тоже не угодила, поэтому осталось так: «Поезжай в Антарктику без лишних слов, там сейчас как раз в разгаре осень…». Аня потом очень смеялась, представляя, какова же антарктическая осень в её разгаре.

Приходит время, с юга птицы прилетают,
Снеговые горы тают, и не до сна,
Приходит время, люди головы теряют,
И это время называется весна.

24 марта 1980 года мы побывали на её последнем московском сольном концерте. Проходил он в Кремлёвском Дворце съездов, она пела «Письмо солдату», а на программке концерта оставила автограф: *«Дорогие мои авторы с сыночками!*

Ну, где бы нам ещё „повыше“ спеть вашу песенку… а?!? Ваша любящая вас Аня».

В последний приезд в Москву в мае 1980 года она позвонила мне: *«Милочка, я очень плохо себя чувствую, у меня что-то с ногой, нет ли у тебя врачей, кому можно было бы показаться?».* Тут я вспомнила Стаса Садальского, который незадолго до этого сильно повредился на съемках. Он прошел курс лечения в институте им. Склифосовского и знал там многих врачей. Аня поехала туда по его рекомендации, и врач ей сказал, что нужно ложиться на обследование – либо в Москве, либо в Варшаве. Она выбрала Варшаву и буквально в этот же день улетела домой.

Встреч больше не было. А ближе к зиме мы получили от Анны письмо, в котором она написала, что её самочувствие очень плохое и она просит прислать ей рябину, протёртую с сахаром. Я как-то угостила её этой рябиной, когда она приходила в гости, и ей понравилось. Не знаю, почему именно рябина с сахаром, но, видимо, ей казалось, что это может ей помочь. Мы тут же поехали куда-то на окраину Москвы, младший сын лазил на рябины, срывал гроздья и бросал нам. Дома мы всё это отмыли, засыпали сахаром и отправили с оказией в Варшаву. Конечно, это Ане не помогло. Из-за болезни её дни были сочтены.

В Польше тогда было очень трудное и голодное время. Достать еду и лекарства было очень сложно, порой невозможно. Ситуация в стране была на грани политического переворота. Анна не успела насладиться жизнью в доме, который купила, не успела его обустроить, не успела высадить в своём огороде чеснок. Для неё это было важно, она не раз говорила: *«У меня теперь есть свой маленький участок земли, я обязательно посажу там несколько грядок крупного чеснока».*

У меня дома «живёт» Анино концертное платье, которое её мама привезла мне на память, маленький скромный белый веер и большой чайник с надписью «От зрителей с любовью». И конечно, время от времени в моей квартире звучит её божественный голос: *«Вам-м-м желаю счастья!»*

Владимир Газарян, композитор, заслуженный артист РСФСР (Солнечногорск) «Для меня Анна – посланница бога»

Осень сказочна, оглядись,
Ты поверишь, и я поверю,
Что жар-птица, рванувшись ввысь,
На Земле растеряла перья.
Улетела, слилась с зарёй,

И назад ей не воротиться.
Точно также у нас с тобой
Каждый прожитый день – жар-птица…

Для меня Анна Герман – посланница Бога на Земле. С этой божественной певицей у меня было всего две встречи и одна написанная для неё песня.

Первая встреча – на студии «Мелодия», куда меня пригласила Анна Николаевна Качалина. Там я показал Анне песню на стихи поэта Геннадия Георгиева «Жар-птица». Я, как мог, сам наиграл на пианино и напел. Анна внимательно слушала, а потом сказала: *«Ваша песня напоминает мне детство. Но я бы хотела спеть её в другой тональности».* Я не пианист, но попробовал сыграть в другой тональности, Анна запела, и стало понятно, что это её песня.

Вторая встреча была уже на записи «Жар-птицы». Анна очень трепетно относилась к тому, что исполняла, и мне, как автору, было очень приятно, что она советовалась со мной. После первого или второго дубля она отошла от микрофона и спросила: *«Владимир Григорьевич, вам нравится, как я записала? Я немного изменила мелодию».* Я сказал, что мне очень понравилось и для такой певицы это можно.

Я благодарю судьбу за встречу с Анной Герман. Я написал много песен, их поют и Иосиф Кобзон, и София Ротару, и Ренат Ибрагимов, и Валентина Толкунова, но самая лучшая и приятная для меня – это та, которую записала Анна Герман. «Жар-птицу» у меня просили потом и Людмила Сенчина, и Алла Иошпе, но я всем сказал: «Эта песня написана специально для Анны Герман».

Когда в Москве стали проходить Вечера памяти Анны Герман,

я доверил исполнение этой песни необыкновенной певице, народной артистке Дагестана Эльзе Рамазановой (Лакской), которая спела её по-своему проникновенно и с чувством уважения к первой исполнительнице – Анне Герман. Сейчас с нами нет Анны Герман, трагически погибла Эльза Рамазанова, но песня продолжает звучать на дисках и в сердцах слушателей…

Анатолий Аксенфельд, врач (Ярославль) «Анна увезла из Ярославля мою песню»

Ты рядом, и всё прекрасно:
И дождь, и холодный ветер.
Спасибо тебе, мой ясный,
За то, что ты есть на свете.

Спасибо тебе за губы,
Спасибо тебе за руки,
Спасибо тебе, мой любый,
За то, что ты есть на свете.

Это было тёплое лето 1975 года. В конце июля в Ярославль с гастролями приехала Анна Герман. Я случайно на улице увидел афишу, купил билет и пошёл на первый из трёх объявленных концертов польской певицы в Ярославской филармонии. Моё первое впечатление, когда я увидел её на сцене: высокая, красиво сложенная женщина, с открытым улыбчивым лицом. Было хорошо видно, что она готовится стать матерью.

Во время концерта Анна исполняла одну лирическую песню (не помню названия), которая напомнила мне песню, которую я сочинил ещё в студенческие годы на стихи поэтессы Юлии Друниной. Мне даже показалось, что моя песня – это как продолжение песни Анны.

Гастроли 1975 года. Фото из архива Анны Качалиной

Хорошо помню, как поразило меня то, что Анна исполняла в концерте романс «Гори, гори, моя звезда» и песню из репертуара Шаляпина «Из-за острова на стрежень».

Когда концерт закончился, я прошел за кулисы, где в коридоре стояли музыканты ансамбля под руководством Панайота Бояджиева. Я попросил их позвать Анну и прямо тут же, возле гримёрной комнаты, состоялся наш самый первый разговор:

– Пани Анна, я хотел бы показать вам свою песню «Ты рядом», мне кажется, она очень гармонирует с тем, что вы сегодня исполняли на концерте. Но я ведь не композитор, я врач.

Анна смерила меня взглядом (я значительно ниже её):

– Ну так что же? Я тоже не певица, я геолог. А кто написал

слова к вашей песне?

– Юлия Друнина, советская поэтесса.

– Я не знакома с её творчеством. Но слышала это имя. Хочу услышать эту песню.

Там же, за кулисами филармонии, я наиграл аккордами песню, Анна попросила написать слова на листок бумаги. Я быстро набросал текст, Анна тут же стала напевать.

Для меня было неожиданностью её решение:

– Уже на следующем концерте я спою эту песню! Будет две премьеры – песня Шаинского «А он мне нравится» и ваша – «Ты рядом».

Я был очень счастлив, и в этот же день купил магнитофонную плёнку, чтобы записать концерт на память. В советские годы о записи концерта можно было договориться за самую «твёрдую валюту» – за бутылку с известным содержимым. На следующий день я снова пришёл на концерт Анны Герман, сел в глубине зала и, затаив дыхание, слушал выступление. Где-то в середине концерта Анна сказала:

Гастроли 1975 года. Фото из архива Анны Качалиной

– Мне хочется исполнить песню, которую написал всем вам хорошо знакомый доктор Анатолий Николаевич Аксенфельд. Товарищ доктор, вы здесь? Признайтесь, вы здесь? Сейчас мы споём

эту песню и запомним не только чудесный ваш город, чудесное принятие наших концертов. Но будет у нас и песня, которая поедет с нами на гастроли. Это композиция товарища доктора на слова Друниной. Я на всякий случай возьму слова в руки, чтобы не ошибиться…

И Анна запела… До сих пор не могу передать словами, как это было прекрасно! После концерта я получил от звукооператора плёнку с записью всего концерта. Так песня «Ты рядом» сохранилась в записи в самом первом исполнении.

После концерта мы вновь встретились за кулисами. Я благодарил Анну, она благодарила за песню. Слово за слово – мы нашли общий язык. Как я уже говорил, певица была в положении, ждала ребёнка, а я по долгу профессии мог что-то ей посоветовать. Она меня спрашивала: «*Товарищ доктор, как вы думаете, у меня всё будет нормально, смогу я родить?*». Конечно же, я её успокаивал. Я стал как будто её психотерапевтом, она рассказывала мне про маму, про папу. Ей было нелегко в состоянии беременности, она постоянно выходила за кулисы между песнями и по чуть-чуть пила холодный чай. Анна говорила, что после страшнейшей автокатастрофы врачи запретили ей беременеть, но она рискнула.

После Ярославля Анна уезжала в Москву и попросила меня поехать с ней. Я взял отпуск и приехал в Москву. У неё были сольные выступления в центральном концертном зале «Россия». Песня «Ты рядом» прозвучала и там. Её услышала подруга певицы, редактор «Мелодии» Анна Качалина.

После концерта мы договорились, что на ближайшей записи Анна Герман запишет мою песню.

Запись была назначена в студии «Мелодия», в этот день Анна хотела записать четыре песни: «Я жду весну» Евгения Мартынова, «А он мне нравится» Владимира Шаинского, «Катюшу» Матвея Блантера и нашу «Ты рядом». Анна Качалина сказала, что эти четыре песни выйдут на отдельной маленькой пластинке – миньоне. Запись шла несколько часов, песню «Катюша» Анна записывала с квартетом «Улыбка», и это заняло больше времени, чем было запланировано. На носу был конец смены, на запись «Ты рядом» времени не оставалось. Анна с сожалением смотрела в мою сторону, пытаясь взглядом объяснить, что запись не состоится…

Запись в студии так и не состоялась… Мы поехали с концертами в Ленинград, наша песня уже была в программе. Один из тех ленинградских концертов 1975 года снимало ленинградское телевидение. Это была полноценная цветная съёмка, которую впоследствии мне так и не довелось увидеть.

Среди снятых в тот вечер песен была и «Ты рядом». У меня перед глазами до сих пор стоит картинка того концерта.

Мы много разговаривали с Анной, её успокаивало наличие доктора в гастрольной поездке, и она спросила, могу ли я остаться до конца маршрута? В те годы мне бы не дали такого длительного отпуска, и дальше с Анной я не поехал – в Волгоград, Волжский, Астрахань, Ростов-на-Дону…

Наше общение я вспоминаю с огромной теплотой. Помню наш разговор о романсе «Гори, гори, моя звезда». Я был потрясён её исполнением и трактовкой этого произведения. Тайну аранжировки этого романса я узнал от Анны и от руководителя её ансамбля Панайота Бояджиева. В самом начале романса звучит барабанная дробь. Она оказалась там не случайно. Анна, потерявшая в СССР своего отца, посвятила этот романс ему – самому близкому и родному человеку. Эта дробь символизировала для Анны ту дробь, которую исполняли перед смертью на эшафоте. Конечно же, со сцены ни слова не говорилось о расстрелянном в СССР отце, об этом посвящении. Это был личный замысел Анны, известный только ей и близким людям. Можно только догадываться, какие глубокие эмоции и переживания испытывала Анна, когда пела:

Гори, гори, моя звезда,
Звезда любви приветная,
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда.

Большинство зрителей ассоциировало этот романс с судьбой Анны Герман, людям казалось, что она поёт про свою судьбу. Зрительские слёзы особенно вызывали слова:

Лучей твоих неясной силою
Вся жизнь моя озарена.
Умру ли я, ты над могилою
Гори, сияй, моя звезда.

Когда я узнал, кому Анна посвящает эти строки, я совсем по-другому услышал этот романс: это было посвящение от лица дочери расстрелянному отцу. Отец и был для Анны той самой «заветной звездой».

…Я очень хотел познакомить Анну с автором слов нашей песни – поэтессой Юлией Друниной, но по причине болезни Юлия жила в летний период за городом и не могла приехать в

Москву в августе.

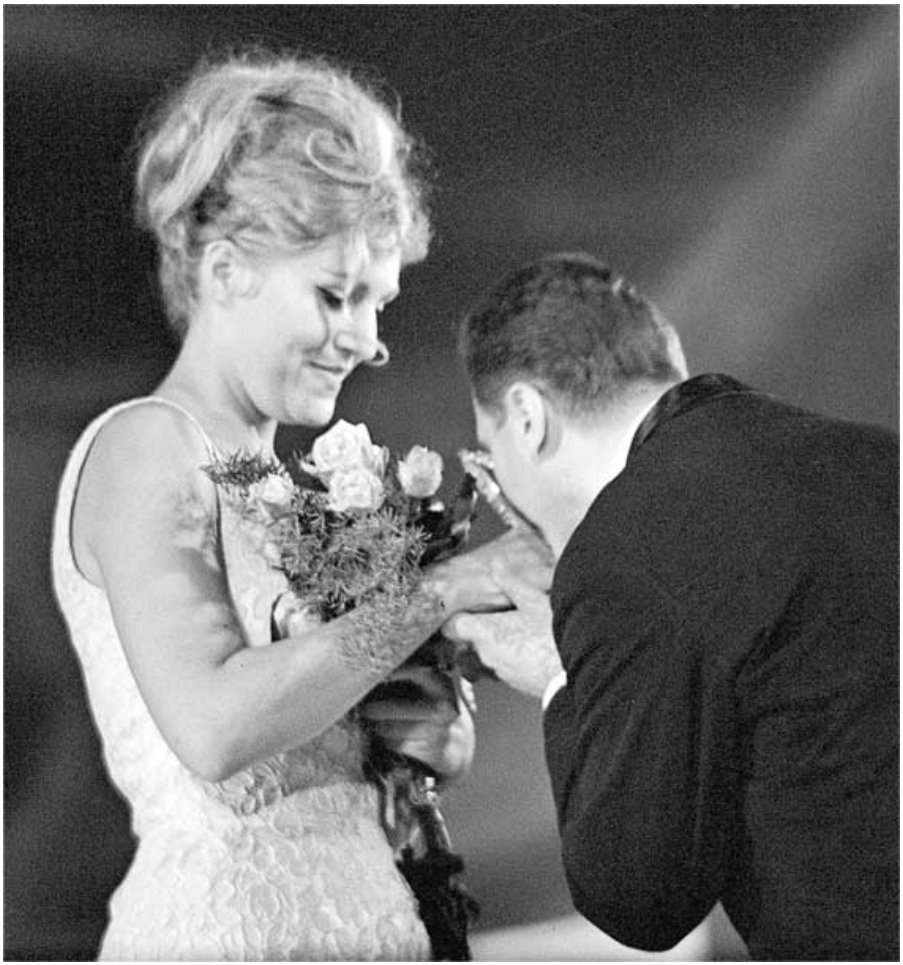
С тех пор прошло сорок лет, но у меня и в мысли не было, чтобы кто-то спел эту песню. Есть такие звёзды, которые падают, но не сгорают, и до сих пор виден свет этой звезды. Об Анне Герман осталась вечная память, а нам на память остались её великолепные записи, среди которых есть место и той самой записи, сделанной в августе 1975 года в зале Ярославской филармонии.

Александр Колкер, заслуженный деятель искусств РСФСР, композитор (Санкт-Петербург) «Её голос как вечный звонкий ручей»

Опять стою на краешке Земли,
Опять плывут куда-то корабли,
Опять несет по свету лесовоз
Дурман тайги и белый снег берез.

…Начало 60-х – время романтики… И в жизни, и особенно в музыке… Я находился на борту лесовоза в Северном Ледовитом океане, когда у меня родилась мелодия на стихи поэтессы Инны Кашежевой «Опять плывут куда-то корабли…». Первой исполнительницей этой песни была моя супруга Мария Пахоменко. Уже дома, в Ленинграде, Маша записала эту песню, её переписывали с кассеты на кассету и передавали тем, кто на лесовозах шел в рейсы в Ледовитый океан. Северяне очень полюбили эту песню – она была пронизана их духом, настроением тех мест.

…Не помню, в каком городе и что это был за концерт, когда мы встретились впервые с Анной Герман. Пела Маша, и в этом же концерте участвовала Анна Герман. Это был 1964 или 1965 год. Анну уже знал весь Советский Союз как исполнительницу «Танцующих Эвридик». За кулисами мы разговорились, Анна сразу же нашла общий язык с Машей. На вопрос певицы, какую бы песню я мог ей подарить, я ответил: «Вы можете петь любую мою песню, но я слышу интонацию вашего голоса именно в песне "Опять плывут куда-то корабли"…». Я подарил Анне не только клавир этой песни, но и оркестровую партитуру. Анна ещё не записала песню, а я уже чувствовал, насколько интересно она это сделает. У неё был уникальный голос инструментального флейтового регистра.



На сцене фестиваля в Сопоте, август 1964 года. Фото Януша Уклеевского

Анна Герман сделала две записи «Опять плывут куда-то корабли…» – одну в Москве, вторую в Варшаве. Я присутствовал на записи в Москве, в Доме звукозаписи на улице Качалова. В студии расположился большой эстрадно-симфонический оркестр радио и телевидения п/у Юрия Силантьева. Запись прошла очень быстро. Анна принадлежала к редкому числу исполнителей, умевших записывать песню с первого дубля. Именно первый дубль, даже если за ним следовал второй, был эмоционально сильнее и мощнее, чем все последующие. Песня «Опять плывут куда-то корабли…» была записана именно так – с одного дубля. Это было великолепно! Чуть позже Анна сделала запись этой песни на варшавском радио, уже с польским текстом. В последней части песни Анна от себя добавила необычный музыкальный поворот: в одном фрагменте она словно подняла тесситуру и

спела фразу на выдохе. Для меня это стало необыкновенным подарком, этот её ход лёг мне на сердце, это было очень музыкально и, безусловно, возвысило песню.

Впоследствии, сколько бы я ни приходил на радио, я всегда старался в программы с моим участием включить песню «Опять плывут куда-то корабли» в исполнении Анны Герман.

…Последний раз я видел Анну Герман при весьма необычных обстоятельствах. Дело было в Ленинграде. У нас с друзьями была традиция ходить париться в финскую сауну, которая располагалась в здании Зимнего стадиона на Манежной площади. С собой мы всегда набирали всякой снеди – закусок, шашлыков и, конечно, в изобилии горячительных напитков. Компания собиралась замечательная – спортсмены, люди культуры – и очень весело проводили время. И вот после очередной рюмки я отчетливо слышу в бане голос Анны Герман. Причем явно не в записи. Слышу, что она что-то напевает, потом говорит и снова напевает… Я ущипнул себя: думал, это галлюцинация. Но голос не исчезал. Я решил пойти на проверку. И вот картина: я в одних трусах выхожу из помещения финской сауны и попадаю на территорию Зимнего стадиона. В отдалении сцена, а на ней репетирует Анна Герман! Оказалось, что в этот вечер у Анны там был сольный концерт, и днём она репетировала. В то время в Ленинграде Зимний стадион был крупной концертной площадкой в городе, где выступали только самые именитые артисты. Билетов было не достать! Анна принадлежала к такой категории артистов – сколько бы ни была вместимость зала, никогда не оставалось ни одного свободного места. В Ленинграде её любили особой любовью.

Я, конечно, быстро вспомнил, что я приличный уважаемый человек, оделся и, дождавшись, когда Анна допоёт очередную песню, подбежал к ней, радостно воскликнув: «Анна!». Это была очень тёплая встреча, было сказано много хороших слов.

Такой я её и запомнил – открытой, доброй, общительной…

Я и моя супруга очень уважительно относились к Анне. Эта певица была единственной в своём роде, она была действительно неповторимой – одной из тех, кого можно назвать только первым, а не вторым изданием! Её голос – как вечный звонкий ручей, как родник, как глоток чистой воды.

Сейчас пришли новые песенные ценности и, конечно, современная эстрада нуждается в таких высококлассных артистах, как Анна Герман. Божественное звучание её голоса, его лиризм, распев и чистота – всё это очень близко русскому сердцу. Наш народ не изменяет своим вкусам, поэтому Анна Герман по сей день остается кумиром миллионов людей в России и за её

пределами.

Владимир Завещевский, композитор (Санкт-Петербург) «Анна не успела записать „Балладу о матери“»

Засеяла поле летами своими, как житом,
Земле поклонилась, в степи нарвала спорышу,
Детей научила, как в мире по совести жить им,
Вздохнула легонько, вздохнула легонько,
И тихо пошла за межу…

Во время прогулки по Ленинграду

Моя единственная встреча с Анной Герман произошла в канун 1980 года в Ленинграде, на её концерте, проходившем в ДК имени Капранова. После выступления Анны я направился за кулисы с намерением встретиться с певицей и показать новую песню – балладу на стихи киевского поэта Бориса Олейника «Баллада о матери» (в переводе Льва Смирнова). Музыканты ещё

были на сцене и, узнав о моём желании, предложили сыграть песню прямо на сцене. Услышав первые звуки, кто-то из них сказал: «Надо пригласить Анну, пускай послушает, эта песня ей должна подойти».

Через несколько минут на сцену пришла Анна Герман, мы поздоровались, она встала у рояля, и я начал играть «Балладу о матери». Анна попросила повторить её несколько раз, слушая с присущей ей трогательностью и теплотой. Мне казалось, она пропевает про себя слова песни, примеряется к ним. Вдруг Анна остановила меня: *«Бы знаете, я сейчас почувствовала: это моя песня. Я беру её в свой репертуар. Из Ленинграда я еду в Киев, там на первом же концерте состоится её премьера».*

Премьера «Баллады о матери» действительно состоялась в Киеве при полном аншлаге на стадионе. Мне об этом рассказывал по телефону Борис Олейник, автор стихов, он был потрясён исполнением «Баллады». Анна Герман вызвала его на сцену и представила зрителям как одного из авторов. Вот так наше совместное сочинение и увидело свет!

К моему большому сожалению, я не только не мог быть на премьере в Киеве, но мне так и не удалось услышать «Балладу о матери» в исполнении несравненной Анны Герман! Как оказалось, те гастроли 1980 года были последними концертами в жизни Анны, эту песню услышали лишь немногие зрители!

P.S. В 2003 году в домашнем архиве семьи Анны Герман в Варшаве был обнаружен тот самый клавир «Баллады о матери», который певица получила в декабре 1979 года из рук Владимира Завещевского. Так удалось восстановить «Балладу о матери», и она зазвучала на вечерах, посвященных памяти великой певицы.

Георгий Мовсесян, композитор (Москва) «К ней нельзя было относиться равнодушно»

Берёза, берёза, лет двести шумела,
Но время настало, и ты постарела.
Берёза, такой тебя вижу впервые:
Засохшие ветви, как космы седые…

Мы часто встречались с Анной Герман в 70-е годы, когда она приезжала в Москву. Обычно она останавливалась в гостинице «Россия». Помню, в то время сумасшедшей редкостью был кассетный магнитофон. Мы договорились с Анной о встрече в

«России», я должен был показать ей несколько песен. У Аллы Иошпе и Стахана Рахимова я одолжил такой магнитофон и отправился на встречу с Анной. Когда включил магнитофон в её гостиничном номере, что-то произошло с напряжением в сети: вдруг всё заискрилось, задымилось, в общем, магнитофон сгорел, так и не успев воспроизвести песни, которые я хотел предложить. Анечка испугалась: *«Что же теперь будет?»*. Я её успокаивал, говорил, что это пустяки…

Песню я ей всё-таки показал. «Берёза» сразу ей понравилась, мне кажется, она была в её стиле. Мы несколько раз с ней репетировали. Анна, как никто другой, ответственно относилась к каждой исполняемой песне. Она удивительно правильно и доходчиво пела по-русски. Её русскому языку надо бы поучиться каждому российскому исполнителю. Я был потрясён, когда услышал, как она записала знаменитую «Надежду» Александры Пахмутовой и Николая Добронравова. Кто только из советских певцов ни пел эту песню, но только Анна Герман показала в ней чудеса дикции. Она спела всё с точностью до буквы, её исполнение было отточенным на сто процентов. Помимо дикции у неё было невероятное чувство понимания текста. Что бы она ни пела – будь то серьёзная песня или веселый шлягер, – каждую песню Анна проживала, доносила до слушателя каждое слово, каждый нюанс. Она словно кожей чувствовала каждую ноту.

«Берёза, берёза, навеки родная», – пела Анна Герман

Как человек она притягивала к себе. После знакомства с Аней нельзя было относиться к ней равнодушно. Она не умела быть фальшивой. Про неё можно сказать: «Чтобы понять вкус моря, не надо выпивать его целиком». Одной встречи было достаточно, чтобы понять, что перед тобой не просто человек – перед тобой прозрачный хрусталик. В отношениях с Аней мне была дорога именно та приязнь, которая между нами сложилась. Это дороже простого сотрудничества композитора и исполнителя.

Анна записала на «Мелодии» всего одну мою песню на стихи

белорусского поэта Петруся Бровки – «Берёза». Как сейчас помню её ангельскую улыбку, когда она вошла в студию. Записала песню с нескольких дублей. Всю запись простояла босиком. Она почти все свои русские песни записывала босиком. Наверное, ей так было удобно. Такой Анна и осталась в моей памяти: гениальная, простая, стеснявшаяся своего роста…

Евгений Куликов, композитор (Москва) «Какое счастье! Нашу песню спела Анна Герман!»

Белою лебёдушкой вдоль села
Русская раздольная поплыла.
Расписным платочком машет не спеша…
До чего ж, красавица, песня хороша!

В начале 1972 года я написал мелодию и предложил написать на неё стихи ленинградскому поэту Михаилу Рябинину. Уже через пару недель Миша позвонил мне и пригласил послушать, что у него получилось. Так появилась на свет «Русская раздольная». Поначалу её записал ленинградский певец Николай Соловьев, но спустя несколько месяцев мне позвонил Рябинин и прокричал в трубку: «Женя! Какое счастье! Нашу песню спела Анна Герман!».

На съемках песни «Русская раздольная», телевидение Катовице, 14.11.1973

Оказалось, что несколько песен на стихи Рябинина Анна получила по почте от своих ленинградских друзей и выбрала именно «Русскую раздольную». Запись состоялась в Польше, с польским оркестром. Правда, в исполнении Анны не оказалось третьего куплета, видимо, песня показалась певице слишком длинной:

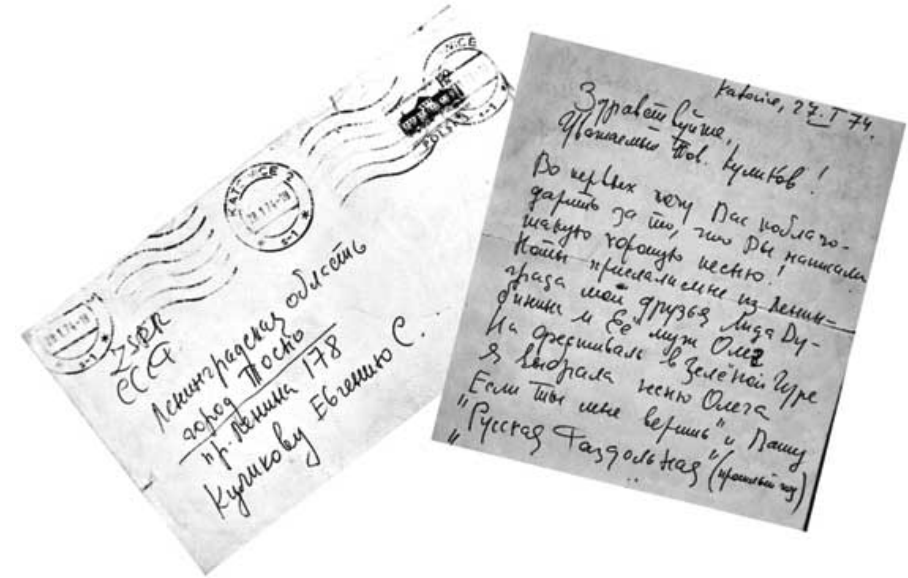
В зеркала хрустальные синих рек
Песня опускается на заре
И идёт за солнцем, травами дыша…
До чего ж, красавица, песня хороша!

И вот в феврале 1974 года я открываю почтовый ящик и вижу конверт, где обратный адресат – Анна Герман. Храню это письмо до сих пор:

«Здравствуйте, уважаемый товарищ Куликов! Во-первых, хочу поблагодарить за то, что вы написали такую хорошую песню! Ноты прислали мне из Ленинграда мои друзья Аида Дубинина и Олег (Лидия Дубинина – редактор ленинградского радио, подруга Анны Герман; Олег – композитор Олег Мельничук, автор песни «Если ты мне веришь». – *Прим. ред.). На фестиваль в Зелёна-Гуре я выбрала песню Олега «Если ты мне веришь» и вашу «Русская раз дольная».*

Обе песни я записала на пластинку и, когда они вышли, выслала три пластинки: для Олега, для вас и для автора текста Рябинина… Я, наверное, буду в Союзе летом в июле или августе, и тогда мы, наверное, приедем в Ленинград. Приглашаю вас уже теперь на наш концерт послушать «Русскую раздольную»! Ещё раз спасибо, с большим приветом – Анна Герман» (27 января 1974 г., из Катовице).

Летом 1974 года Анна действительно приехала в Ленинград, и по её приглашению я попал на концерт. В тот приезд состоялась наша встреча с Анной в её номере в гостинице «Октябрьская». Я пришел показать мою новую песню на стихи ленинградского поэта Виктора Елисеева – «Ждала девчонка моряка». В номере были музыканты из ансамбля Анны, они как раз что-то обсуждали. Я принёс бутылку шампанского, Анна сделала всего глоток и предложила мне с музыкантами допить до конца. А вечером я пришёл на концерт. Анна пела «Русскую раздольную», представила меня зрителям.



Письмо Анны Герман Евгению Куликову, 27.01.1974, из архива Евгения Куликова

В следующем 1975 году она вновь приехала в Ленинград на гастроли, и в её программе уже была песня «Ждала девчонка моряка», она её даже сняла на ленинградском телевидении в программе «Музыкальный телеграф». Но, к сожалению, на пластинку эта песня так и не попала.

Как оказалось, эта шуточная песенка настолько пришлась по душе Анне Герман, что она её спела на всех концертах в 1975 году. Я думал, что Анна сделает из неё обычную танцевальную песню, а у неё получился целый мини-спектакль в неповторимом «германовском» стиле. Она почувствовала её по-своему.

Спустя годы, вспоминая нашу встречу и обаяние Анны Герман, хочу сказать: «Спасибо, Анна Герман!»

Ежи Плачкевич, поэт, музыковед (Польша) Две песни для Анны

В 1966 году в польском еженедельнике «Вокруг света» был объявлен конкурс на лучший текст песни. Главной наградой для победителя должна была стать музыка Катажины Гертнер к этому тексту и исполнение Анны Герман. Я послал текст, и через пару месяцев оказалось, что я выиграл конкурс! Это были стихи «Наш путь», в которых я хотел показать путь двух любящих сердец на фоне таинственной природы:

Здесь, где ветер причёсывает кроны многолетних старых

вербы,
Где даже орешники растут парами – рядом друг с другом,
Здесь я вижу твой только что оставленный след…
А ещё – твои желанные руки,
Твои говорящие о многом глаза,
И деревья, и солнце…

Наш путь разделён пополам,
Он окутан летним ветром.
Старая ива сегодня наполнена светом
Твоих глаз, твоих губ.
Где этот путь, разделённый надвое?
Где путь, отмеченный летними звёздами?
Старые вербы не слышат моих вопросов…

В первую очередь я познакомился с композитором Катажиной Гертнер, которая приехала в Катовице на встречу со мной для работы над песней. Немного позже в рамках программы «Думай – думаю» (Zgadui Zgadula) в наш город приехала и Анна Герман. Я набрался смелости, прошёл за кулисы, представившись автором её самой новой песни.

За кулисами фестиваля в Сопоте, 1966

Это был очень приятный момент: Анна была общительна, деликатна и прекрасна внешне – в красной юбке, с зачёсанными наверх волосами. Она стояла, чуть согнувшись, чтобы не ощущалась разница в нашем росте. В той программе Анна пела песни, которые мне очень нравились – «Бал у Посейдона» и «А когда всё погаснет».

Вскоре Анна уехала в Италию, и в это же время на фирме «Польские награння» вышла маленькая пластинка, так называемая «сорокопятка», с песней «Наш путь», которую Анна записала в студии буквально перед выездом в Италию. Сохранилась и другая версия записи этой песни, сделанная для Польского Радио с оркестром Стефана Рахоня, но она мало звучала и никогда не записывалась на пластинках.

Та самая польская пластинка – «сорокопятка» с песней «Наш путь». Из архива Анны Качалиной

Моя следующая встреча с Анной Герман состоялась также в Катовице, но уже после её реабилитации, в 1970–71-х годах, когда она вновь начала петь и возобновила концерты. Очередной приезд был связан с её совместным выступлением со знаменитым ансамблем «Шлёнск». Также в эти дни был объявлен её сольный концерт в Шлёнской филармонии в Катовице. Я снова осмелился прийти за кулисы, мы много говорили о музыке, о песнях и, конечно, о второй песне, которую я написал специально для Анны.

Не поеду я в Сорренто, не хочу больше возвращаться в те края,
В будний день или в праздник лучше останусь дома, наедине с собой.
Мне не нужны путешествия, ведь мой дом – это весь мир,
Где я могу всё, даже поцеловать польский ветер во время

морской бури.
Не поеду я в Сорренто, не хочу больше возвращаться в те края,
Пусть поезда едут туда быстрее, чем написано в расписании.
Мне не нужен берег морской, окружённый горами и пальмами,
Лучше я буду слушать прекрасную музыку полёта шмеля над цветами мальв…
Ты найди меня под клёном, среди пылающих золотом цветов – ноготков,
Найди меня в камышах, где на лодке в час полнолуния закрутили роман июнь и июль,
А лучше ищи меня в полях, где пробудилась ото сна моя славянская душа!
А воспоминания о Сорренто – пускай они согревают лишь ветер над полями!

Песня «Не поеду я в Сорренто» была полностью моей идеей. Зная, сколько всего Анна вытерпела, с каким трудом возвращала форму, я написал такой стишок и послал ей вместе с письмом. Вскоре я получил очень доброжелательное письмо: текст понравился, и она пишет на него музыку.

Первый раз Анна исполнила эту песню на своём сольном концерте в филармонии в Катовице. Она не знала, что я среди зрителей, и так объявила песню: *«Эта песня написана на стихи молодого студента из вашего города. Сочиняя стихи, он сумел вникнуть и почувствовать ситуацию, которая сложилась в моей жизни после Италии».*

Эту песенку Анна пела на всех своих сольных концертах на протяжении двух лет. Увы, она не записала её ни на радио, ни в студии грамзаписи. Благо, сохранилась запись с сольного концерта Анны в Ополе в 1971 году, теперь она издана и доступна широкому кругу слушателей…

Зофья Юзефович-Чабак, переводчик персидской литературы, подруга певицы (Польша) «От голоса Анны плакали даже иранские дети»

Аня была тёплым и сердечным человеком, очень хорошей подругой. Мы могли говорить о многом: о жизни, обо всём, чем мы занимались – я о своей работе, Аня о своей.

Я перевела несколько стихотворений из современной персидской поэзии, эти переводы Ане понравились. Она выбрала фрагменты стихотворений, к которым написала музыку. Музыку она сочиняла от сердца, по вдохновению. Мы незадолго до этого слушали записи современной персидской музыки, Аня хотела, чтобы характер песен на эти стихи был с восточным оттенком. Так родились четыре прекрасные песни, вошедшие в миньон «Ясный горизонт»: «Зову тебя», «Послушай», «Наша любовь», «Ясный горизонт».

Тот миньон я отвезла в Иран в качестве подарка. Эти записи слушали десяти-двенадцатилетние иранские дети. Естественно, слов они не понимали, так как Аня пела по-польски. И те дети плакали – такое сильное впечатление произвели на них голос и музыка Анны.

… У нас были очень похожие взгляды на жизнь, похожие характеры. Может быть, сказалось то, что мы родились в один и тот же год и в один и тот же месяц – в феврале 1936 года. Между нами всего три дня разницы.

Обложка пластинки «Ясный горизонт», выпущенной в честь 2500-летия Ирана, 1970. Из архива Анны Качалиной

Аня была очень сильным человеком, она много работала, чтобы вернуться к здоровью. Многие друзья старались ей помочь, но в большей степени это была её собственная заслуга, благодаря силе духа ей удалось преодолеть испытания и вновь вернуться на сцену, вновь запеть. И запеть лучше, чем до того.

Когда родился Збышек, она мне говорила, что мечтает дожить до того часа, когда сын станет взрослым человеком. Она

надеялась, что Бог даст ей такую возможность. В её сердце жила надежда воспитать сына…

Аня была очень скромным человеком, несмотря на свою популярность и свой удивительный голос. В эстрадном мире ей было очень тяжело. Люди, окружавшие её за кулисами, были совсем другого плана и устроения, чем она. Только благодаря своей доброте, человеколюбию и любви к пению она могла выжить в мире так называемого «шоу-бизнеса».

Каждое Рождество в нашем доме я включаю записи Ани и слушаю вместе с мужем.

Игорь Якушенко, композитор (Москва) «Это моя жемчужинка…»

Сходятся синие сумерки,
Полные тихими думами.
Так почему-то особенно
В сумерки хочется счастья.

…Вспоминаю концерт Анны Герман во Дворце культуры московского завода «Серп и молот», на протяжении которого я не уставал поражаться, насколько простым и по-человечески тёплым было её выступление. В нём был и юмор, и лёгкость, и увлекательность. Это была работа профессионального артиста со зрителем. Всё, что говорила и пела Анна, шло из глубины её души, поэтому время пролетало незаметно. Никто не ждал от неё шоу, представления. Она умела воздействовать на зрителей другими способами – сердечными.

После концерта я поинтересовался у Анны, почему она не включает в программу нашу песню «Сумерки», которая в тот момент уже вышла на пластинке и звучала на радио. Она улыбнулась и произнесла слова, заставившие мое сердце биться сильнее: *«О-о-о… Это ж моя жемчужинка… Да и нет у меня пианиста, который бы сыграл так, как это сделали вы на записи в студии…».*

Да, я имел счастье творческого сотрудничества с Анной – счастья огромного, но очень короткого. С Аней меня познакомила Анна Николаевна Качалина, которую я и многие композиторы называли «добрым ангелом на пластинках». Это она показала мои песни Анне Герман, которой особенно понравилась песня «Сумерки». Я как сейчас помню эту запись. Аня попросила, чтобы мы записывали «живьём», она не любила делать наложение

голоса на готовую фонограмму. И вот мы в студии: я за роялем, бас-гитарист Игорь Кантюков и барабанщик Александр Симоновский. Аня стоит слева от рояля, мы начинаем играть, я испытываю большое волнение: «Только бы не сбиться, не помешать Анне…». Записали довольно быстро, с нескольких дублей.

В студии московского телевидения, фото из архива Анны Качалиной

После записи я предложил Анне и Анне Николаевне подвезти их, а по дороге у моей машины отказали тормоза… Я как-то справился с ситуацией, но Анне ничего не сказал – не хотелось её тревожить.

Позже она записала ещё одну мою песню – «Кажется» на стихи Льва Ошанина, но на записи я не присутствовал… Увы, эта песня вошла в пластинку «Последняя встреча», когда Ани уже не было с нами…

Надо так мало слов простых,
Я тишину не тороплю.
Может, сорвётся с губ твоих
Слово «люблю», слово «люблю»…

Раиса Птичкина, вдова композитора Евгения Птичкина (Москва) «Песня „Эхо любви“ была записана с первого дубля»

Евгений Птичкин в студии «Мелодия» на записи песен Анны Герман, апрель 1980 года

Покроется небо пылинками звёзд,

И выгнутся ветки упруго,
Тебя я услышу за тысячи вёрст…
Мы эхо, мы эхо, мы долгое эхо друг друга…

Когда мой супруг Евгений Николаевич Птичкин работал над музыкой к фильму «Судьба», он вместе с режиссёром Евгением Семёновичем Матвеевым пришёл к выводу, что главную песню в этом фильме должна исполнять только Анна Герман. Только этот кристально чистый, божественный, ангельский голос нужен был для звучания в фильме.

Клавир песни «Эхо любви» был отправлен в Польшу, и вскоре пришёл ответ от Анны Герман, которая согласилась записать эту песню, когда будет в Москве на ближайших гастролях. В назначенный день в студии «Мелодия» собрался оркестр кинематографии, все ждали только Анну. Помню, я нервно ходила по коридору в ожидании, ну когда же приедет певица, о встрече с которой я мечтала много лет. Я слышала её лишь по радио, была покорена фантастическим исполнением песни «Танцующие Эвридики». И вот Анна Герман появилась на пороге студии. Это была моя первая встреча с ней.

Перед записью шли последние приготовления. Когда Анна была готова, она сказала дирижеру оркестра Владимиру Николаевичу Васильеву: *«Давайте попробуем записать без репетиции, сразу».* Владимир Николаевич был удивлён, помню его большие глаза, но перечить Анне он не стал. Ведь никто из артистов не записывал песни без репетиции, это было рискованно.

Когда оркестр сыграл вступление и Аня запела, мы увидели через стекло аппаратной (комната, где располагался пульт звукорежиссера. – *Прим. авт.),* что у музыкантов на глазах выступили слёзы. Сначала у женщин-скрипачек, а потом и у мужчин. Этот дубль был записан, Аня пришла в аппаратную, чтобы прослушать то, что получилось. Когда слушали запись, снова все плакали – теперь уже слушатели в аппаратной. Евгений Матвеев не сдерживал слёз, и на просьбу Анны записать ещё один дубль он бросился к ней как пантера, обнял её за ноги и умоляюще воскликнул: «Не надо! Нет! Не надо! Это было гениально!». Второго дубля не было. Все были ошеломлены её исполнением. И именно в этом варианте песня «Эхо любви» и зазвучала в фильме, на радио, была издана на пластинках и дисках. Это был единственный в природе студийный дубль этой песни. Потом Анна записала ещё раз «Эхо любви» в дуэте со Львом Лещенко, но именно сольное исполнение, сольный вариант

– это невероятный шедевр, созданный Анной буквально за несколько минут.

В студии «Мелодия», апрель 1980 года. Слева направо: Анна Качалина, Раиса Птичкина, Евгений Птичкин, Анна Герман

Надо сказать, что Евгений Николаевич был знаком с Анной раньше, чем я. Он часто ездил в Польшу, где был председателем жюри конкурса молодых исполнителей на фестивале советской песни в городе Зелёна-Гура. Но после записи песни «Эхо любви» к их дружескому альянсу присоединилась и я, наша дружба стала семейной.

Аня записала несколько песен Евгения Николаевича – «Идёт ребёнок по Земле», «Вы хотели мне что-то сказать…», но некоторые песни так и остались в планах. Например, прекрасная песня «Добрая кукушка» на стихи Татьяны Ульяновой. Я была на премьере этой песни на концерте Анны в октябре 1978 года в зале СЭВ на Новом Арбате *(здание Совета экономической взаимопомощи.* – **Прим. авт.).** Но записать эту песню Аня не успела. Спустя годы её спела Валечка Толкунова:

Добрая кукушка
Долго куковала,
Долго куковала,
Это я слыхала:
Ку-ку, ку-ку, ку-ку.

Это кукованье
Долго я считала,
Долго я считала —
Сто лет насчитала

Дважды во время гастролей в Москве Анечка побывала у нас в гостях, в нашей квартире на Земляном валу. Для нас её приход в гости был очень важен, мы с мамой Евгения Николаевича очень старались накрыть стол лучше, чем это было бы в ресторане. В нашей семье очень любили Анечку – за её простоту, за изящность души, за мягкость и доброту.

В последние годы жизни Анны мы поддерживали связь через Анну Николаевну Качалину, которая сообщала нам о её тяжёлом состоянии. Чтобы поддержать Анечку, московские композиторы, в том числе Евгений Николаевич, записали на кассету несколько своих новых песен и отправили в Варшаву. Это поддержало Анну, но её дни были сочтены, эти песни не были ею исполнены.

Уже в наши дни я много раз принимала участие в вечерах, посвящённых памяти Анечки. А в 2003 году я участвовала вместе с семьёй Анны, с её мамой, мужем и сыном в открытии Рябиновой аллеи имени Анны Герман в Москве, а также в закладке именной звезды на Площади звёзд перед ГЦКЗ «Россия». Со Збышеками – мужем и сыном Ани – я неоднократно виделась и общалась в Москве, это очень тёплые и добрые люди, о встречах с которыми у меня сохранились самые светлые воспоминания.

Римма Казакова, поэт (Москва) «Это был не голос, это был ультразвук»

На фотографии в газете
Нечётко изображены бойцы,
Ещё почти что дети —
Герои мировой войны.
Они снимались перед боем,
В обнимку, пятеро у рва.
И было небо голубое,
Была зелёная трава…

…Это история почти фантастическая. Я дочь профессионального военного, дитя войны, и поэтому военная тема всегда звучала в том, что я писала. Это очень простая песня, из неё обычно вспоминают только две строчки: «По всей России

обелиски, как души, рвутся из земли…».

Анечка записала эту песню и ничего мне не сказала, а теперь я не могу её поблагодарить. Я и знакома с ней по большому счёту не была. Лишь однажды мы встретились в Центральном доме литератора за обеденным столом. Она была победоносно красива, большая, светлая, безукоризненная, и всё-таки вызывала щемящее чувство нежности. Может быть, в ней жило ощущение невольной близкой кончины. И хотя я сегодня впервые слышу эту песню, творчество Анны Герман все эти годы было со мной. Я согласна с Оскаром Фельцманом, который сказал, что Анна Герман – это явление и русской культуры.

Римма Казакова и Анна Качалина на вечере памяти Анны Герман в Доме Литератора, 2002 год

Я задумалась о том, что такое голос Анны Герман? Это не голос – это ультразвук, есть ощущение, что, кроме звучащего голоса, есть какой-то незвуковой ряд. Наверное, сама её душа так вплетается в голос, что он волнует нас и говорит гораздо больше, чем сами звуки.

У меня родились такие стихи:

Твой голос летящий,
Которым открыла,
Что можно без крыльев летать,
Как во сне…
Твой голос, вознесший меня многокрыло,
Твой голос, меня возвращающий мне…
Он будит во мне, как турбинная сила,

Свободу, торжественность и торжество,
Я многое в жизни забыла, простила, срастила,
Вдыхая его… А что в нём?
Всего до конца не постигну,
Живой человек по-живому поёт.
И вроде так просто – поставить пластинку,
Твой голос летящий – мой долгий полёт.

Фото Збигнева Матушевского, Варшава 06.03.1970

Её голос действительно создает ощущение полёта. Анна Герман, Анечка – она была с нами, она сейчас с нами, и она будет с нами, и спасибо ей за этот полёт, за полёт её песни, за полёт наших душ в этих песнях, за всё, что с нею связано…

Рышард Сивы, композитор (Мексика) «Зрители выстраивались в очередь, чтобы подарить ей цветы»

Панайот Бояджиев – композитор, музыкант, сыгравший большую роль в творческой судьбе Анны Герман. Фото из архива Ришарда Сивы

В начале 70-х я познакомился с композитором и музыкантом

Панайотом Бояджиевым, мы вместе делали записи инструментальной музыки на польском радио. В 1974 году Панчо (так мы его звали в кругу друзей) познакомил меня с Анной Герман. Она готовила новую программу для гастролей в СССР, и я с удовольствием решил в этом участвовать.

На Мамаевом кургане в Волгограде с Ришардом Сивы (справа), июль 1975 года. Фото из архива Ришарда Сивы

Меньше чем через год, летом 1975 года, я поехал на свои

первые гастроли в СССР в составе музыкального ансамбля Анны Герман. В июле – августе мы дали пятьдесят концертов в таких городах, как Москва, Ленинград, Минск, Ростов-на-Дону, Астрахань, Ярославль, Тула, Волгоград, Волжский, Рыбинск. Везде – аншлаги.

Почти в каждом городе нам показывали достопримечательности, это входило в нашу программу посещения городов. В Волгограде мы побывали на Мамаевом кургане, увидели потрясающий мемориал и знаменитый памятник «Родина-мать зовёт!», на фоне которого сфотографировались. А вот после концерта во Владимире нас возили на экскурсию в старинный Суздаль. Очень жаль, что у меня не сохранилась видеоплёнка, на которую я снимал все наши экскурсии.

На экскурсии по Мамаеву кургану в Волгограде, второй справа Р. Сивы, июль 1975. Фото из архива Ришарда Сивы

Второй раз я побывал с Анной в СССР в октябре 1977 года. В Донецке проводился фестиваль советско-польской дружбы, куда я был приглашен в составе ансамбля трубачей оркестра польского радио. Мы аккомпанировали Анне четыре песни, которые она пела в сборной программе. К этим песням я делал аранжировки

на четыре трубы, бас-гитару, перкуссию и синтезатор.

Наша третья совместная поездка была непродолжительной: весной 1978 года мы дали совместный концерт в Посольстве Польши в Москве, в ЦДРИ, съездили в Пятигорск.

Четвёртый раз я побывал с Аней в Советском Союзе осенью 1978 года. Наше турне проходило в Ленинграде, Одессе, Москве и Звёздном городке. В тот приезд мы побывали дома у Владимира Шаинского – он устроил обед в нашу честь. Другой приём был после концерта в Звёздном городке, где после концерта для узкого круга людей состоялся торжественный ужин, на котором Аня и я были главными гостями.

Последний раз я видел Анну в студии польского радио, когда она записывала песню Панчо Бояджиева «Возьми меня, как кота в мешке» с моей аранжировкой. Вскоре я уехал из Польши в Мексику, где живу по сей день.

Популярность Анны в СССР трудно переоценить и сложно передать словами: залы на 2000–5000 зрителей всегда были полны. Зрители выстраивались в очередь, чтобы подарить ей цветы. А сколько писем и записок приносили после концерта в гримёрку! Пачками! Когда Аня приходила в ресторан, ей не давали спокойно поесть – тут же выстраивалась очередь из желающих получить у неё автограф. Поэтому она, как правило, ела прямо в гостиничном номере. Помню, как-то мы пришли в ювелирный магазин, и Аня хотела купить серёжки, так продавцы повесили на дверь табличку «Учёт» и обслуживали только её! Это исходило не от Анны, просто люди везде к ней относились с большим вниманием и трепетом.

После концерта в Звездном городке Анна Герман, Ришард Сивы, генерал Г. Береговой и др., 1979 год. Фото из архива

Ришарда Сивы

Последняя польская прижизненная пластинка Анны Герман, записанная при участии Р. Сивы

Последняя прижизненная пластинка Анны, выпущенная в Польше, – это наша совместная работа. Она записала одиннадцать песен с оркестром под моим управлением. К шести из этих песен я делал аранжировки. Тексты песен «Только в танго» и «Кругом кипит лето» мне принесла сама Аня, а я сочинил к ним мелодии. Мелодия песни «Отыскать мир» родилась, когда я был на учебе в Бостоне. Ане не хватало песен на пластинку, и я показал ей эту мелодию. Она оказалась слишком короткой для полноценной песни, и мы вместе с Аней прямо у неё дома сочинили оставшуюся музыкальную часть. Потом поэт Марек Даньян написал очень красивые стихи на готовую мелодию.

Аня осталась в моей памяти как человек эмоциональный, впечатлительный, при этом независимый, с большим человеческим достоинством; она была очень трудолюбивой, всегда стремящейся к совершенству, и главное – необыкновенно

музыкальной.

Михаил Пляцковский, поэт-песенник (Москва) Эвридика

Между Анной Герман и Михаилом Пляцковским были тёплые дружеские отношения. Певицу и поэта познакомил Александр Жигарев. На своих последних концертах в СССР Анна исполняла песню «Двойка за весну» на стихи Михаила Пляцковского.

После ухода Анны Герман из жизни было опубликовано его стихотворение «Эвридика», посвящённое памяти выдающейся певицы:

Поёт в окне напротив пани Анна,
А музыка то тише, то слышней,
И выплывает, словно из тумана,
Моё воспоминание о ней…

После концерта в московском ЦДРИ 12 марта 1980 года. Слева направо: Анна Герман, Людмила Ивановна Качалина, Богумила Витомская, Михаил Пляцковский. Фото Валерия Смирнова

И голос, что записан на пластинке,
Все звуки остальные заслоня,
В который раз, как прежде, по старинке
Невыразимо трогает меня…

Как эта интонация знакома,
Как эта нежность хрупкая мила,
Среди эстрадно-песенного грома
Она такой заметною была…

И вспомнилось, как в первый раз с экрана
Свою нам спела песенку она,
Та польская певица пани Анна,
Чей слышится мне голос из окна…

Спокойно, без нажима и без крика
И вроде без особого труда
Нас покорила сразу «Эвридика»,
Обворожила – раз и навсегда.

Не сладко, нет, не сахарно-медово,
На сцене пела честно и светло
Высокая варшавская мадонна,
Дарящая надежду и тепло.

Но есть, увы, у каждой жизни сроки,
Какой бы прочной ни казалась нить,
Ей, уцелевшей в автокатастрофе,
Не удалось тех сроков изменить…

С конвертов миллионов грампластинок
Глядит её знакомое лицо —
Той, для которой, откружив, застыло,
Остановилось жизни колесо.

И всё же, всё же, как это ни странно,
Живую душу в голосе храня,
Поёт в окне напротив пани Анна
По-прежнему для всех и для меня!..

Оскар Фельцман, композитор, народный артист России

(Москва) «Анна спела лучше, чем я сочинил»

В 60-е годы в СССР часто приезжали гастролёры из стран народной демократии: Чехословакии, Румынии, Югославии, Польши…

Среди этих артистов было немало хороших исполнителей, но не было ни одного, кто бы понимал русскую музыку и русскую культуру так глубоко, как Анна Герман. У неё можно было учиться правильному красивому русскому языку, вдохновенному исполнению поэзии.

Мы познакомились, когда Анна готовилась записать самую первую пластинку на «Мелодии». У неё было мало песен в репертуаре. Тогда она блистала с красивой мощной голосовой песней «Танцующие Эвридики». Я предложил Анне две лёгкие песенки: шуточную «Двое» на стихи Игоря Шаферана и романтическую «Снежана» о любви русского парня Ивана к болгарской девушке Снежане:

Снежана, Снежана, Снежана,
Летят лепестки, словно снег.
В Москве о тебе постоянно
Тоскует один человек.

За кулисами фестиваля в Сопоте, август 1965 года. Фото Александра Ялосинского

Такие песни о дружбе народов были очень востребованы в 60-е годы. Анна спела её легко и светло, что сделало песенку очень симпатичной и милой.

…Анна была особенным человеком, без наигранности, свойственной артистам. Она была олицетворением польского духа. Помню, однажды в Варшаве я приехал к ней домой, хотел навестить, зная, какую аварию она пережила. Дверь открыл её муж, он попросил подождать, а сам пошел сказать о моём визите Ане. Он вернулся смущённый и сказал, что она не сможет меня принять. Видимо, она не хотела, чтобы я видел её «не в форме», больной.

Если бы Анна Герман была сейчас жива, у неё всегда были бы аншлаги. Потому что у людей есть потребность в хорошей, искренней, настоящей музыке.

Однажды я задумался: а что в Анне Герман было особенного,

отличавшего её от других исполнительниц? За что мы её так любим? Разве было в её образе что-то неординарное, вызывающее, привлекающее внимание? Нет, она просто пела! Выходила на сцену и пела! И этого было достаточно! Не нужно было платьев от модных модельеров, лишнего антуража на сцене. Только она одна – и это было потрясающе!

В 70-е, на пике популярности, Анна записала ещё две мои песни. «Ты, мама» родилась на стихи узбекского поэта Раима Фархади, русский перевод сделал поэт Игорь Кохановский, который дружил с Анной и написал для неё немало песен. Вторая песня – также на стихи Игоря Кохановского – «Возвращение романса»:

Я вас люблю, я думаю о вас,
Вы для меня смятение отныне.
Я вас люблю, я думаю о вас
И повторяю в мыслях ваше имя…

Я старался присутствовать на записи многих своих песен – боялся, что музыканты что-то не так сыграют, изменят темп или что-то ещё… Но так получилось, что «Возвращение романса» Анна записала без моего участия.

«Возвращение романса» звучит в исполнении Анны в сопровождении рояля. Помню свою реакцию на самое первое прослушивание этой записи: «Хорошо, что меня там не было, я бы только помешал, всё бы испортил». Анна Герман спела лучше, чем я сочинил. Она не изменила ни одной ноты, но её подача этого произведения была настолько одухотворенной, филигранной и проникновенной, что создало потрясающее впечатление. Это как два художника, которые рисуют один и тот же предмет – у одного картина выходит красивой, красочной, но обычной, а у другого – наполненной внутренним светом и содержанием. Так и Анна – она пропустила этот романс через свою душу, добавила в него «высокий стиль», интеллигентность, благородство. В нём слышна безграничность её таланта.

Александр Вратарёв, поэт (Киев) Неспетое танго

Вторая половина 60-х годов XX века. Москва. Знойный летний полдень. В старом дворе на улице Станкевича сижу с поэтом Леонидом Дербенёвым на скамейке в тени кирхи – лютеранской церкви. Но в этом готическом здании из красного кирпича уже давно не молятся. Здесь помещается Всесоюзная студия

грамзаписи «Мелодия». Дербенёв пришел на «Мелодию», чтобы встретиться с молодой польской певицей. Она запаздывает. И вдруг мрачноватый дворик кирхи как бы просветлел, и даже неподвижные кленовые листья зашелестели на свежем ветру. По асфальту, стуча каблучками, в лёгком платье в продольную голубую полоску быстро шла высокая русоволосая девушка.

– Вот, – сказал Дербенёв и протянул ей сборник, – я принёс русский текст.

На сцене фестиваля польской песни в городе Ополе, июль 1965 года

В сборнике была напечатана песня «Танцующие Эвридики» – первая песня Анны Герман, которая облетела весь мир. Анна читала и напевала одновременно.

– *Спасибо большое. Просто замечательно!*

Дербенёв расцвёл.

– *Замечательно, но… Что это – «и на всех континентах»… «это мысль, это чувство, это просто искусство». Леонид, это же не стихи Дербенёва, это текст Дербенёва. А где Орфей? У Катажины Гертнер в оригинале есть Орфей, который поёт, и поэтому к нему прилетают Эвридики.*

Дербенёв помрачнел.

– Анна, это не буквоедский перевод, это моя версия.

– *А, версия, ну пусть будет такая версия… Хорошо… Очень красиво…*

В тот солнечный день Анна радовалась, что завтра с группой польских артистов уезжает в Крым – работать и купаться в Чёрном море. Но из-за этого у неё срывалась запись пластинки в Москве, и это её очень огорчало.

– *И, кроме того,* – сказала она, – *у меня нет такой южной темпераментной песни, такого танго, что ли…*

И вдруг я сказал:

– Танго «Анна»…

– *Красиво,* – засмеялась Анна, – *очень красиво. Танго «Анна»! Так напишите мне такое немного жеманное танго.*

Голос Анны Герман в далёкие 60-е летел впереди всех авиарейсов, которыми она прибывала в разные страны. Звонкая слава обгоняла её…

Прошли годы… 31 декабря 1978 года позвонил мой московский соавтор Роман Майоров: «Обязательно смотри "Огонёк"!»

Майоров служил одно время музыкальным редактором передачи «С добрым утром» и прекрасно знал стиль руководства тогдашнего председателя Гостелерадио Лапина. Он лично рецензировал тексты всех песен в престижных передачах. Вырезать любую песню могли в самый последний момент. И вот где-то в третьем часу ночи ведущий «Огонька», молодой и кудрявый Николай Караченцов, произнёс: «Композитор Роман Майоров, стихи Александра Вратарёва – "Акварель". Поёт Анна Герман».

Едва началось оркестровое вступление (а сердце моё ещё колотилось где-то в горле) бешено затрезвонил телефон:

– Ты слушаешь?

– Ты смотришь?

– У тебя включён телевизор?
На третьем звонке я швырнул трубку:
– Родимые, дайте послушать!
Анна Герман пела божественно. Голос проникал в душу.

Съемки на московском телевидении. Фото Николая Агеева

Как жаль, что мы не дарим снов,
Они порой правдивей слов…

Я дарю тебе на память алый шар,
Небо словно голубая шаль.
Как слова моих признаний – алый шар,
Над землёй зелёной он летит вдаль.

Утром позвонил Рома из Москвы:
– Что у тебя с телефоном?
– Я выдернул штекер.
– Идиот, тебе звонила Аня.

Ровно через год, в январе 1980-го, расклейщики афиш

обрадовали киевлян: «Дворец „Украина“ – Анна Герман!». Для города это было событием. Я работал тогда с Алексеем Семёновым. Композитор он хороший – мелодист, лирик, но с некоторым фольклорным уклоном. И танго «Анна», которое мы попытались сочинить с Лёшей к приезду Анны Герман, не удалось. Но вроде бы получилась другая песня – «Не называй меня соловушкой». Отгремели аплодисменты. Мы с Алексеем проникли за кулисы на третий этаж. Возле двери с прикнопленным листочком «Анна Герман» топтался изрядный табунок киевских композиторов, поэтов, газетчиков, артистов, почитателей. Но охранники стояли насмерть, не впускали никого. Толпа расступилась, когда девушка в белом переднике торжественно пронесла на подносе исходящий паром фарфоровый чайник. Для таких девушек Алексей моментально находил верный, эдакий отеческий тон:

– Милая, скажи Аннушке пароль: «Акварель», автор пришел.

Девушку с чайником впустили в комнату. Почти сразу же дверь отворилась снова и появилась Анна Герман. В дверном проеме она была не просто высокой – она была высоченной.

– *Вратарёв?* – сказала она вопросительно.

Мы встретились глазами.

– *Заходите.*

Народ безмолвствовал. Мы с Лешей зашли и глядели вверх. А как же ещё…

Она засмеялась:

– *Что, я дылда, да?*

Усадила нас. Бледная… Синие-синие глаза… Нездешние… Волосы после концерта завязаны узлом.

– *«Акварель» – чудная песня. Этот образ – летящий алый шар над зеленой Землей… Акварель любви… И Роман такую музыку написал… Неземную какую-то.*

– Вы знаете, Анечка, он и вправду её в самолете придумал. Смотрел на облака в иллюминаторе – и музыка пришла. А до того полтора года стихи у него лежали.

– *Теперь я понимаю, почему сама начала музыку сочинять. Всё время в самолете.*

Посмеялись.

Я спросил:

– А вы помните – тысячу лет назад на студии «Мелодия» в Москве?..

– *О, тогда всё только начиналось… Я была тогда молодая и сильная… И красивая!*

– Ну что вы, Анечка, вы стали ещё красивее.

Лихой Леша сразу же перешел на «ты»:

– Аннушка, мы хотим показать тебе новую песню.

Он подсел к фортепиано…

– Добже… Красиво… Но почему все приносят мне только печальные песни?

И вдруг спросила меня:

– А где танго «Анна»? У вас было достаточно времени…

– Слова я написал, Анечка…

– Вот что я сделаю… Заберу эти стихи и сама придумаю музыку. В самолете или в поезде.

На крышке фортепиано стояли аптечные пузырьки. Разговаривая, она капала лекарство в стакан.

– Я сделаю программу только из весёлых песен и назову её «Когда цветут сады» или «Ждите весну». Нет (глаза её вспыхнули синевой), *я назову программу «Танго „Анна“», Красиво!*

Ах, танго «Анна»,
Ах, танго «Анна»,
Над морем льётся
Голубой хрустальный звон…

Через несколько лет музыку для танго «Анна» написал блестящий композитор Игорь Поклад. Первым эту песню исполнил Юрий Богатиков. До сих пор эту песню поет Иосиф Кобзон и другие замечательные певцы. Но иногда я ловлю себя на том, что каким-то непостижимым образом ко мне приходит голос Анны Герман… Я не рассказывал Игорю эту историю. Но хорошая музыка всегда колдовство… На Земле истинные звёзды долго не живут. Их ждет высота. С небес они светят нам вечно.

Артисты

Алла Иошпе и Стахан Рахимов, народные артисты России (Москва) «Мы называли её Анечкой»

В нашей семье мы называли её не иначе как Анечкой. С самых первых минут, как только мы услышали её серебряный голос благодаря телевидению, между собой стали называть её только так – Анечка. Точно также мы обращались к ней и потом, когда уже познакомились.

Когда впервые прозвучали «Танцующие Эвридики», это было что-то невероятное, мы не слышали такого раньше – словно поток серебра лился с неба! Она пела, будто дышала. А её красивый внешний облик, эти прекрасные русые волосы добавляли ей неповторимый шарм и обаяние.

В 1973 году, когда наша популярность в СССР была уже большой, наш дуэт отправили в Польшу, на фестиваль в город Зелёна-Гура, где мы были гостями заключительного концерта. И там же выступала Анечка Герман. У нас даже была совместная гримёрная, прямо на улице в специальном шатре. Мы разговорились, я выразила восхищение её талантом и небесным голосом. Анечка тут же позаботилась, чтобы нам принесли горячий чай, плед, так как было прохладно. Это была удивительная забота, с которой я никогда более не встречалась, находясь рядом с другими артистами.

Уже после фестиваля мне позвонила другая Анечка – Качалина – и спросила: «Алла, ты можешь одолжить своего узбека?». Я удивилась. Аня объяснила: «Скоро на гастроли приезжает Анечка Герман и будет записывать новые песни, среди которых есть один очень симпатичный дуэт. Ане предложили несколько вариантов, с кем можно это записать, и она сказала: *«Я бы хотела со Стаханом, если только не возражает Алла»*. Конечно же, я возражать не стала, обеих Анечек мы очень любили, и вскоре Стахан записал в студии свою партию в этом дуэте – «Ты, только ты».

Сама по себе песня не вызвала у меня особенного восторга, но когда я услышала готовую запись, как поют Анечка Герман и мой Стахан, то убедилась, что эта песня очень хороша именно для их дуэта. Как это обычно бывает, рождение дуэта породило и новые слухи, меня стали спрашивать, как я могла разрешить своему мужу петь с другой женщиной. Я всех успокаивала, говоря, что я ничем не рисковала и абсолютно доверяю и мужу и Анечке.

Ещё одна наша встреча была связана с гастрольной поездкой в Варшаву. Мы приехали по приглашению польского телевидения на съемки и, конечно же, позвонили Анечке. «Госконцерт» даже предоставил нам возможность быть в Варшаве на один день

больше запланированного времени, чтобы мы могли увидеться с Анечкой. Она недавно стала мамой, у неё родился сынишка Збышек, и мы очень хотели на него посмотреть. Так мы попали к ней домой – в маленькую скромную квартирку. Збышек в этот момент спал, Анечка только приоткрыла дверь и показала нам его спящим в кроватке.

В последние годы её жизни, когда ситуация в Польше была напряженной, когда царило время Солидарности, мы, зная о тяжелом положении в стране, иногда отправляли в Варшаву с оказией небольшие посылки. Может быть, Аня и не нуждалась в этой помощи, но она была ей приятна, она передавала нам самые искренние слова благодарности через Аню Качалину.

Анечка Герман оставила в моей жизни ощущение света, серебра и теплоты. Я написала о нашей дружбе в своей книге и храню память о ней в своём сердце.

Стахан Рахимов

Для меня, как и для миллионов советских слушателей, Анна Герман впервые прозвучала с песней «Танцующие Эвридики». Шла трансляция фестиваля в Сопоте, и вдруг зазвучал её фантастический, космический голос. Сказать, что я был в шоке от её голоса, не сказать ничего. Это было состояние восхищения и восторга, которое сохранилось во мне на долгие годы.

В начале 70-х, когда Анечка была уже очень популярна в СССР, ко мне обратилась её близкая подруга Анна Качалина, редактор студии «Мелодия», с просьбой, чтобы я записал дуэт с Анной Герман. Алла дала добро на этот дуэт, я быстро выучил эту лёгкую польскую песенку «Ты, только ты» с русским текстом Игоря Кохановского и вскоре записал её в студии. Запись мгновенно разлетелась по Советскому Союзу – зазвучала в магазинах, кафе, в поездах. Хитом она не стала, но некоторое время была очень популярной. И это единственная песня в истории нашего семейного дуэта, когда я спел не с Аллой Иошпе, а с Анечкой Герман. У меня записано огромное количество песен вместе с Аллой и лишь одна – с Анной.

Алла Иошпе и Стахан Рахимов на фестивальной сцене в Зелена-Гуре, 15 июня 1973 года

Ты, только ты знаешь тайны счастья,
Ты, только ты любишь так прекрасно.
Ты, только ты даришь мне заботу,
Ты, только ты веришь мне охотно.

Как слушатель, который слышал немало песен Анны Герман, хочу особенно отметить песню «Надежда», насколько удивительно она её спела. В песне три куплета, и каждый из них она поёт с новыми интонациями, с новым посылом. Каждый раз, исполняя это, казалось бы, простое слово «надежда», она произносит его по-разному. В её «Надежде» слышна и надежда, и утверждение, и мечта, и желание. Эту песню спели многие советские артисты, но никто не спел лучше, чем Аня.

От исполнителя зависит очень многое, зависит судьба песни. Я помню, как к нам в гости приехал ленинградский поэт Миша Рябинин вместе с Володей Шаинским, и они показывали Алле свою новую песню «Один раз в год сады цветут». Песня показалась Алле поверхностной, она не нашла в ней себя и отказалась её исполнять, а спустя некоторое время «Сады» записала Анечка Герман, и в её исполнении она зазвучала буквально из каждого окна. Я тогда спросил Аллу, не жалеет ли она, что отказалась от такой хитовой песни, на что она мне

ответила: «Ничуть. Ведь если бы её спела я, она бы не стала такой популярной. Она была предназначена для Анечки».

Я был свидетелем невероятного успеха Анечки в Советском Союзе. К нам ведь приезжали многие зарубежные артисты с прекрасными голосами – Карел Готт, Хелена Вондрачкова, но, когда на сцене появлялась Аня Герман, зал просто сходил с ума. У меня до сих пор при упоминании её имени на сердце становится тепло. Более светлого, мягкого, чуткого человека я не встречал. Анечка – это божественное создание.

Фрагмент письма Анны Герман к Анне Качалиной:

«Дорогая Аничка! Только что я попрощалась с Аллой и Стаханом… Мы посидели, поговорили, как будто мы всю жизнь были друзьями. Во всём мы поняли друг друга, и даже Збышек всё понял. Если не словами – то сердцем. Очень было хорошо, так легко и тепло. А мне казалось, что я побывала в Москве и вот-вот ты постучишь в дверь и войдешь к нам. Ну и только наш Воробушек подкачал. Взял и не проснулся. Алла и Стахан посмотрели на него только, как он спал, и потом нас поругали, что ребенок голодный… Он, когда спит, тоже делает вид, как будто кушает что-то вкусное» (5 марта 1976 года).

Эдуард Хиль, народный артист России (Санкт-Петербург) «Я считаю Анну своим ангелом-хранителем»

…Я впервые услышал Анну Герман в 1964 году, на Международном фестивале в Сопоте, когда она исполняла «Танцующие Эвридики». Этот конкурс транслировало советское телевидение, его смотрела вся страна, благодаря чему в один момент Анна Герман стала невероятно популярной, а песня «Танцующие Эвридики» стала суперхитом.

В 1965 году я участвовал в этом же конкурсе, представляя Советский Союз. Фестиваль проходил в течение четырех дней: с 5 по 8 августа. Я участвовал в трёх конкурсных программах.

5 августа был Международный день, в котором участвовали конкурсанты из Израиля, Италии, Голландии, Дании, Греции, Канады… Я исполнял песню Андрея Петрова «Я шагаю по Москве». 6 августа, в День польской песни, я исполнял композицию польского автора Марека Сарта «Раз, только лишь раз» (Raz jedyny raz). А 7 августа пел в концерте «Песня без границ» песню Аркадия Островского «Песнь о любви».

Анна принимала участие только 6 и 7 августа – в Дне польской песни и в концерте «Песня без границ». Для меня самым

ответственным было участие в конкурсе польской песни, так как в этот же день песню «Раз, только лишь раз» представляли ещё два конкурсанта – певица из Мексики и певец из ГДР. У каждого была своя аранжировка, свой вариант песни, поэтому риск был большой. Перед выступлением я очень нервничал, это заметила стоявшая неподалеку Анна. Она подошла ко мне, с высоты своего роста приобняла меня за плечи и спросила: *«Что ты так нервничаешь? Ты хочешь победить в этом конкурсе?»*. Я ответил: «Кто ж не хочет победить? Но шансов мало, так как мою песню поют ещё двое конкурсантов». В тот момент Анна указала мне на пустой угол и сказала: *«Видишь угол? Встань туда и помолись. Попроси Бога, чтобы он тебе помог сегодня победить. И всё будет хорошо».*

Анна Герман, композитор Катажина Гертнер и Эдуард Хиль за кулисами международного фестиваля песни в Сопоте, август 1965 года. Фото Александра Ялосинского

Я сделал так, как она сказала: встал в тот угол и, как умел, помолился…

Через несколько минут конферансье Люциан Кыдринский объявил мой выход, и я запел свою песню. В зале начали громко скандировать, аплодировать. Люциан стоял за кулисой и ждал, что же будет дальше. Оркестр уже готовился к следующей песне, а зрители просто-напросто не отпускали меня и кричали: «Ещё,

ещё!». Так в тот вечер я был единственным участником, кого публика вызвала «на бис».

Я стал лауреатом фестиваля, получил вторую премию… Когда уходил со сцены, встретился с Анной. Она искренне порадовалась моему успеху. С тех пор считаю Анну Герман своим «ангелом-хранителем». Ведь если бы не её поддержка, не её совет помолиться перед выступлением, я уверен, что не стал бы лауреатом этого престижного в то время фестиваля.

За кулисами фестиваля в Сопоте, август 1965 года. Фото Александра Ялосинского

В 60-е годы я несколько раз приезжал в Польшу с гастролями, участвовал в сборных концертах, в которых иногда принимала участие Анна. Мы много общались на таких концертах. Анна обожала говорить по-русски. Как-то я её спросил, откуда польская певица знает в совершенстве русский язык, и она ответила: «Л *я ведь не полька. Я родилась в России, мои родители всю жизнь прожили в России. Я выросла с русской речью, с русскими*

песнями…». Анна рассказывала мне о своей семье, о том, что её отца расстреляли, и как тяжело перенесла это её мама. Рассказывала о том, что если бы она осталась жить в СССР, то ей бы пришлось все время скрывать своё голландское и немецкое происхождение. Я тогда удивился её откровенности. Но, видимо, она увидела во мне друга, человека, которому можно доверять.

На одном из таких концертов я исполнил песни «Синева» и «Как хорошо быть генералом». Эти песни написал композитор Вадим Гамалия, с которым Анечка дружила. Её первые гастроли в СССР проходили в сопровождении его оркестра. Вадим был потрясающим аранжировщиком и замечательным мелодистом. После выступления Аня спросила меня, что за песни я исполнил. Я ей сказал, что это песни Вадика. Она так обрадовалась, говорит: *«Какой ты молодец, что поешь его песни! Они замечательные! Особенно „Синева“… Я бы её тоже смогла спеть…».*

Как-то во время гастролей по Польше случилась такая ситуация: мы выступали в какой-то совместной сборной программе. Я от СССР, Анна от Польши, Георгий Кордов от Болгарии и т. д. После одного из поздних концертов, когда все рестораны были закрыты, а Анна проголодалась, я пригласил её в нашу компанию: мы достали кипятильник, какие-то кружки и в таких «походных» условиях приготовили ужин, нарезали колбасы. Я удивился тогда, что Анна не побрезговала и спокойно с нами принялась кушать какой-то растворимый суп и сваренную в миске картошку.

Всегда, когда кто-то произносит её имя или я слышу по радио её голос, я вспоминаю эту добрую искреннюю женщину, которую в душе называю «мой ангел-хранитель».

Лев Лещенко, народный артист России (Москва) «Она появилась, как комета, и исчезла, как комета»

Моё знакомство с Анной Герман состоялось благодаря радио. Я услышал её голос и был очарован его красотой и необыкновенностью. В те годы в эфире звучали многие исполнители, их манера зачастую была открытой, гражданской, пафосной. В голосе Анны этого не было. Она привлекала совсем другим – небесной лёгкостью.

В 1977 году я впервые увидел её в Останкино, это было на съёмке Международной программы «Голоса друзей». Анна была уже суперзвездой, и для меня было счастьем стоять с ней на одной сцене и принимать участие в одной программе.

Анне Герман удалось, будучи формально иностранной

исполнительницей, встать в один ряд с главными советскими эстрадными звездами – Софией Ротару, Муслимом Магомаевым. Она входила в пятёрку лучших певиц Советского Союза, у неё была огромная аудитория, которой не было даже у Аллы Пугачёвой. Когда говорят, что она покорила сердца миллионов слушателей, – это правда. Люди сходили с ума от её голоса.

Вспомните, как звучит её голос в песне «Эхо любви»: он парит, возвышаясь всё выше и выше, и потом вновь спускается к нам на землю. В её тембре заложен необыкновенный эффект небесного звука. Именно поэтому наш с ней дуэт «Эхо любви» так понравился зрителям. В нём были соединены две противоположности: мужской доверительный голос и летящий в небо, парящий в облаках женский. Это создавало удивительную гармонию дуэта.

Анна Герман и Лев Лещенко на съемках программы «Шире круг», московское телевидение. Фото Алексея Агеева

Удивительна и история записи этого дуэта. Мы не встречались в студии. Анна записала свою партию в студии отдельно, а я спел свою партию в другой день. Спасибо

звукорежиссёру, который тонко и деликатно соединил наши голоса в дуэте, и это зазвучало!

На съёмке телепрограммы «Песня-77» в Останкино я придумал мизансцену, чтобы наш дуэт красиво смотрелся в кадре: я стоял на возвышении на ступеньках, а Анна – на краю сцены. Между нами было расстояние, и это ещё сильнее усиливало впечатление от песни: красивая Анна с её главной голосовой партией на первом плане, в золотистой шали, и я, стоящий вдали на возвышении и чуть в затемнении… В этой мизансцене камера хорошо уловила эффект «эха» в нашем дуэте.

На съемке международной программы «Голоса друзей» в Останкино, 18 марта 1977 года. На сцене среди участников – Анна Герман, Лев Лещенко, Роза Рымбаева и др. Фото Бориса Вдовенко

А однажды мне даже довелось побывать у неё дома. Я приехал с делегацией в Варшаву в рамках очередных культурных связей, и Анна пригласила нас к себе. Помню этот домик на окраине Варшавы, Анна накрыла стол, очень тепло нас принимала, как настоящая хозяйка. В ней ничего не было от эстрадной звезды, а её дом показался мне очень уютным, каким-то не европейским, а скорее русским.

Она была простым человеком, видно было её хорошее воспитание; она никогда не диктовала свои условия ни на съёмках, ни на концертах. Это была птица высокого полёта. Она появилась, как комета, и исчезла, как комета.

Валентина Толкунова, народная артистка России (Москва)
Добрый талант Анны Герман

Мне не раз приходилось встречаться с Анной на концертной эстраде, за кулисами, и всегда меня поражали скромность, естественность, тонкость исполнительского почерка, редкая деликатность и доброжелательность в общении с людьми, сердечность её характера.

В СССР и в Польше слушатели высоко ценили её талант. Благодаря Анне Герман многие замечательные песни советских композиторов стали любимыми и популярными, она давала песням путёвку в долгую творческую жизнь.

Анна была очень приятным собеседником – было видно, что она глубоко знала не только музыкальное искусство, но и литературу, хорошо разбиралась в живописи. Помню её восторги по поводу некоторых советских фильмов. Иногда мы делились между собой «женскими тайнами» – у нас обеих родились сыновья: у Ани Збышек, у меня Коля, и нам, как двум молодым матерям, было о чём поговорить.

Валентина Толкунова на вечере памяти Анны Герман в ЦДРИ, февраль 2003 года. Фото Анатолия Рухадзе

Её голос – единственный и неповторимый. Его невозможно изобразить, воссоздать, спародировать. Она пела так, что слушатель понимал, чувствовал, переживал каждое слово, каждый песенный сюжет. В каждое исполненное произведение она вкладывала частицу своего сердца. Я бы охарактеризовала Анну Герман так: добрый талант.

P.S. В последние годы своей жизни Валентина Васильевна много раз принимала участие в концертах, посвящённых памяти Анны Герман. Эти концерты проходили не только в Москве, но и в Минске, Владимире, Иванове… Каждое выступление Валентины

Васильевны в этих программах зритель ждал особенно, ведь для всех Анна Герман и Валентина Толкунова были символами доброты, чистоты, нежности.

После одного из концертов Валентина Толкунова сказала: «Это большое счастье, когда артист заслужил такую память – полные залы, множество концертов. Люди приходят слушать песни Анны Герман уже в исполнении других артистов. Может быть, когда я уйду, меня тоже вспомнят добрым словом…».

О Валентине Толкуновой, как и об Анне Герман, осталась добрая память. Этих двух певиц зритель часто сравнивал, говоря о хрустальности голосов. Валентина Васильевна не любила сравнений. Но звукозапись сохранила несколько песен, которые исполняли обе эти замечательные певицы: «Идёт ребенок по Земле», «Реченька туманная», «Город влюблённых», «Добрая кукушка» и другие. Репертуар их пересекался неслучайно, так как была между ними невидимая нить, и эта нить – их добрый талант.

И. И.

Иосиф Кобзон, народный артист СССР (Москва) «"Надежда" – это её личная песня»

Наше знакомство с Анной состоялось в 1964 году в Сопоте, во время знаменитого Международного фестиваля песни, который проходил в Лесной Опере. Фестиваль проходил в два этапа – конкурс и финал. Анна была кон-курсанткой с польской стороны, а я – с советской. Фестивальные дни были полны не только репетициями и творческими встречами. Был август, погода была прекрасная, и мы все бегали на Балтийский берег, где загорали и купались. Обеды и ужины проходили всегда совместно, все конкурсанты питались вместе.

Не обратить внимания на Анну было невозможно – высокая блондинка, с благородными чертами лица, с невероятно сильным пронзительным голосом. Она пела песню «Танцующие Эвридики», и мир был у её ног. Её награда на том конкурсе была неоспоримой.

С Александрой Пахмутовой в гостинице «Москва», 10 июня 1974 года. Фото Михаила Пазия

В начале 70-х Александра Пахмутова предложила мне исполнить несколько новых песен. Среди них, как оказалось позже, была и песня «Надежда», но я почему-то не обратил на эту песню внимания. Я уехал на гастроли, учил новые песни, а когда вернулся в Москву, услышал по радио знакомый голос Анны: «Надежда – мой компас земной, а удача – награда за смелость…». Тут я вспомнил, что это та самая песня, которую я не выбрал. Это единственный случай в моей карьере, когда я жалею, что не заметил песню. Но при этом согласен, что «Надежда» – это личная песня Анны Герман, она её исполнила просто превосходно!

При той красоте, которой обладала Анна, она пользовалась огромной популярностью у мужчин. Многие хотели с ней познакомиться, но она никогда не позволяла в отношении себя фамильярность. Её «оружием» в этом смысле была лишь улыбка. Такой она мне запомнилась – открытой, расположенной к общению, добродушной.

У неё был инструментальный голос, очень чистый интонационно, словно флейта. Поэтому самое ценное, что осталось после неё – это записи, сохранившие очарование её голоса. Уходят люди, поколения, а через много лет кто-то услышит её необыкновенный голос и спросит: «Кто это?» – и заинтересуется, и память вновь оживёт.

Галина Невара, заслуженная артистка Казахстана и Украины

В 70-е годы я работала солисткой филармонии в Алма-Ате. Тогда в моём репертуаре было много песен советских и казахских композиторов. Манера исполнения моя всегда была лирической, мне нравились грустные распевные песни. Хотя мода требовала исполнения и шлягеров. В те годы артисты в филармониях были востребованы, поэтому каждый год я со своим ансамблем готовила новую программу, в которую обязательно входили известные песни.

На сцене московского ДК «Серп и Молот», 11 апреля 1979 года. Фото Анатолия Ломохова

В самом начале моей творческой деятельности я услышала от людей, что мой голос напоминает тембр Анны Герман. Я, удивившись такому сравнению, стала более внимательно прислушиваться к песням Анны. Напевая одну, потом другую, я стала понимать, что эти песни мне близки, словно родные, словно я их всегда пела. Я взяла в свой репертуар несколько песен и стала петь их в концертах. Но меня мучил вопрос: «Правильно ли делаю?». Мои сомнения могла разрешить только сама Анна. И однажды на московском телевидении я увидела её, идущую по коридору. Но то ли от скромности, то ли от неожиданности, я не

вымолвила тогда ни слова.

Вскоре Анна приехала на гастроли в Среднюю Азию, это была весна 1979 года. Она приезжала в Алма-Ату, где мы однажды случайно встретились на частном обеде за столом. Было много гостей, и я не захотела отвлекать Анну вопросами. На память о той встрече осталась фотография, где Анна сидела за столом.

Потом так случилось, что наши концерты во Фрунзе совпали по срокам – были майские праздники. У Ани были концерты во Дворце спорта, у меня – в небольшом зале. Прийти к ней на концерт я не могла: сама пела в эти дни…

Но наша встреча всё-таки состоялась.

Произошло это случайно, до сих пор трудно представить, откуда я набралась смелости, когда, взяв магнитофон и катушку со своими записями, пошла в гостиницу «Кыргызстан», где жила Анна. Мне пришлось объяснять работникам гостиницы, что я артистка и по какому поводу хочу пообщаться с Анной Герман. Меня пропустили, дверь открыла Аня – высокая, в белой льняной кофточке и синей юбке. Несколько минут мы говорили «ни о чём», я рассказала о себе и наконец решилась показать Анне свои записи. Включила магнитофон, мы послушали одну или две песни. Я поделилась с Анной своими сомнениями: «Одни меня хвалят, другие, наоборот, говорят: ты подражаешь!». Аня подошла поближе, обняла меня за плечи и сказала: *«Милая девочка, вы никого не слушайте! Вы прекрасно поёте – пойте на радость людям!».*

Я попросила у Ани автограф на память, она подарила мне открытку со своей фотографией и сказала: *«У меня нет с собой ручки, можно я вам подпишу губной помадой?».* Она достала губную помаду из сумочки и оставила автограф.

Слова Ани, сказанные тогда в гостиничном номере, стали для меня «благословением», её песни с тех пор всегда со мной.

Весть об уходе Анны из жизни я восприняла как личное горе – отменила на неделю концерты, не могла петь, слёзы душили… А спустя год, в 1983 году, я приехала в Москву, познакомилась с Анной Николаевной Качалиной и Сашей Жигаревым. Вместе мы подготовили концертную программу, посвящённую памяти Анны Герман. Где бы я ни выступала, я всегда напоминаю людям песни Анны Герман. И если говорят, что мой тембр похож на тембр Анны Герман – это не совсем так. Я лишь продолжаю песенные традиции Анны.

Та самая открытка, подписанная губной помадой, надпись не сохранилась, остался только след помады. Фото из архива Галины Невара

Уже в наши дни мне посчастливилось подружиться с семьёй Анны: я застала в живых её маму, дружу и созваниваюсь со Збышеками (мужем и сыном Ани) и никогда не отказываюсь принимать участие в вечерах, посвящённых памяти любимой певицы.

За последние несколько лет концерты памяти Анны Герман прошли в огромном количестве городов России и бывшего СССР. Надо было видеть, с какой любовью и теплотой зрители в больших и малых залах, в филармониях, дворцах спорта и даже в помещении цирка приветствовали песни Анны Герман!

Ради этого стоит жить – ради того, чтобы нести людям вечное искусство. Это огромная радость, что в моей жизни есть Анна Герман и её песни. Я ей очень благодарна. Без этих песен, без той встречи, наверное, моя творческая жизнь сложилась бы иначе…

Зинаида Кириллова, народная артистка России (Москва) «Она улыбалась сердцем»

Мне довелось дважды побывать на выступлениях Анны Герман. Первый раз это было в начале 70-х в московском летнем театре «Эрмитаж». Я пришла на концерт с цветами, и, когда вручала букет на сцене, Анна засмеялась, глядя на меня. «Что, маленькая я?» – улыбнулась я. «Ма-аленькая», – протянула Анна Герман и поблагодарила за цветы. До сих пор помню её неповторимую улыбку. Мне всегда хотелось самой научиться так улыбаться, казалось, это улыбка сердца.

Второй раз меня с бригадой артистов отправили выступать перед тружениками села в подмосковный город Ступино. Тогда концерты проводились прямо по сёлам. Праздновали День работника сельского хозяйства или День труженика села – точно не помню. И был большой праздничный концерт в центральном

Доме культуры Ступино. Выступали именитые артисты, но больше всех пела именно Анна Герман. Публика её не отпускала, аплодисментам, казалось, не будет конца. После концерта её окружила толпа поклонников! Все хотели взять у Анны автограф. Она не отказывала никому, со всеми была приветлива, улыбалась. Эта толпа вокруг неё выглядела как клумба: высокая красивая Анна посередине, и вокруг люди – кто беленький, кто чёрненький, кто рыженький… Это выглядело очень мило.

Галина Ненашева, заслуженная артистка России (Москва)
«Помню ощущение теплоты и доверия наших встреч»

Я помню первую встречу с Анной. Это было в Польше, в Зелёна-Гуре, во время очередного Фестиваля советской песни, куда я была приглашена в качестве гостя. У меня был сольный концерт, и я принимала участие в гала-концерте фестиваля вместе со звёздами польской эстрады. Имена остальных артистов стёрлись в моей памяти, но встреча с Анной Герман запомнилась на всю жизнь.

Помню, открываю дверь гримёрки и вижу: за столиком сидит Анна Герман. Мы поздоровались, она мило улыбнулась. Тогда я, советская певица, для которой, как и для миллионов наших соотечественников, Анна Герман была суперзвездой, даже не мечтала оказаться с ней в одной гримёрке. Я тихонько села рядом, и как-то незаметно у нас завязался разговор. Первой заговорила Аня: *«Галина, я вас знаю! Видела вас на фестивале в Сопоте! Вы удивительно поёте!».* Спустя несколько минут Аня уже рассказывала мне, что она нечистокровная полька, говорила о своей семье, о своей фамилии. Я не знаю, почему вдруг она начала этот разговор, только помню ощущение теплоты и доверия, наполнявшее нашу беседу. Когда она вышла на сцену, я за кулисами наблюдала за её выступлением. Она была на высоте! А когда пела я, то краем глаза видела, как Аня стоит за кулисами и, прислонившись к стенке, внимательно меня слушает…

После выступления нас фотографировали советские и польские журналисты, потом мы ещё долго разговаривали, я рассказала Ане о том, как меня «зажимали» в Сопоте, как я вместо первого места не заняла ни одного призового из-за перипетий в жюри. Аня искренне меня пожалела, её слова меня очень поддержали: *«Галя, это всё пройдет! Надо жить и радоваться – это главное!».*

Выступление на фестивале в Зелена-Гуре, июнь 1973 года. Фото Чеслава Луневича

Я уехала в Москву. А спустя некоторое время ко мне домой стали приходить незнакомые люди: «Галина, вам подарок!». «От кого?» – удивлялась я. «От Анны Герман. Она просила вам передать». Неожиданно появляясь, эти люди так же неожиданно исчезали, оставляя мне какие-то свёртки или коробочки, внутри которых оказывалась пудра, косметика, женские украшения… В СССР всё это было жутким дефицитом, Анна это знала и, приезжая в Москву, просила через своих знакомых передавать эти

милые презенты. Это было очень трогательно. Тогда я решила, что в знак благодарности приглашу Анну Герман к себе в гости. Я очень дружила с Анной Николаевной Качалиной, музыкальным редактором студии «Мелодия», а Анна Николаевна знала обо всех приездах Анны Герман в Москву. Я попросила Качалину, чтобы она устроила этот визит. Но каждый раз у Анны не хватало времени: приезжала она на несколько дней, которые до отказа были заполнены записями, съёмками, интервью, концертами. Я очень обижалась, узнавая, что Анна в Москве, но до сих пор не заехала ко мне. К сожалению, этому так и не суждено было случиться. Вскоре Аннушка заболела, приезжала в Москву всё реже, и вскоре я узнала о том, что её не стало…

Очень жаль, что в мои руки так и не попало ни одной из фотографий с Анечкой, а ведь их делали много раз…

В 70-е годы я была частой гостьей в Польше. Не было месяца, чтобы я хотя бы раз не приезжала туда с концертами. Выступала и с советскими оркестрами, и с польскими. Принимали мой репертуар везде прекрасно. Я работала сольные программы, а при случае участвовала в сборных концертах польской эстрады как гостья из СССР. Вот на этих концертах я часто встречалась с Аннушкой. По иронии судьбы или по желанию Анны, мы всегда оказывались в одной гримёрке. Предполагаю, что она, заранее зная о моём участии, просила об этом организаторов. Как только я открывала дверь, она восклицала: «Ой, Галя, как хорошо, что ты здесь!». Пока гримировались, много разговаривали. Обсуждали всё что можно: моду, музыку, даже личную жизнь. Никогда не забуду один наш разговор. В моей жизни был момент, когда я влюбилась в одного человека и ради него была готова оставить семью, развестись с мужем. Я не понимала, что это временное увлечение. По натуре замкнутый человек, я ни с кем не обсуждала свою личную жизнь, но вот Аннушке я рассказала всё! Она выслушала, одарила меня улыбкой и сказала слова, которые я никогда не забуду: *«Галя, не стоит этого делать. Погуляешь – и все вернется на свои места. Не разводись!».* Аня смотрела в корень. Из моего романа действительно ничего не вышло, но я не послушалась её совета. Сделала по-своему, развелась, о чём жалею до сих пор.

Я тоже делала Аннушке подарки. Один раз привезла ей большую упаковку настоящего кофе – это был дефицит. Поляки очень любят кофе, и я решила, что это будет самым лучшим подарком. Когда я вручила Ане этот пакет, она даже растерялась: «Галя, ты что?». Ещё я подарила ей свою пластинку, на которой Ане очень нравилась песня «Шум берёз».

После одного из концертов Аня, услышав, как я пою романс

«Ямщик, не гони лошадей», подошла ко мне и попросила разрешения исполнять его: *«Галя, мне так нравится твой „Ямщик“! Мне бы взять его в свой репертуар!».* Я была только рада. Аня взяла этот романс в свой репертуар, но, к сожалению, я так и не услышала его в её исполнении.

Когда я узнала о творческом альянсе Анны Герман с Владимиром Шаинским, я очень обрадовалась, ведь я была первой певицей, кто решился на большой эстраде петь его песни. Его «А лес стоит загадочный» я, несмотря на все запреты худсоветов, исполняла в каждом концерте и, надо сказать, песня благодаря этому стала известной во всем СССР. В те годы песни Шаинского не пропускали, а мне очень хотелось ему помочь. И однажды я услышала, что песни Володи поёт Аня. Да еще как поёт! «Один раз в год сады цветут» неслась из каждого окна.

Примерно в это же время Шаинский показал мне песню «А он мне нравится», я её записала на радио, несколько раз спела в концертах и забыла. Она не пришлась мне по душе. И вот спустя год я слышу, как эту песню спела Аннушка! Я была счастлива! Володя не ошибся в выборе и отдал песню той исполнительнице, которая смогла из неё сделать шлягер.

В моей памяти Анюта, как я её иногда ласково называла, осталась не просто обожаемой певицей! Она осталась человеком, с которым у нас были доверительные, добрые, тёплые отношения. В наших разговорах стиралась грань, которая обычно присутствует в разговорах людей искусства. Мы говорили как друзья, а не как артисты! Только ей одной я доверяла тайны своей души. Только с ней могла разговаривать на любые темы… Мне кажется, что мы с Анной Герман одинаковые певицы. В смысле репертуара, отношения к песне, отношения к зрителю. У нас с ней был одинаковый слушатель: интеллигентный, культурный, который не бил на концертах стулья и не кричал истошно «Браво!». Нас принимали тепло, как-то возвышенно. Наши концерты всегда проходили на высоте…

Мне отрадно, что Аннушку по-прежнему любят. Я принимала участие в гастрольном туре памяти Анны Герман по городам России и бывшего СССР. Везде – аншлаги, везде – радость и восторг зрителей! Тех зрителей, которые четверть века назад ходили на концерты самой Аннушки. В память о ней я пою её любимого «Ямщика». И, когда после этой песни раздаётся гром оваций, я мысленно адресую их на небо… Туда, откуда Анюта теперь на всех нас смотрит и оберегает.

Иван Шепелев, конферансье, народный артист Украины (Киев)
«Это была всепоглощающая энергетика…»

Мне посчастливилось встречаться и работать с великой Анной Герман в последние годы её жизни. Обычно артист имеет своего зрителя, но Герман работала с невероятным успехом с кем угодно: молодёжная аудитория – пожалуйста; ветераны, рабочие, военные, интеллигенция, милиция… Все её концерты проходили на «ура», подчёркиваю – все.

То, что я хочу рассказать, произошло в Белоруссии. Я работал конферансье со многими артистами, и однажды ко мне обратился Николай Канденко (он занимался концертами по Белоруссии) с просьбой провести два концерта Анны Герман: один в Витебске, второй где-то под Полоцком. Оба в помещении Дома офицеров. Я согласился, так как концерты в подобных домах культуры всегда оплачивались наличными деньгами, в отличие от концертов филармонических. У Дома офицеров была своя касса, поэтому после концерта бухгалтер приглашал нас в кабинет, где происходила «выдача конвертов».

Во время съемок на московском телевидении, апрель 1977 года. Фото Алексея Агеева

Один концерт проходил в военном городке под Полоцком, в большом, но старом Доме офицеров, который строили пленные немцы. По всей видимости, ремонта это здание не видело никогда. Зато в гримёрке для Анны был накрыт шикарный стол – виноград, бутерброды с красной икрой, фрукты, сыр, колбаса…

В зале генеральских погон было не сосчитать. Полковники в проходах стояли, как мальчики. В тот же день, буквально за два

часа до концерта, мы разговаривали с Анной о провалах. Анна сказала, что, конечно, у неё бывали и более удачные концерты, и менее удачные, но чтобы провал – нет. Бог миловал.

И вот концерт. Кроме широко известных публике песен, в сольной программе Анна пела ещё и польские песни, в основном весёлые. И в финале она хорошо так пританцовывала. А доски, которыми был выстелен пол, были изъедены жучком, и, когда Анна наступила на одну из таких досок, её нога просто провалилась вниз! Слава богу, под досками сцены был бетонный пол, иначе певица могла бы покалечиться.

Мы объявили антракт, Анна пошла в гримёрку – менять порванные колготки. Тут прибегает полковник, заведующий клубом, и буквально умоляет: «Пожалуйста, не жалуйтесь начальству, а то меня в два счета разжалуют, а мне до пенсии два года осталось!». Когда Анна вышла из гримёрки, она его успокоила: *«Ничего страшного не случилось, я ведь только колготки порвала, а это поправимо!».*

Меня удивило, как спокойно Анна отреагировала на эту неприятность. Другая бы артистка на её месте закатила бы скандал, кричала, ругалась! А она даже не повысила голос! На сцене за время антракта дыру заколотили фанерой, и второе отделение прошло просто великолепно.

Скажу честно, конферансье обычно не смотрят концерт, не слушают артиста, а лишь выходят в нужный момент, объявляют и вновь уходят за кулисы. Не знаю, что меня подтолкнуло, но я остался за кулисами и слушал оба отделения, как пела Анна Герман. До этого я слышал её только по радио. Мне нравилось, но представить, что певица обладает такой фантастической энергетикой на сцене, я просто не мог. Это было что-то потрясающее: когда Анна пела, в зале никто не шелохнулся, не кашлял, не переговаривался, не выходил… Все сидели словно вкопанные, а после каждой песни неистово аплодировали. Было ощущение, что певица заколдовала зал. А ведь её песни были лирическими, сентиментальными, больше женскими, но их с таким удовольствием слушали мужчины! Это была всепоглощающая энергетика! Зритель находился словно под гипнозом – таково было обаяние голоса и личности Анны.

Спустя несколько лет я разговаривал на эту тему с Валерием Леонтьевым, и он поддержал меня, сказав, что это была певица редчайшего дарования. Действительно, помимо уникального голоса Анна обладала сильнейшей внутренней энергетикой. Я за сорок лет работы на эстраде видел многих артистов, почти со всеми работал. Но даю гарантию, что такой энергетики, как у Анны Герман, я не видел даже у Аллы Пугачевой!

Кумуш Раззакова, заслуженная артистка Узбекистана (Ташкент) «Я восхищённо ловила звуки её голоса»

На сцене ташкентского концертного зала им. Я. Свердлова, май 1979 года. Фото И. Бутеева

Наш ансамбль «Садо», созданный в 1978 году, часто репетировал в здании, где находился концертный зал имени Я. Свердлова. И конечно, на выступления всех зарубежных

артистов мы – молодые артисты – обязательно ходили.

Помню 1979 год. Гастроли Анны Герман! Я с нетерпением ждала, когда смогу вживую услышать мою любимую песню в её исполнении – «Танцующие Эвридики». Это песня с другой планеты! Потрясающее владение голосом!

Помню забитый до отказа зал… Я пристроилась с ребятами на боковых ступеньках выхода. И вот она вышла… Высокая, стройная, пышные волосы собраны… Красавица! Многие песни она пела просто под аккомпанемент рояля. Увы, память стёрла детали, но помню, как восхищённо ловила звуки её голоса (у меня у самой высокое сопрано, и, как профессионалу, мне тем более было интересно слушать такое исполнение), помню, как поразил её рост и не соответствующий ему нежный голос, помню, в голове крутилось: «Она – особенная…». Жаль, не получилось пройти к Анне за кулисы… Я тогда не набралась смелости, хотя очень хотелось пообщаться! Сейчас сожалею об этом…

Михаил Рожков, народный артист России, исполнитель-балалаечник (Москва) «Она плакала на моём плече»

Моё воспоминание о встрече с Анной Герман короткое, но на всю жизнь! Это было 12 апреля 1980 года. Откуда я так хорошо помню эту дату? Она подписана карандашом на обороте фотографии, где запечатлён момент нашей встречи на сцене!

С Михаилом Рожковым на сцене московского ЦДРИ, 13 апреля 1980 года. Фото Валерия Смирнова

В Центральный Дом работников искусств с концертом

приехала Анна Герман! Это было большое событие для Дома, поэтому многие из нас решили сделать для гостьи из Польши сюрприз: мы приготовили музыкальные номера, с которыми выходили на сцену и приветствовали певицу! Вёл тот вечер Ян Френкель, он наиболее из всех нас подходил Анне Герман по росту Были и другие артисты.

Я решил сыграть для Анны одну из русских народных мелодий. Я играл, а она стояла рядом и очень внимательно слушала. Когда я закончил игру, она подошла ко мне, чуть пригнулась, положила голову мне на плечо. Я увидел слёзы в её глазах.

Поздравления на сцене московского ЦДРИ от Михаила Рожкова и Яна Френкеля, 13 апреля 1980 года. Фото Валерия Смирнова

Эти слёзы были для меня лучшим признанием моей игры. В моей жизни было много оваций, много наград, но, когда меня спрашивают о самых ярких моментах моей творческой

биографии, я всегда вспоминаю Анну Герман и то, как она плакала на моём плече, поддавшись настроению игры на русском музыкальном инструменте.

Михаил Шуфутинский, певец, музыкант, заслуженный артист России (Москва) «Мы хотели записать совместную пластинку…»

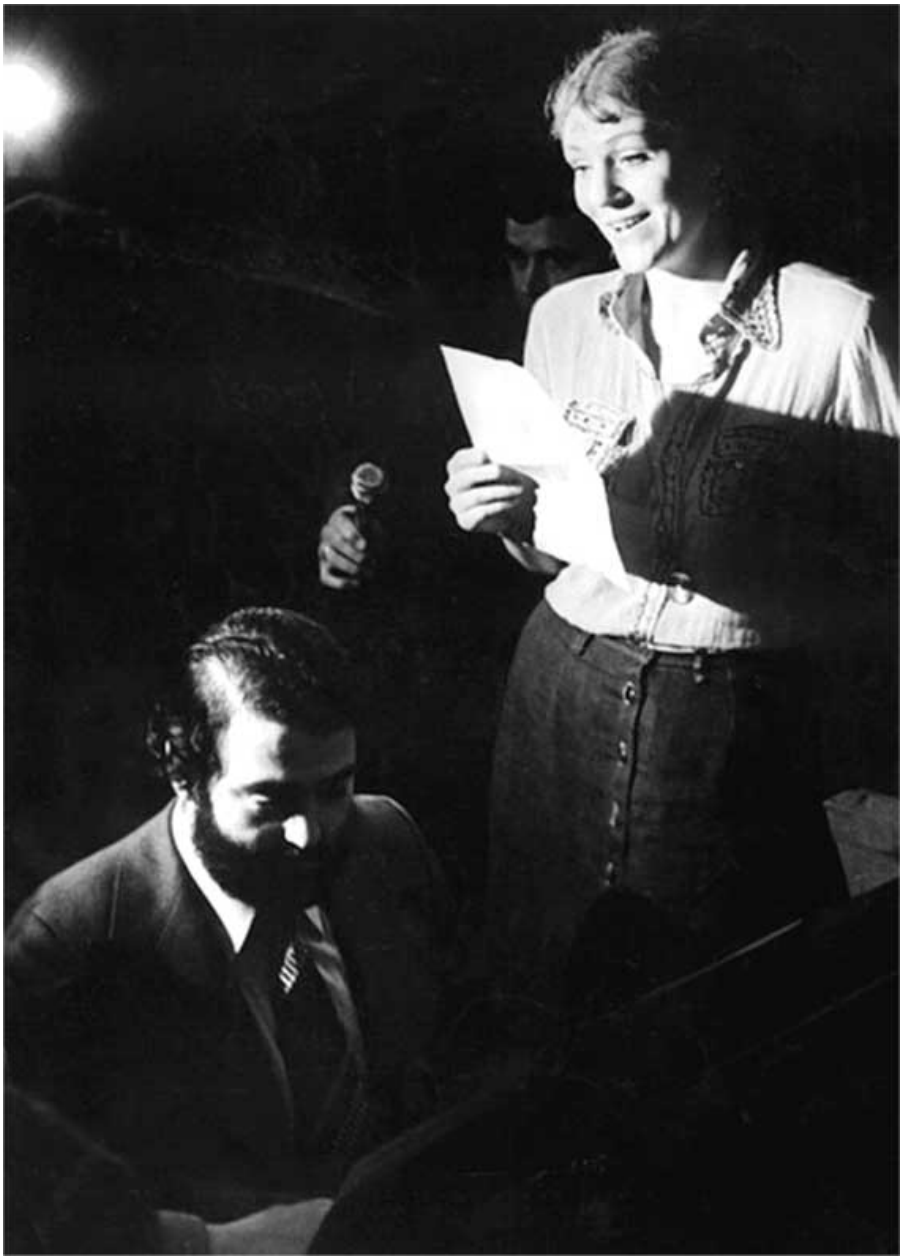
Белый цвет, черёмухи цвет,
Это весны весёлый привет,
Пусть везёт тому, кто верит и ждёт,
К сердцу любовь всегда дорогу найдёт.

В 70-е годы я работал в ансамбле «Лейся, песня», это было время, когда ВИА (вокально-инструментальные ансамбли) с большим трудом пробивались на телевидение. Наши песни уже были популярны, а телевидение нас не жаловало.

В 1977 году мы записали с Анной Герман песню Славы Добрынина на стихи Саши Жигарева «Белая черёмуха». Я сделал аранжировку, наш ансамбль всё сыграл и сделал подпевки. Анна спела просто чудесно – легко, по-весеннему! И песню разрешили выдать в эфир! Только благодаря тому, что её поёт Анна Герман!

Я не пошел в кадр, к моей внешности точно придрались бы. А ансамбль снимался вместе с Анной.

У нас сложились очень тёплые отношения: приезжая в Москву, она часто звонила и просила, чтобы именно я делал ей аранжировки новых песен. Мы даже обсуждали возможность записать совместную пластинку – Анна Герман и «Лейся, песня». Но, увы…



С Михаилом Шуфутинским на записи песни «Белая черемуха» в тон-студии «Останкино», апрель 1977 года. Фото Алексея Агеева

Станислав Садальский, артист театра и кино (Москва) «Я мог бы быть конферансье на её концертах»

В конце 70-х моя добрая знакомая, актриса Людмила

Иванова, привела Анну Герман в театр «Современник» на спектакль «С любимыми не расставайтесь». Анна была под впечатлением от спектакля, и мы, решив продолжить вечер, все вместе поехали в ресторан «Прага», где в разговоре Аня предложила мне стать конферансье в её сольных концертах. Я был счастлив такому предложению, мы потом ещё несколько раз встречались и обсуждали наши возможные творческие планы, которым, увы, так и не суждено было осуществиться.

Однажды мне позвонила Людмила Ивановна и попросила найти координаты врачей больницы им. Склифосовского. Такие связи у меня были, незадолго до этого врачи именно этой больницы подняли меня на ноги, после того как я разбился на очередных киносъёмках. Я спросил Милу зачем ей это, она ответила, что приехала Аня Герман и у неё совсем плохо со здоровьем, надо показать её опытным врачам.

Аню беспокоили боли в суставах, она жаловалась на последствия итальянской аварии. Её познакомили с профессором Владимиром Павловичем Охотским. Он, в свою очередь, порекомендовал Анне обследоваться у молодых врачей, которые и забили тревогу.

Осталась в сердце горечь от того, что она так рано ушла, от того, что мы не осуществили наши прекрасные планы…

В спектакле «С любимыми не расставайтесь» я читал стихотворение, которое очень нравилось Анне:

Когда умру, когда скончаюсь,
Когда в холодный гроб сойду,
Тогда любить меня не сможешь,
Люби сейчас – пока живу…

Эдита Пьеха, народная артистка СССР (Санкт-Петербург)
«Именно в СССР Анна Герман нашла своего зрителя»

Фото Софьи Насеровской

Анна Герман… У нас много общего в судьбе. Мы обе имеем отношение к Польше, но у нас не польские фамилии: Герман – немецкая, Пьеха – тоже не польская фамилия, мой папа был родом из Силезии, там эта фамилия часто встречается. Анна родилась в 1936 году в Узбекистане, а я в 1937 году во Франции. Когда Анне было 10 лет, в 1946 году она вместе с семьёй переехала из СССР в Польшу на постоянное место жительства, и одним из городов, где она долгое время жила, был Вроцлав. Я оказалась в Польше также в 1946 году, мы жили в ста километрах

от Вроцлава в шахтерском поселке Богушув. Она училась во Вроцлавском университете, а я училась в педагогическом лицее в городе Валбжихе, это Вроцлавское воеводство.

Что касается творчества, то популярность Анны Герман началась в Польше, а моя в СССР. Мы обе пели песни на польском языке, у каждой из нас были свои поклонники и в СССР, и в Польше.

Встречались с Анной мы лишь однажды – в ГДР, во время съёмок музыкальной программы на Берлинском телевидении. Это была очень короткая встреча, мы обменялись лишь несколькими словами.

Я убеждена, что именно в СССР Анна Герман нашла своего зрителя. В Польше, всегда смотревшей в сторону Запада, тогда набирала обороты ритмичная, битовая музыка, а её голос был ближе к классическому исполнению – нежный, кантиленный. За эту манеру исполнения её и полюбили советские зрители. В Польше её тоже любили, но отношение было несколько иным, чем в нашей стране. Я помню, когда я гастролировала в Польше, в газетах появлялись рецензии на мои выступления: «Эта певица могла бы быть очень популярна и востребована в Польше, если бы её не забрал Советский Союз». Так что эта тема ревности звучала довольно часто по отношению и к Анне, и ко мне.

Анна была непревзойдённой певицей, она умела выразить в песне свои чувства. Именно поэтому советские композиторы доверяли ей свои прекрасные песни, которые в её исполнении становились очень любимыми.

Петр Витомский, певец, артист ансамбля «Мазовше» (Польша) «Счастье соприкоснуться с легендой…»

С Богумилой Витомской (крайняя справа) на ткацкой фабрике в Ашхабаде, апрель 1980 года.

В 1980 году мы с моей супругой Богумилой приезжали в СССР на совместные гастроли с Анной Герман. Программа была построена так, что вместе с Анной в концерте участвовали артисты польской сцены. У всех была своя роль – мы с Богусей и Бернардом Кондрацким исполняли втроём польскую народную песню. Принимали нас всегда хорошо, а публика московского ЦДРИ (*Центрального дома работников искусств.* – **Прим. ред.**) устроила нам настоящую овацию!

Очень хорошо я запомнил наше выступление с Анной Герман в Кремлёвском дворце съездов. У меня до недавнего времени даже хранился кремлёвский пропуск. Не забуду, как ведущий объявил: «А сейчас – русский народный танец краковяк!». Я слышал много несуразиц, но что краковяк – русский народный танец…

О тех гастролях остались приятные впечатления: в Сочи на ужин нам подавали розовое шампанское, что здорово поднимало настроение. Правда, Аня не участвовала в этих застольях, она уже плохо себя чувствовала.

В Ашхабаде мы поехали на рынок. Я был удивлен, что в жаркий день мужчины ходят в тёплых шапках, оказалось, это их национальная традиция – в таких шапках голове не жарко!

По пути в Среднюю Азию у нас была транзитная посадка в Тбилиси. Мы с моим коллегой-перкуссионистом решили прогуляться по аэропорту. Паспорта, как на грех, мы оставили в самолёте. Мы без проблем вышли в здание аэропорта, погуляли там минут десять и хотели вернуться в самолет, но путь нам

преградил пограничник с ружьём. Мы пытались объяснить, что документы у нас в самолёте, что мы на гастролях с Анной Герман, но пограничник был непреклонен. Когда до вылета оставалось минут двадцать, мы оттолкнули пограничника и со всех ног побежали к самолету. На счастье, нам вслед не раздались выстрелы… Мы вбежали в самолёт белые, как бумага, за нами закрыли дверь и самолет пошел на взлёт. Никому, кроме Ани и моей жены, мы не стали рассказывать об этой неприятности.

Те гастроли 1980 года не были длительными: самочувствие Анны не позволяло ей много выступать. Но она не посвящала в свои проблемы даже нас, своих коллег. Во время концерта она выкладывалась на сто процентов, но после – замыкалась, почти ни с кем не общалась. Надо заметить, что в Средней Азии (Алма-Ата, Ашхабад) она чувствовала себя как дома, и люди её принимали как родную. С Богусей Аня ездила в Ашхабаде на ткацко-прядильную фабрику, им там подарили национальные наряды, сделали памятные фотографии. А сопровождала нас замечательная женщина, работница «Госконцерта» Алла Бегалиева. Анна была ей очень благодарна за помощь в тех гастролях.

Прошло много лет, в Польше имя Анны надолго было предано забвению. И вдруг – как гром среди ясного неба – сериал о её жизни. Мы с Богусей смотрели его со слезами на глазах: трудная судьба была у Ани и её семьи, трудно ей досталась любимая работа на сцене. И счастье, что мы соприкоснулись в работе с такой легендой!

Бедрос Киркоров, народный артист Болгарии, заслуженный артист России (Москва) Бесконечная память об Анне

Мы впервые встретились с Анной на совместных гастролях по СССР в середине 60-х. Скорее всего, это был 1965 год. Мы, исполнители из шести социалистических стран, участвовали в Международной эстрадной программе «Мелодии друзей», каждый из нас пел в концерте несколько песен. От Польши выступали двое – Анна Герман и Ежи Поломский.

Это турне было для Анны недолгим. После нескольких концертов в Москве мы переехали в Ленинград, где в гостинице наши номера оказались рядом. Вечером оказалось, что у Анны нет горячей воды. Она безуспешно пыталась дозвониться до администрации, после чего постучалась ко мне спросить, есть ли вода в моём номере. У меня с водой был порядок, но я спустился вниз, нашёл дежурного и попросил, чтобы Анне подключили

горячую воду. Дежурный сказал, что лучше переехать в другой номер. Анна категорически отказывалась, говорила, что уже расположилась и это плохой знак, если переезжать из номера в номер. В итоге в её номере всё наладили.

В ту поездку меня поразило её трепетное отношение к матери. В Ленинграде после очередного концерта она получила телеграмму из Польши о том, что мама заболела. Она отменила своё участие в концертах и вернулась домой. В Москве, Минске и Киеве мы выступали уже без неё.

Первые выступления, середина 60-х годов

Но через некоторое время наши пути снова пересеклись. У меня уже родился сын Филипп, и как-то я взял его с собой на

гастроли. Я очень хорошо запомнил эти наши совместные концерты в Петрозаводске. Филиппу было лет пять. Анна выступила, ей подарили букет гвоздик, и она уступила место на сцене мне. Я начинал своё выступление с грустной песни «Сынок». Вижу, в конце песни реакция зрителей не такая как всегда – вместо слёз на лицах зрителей улыбки. Поворачиваюсь, а рядом со мной стоит Филипп с гвоздиками в руках и протягивает эти цветы мне. Так впервые в жизни я представил своего сына, будущего артиста, зрителям. А он вручил мне гвоздики, которые минутой ранее получил за кулисами в подарок от Анны Герман.

В тех совместных гастролях я исполнял не только болгарские, но и итальянские песни. Однажды Анна сказала мне: *«У тебя так прекрасно получаются итальянские песни, обрати внимание на песню „Бесконечность“ Дона Баки».* С тех пор эта песня в моём репертуаре – как подарок от Анны Герман. Как бесконечная память о ней.

Музыканты

Адам Левандовский, музыкант-перкуссионист (Польша)
«Попасть на её концерт было чудом для зрителя»

С Анной Герман я гастролировал в СССР в начале лета 1979 года. Мы тогда подготовили программу на квартет музыкантов: Богуслав Собковяк играл на рояле, Анджей Степень на бас-гитаре, Кшиштоф Волынский на гитаре и я – на ударной установке. Программу Анна составляла сама, это были красивые песни – «Греческое вино», «Надежда», «Один раз в год сады цветут», «Эхо любви», «Гори, гори, моя звезда». Жаль, что не сохранилось отпечатанной программы. Наши репетиции проходили в каком-то Доме культуры в Польше. Анна очень ответственно относилась к репетициям: хотела, чтобы всё было идеально.

Гастроли те были незабываемыми. Анна была суперзвездой в СССР. А я был самым молодым музыкантом в её коллективе, и для меня её музыка была несколько старомодной, не молодёжной, но я был свидетелем, с каким успехом она выступала перед публикой в разных городах! Накануне нашего концерта в Москве в концертном зале «Россия» выступала группа Boney M. Мне было интересно, будет ли в Москве после такого ансамбля принята и понята Анна Герман. У молодёжи в то время были другие вкусы, песни Анны не соответствовали музыкальной моде… Каково же было моё изумление, когда наши концерты в Москве прошли при переаншлаге, в зале яблоку было негде упасть. А какие овации! Какие счастливые лица зрителей! В Москве мы давали ещё один концерт – во Дворце культуры металлургического завода «Серп и молот», и тоже был невероятный успех!

С Адамом Левандовским (сидит) и гитаристом Кшиштофом Волынским на гастролях в СССР, апрель-май 1979 года. Фото из архива Адама Левандовского

Уникальный кадр из-за кулис ДК «Серп и Молот», на сцене Анна Герман и ее группа, 11 апреля 1979 года. Фото Анатолия Ломохова

Наш гастрольный маршрут проходил в основном по городам Средней Азии. Мы побывали в Алма-Ате, Джамбуле, Фрунзе, Самарканде, Ташкенте – всех городов и не припомню. Давали по два концерта в день. Ставки для иностранных музыкантов в СССР были немаленькие – 50 рублей за концерт (и это мне, как самому младшему участнику коллектива!). А за ту поездку мы отработали 55 концертов!

На сцене ДК «Серп и Молот» Анна Герман и музыканты – Адам Левандовский и Кшиштоф Волынский, 11 апреля 1979 года. Фото Анатолия Ломохова

Особенно мне запомнились концерты в Самарканде. Какой это необычный город – солнце, жара, невероятная красота вокруг!

У нас были с собой фотоаппараты, когда мы всей группой отправились на прогулку по городу. Нас проводили в мемориальный комплекс Шахи-Зинда ознакомиться с древней архитектурой. Я не удержался и попросил Анну немного попозировать мне на фоне этих самаркандских красот. Она с удовольствием согласилась. Так в моём архиве сохранилось несколько снимков Анны в Самарканде. Кстати, в этом мемориале работал местный фотограф-армянин, он тоже попросил Анну разрешения сделать несколько снимков. Она согласилась и, насколько я знаю, этот фотограф потом подарил Анне эти фотографии.

Во время прогулки по Самарканду, май 1979 года. Фото Ованеса Хачикяна

В один из дней, прогуливаясь по Самарканду, мы случайно попали на торжество в честь обрезания 14-летнего узбекского мальчика. Мы шли по улице, и нас буквально затащили во двор, где играл местный ансамбль. Гости пели узбекские песни, и нас

угощали блюдами национальной кухни, ведь мы были музыкантами обожаемой Анны Герман!

В какой бы город мы ни приезжали, всюду видели на афишах Анны Герман надпись: «Все билеты проданы». Попасть не её концерт тогда было чудом для зрителя! А что творилось в зале! Каждая песня программы звучала как финальная – такой был взрыв оваций и эмоций. Зрители плакали, рукоплескали, кричали «браво», кидали на сцену цветы, игрушки… Сейчас у меня ощущение, как будто я играл концерты с Майклом Джексоном – такой был громадный успех! Никогда и нигде в жизни я не слышал таких оваций и не видел такой эмоциональной и сердечной публики!

После концертов нас, как правило, приглашали на банкеты. В лучших ресторанах для нас накрывали прекрасные столы, которые ломились от вкусной еды и алкоголя! Анна в рестораны не приходила, просила приносить ей обед или ужин в номер. В ресторане ей не давали спокойно поесть, вокруг неё всегда было много людей – кто с просьбой об автографе, кто просто с комплиментом…

Она была очень скромной, не любила шумихи вокруг себя, не создавала вокруг себя ореола «звёздности». На концертную площадку приезжала на черной «Волге», репетировала и закрывалась в гримёрке до концерта. Нас тогда сопровождали три женщины – одна из нашего польского «Пагарта» и две из «Госконцерта». Они помогали Анне переносить вещи, везде её сопровождали. А мы на специальном автобусе перевозили свои инструменты и аппаратуру.

С Анной у меня связаны самые теплые воспоминания. Никогда не забуду, как в одной из первых встреч она сказала мне: *«Адам, называй меня на „ты“!».* Для меня это было неожиданностью и большой честью: Анна была звездой, я был намного моложе неё. Но в общении с ней эти рамки стирались…

Афиша концертов в Самарканде, 10 апреля 1979 года. Фото Адама Левандовского

Борис Фрумкин, музыкант, пианист, работал в ансамбле «Мелодия» (Москва) «Она пела, как птица»

С Анной Герман мне посчастливилось общаться в основном на студии «Мелодия». Наш ансамбль «Мелодия» аккомпанировал ей на нескольких записях, среди которых наиболее остро в памяти запечатлелась «Надежда». Записывали в дневное время, солнечные лучи проникали через огромные окна в студию, настроение было приподнятым. Солнечность и свет того дня отразились и в самой записи. Казалось бы, несложная песня – в устах Анны она прозвучала особенно. Александра Пахмутова, присутствовавшая на записи, была удивлена, что Анна с такой лёгкостью и изяществом её спела.

Мы много общались во время работы над песнями, разговоры были очень доверительными. Я не чувствовал дистанции между нами, Анна никогда не возносилась, не была «звездой»

в традиционном понимании. Её звездность была другого рода – инопланетного. Инопланетным был и её голос. Она пела, как птица, легко и без усилий. Ей хватало одного, максимум двух-трёх дублей, чтобы записать песню. Она всегда приходила в студию подготовленной: не только знала наизусть текст и мелодию, но главное – была подготовлена внутренне. Это редкое качество артиста – точно знать, как именно нужно исполнять ту или иную песню. У Анны было абсолютное понимание и осознание того, что и как нужно петь.

Горжусь тем, что среди огромного количества записей Анны Герман есть несколько романсов, где я выступил её аккомпаниатором. Это романсы Александры Пахмутовой «И меня пожалей» и Оскара Фельцмана «Возвращение романса». Это мой творческий дуэт с великой певицей.

Несколько раз Аня просила меня выступить с ней в сборных концертах в Москве. У неё не было своего аккомпаниатора, и я её выручал. Одно из наших совместных выступлений было в Концертном зале «Октябрь» на Новом Арбате. Кажется, была зима 1979 или 1980 года. Аня приехала в Москву в очень плохом состоянии, у неё сильно опухла левая нога. Это становилось заметно даже при движении – она хромала. Незадолго до концерта я поскользнулся и упал на льду, повредил колено и тоже хромал. Теперь представьте себе картину: из левой кулисы выходит хромающий пианист, из правой – хромающая певица! Помню, мы увидели друг друга и рассмеялись прямо на сцене, а потом не унимались и в гримёрной. Аня смеялась: *«Боря, мы с тобой как два инвалида вышли на сцену! Как смешно это выглядело!»*.

Тот концерт, кажется, был последним нашим совместным выступлением… Аня перестала приезжать в Москву. Мы мало знали о её тяжелом состоянии. Однажды я дозвонился ей в Варшаву и попросил от моего лица послать одному близкому мне человеку букет цветов на юбилей. По просьбе Ани цветы были куплены и доставлены варшавскому адресату лично – огромный шикарный букет! Даже будучи смертельно больной, она не оставила мою просьбу без внимания и, несмотря на тяжелое положение во время Солидарности в Польше, нашла возможность найти в городе самые красивые цветы!

Роман Землянский, гитарист (Польша) «Диалог моей гитары и голоса Анны»

С Анной я познакомился в середине 70-х благодаря моей

знакомой поэтессе Асе Ламтюгиной. Она спросила меня: «Роман, не хочешь поработать с Анной Герман?». Не раздумывая, я согласился и вскоре уже работал над музыкальной программой. На самой первой встрече Анна спросила меня, хотел ли бы я поехать с ней на гастроли в СССР. Признаться, на тот момент это было моей мечтой: я много слышал о сердечности советской публики, все мои коллеги-музыканты в один голос твердили, что в СССР концерты проходят необыкновенно!

Так мы начали работать над сольной программой Анны Герман для Советского Союза. Песни выбирала сама Анна, но мы вместе обсуждали стилистику каждой гитарной обработки, сценический характер песни. После репетиций мы выступили с этой программой в нескольких польских городах, а когда была проведена генеральная репетиция, мы выехали на гастроли в СССР. Каунас, Вильнюс, Таллин, Ленинград, Житомир, Киев, Львов… Это был конец 1979 – начало 1980 года.

С Романом Землянский и Асей Ламтюгиной у гостиницы «Житомир», январь 1980 года. Фото Михаила Пьехи

Каждый концерт Анны был поистине событием. Должен признаться, именно в СССР я почувствовал себя настоящим артистом.

Во время концерта Аня хотела немного отдыхать, и я в это время играл инструментальные произведения на гитаре. Реакция советской публики на мою игру всегда была восторженной.

Всё, что делала на сцене Анна Герман, встречалось бурей, шквалом аплодисментов тысяч поклонников её таланта и голоса. Мы выступали в разных залах: в Каунасе наш концерт был на стадионе, зрителями были солдаты и генералы; в Ленинграде неизгладимое впечатление произвел на меня зал «Октябрьский», вместивший 4000 поклонников Анны. После каждого концерта к Анне приходили композиторы и предлагали новые песни. Иногда мы подготавливали новую песню в течение одного-двух дней, а иногда и одной ночи. Если песня нравилась Анне, то она могла её исполнять уже на следующем концерте, поэтому наша программа часто дополнялась новыми произведениями.

Работа с Анной Герман много дала мне в понимании аккомпанемента. Мне было интересно, как подходит Анна к исполнению каждой песни. Она была мастером так называемых «долгих нот». Главным вопросом для меня было: как строить диалог моей гитары и её голоса. Следует добавить, что в нашей работе над песнями принимал участие и замечательный пианист Збигнев Вильк. Мы делали обработки песен Анны для аккомпанемента классической гитары и рояля – это звучало прекрасно! В песнях Анны была особая музыкальная эстетика, и это важный фактор для объяснения её мировой популярности.

Тадеуш Вацлавский, пианист (Польша) «Она до последнего следила за собой»

За кулисами московского ЦДРИ после концерта: Тадеуш Вацлавский, Анна Качалина, Марта Цифринович, Людмила Иванова и Анна Герман, 13 апреля 1980 года. Фото Валерия Смирнова

С Аней мы познакомились на концерте в городе Катовице и сразу приглянулись друг другу. Может быть, оттого, что оба высокие!

Анна никогда не позволяла себе выпивать алкоголь. Могла лишь пригубить вина, но не более. Музыканты уговаривали: «Аня, выпей, надо расслабиться!». Она отшучивалась: *«Боюсь испортить фигуру!»*. Она до последнего следила за собой. Даже когда выходить на сцену получалось с трудом, всегда была в туфлях на шпильках. Зрители не подозревали, какую страшную боль ей приходилось терпеть в момент выступления. Каждый вдох, каждая улыбка давались ей мучительно.

После аварии она с опаской садилась в автомобили к чужим людям. А к Збышеку – легко, она доверяла его водительскому опыту.

После каждого концерта в СССР наше фортепиано было буквально усыпано цветами. Мы много раз шутили с Аней, что пора открывать цветочный магазин!

В студии звукозаписи

Рафаил Рагимов, в 70-е годы – звукорежиссер всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия» (Москва) «Она записывала песни за один-два дубля»

У пульта в студии «Мелодия»: Рафаил Рагимов, Анна Герман и Анна Качалина, во время записи новой песни, 1 июля 1975 года. Фото Бориса Ушмайкина

За годы работы на студии «Мелодия» я встречался и работал со многими артистами советской и зарубежной эстрады, со многими выдающимися музыкантами. Но работа с Анной Герман осталась в памяти как очень доброе, профессиональное и приносящее удовольствие сотрудничество.

Профессия студийного звукорежиссёра имеет свою специфику. Во время записи ты должен максимально сосредоточиться на технической стороне выполняемой работы. Всё, что происходит обычно вокруг звукорежиссерского пульта – а это традиционное общение артиста с редакторами, авторами, какими-то корреспондентами, – всё это проходило мимо меня.

Мне важен был конечный результат: чтобы запись состоялась, чтобы мы уложились в смену (четыре часа) и чтобы артист был доволен.

Анна Герман, пожалуй, единственная из артисток, кто приходил на студию, будучи приготовленной на сто процентов. Она четко знала, какое количество песен за смену должна записать, и никогда не просила записать больше, если даже оставалось много времени. Она почти не распевалась.

Анна входила в студию, вставала за ширму, где был микрофон солиста, и начиналась запись. Один-два, максимум три дубля – и песня была записана. Не построчно. Не по куплетам, как часто записывали артисты, а целиком – от первого до последнего слова. Если она уставала, иногда просила разрешения прилечь на ковре прямо в студии, лежала минут двадцать-тридцать и возвращалась к работе. У неё иногда болела спина, и ей был необходим отдых во время записи.

На «Мелодии» в день было три смены записи – утренняя, дневная и вечерняя. Анна обычно просила вечернее время, ей было вечером легче петь, чем утром или днём.

Скажу честно, я, как звукорежиссёр, получал удовольствие от работы с Анной. Да, впрочем, все сотрудники студии относились к ней с огромной любовью. Можно сказать, что двери студии «Мелодия» были для неё открыты всегда. Если бы Анна жила в России, она бы записала гораздо больше песен. Но даже то, что она успела спеть, – это золотой фонд.

Помню, она попросила у меня разрешения записать несколько песен одновременно с ансамблем. Почти всегда сначала записывается инструментальная фонограмма, на которую артист записывает свой голос. Так бывало часто, но Анне этот способ записи не приносил удовлетворения. И я выполнил её просьбу: несколько песен были записаны одновременно с ансамблем – так, как это обычно звучало на концерте! Как Анна была счастлива от этого! Она была очень благодарна, говорила, что в Польше такая технология ещё не применяется, а ей так хочется петь вместе с ансамблем!

Об Анне Герман я сохранил самые тёплые воспоминания, сохранились и продолжают выходить на дисках наши совместные работы: «Эхо любви», «Катюша», «А он мне нравится», «Из-за острова на стрежень», «Гори, гори, моя звезда»… А на фотографиях запечатлены наши встречи в 1975 и в 1978 годах.

Фрагмент письма Анны Герман к Анне Качалиной:

«Аничка, давай в будущем будем только так записывать, а? Меньше музыкантов – но вместе со мной. Тогда это живое,

настоящее! А технически – маленькая пластинка Рафика, пожалуй, лучше, чем большая. Во всяком случае, лучше многих песен на большой. Ты согласна? Я в таком восторге живу, что, если дома буду записывать, сразу скажу то же. Или с ними вместе – или совсем не надо. А пластинку Рафика буду носить с собой как доказательство, что это ВОЗМОЖНО!» (10 февраля 1976 года).

Юлия Сапрыкина, в 70-е годы – редактор новых записей всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия» (Москва) «Самым лучшим у Анны был первый дубль записи»

В студии у микрофона, запись новой песни, 1975 год. Фото Рудольфа Алфимова

Анна Герман в моей жизни – явление незабываемое. В 70-е годы я была редактором новых записей, работала с молодыми исполнителями. Но всякий раз, когда на «Мелодию» приезжала

Анна Герман, это для меня было целым событием. Видеть её, смотреть, как она записывает песни, – это подлинное счастье! Я даже пыталась ей подражать: носила вязаные вещи, делала себе прическу «как у Герман», завивая по бокам маленькие косички и подвязывая ими волосы.

Записывалась Анна почти всегда с первого дубля. Над дверями в студию загоралась надпись «Тихо! Идёт запись!», в это время нельзя было шуметь. Так вот я, чтобы увидеть Анну и услышать её голос, поднималась на второй этаж, где было маленькое окошко, находившееся под самым потолком студии. Я и ещё несколько сотрудниц «Мелодии», высунувшись в это окошко, замерев, слушали Анну. Именно так я стала свидетельницей записи легендарной песни «Когда цвели сады».

Энергетика этой певицы заполняла всё пространство студии, от неё шло невероятное тепло. После записи она приходила в аппаратную, прослушивала записанный материал и выбирала, какой из дублей самый лучший. Как правило, самым лучшим был первый дубль. А второго дубля иногда и вовсе не требовалось. Анна Герман – одна из немногих, кто записывал песни быстро и очень профессионально.

Вспоминая Анну Герман, не могу не вспомнить Анну Николаевну Качалину, благодаря которой состоялось столько записей, столько нужных встреч певицы с композиторами. Качалина была редактором, которая помогла зажечься многим звёздам – Софии Ротару, Алле Пугачёвой, Жанне Бичевской, Елене Камбуровой, Владимиру Высоцкому, Муслиму Магомаеву Булату Окуджаве, но больше всего она помогла именно Анне Герман – певице, с которой её связывала многолетняя человеческая дружба.

В фотообъективе…

Витольд Боревич, фотограф (Польша) «Фотографий, оставшихся у меня, Анна никогда не видела»

Фото Витольда Боревича

В семидесятые годы я делал фотосессии для Анны Герман по поручению польского концертного агентства «Пагарт». Лучшие слайды были отобраны для рекламного отдела, были напечатаны плакаты, буклеты, открытки. Раньше рекламой концертов занимались те, кто организовывал концерты, поэтому такие фотосессии были обычным правилом для «Пагарта». Для гастролей артисты польской эстрады делали новые фотографии, которые впоследствии украшали рекламную продукцию.

С певцом и композитором Кшиштофом Цвинаром. Фото Витольда Боревича

Всего у меня было две встречи с Анной Герман – в 1973 и 1974 годах. Оба раза певица приглашала меня к себе домой, где я устраивал импровизированную фотостудию и делал съёмку Жил я недалеко, поэтому фотосессия дома – это был даже более удобный вариант, чем приглашать певицу в фотостудию. Дома была спокойная атмосфера, время съёмки никто не ограничивал.

Во время одной из фотосессий к Анне заехал её друг, певец и композитор Кшиштоф Цвинар, и Анна предложила сделать несколько совместных снимков. Съёмка длилась несколько часов, с перерывами на разговоры, смену одежды, новые причёски. Была очень дружелюбная атмосфера, не ощущалось дискомфорта, который часто бывает на съёмках с известными артистами. Анна была нормальным человеком, хоть и была на вершине славы и популярности. Квартира её тоже была скромной для звезды, но

тогда были другие времени и другие гонорары за концерты. Артисты не жили так шикарно, как сейчас.

Из сделанных съемок «Пагарт» выбрал около двенадцати портретов Анны, остальные остались у меня. Фотографий, оставшихся у меня, Анна никогда не видела, так как мы больше не встречались. Их нынешняя публикация – «премьера» этих снимков! Конверты с этими слайдами (их более ста штук) почти сорок лет лежали у меня в кладовке, я совсем забыл об их существовании и был несказанно рад, когда нашел их.

Тадеуш Ролькe, фотограф (Польша) «Фотографии передавали её романтическую натуру»

Моя встреча с Анной Герман произошла во Вроцлаве. Популярный в те годы журнал «Польша» попросил меня сделать серию снимков Анны Герман для большого материала о ней. Это был 1965 год, Анна была на пике популярности, и всё, что было с ней связано, вызывало большой интерес у читателей.

Та самая фотосессия для журнала «Польша», 1965 год. Фото Тадеуша Рольке

Я предложил ей сниматься на природе, и она показала мне несколько вроцлавских парков, один из которых мне очень понравился: красивые скамейки, пруд с белыми лебедями – всё это создавало красивую атмосферу для съёмки. Я, как фотограф, сразу почувствовал её тонкую натуру. Это очень важно для фотографии – чтобы в кадре была гармония. Мне кажется, те снимки хорошо передавали её романтическую натуру, соответствовали стилю её красивых песен.

Кадры фотосессии для журнала «Польша», 1965 год. Фото Тадеуша Рольке

Вскоре в журнале «Польша» вышел большой материал об Анне Герман с моими цветными иллюстрациями. Это была единственная встреча с Анной, больше я её не снимал, так как вскоре уехал из Польши и жил в другой стране. Но в моей памяти остались тёплые воспоминания о нашей совместной работе, а снимки украсили не только ту публикацию, но и использовались в дальнейшем.

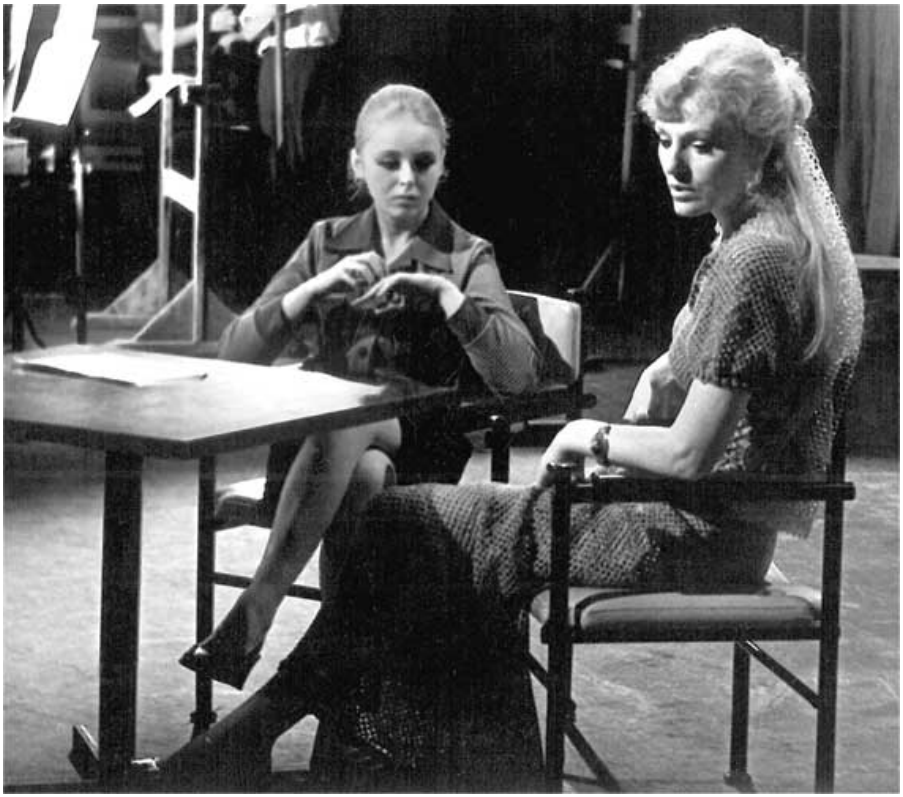
Валентина Адариди (Фёдорова), фотограф (Франция) «Только от Анны я получила личную благодарность»

В 70-е годы я работала на ленинградском телевидении фотографом, снимала почти всех артистов, которые приезжали к нам на запись программ. В те годы очень популярны были артисты из соцстран, Анна Герман была в их числе. Она приезжала в студию телевидения по приглашению музыкальной редакции в те дни, когда была на гастролях в Ленинграде. Её песни были очень популярны и любимы, поэтому иногда она снималась за один день сразу в нескольких телепередачах, чтобы потом в течение года ленинградский зритель мог любоваться Анной и её песнями.

С Валентиной Адариди (Федоровой) на ленинградском телевидении. Фото из архива Марины Федоровой

Мы познакомились на одной из таких съёмок в первой студии ленинградского телевидения. Анна произвела на меня очень приятное впечатление. Милая, скромная, застенчивая, молчаливая. В отличие от своих коллег она ничего не делала для саморекламы, просто приходила в студию без эпатажа, без сенсаций и пела свои грустные песни. Я сделала серию снимков Анны и решила ей их подарить. Спросила у неё адрес, она написала его на обороте своей фотографии, случайно оказавшейся у неё в сумочке. Я отослала сделанные мной фотографии в Варшаву, даже помню формат снимков – 13 × 18. И вскоре пришел ответ – очень нежное письмо от Анны, в котором она благодарила меня за эти снимки. Я дарила фото многим известным актерам, которых снимала, но только от Анны Герман я получила личную благодарность.

В студии ленинградского телевидения. Фото Валентины Адариди (Федоровой)



С ведущей ленинградского телевидения Эльвирой Скомаровской. Фото Валентины Адариди(Федоровой)

Сейчас трудно вспомнить, сколько раз мы виделись. Судя по фотографиям, встреч было несколько. Я старалась снимать, не мешая Анне. Да и все работники телевидения были очень деликатны и внимательны к ней. Помню, операторы попросили её присесть в кресло, чтобы кадр получился более удачным. Она же была очень высокая, и это нужно было «скрыть» в кадре. После одной из съемок я подошла к Анне и попросила сфотографироваться с ней на память. Она почти присела, мы засмеялись, и фото вышло очень забавным: на нём Анна кажется ниже меня ростом! «Буду показывать подругам, что я выше Анны Герман!» – смешила я Анну.

У меня до сих пор перед глазами её образ. Я часто слышу, что про неё говорят «светлый человек». Это правда. Она была светлой и внутренне, и внешне: длинные красивые волосы, минимум косметики, всё очень натурально. Когда она отвечала на вопросы журналиста в программе, заметно волновалась, иногда даже путала слова. А вне кадра была очень простым человеком. Помню, я провожала её в нашу телевизионную столовую, чтобы выпить чаю и что-то перекусить. Туда вела очень неудобная узкая

лестница, Анна шла, поднимая полы своего платья. Кстати, одно из платьев, в котором я её запечатлела у нас в студии, Анна связала сама, о чём сама лично поведала.

Уже после ухода Анны из жизни ко мне обратилась поклонница и подруга Анны Лия Спадони, попросив у меня несколько фотографий для книги о певице. Я подарила ей всё, что у меня было, и вскоре получила в подарок от неё изданную книгу, а в ней – мои фотографии.

Я давно живу во Франции. Та жизнь, в которой я общалась с Анной Герман, осталась в прошлом. Бесследно исчезли негативы, пропали многие фотографии. Но память – она лучше фотоаппарата сохраняет увиденное глазами!

Художники

Ирина Бржеска, художник (Эстония) «Этот портрет поместили на обложке пластинки»

Репродукция картины Ирины Бржески с пластинки Анны Герман, 1977 год

Портрет работы этой таллинской художницы знают многие: он украшает обложку одной из самых известных грампластинок

Анны Герман. Сохранилось лишь письмо художницы, адресованное Анастасии Ивановне Цветаевой, в котором идёт речь о создании этого знаменитого портрета Анны.

«Дорогая Асенька! В нашей бедной библиотеке я вдруг достала журнал с вашей чудесной статьей об Анне Герман – вот приятно и радостно было читать ваши талантливейшие строки! Было радостно познать, как всё слилось вместе, и я всех троих люблю и знаю. Мне даже стало жаль, что я осталась в стороне. Ведь Виктору (Мамонтову) я обещала для музея её портрет. Но ведь всё это было так уникально, что кто-нибудь это и опишет, так как таких случаев не было.

Когда Виктор вызвал меня из Таллина писать Анну и Старца, я обнаружила, что забыла ультрамарин. И Лёня – мой зять – повёз меня (перед сеансом с Анной) к старой коллеге, ещё активной в живописи, и она взвыла, пораженная всем этим: «Ирка! Ты что – гений или сумасшедшая?! Такую трудную модель на таком большом холсте писать в такой срок?» (а я ведь была у Анны всего часа полтора). Но портрет им обоим так понравился, что поместили его на обложке пластинки с песнями Анны» (14 апреля 1984 года).

Валентин Массов, художник (Москва) «Ваши картины наполнены необыкновенным светом»

Моя встреча с Анной Герман произошла в 1977 году благодаря отцу Виктору Мамонтову. Мы увиделись в англиканском костёле (кирхе), недалеко от Московской консерватории. В здании этого костёла располагалась звукозаписывающая студия «Мелодия». В тот день проходила запись песни Владимира Шаинского. Автор был радостно взволнован и всё просил и просил повторения песни. Анна покорно не отказывалась, до тех пор пока Шаинский не согласился с нужным вариантом.

Когда запись закончилась, мы пошли домой к Анне Качалиной, где Анна остановилась. Попили чай, затем посмотрели мои работы. Свой восторг от работ она выразила в автографе на пластинке, которую мне подарила. А я в ответ подарил ей одну работу. На этом мы и разошлись. Что понравилось Анне в моих картинах? Она сама ответила на этот вопрос, сказав: *«Ваши картины наполнены необыкновенным светом!».*

К сожалению, при переездах я потерял ту пластинку с автографом Анны, но в памяти остался её искренний восторг, её

чистый небесный взгляд…

Кино

Евгений Матвеев, кинорежиссер, народный артист СССР (Москва) «Эхо любви»

Покроется небо пылинками звёзд,
И выгнутся ветви упруго.
Тебя я услышу за тысячи верст:
Мы эхо, мы эхо, мы долгое эхо друг друга.

Причуды в творчестве неисповедимы… Песня «Эхо любви» создавалась не по общеизвестным канонам. Как ни странно, в моём режиссёрском сознании прежде всего родился голос. Голос хрупкий, нежный, ласковый, способный передать тончайшие нюансы сложной любви. И этот голос был Анна Герман.

Я поделился этой мыслью с Робертом Рождественским, Евгением Птичкиным и автором романа «Судьба» Петром Проскуриным. Все пришли в восторг. Ещё не было слов и музыки, но мы уже знали, что это должна петь только Анна Герман.

Надо сказать, что сама песня была написана легко. Мы послали в Варшаву письмо, в котором просили Анну спеть в фильме. Ответ пришел очень быстро, Анна написала: «Я счастлива спеть в вашем фильме». Следом мы послали письмо с нотами, и снова ответ не заставил себя ждать: «Тональность такая-то, запишем во время ближайшего приезда в Москву».

Во время съемки на московском телевидении. Фото Алексея Агеева

Когда она прилетела, оркестр кинематографии ждал в студии, всё было подготовлено. Анна приехала и сразу встала к микрофону. Оркестр заиграл вступление, зазвучал голос – и… запись прекратилась. Мы не могли дальше записывать! Оркестранты – и мужчины, и женщины – были очень растроганы и не сдерживали слёз, у скрипача дрогнул смычок. Через несколько минут запись начали снова. Анна спела с одного дубля – глубоко, нежно, проникновенно.

МОСКОВСКАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА и ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
КИНОСТУДИЯ «МОСФИЛЬМ»

Экспериментальное творческое объединение

НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР Е. С. МАТВЕЕВ
Режиссер-постановщик

Москва, 119285. Мосфильмовская, 1. Тел.: 143-97-06, 143-92-07

№_____ «____» _____ 197 г.

Анне Герман.

Дорогая Анна!

Как долго я ждал случая, чтобы обратиться к Вам, к Вашему голосу, к Вашему изумительному, исповедальному таланту.

Случай представился — фильм „Судьба", музыка Евгения Птичкина.

Умоляю не отказывайтесь спеть!
Спеть про радость и горе любить!

Всегда искренне и глубоко
почитающий Вас
— Евгений Матвеев

январь 1977 г.

Личное приглашение режиссера Евгения Матвеева Анне Герман записать песню «Эхо любви» для кинофильма «Судьба», январь 1977 года.

Я благодарю судьбу за счастье соприкосновения в своей работе с творцом, которым была Анна Герман!

Фрагмент письма Анны Герман к Анне Качалиной:

«Дорогая моя Аничка! Эта песня для фильма – очень хороша. Я послала телеграмму с тональностью, только вот боюсь, не перепутали они на почте что-нибудь. Они прислали мне ноты в C-moll, а мне надо на полтона выше – Cis-moll. Аничка, в случае чего позвони, пожалуйста, тов. Матвееву и скажи об этом – и что я буду в половине марта. Хорошо? У меня всё по-старому» (24 января 1977 года).

Фрагмент интервью Анны Герман ленинградскому радио (запись журналистки Лии Спадони):

«…Я была очень польщена – спеть эту песню с Большим симфоническим оркестром было для меня большой честью. Очень приятно отметить, что, когда песня хороша, ей не нужна ни реклама, ни пластинки. Она одинаково нравилась публике: и когда я просто выходила и без объявления пела „Эхо любви“, и потом, когда я объявляла, что это песня из кинофильма „Судьба“. Ну правда, тогда сразу раздавались аплодисменты» (31 декабря 1979 года).

Администраторы, работники сцены…

Иван Несвит, бывший сотрудник концертной организации «Госконцерт» (Москва) «Она объездила почти все крупные города СССР»

Рекламный буклет, изданный к концертам Анны Герман в Ленинграде в 1974 году

Аня была артисткой, с которой у меня сложились тёплые неформальные отношения. В ней абсолютно не было звёздности, в общении она была проста и доступна.

В те годы «Госконцерт» занимался гастролями зарубежных артистов в СССР, у нас были договорные отношения с концертными организациями почти всех стран мира. Аня работала с польским артистическим агентством «Пагарт». Каждый год между «Госконцертом» и «Пагартом» подписывался протокол о сотрудничестве, в котором обе стороны предлагали гастроли востребованных и интересных музыкантов. Имя Анны Герман часто фигурировало в таких протоколах. Поначалу её выступления предлагал «Пагарт», благодаря чему мы узнали Аню в середине шестидесятых, а в семидесятые годы мы уже сами делали запросы на её гастроли в СССР, так как она была очень популярна и любима, в каждом городе ждали её приезда.

Аня приезжала в СССР много раз, объездила почти все крупные города нашей страны, чаще всего выступая в Москве и

Ленинграде. Гастроли тогда были длительные – они могли продолжаться месяц или два. В каждом городе старались сделать несколько концертов, в разных залах, билеты всегда раскупались моментально.

Что касается гонораров за концерты – Анна получала примерно 300 рублей за концерт, это были хорошие деньги в те годы. За год она давала в СССР около пятидесяти концертов, а если приезжала дважды в год, то количество концертов иногда доходило до ста. Зачастую было по два концерта в день – днём и вечером. Это утомляло, поэтому Аня просила не назначать ей дневные концерты. Но, когда она приезжала в какой-нибудь город, местные администраторы всё равно умоляли её дать дополнительные концерты, так как билетов на всех желающих не хватало.

Во время гастролей у всех артистов была культурная программа – экскурсии, поездки по достопримечательностям. Например, во время гастролей в Иркутске Аня посетила местный минералогический музей, ездила на озеро Байкал; в Ленинграде она посетила многие музеи, дворцы, любила прогулки по городу.

В те годы я делал для радио «Маяк» программы «У афиш «Госконцерта», «Музыкальный глобус», и Аня мне никогда не отказывала в интервью, мы записали несколько бесед, они были в эфире.

Бытует мнение, что во время гастролей к артистам приставляли сотрудника внутренних органов, который следил за артистами. К Анне Герман таких людей не приставляли. Ни у кого не было сомнений в её добропорядочности. С её группой ездили только представители «Госконцерта» и «Пагарта», переводчик. Аня никогда не брала деньги за дополнительные концерты «в конверте», всё шло официально через «Госконцерт», свою зарплату она получала уже в Польше, в СССР ей выделяли только суточные.

В архиве «Госконцерта» сохранились некоторые документы, касающиеся гастролей Анны Герман в СССР. По этим официальным отчётам можно проследить маршруты её гастролей, репертуар концертов.

Я много раз бывал на концертах Анны Герман, она очень любила выступать в ГЦКЗ «Россия», в Театре эстрады. Зрители всегда принимали её стоя. В конце концерта зал вставал, люди несли на сцену цветы, просили петь ещё. Это была необыкновенная артистка с неповторимым голосом. В моей душе по сей день звучит её голос: «Гори, гори, моя звезда»…

Алла Бегалиева, администратор гастролей Анны Герман в

СССР от «Госконцерта» (Москва) «Это были её последние гастроли…»

В начале 80-х я работала администратором в «Госконцерте» – организации, занимавшейся гастролями. В мои обязанности входило сопровождать артистов из соцстран в их гастрольных поездках по СССР. В начале 1980 года меня вызвали в «Госконцерт» и сказали, что я буду работать с Анной Герман в её ближайший приезд.

И вот в назначенный день я поехала в аэропорт Шереметьево встречать Анну и её коллектив. Она проходила через специальный выход (сейчас это называют VIP-зал). Выглядела очень расстроенной. Оказывается, за несколько дней до этой поездки, 14 марта 1980 года, в авиакатастрофе погибла популярная польская певица Анна Ян-тар. Говорят, в Польше поползли слухи о гибели Герман, журналисты не разобрались в ситуации, так как обе Анны были популярны и известны в Польше.

Один из последних концертов, Городской театр в Серпухове, 12 апреля 1980 года. Фото Валерия Карпова

На ткацкой фабрике в Ашхабаде: слева Алла Бегалиева, справа Богумила Витомская, апрель 1980 года. Фото из архива Аллы Бегалиевой

Те гастроли были короткими – концерты в Москве, Сочи, Серпухове, Алма-Ате и Ашхабаде.

В Ашхабаде было несколько концертов в театре им. Молланепеса. Зал – битком на всех концертах! Что интересно, публика была смешанная – и русские, и туркмены. Все слушали Аню, затаив дыхание. Говорят, что музыка не знает границ – это и было яркое подтверждение тому. После одного из концертов женскую часть нашего коллектива – Анну, меня и певицу Богумилу Витомскую – пригласили на городскую швейную фабрику. Эта фабрика специализировалась на пошиве одежды для женщин: платья, сарафаны, халаты и т. д. Там Анне подарили национальный наряд и кошелёк ручной работы, расшитый узорами. Там же, на фабрике, были сделаны памятные фотографии с работницами этого предприятия.

На протяжении всего гастрольного турне Аня плохо себя чувствовала. Она никому не рассказывала о своих проблемах, но мы с ней нашли общий язык, она делилась со мной: *«Алла, многие люди думают, что я слишком требовательная, заносчивая, что со мной тяжело работать, некоторые администраторы даже отказываются от гастролей со мной. Но я ведь не могу сказать всем, какой ценой мне даются эти поездки! Я способна выдержать только один концерт, потом я должна от всех закрыться и быть*

наедине с собой».

Анна действительно требовала: никаких интервью и автографов после концертов. «Госконцерт» напечатал рекламные афишки с портретом Анны, она на них заранее расписывалась, и после концерта я раздавала их желающим, которые всегда толпились у гримёрки или на служебном входе. Анечка просила, чтобы и в гостиничный номер к ней приходила только я, она никого не хотела видеть.

На каждом концерте Анна отдавала зрителям часть жизни. Это трудно передать словами. На время выступления она становилась будто бы здоровой, улыбалась – ни один зритель и даже музыканты не догадывались, что она тяжело больна… А состояние её было действительно тяжёлым: нога опухла до такого состояния, что при нажатии на неё пальцем оставались следы, был нарушен процесс кровообращения.

Ежедневно из гостиницы Аня заказывала международные переговоры – очень беспокоилась о семье, о сыне. О Збышеке-младшем она могла говорить подолгу.

В Сочи администрация филармонии с трудом уговорила Анну выступать в цирке. Мы с Аней недоумевали: как артистке такого жанра работать на цирковой арене? Но она не испугалась, и концерты состоялись. Никогда не забуду, как Аня запела «Балладу о матери», там есть потрясающие слова: «Ну как же без вас мы, да что вы надумали, мама? И кто нам, матуся, расскажет теперь про весну?». Все зрители сочинского цирка плакали… Анна стояла в луче прожектора, на цирковой арене, вокруг тишина гробовая, зал замирал от её голоса. Это невозможно передать словами, это нужно было слышать!

А больше всего в той программе мне нравилась песня «Старый артист». С каким чувством и драматизмом она её исполнила! Весь коллектив знал, что я неравнодушна к этой песне. Поэтому, когда Аня начинала её петь, поляк-администратор из «Пагарта» прибегал за мной и звал: «Пани Алла, идите скорее, Анна "Старого артиста" поёт!». И я бежала на сцену, чтобы послушать эту потрясающую песню. До сих пор в моей памяти звучат интонации Анны! Как жаль, что гастроли тогда были прерваны из-за болезни и она не записала эту песню в студии. Теперь нет возможности услышать её еще раз. Как сейчас помню, я спросила: «Аня, а эта песня у тебя есть на пластинках?». Она ответила: *«Алла, вот я приеду в следующий раз, запишу новые песни и „Старого артиста“ – обязательно!».*

В Москве концерт состоялся в Центральном доме работников искусств. Это был концерт и приём в её честь. Вёл вечер Ян Френкель, Аню приветствовали работники ЦДРИ, а также

Владимир Шаинский, Михаил Пляцковский, Людмила Иванова, Валерий Миляев… После концерта было чаепитие, где все общались с Аней, было сделано много общих фотографий.

Последний концерт тех гастролей состоялся в городском театре в Серпухове. Руководитель театра Борис Камчатов проявил инициативу, и Анна дала согласие, хотя концерт изначально не был в гастрольном графике. Помню, мы ехали туда на чёрной «Волге», я взяла с собой своего сына Мишу. Всю дорогу мы разговаривали, я сетовала на то, что сын не всегда послушен. Аня, сидя на первом сидении, обернулась и сказала: *«Мишенька, ты маму слушайся! Она у тебя хорошая!»*. Она пригласила нас с сыном к себе в гости, в Варшаву, подарила свою маленькую пластинку с дарственной надписью: *«Дорогому Мишеньке от Анны Герман»*.

Один из последних концертов, Городской театр в Серпухове,

12 апреля 1980 года. Фото Валерия Карпова

В мае 1980 года Аня снова приехала в Москву, чтобы петь в «Лужниках» в программе «Мелодии друзей», но состояние её резко ухудшилось, и она улетела обратно в Варшаву Мы так и не повидались. Через знакомых она передала мне пакет, а в нём – подарки для моего сына: целая пачка жвачки, кроссовки и игрушка «Лёлик и Болик»…

А через два года я узнала, что Анны больше нет. Я встретилась с Сашей Жигаревым, он рассказал мне, как трудно ей было в последние годы жизни, сколько страданий она претерпела.

Я человек творческий, даю иногда концерты и часто вспоминаю Анну Герман. Рассказываю о ней зрителям и обязательно пою «Старого артиста». В память о незабываемой Анечке!!!

Из архива «Госконцерта»

Директору Госконцерта СССР Супагину Л. И.

Отчет сопровождающей Бегалиевой А. А. о работе с группой эстрадной певицы Анны Герман

15 апреля 1980 год

Анна Герман выступила с концертами в городах: Москва, Алма-Ата, Ашхабад, Сочи и Серпухов.

В Москве она выступала вместе с эстрадно-танцевальной группой «Сувенир». Все её выступления проходили с полными аншлагами, и дирекция ансамбля выразила пожелание по возможности продолжить этот успешно начавшийся альянс с артистами Госконцерта СССР.

Анна Герман выступала в Москве 21,22 и 23 марта – пять концертов (в том числе два дневных). 25 марта мы прилетели в Алма-Ату, но в этот день запланированного концерта не состоялось из-за начавшейся болезни Анны Герман. 26 марта она дала два концерта и после этого окончательно слегла, поэтому все остальные концерты были отменены, а 28 марта мы вылетели в Ашхабад в надежде, что жаркий климат будет способствовать её скорейшему выздоровлению. И действительно, уже 30 марта Анна Герман согласилась дать один концерт. Солнечная погода благоприятствовала быстрому выздоровлению. Кроме того, зал был не очень большой по сравнению с предыдущими в Москве (6000 мест) и Алма-Ате (4000 мест), его вместимость – 900 мест, и потом, она давно мечтала побывать в Ашхабаде и встретиться со зрителями. Горячий приём вдохновил её на 12 концертов.

С поклонниками в Ашхабаде, у театра имени Молланеппеса, апрель 1980 года. Фото из архива Збигнева Тухольского

В этом же городе она с удовольствием встретилась с представителями общества дружбы, где давала интервью одновременно журналистам из нескольких газет, а уже через два дня мы увидели её фотографию с автографом в двух местных газетах.

Надо здесь сразу отметить, что она неоднократно выражала своё желание непременно повторить свой приезд в Ашхабад на более длительный срок, а также отдать свой долг Алма-Атинским зрителям за несостоявшиеся концерты.

6 апреля мы прилетели в Сочи. Разместили нас в гостинице «Приморская», рядом с филармонией. Но выступать ей пришлось в помещении цирка, что вызвало с её стороны сначала удивление, а потом решительный протест. Но в итоге кропотливых убеждений и уговариваний со всех сторон она дала в Сочи пять концертов (8, 9, 10 апреля – в том числе два дневных). Как всегда, её концерты прошли с аншлагом при вместимости цирка в 2500 мест. После последнего концерта её пригласили в директорскую ложу, где находились Первый секретарь Краснодарского крайкома партии и Первый секретарь Сочинского горкома партии. Все присутствовавшие в ложе товарищи поблагодарили Анну Герман за её высокое мастерство эстрадной певицы и выразили пожелание чаще видеть её на своих площадках.

На приеме после концерта в Сочи, справа от Анны – первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС С. Ф. Медунов, 10 апреля 1980 года

11 апреля мы вернулись в Москву, а на другой день по огромной просьбе дирекции городского театра Анна Герман выехала с концертом в г. Серпухов.

Хочется особо отметить тот горячий приём в Серпухове, который ошеломил всех. Публика буквально неистовствовала. Зал был заполнен до отказа, люди стояли в проходах, на балконе, из зала раздавались крики «Браво!», «Спасибо!», многие зрители плакали при исполнении «Баллады о матери», романса «Гори, гори, моя звезда». Анна Герман увезла с собой самые добрые впечатления и обещала серпуховским зрителям обязательно выпросить хоть один день в мае, чтобы дать два концерта. Вместимость зала городского театра – 1000 мест.

Вообще, надо сказать, что выступление Анны Герман во всех городах встречалось с огромным воодушевлением, всегда возникала только одна проблема: как удовлетворить бесконечный поток заявок на посещение её концертов, обязательно кто-то оставался обиженным.

13 апреля Анна Герман выступила в ЦДРИ перед своими коллегами, и чувствовалось, что она очень волновалась перед выходом на сцену, но и здесь её ожидал очень теплый приём.

14 апреля по просьбе Президиума Верховного Совета СССР Анна Герман выступила в Колонном зале Дома Союзов в концерте, посвященном празднованию 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина. После концерта ей и её ансамблю были преподнесены сувениры от дирекции Колонного зала. Надо отметить, что последние два концерта Анна Герман дала без

оплаты гонорара.

15 апреля группа вылетела в Варшаву.

Станислав Ксёнжик, один из организаторов дней польской культуры в Москве в апреле 1979 года (Польша) «Освещённый светом Аннушки день…»

Я был организатором и одновременно свидетелем очень трогательной встречи Анны Герман с коллективом московского металлургического завода «Серп и молот». В СССР по случаю 30-летия Польской народной республики проходили Дни польской культуры. Программа была обширная, в составе деятелей польской литературы и искусства была и Анна Герман. Концерты с её участием пользовались большим интересом. Достать на них билеты было трудно, все они раскупались заранее.

Приветственное слово от представителей завода «Серп и молот» В. И. Дюжева и В. В. Клюева на концерте 11 апреля 1979 года. Фото Анатолия Ломохова

Перед открытием Дней ко мне обратился руководитель отдела польско-советской дружбы завода «Серп и молот» Николай Драч: «Наш коллектив – один из основателей отдела польско-советской дружбы. Так?» – «Ну конечно, – ответил я, – только почему ты спрашиваешь?» – «Пригласи от нашего имени Анну Герман на встречу Сделай это, пожалуйста, даже если это кажется

невозможным. Прошу тебя от имени девятитысячного коллектива нашего завода».

Анна сердечно приняла это приглашение. Задолго до начала встречи зал был полон. Приглашения на концерт достали только передовики производства. В зал приходили целыми бригадами, отделами производств. Многие из тех, кто не попал в зал, просто пришли к Дворцу культуры, чтобы вручить Анне цветы, попросить автограф, сказать тёплые слова. Из-за этого концерт начался с опозданием, но никто не возмущался, не покинул зал.

И наступил момент, когда Анна Герман вышла на сцену. Публика встретила певицу стоя. Аплодисментам не было конца. А она стояла на сцене, скромно сомкнув руки, кланяясь и пытаясь успокоить зрителей. Но ураган аплодисментов продолжался. Молодёжь несла цветы, а Анна для каждой девушки и каждого парня находила улыбку и слова благодарности, от чего публика еще больше буйствовала. Казалось, не было силы, способной остановить этот поток аплодисментов. И тут Анна запела «Надежду»… Концерт был необычным. Анна Герман пела польские и советские песни. Отдельные аплодисменты получила русская народная песня «Эй, ухнем!»: трудно было поверить, что такая женщина сможет спеть её басом. Но у Анны Герман были богатые вокальные возможности.

Анна рассказывала о своём детстве, о пути к песне. И было в этом столько счастья, столько юмора. Зрители смеялись вместе с Анной, когда она шутила по поводу своего роста. А потом были цветы. Целое море цветов. Множество подарков. Люди поднимались на сцену, чтобы просто поцеловать Анну, поблагодарить за встречу. Не обошлось и без сюрпризов. Одна бригада вручила Анне Герман для её сыночка игрушечный автомобиль. А через пару минут другая бригада вынесла на сцену игрушечный грузовичок.

Столько лет прошло с того времени, а в памяти остался тот, освещенный светом Аннушки, день.

Людмила Черникова, в 70–80-е годы администратор «Узбекконцерта» (Ташкент) «Анна спела тринадцать концертов в Ташкенте»

В конце семидесятых – начале восьмидесятых я работала в концертном зале им. Я. Свердлова (сейчас его уже не существует), отвечала за пребывание артистов во время их гастролей в самом зале. Сопровождением по городу, по маршруту гастролей занимались другие администраторы.

Итак, в мае 1979 года Анна Герман приехала в Ташкент на гастроли на две недели. Почти каждый день – по два концерта! С 4 по 10 мая она дала в нашем зале 13 концертов!

У входа в гостиницу «Узбекистан», Ташкент, май 1979 года. Фото В. Когай

Первое, что я в ней тогда отметила, – это необыкновенная скромность, даже застенчивость. И в то же время – удивительная смешливость! Мне даже показалось, ей нравится по-доброму подтрунивать над людьми. К примеру, она все время вгоняла в краску моего супруга: часто делала ему комплименты, а он – такой огромный мужчина – очень смущался, что, по-видимому, её

забавляло. Помню, как она часто восклицала, лукаво улыбаясь в его сторону: *«Людочка, у вас такой замечательный муж! Такой высокий, красивый, внимательный… И где вы такого нашли?».*

О себе Анна практически ничего не рассказывала, знаете, вот была в ней такая тёплая сдержанная вежливость. Она могла обсуждать концерт, песни, но свою личную жизнь – нет. Правда, о сыночке рассказывала, какой он шалун и как любит разбирать игрушки.

В Анне Герман абсолютно не было «звёздности». Она не доставляла окружающим никаких хлопот, ещё и извинялась за какую-либо свою просьбу. Помню, незадолго до концертов Анны в Ташкент приезжал один известный югославский артист, так вот, он нас всех просто измотал: и в гримёрку его никто не заходите, и посторонних за кулисами уберите, и парикмахера самого лучшего срочно предоставьте… После него Анна действительно производила впечатление ангела… Она сама одевалась, сама красилась и делала причёску. Мне ещё очень запомнилось, как она шла на сцену: всем по дороге, даже обычным работникам, механикам, дружески кивала головой и улыбалась, словно хорошим знакомым. Она всегда выходила на сцену в отличном настроении, из гримёрки уже шла с таким особым положительным настроем.

На сцене концертного зала им. Я. Свердлова, Ташкент, май 1979 года. Фото И. Бутеева

Однажды вечером мой муж пригласил Анну с нами поужинать в старом городе, в «Яме» (нынешний Чагатай), где в частных домишках и по сей день готовят умопомрачительный шашлык всех видов. Анна с удовольствием согласилась. И вот мы за маленьким столиком в маленьком дворике. На столе – обычная клеёнка, лук с уксусом в блюдцах, пиалушки с чайником, горячие лепёшки… Принесли шашлык, и вокруг разлился такой аромат, что Анна воскликнула: *«Как вкусно!»*. И, покушав (она именно кушала, а не ела…), всё повторяла: *«Как это вкусно! Я так давно не ела такой шашлык!»*. И обслуживающим узбекам говорила: *«Рахмат, туда яхши!» («Спасибо, очень хорошо!»)*. После шашлыка она пришла в ещё более хорошее настроение и снова стала подразнивать моего мужа, засмущав его окончательно… И конечно, очень благодарила за прекрасный вечер.

В мае в Узбекистане идут активные работы на хлопковых полях, и частенько для поднятия духа дехкан к ним выезжали артисты местной эстрады, а также очень немногие из приезжих. Не все соглашались петь в неизвестно каких условиях, да ещё и бесплатно. Анна же согласилась сразу, когда ей неофициально предложили дать благотворительный концерт прямо в поле. Поле находилось в стороне Джизака, в километрах 50 от Ташкента. Вместо сцены – грузовик, покрытый ковром, зрители – уставшие хлопкоробы. Помню, Анна была в светлом платье чуть ниже колена, волосы собраны сзади в низкий «хвостик». И спела она ничуть не хуже, чем в концертном зале! Всё на совесть, всё – от сердца! Хотя не было оркестра, всего лишь бобинный магнитофон с колонками…

Помню, где-то в начале гастролей Анны прилетел на один день Лев Лещенко, чтобы в одном из концертов, на котором присутствовала руководящая верхушка Узбекистана, исполнить дуэтом с Анной «Эхо любви» и «Надежду».

Увы, в Самарканд на два дня я с ней не ездила, поехала сама Раиса Раимовна Бродянская – заведующая зарубежным отделом «Узбекконцерта», которая контролировала «от» и «до» каждый шаг приезжих артистов. Не побывала Анна и у меня в гостях – как-то не получилось. Заглянула только на чай к директору «Узбекконцерта» Амо Рубеновичу Назарову.

«Узбекистан – моя вторая Родина» Заметка в ташкентской газете «Правда Востока» от 15 мая 1979 года

Зрители Ташкента и Самарканда радушно принимали выступления популярной польской певицы Анны Герман. Вдвойне приятна встреча с известной артисткой ещё и потому, что её судьба связана с нашей республикой. Анна Герман родилась в

Ургенче и там провела детство. Ещё совсем юной она начинала петь по-русски в Хорезме. В 1964 году она стала лауреатом международных эстрадных фестивалей в Ополе и Сопоте за исполнение песни «Танцующие Эвридики», ставшей популярной во всем мире. В Советском Союзе А. Герман выступает ежегодно.

Вот и нынче певица совершает большое турне по нашей стране. В программу концертов она включила новые произведения советских композиторов, а для узбекских зрителей подготовила сюрприз – «Песню о Ташкенте» Арно Бабаджаняна.

«Впервые в Ташкенте я гастролировала в 1964 году, – рассказала гостья из Варшавы. – *Теперь ваш город не узнать совсем. После землетрясения он заметно разросся, обновился… Видела много свадебных кортежей на улицах. Он прекрасен, этот город молодости и дружбы, город-сад. Нынешний приезд, как и предыдущий, – воспоминание о детстве и юности. Ведь Узбекистан я считаю своей второй родиной. Спасибо за аплодисменты, радушие и улыбки!»*

А. Давыдов

Раиса Прилипко, в 70–80-е годы – главный бухгалтер «Узбекконцерта» (Ташкент) «Все замирали, как только Анна Герман начинала петь»

Сейчас в это трудно поверить, но каждый концерт Анны Герман в те жаркие майские дни 1979 года в Ташкенте я проводила возле первого ряда зрительного зала, около двери, ведущей в директорский кабинет. Просто не могла наслушаться. И не только я! Почти все сотрудники концертного зала им. Я. Свердлова собирались в те дни в коридорах, за кулисами, чтобы послушать прекрасный голос польской певицы. Самое удивительное, она просто выходила на сцену и пела, стоя практически на одном месте, не танцуя, не расхаживая по сцене. И казалось бы, два часа такого исполнения могли бы показаться скучными, но нет! Все замирали, как только Анна Герман начинала петь, и слушали на одном дыхании весь концерт… Вся сила её была в голосе. Помню, она выступала без конферансье, сама объявляла каждую песню, если это была польская песня, то кратко её переводила. Запомнились слова Анны, что в свой репертуар она включает только те песни, которые берут её за душу Перед тем как исполнить свою знаменитую «Колыбельную», она сказала: *«У меня есть песня, которую я очень долго ждала, мечтала спеть… Это колыбельная, которую поют все матери».*

На сцене концертного зала им. Я. Свердлова, Ташкент, май 1979 года. Фото И. Бутеева

Интересно, что при своем высоком росте и обладании сильным красивым голосом Анна очень тихо, ровно и порой даже неэмоционально разговаривала. Думаю, это в силу её характера и скромности. Скромность Анны бросалась в глаза сразу же, начиная от внешнего вида. За две недели её пребывания в Ташкенте я ни разу не видела Анну в ярких нарядах – все пастельных, скромных оттенков. Даже концертные платья, в которых она выступала, были одно серого цвета, а другое – нежно-голубого. Оба прямые, строгие, только небольшие складки да пышные рукава украшали одно из них. И на каждое выступление она накидывала на плечи красивую кремового цвета шаль крупной вязки. В повседневности Анна надевала серый сарафан и лишь меняла белые блузки – то шифоновую, то из хлопка с затейливой вышивкой на рукавах и вороте. Не видела я её и ярко накрашенной…

Помню, меня вызвал к себе директор, чтобы заплатить Анне суточные (тогда все зарубежные артисты получали у нас суточные в рублях, естественно, а основной гонорар выплачивал «Госконцерт» в валюте той страны, откуда они приезжали). Я

зашла в кабинет. Анна привстала со стула, здороваясь со мной. Амо Рубенович (директор «Узбекконцерта») сказал: «Вот мой главный бухгалтер». Анна удивилась: *«Это ваш бухгалтер? Такая молодая девушка? Сколько я везде ездила, видела только пожилых бухгалтеров».*

Завтракали и обедали приезжие артисты в гостинице, а ужинали зачастую сразу после концерта у себя в гримёрках и уже за свой счёт. У нас действовал выездной буфет ресторана «Бахор». Перед концертами за кулисами выставлялись столики с напитками и с закусками, артисты в любое время могли перекусить и заказать в номер ужин. К сожалению, не помню, что брала в гримёрку Анна, но красную и чёрную икру точно не заказывала, как многие.

Помню, к Амо Рубеновичу в кабинет зашёл молодой высокий блондин, оказалось – журналист, который попросил разрешения взять у Анны Герман интервью. С ним также был невысокий шустрый кореец-фотограф, которого директор попросил сделать снимки и для нашего архива. К сожалению, у меня не сохранился автограф Анны, который она дала мне тогда в кабинете директора, моя дочь ещё лет десять назад подарила несколько карточек из моей коллекции своей подруге, среди которых была и фотография Анны Герман… А где архив «Узбекконцерта» сейчас – одному богу известно…

Эмма Агопова, в 70-е годы – художественный руководитель Ростовской филармонии (Ростов-на-Дону) «Ростовские гастроли»

Открытка с автографом Анны: «Дорогой Эмме на память от Анны Герман. 15.12.72». Из архива Э. Агоповой

В семидесятые годы в Ростовской филармонии самыми кассовыми были концерты советских звезд – Муслима Магомаева, Людмилы Зыкиной, ВИА «Песняры», но особенной любовью у зрителей пользовались зарубежные артисты, они всегда проходили с огромным успехом.

Гастроли Анны Герман в 1972 и 1975 году в нашем городе не стали исключением. Песни Анны ростовчане очень любили. Я лично занималась организацией этих концертов: встречала Анну,

показывала ей город, сопровождала на концерт и в гостиницу.

17, 18, 19 августа ДВОРЕЦ СПОРТА

ПОЕТ

АННА ГЕРМАН

В сопровождении эстрадного ансамбля (Польская Народная Республика).

Начало в 20.00. 17 августа — в 16.00 и 20.00. Билеты продаются

В ТЕАТРАХ И КИНО

ГОРЬКОВСКИЙ ТЕАТР КОМЕДИИ (в помещении театра

Долина 21.00. «СПУТНИК» 13.00, 18.00. «ПОБЕДА» Полный вперед 10.45, 14.20, Под знаменем неба 19.00.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ РОСТОБЛКНИГОТОРГА

Реклама концертов Анны Герман в Ростове-на-Дону в августе 1975 года

Анна попросила меня отвезти её на городской рынок, мы поехали, и она купила там банку мёда. Я спросила, зачем ей мёд, она сказала, что признаёт только натуральные продукты и мёд помогает бороться с простудой, которую она часто подхватывает во время гастрольных поездок. Ещё Анна Герман купила в нашем городе два колечка – одно себе, другое в подарок своей маме.

Мы расстались как добрые друзья, а спустя некоторое время, в январе 1976 года, я неожиданно получила от Анны Герман письмо. Я удивилась, так как не давала ей своего адреса. Анна написала на конверте просто: «СССР, Ростов-на-Дону филармония (дирекция), Эмма Вагановна Агопова». И письмо нашло меня! Я его сохранила до сих пор, оно очень тёплое и трогательное:

ZSRR
СССР
Ростов на Дону
филателия (Дирекция)
Эмма Валентина Агопова

I

Б-а, 15.I 76.

Дорогая Эмма!
С опозданием – но самые
лучшие пожелания на весь
76 год!! Здоровья Вам,
милая Эмма, спокойствия
и радости на любовь и дом.
У нас сын – большой, крепкий
и страшный обжора. Ел бы
и ел весь долгий день!
Вот и самая моя большая

Письмо Анны Герман Эмме Агоповой

«Дорогая Эмма! С опозданием – но самые лучшие пожелания на весь 76-й год!! Здоровья вам, милая Эмма, спокойствия и радости на работе и дома!

У нас сын – большой, крепкий и страшный обжора. Ел бы и ел весь божий день! Теперь самая большая проблема у меня не тональность, не микрофоны, не ноты, не платье… Только его аппетит!

Мне до сих пор не верится, что это действительно мой сын, наш мальчик – сегодня, завтра, навсегда!

Эмма, пока, конечно, сижу дома – сегодня ему два месяца. На будущий год собираюсь в СССР. В этом году даже из дому не выйти, т. к. нет у меня никого, кто бы помог хотя бы прибрать или хлеб купить. Муж тоже с ног валится, а найти кого-нибудь в Варшаве (домработницу), да ещё и к маленькому ребенку – пока невозможно… Но ничего, лишь бы он был здоровым мальчиком, правда?

Пока, Эмма. Я вас всё вижу в ваших изящных платьицах и с очаровательной улыбкой. До встречи, будьте здоровы и счастливы! Ваша Аня и Збышек-Иварр.

P.S. Мёд я довезла и всем он очень понравился – маме и мужу» (Варшава, 15 января 1976 года).

Аида Полева, редактор ГЦКЗ «Россия», заслуженный работник искусств РФ (Москва) «Она выступала, будучи в положении»

Мне довелось немного общаться с Анной Герман. Певица выступала с сольными концертами в ГЦКЗ «Россия» несколько раз. В 1975 году она выступала, будучи в положении, скоро должен был родиться ребёнок. Мы все переживали за неё, как она выдержит большой сольный концерт. Но она приехала в прекрасной форме, была очень приветлива, в хорошем настроении. Мы специально для неё выделили гримёрку класса «люкс», в которой размещали только самых почётных гостей нашего концертного зала.

Я тогда удивилась, что Анна Герман, будучи такой звездой, сумела сохранить в себе нежность и спокойствие. Обычно на репетиции артисты, находясь в состоянии особенного предконцертного волнения и иногда даже мандража, ведут себя не всегда адекватно – могут нагрубить, резко ответить. Анна Герман вела себя совсем иначе.

Пела она в простом чёрном платье, без особого изыска, не

старалась покорить зрителей нарядами, сверканием украшений. Я думаю, что чёрный цвет она выбрала неслучайно: такое платье скрывало её положение.

На всех концертах был настоящий аншлаг. Лишних билетов было не достать. В специальную очередь за билетами выстраивались космонавты, которые просто боготворили Анну Герман и, всегда пользуясь своими связями, доставали лучшие места на её концерты.

Мы со своей стороны делали всё, чтобы Анна себя чувствовала в нашем зале хорошо. За кулисами во время концерта летом 1975 года, когда Анна была в положении, находилась дежурная бригада «Скорой помощи». Но их помощь не пригодилась…

Михаил Плоткин, продюсер (Москва) «Мы танцевали

Фрейлахс»

Встречу с Анной Герман невозможно забыть, хоть и прошло уже много лет. Это был 1964 или 1965 год, я работал в коллективе знаменитого советского певца Эмиля Горовца. В трудовой книжке моя должность в коллективе называлась «рабочий по перемещению музыкальных инструментов». И вот однажды мы приехали на гастроли в Кишинёв. У Эмиля было несколько концертов в городе, но в один из дней, когда у нас был выходной, мы пошли на концерт артистов польской эстрады. Не помню, чтобы Горовец часто посещал концерты, но тут нас всех привлекло имя Анны Герман на афише. «Неужели это она? Какая она на сцене?» – думали мы по пути на концерт. Анна пела всего несколько песен, и вряд ли возможно подобрать правильные слова, чтобы описать то наслаждение, которое испытал весь зал, когда она спела «Танцующие Эвридики».

Фото Витольда Боревича

После концерта мы пошли в гостиницу «Кишинэу», где собирались поужинать в ресторане. Мы ужинали небольшой компанией, и вдруг в ресторан вошла Анна Герман! Я её сразу заметил, её рост меня поразил ещё на концерте. Сам я небольшого роста, и Анна казалась мне уж очень высокой. В этот момент зазвучала мелодия знаменитого еврейского танца «Фрейлахс», более известного в народе под названием «Семь сорок». Не знаю, что меня побудило подойти к Анне и пригласить её на танец. Она посмотрела на меня, увидела, какой я «метр с кепкой», и… моментально согласилась! Мы вышли танцевать. Через минуту вокруг нас танцевал почти весь ресторан, а я с Анной – в центре. Смотрелись мы наверняка комично, но было очень весело.

Память о том вечере и весёлом танце с Анной Герман живёт во мне по сей день. Я не могу похвалиться дружбой с этой певицей, но я всегда с интересом следил за её творчеством, мне всегда очень нравились её необыкновенные песни. А несколько лет назад мне довелось быть режиссёром одного из вечеров, посвящённых её памяти в Московском Театре эстрады.

Олег Сорокин, один из организаторов выступления Анны Герман в доме офицеров посёлка Чкаловский (Щёлково) «Незабываемые концерты для космонавтов и авиаторов»

Эта афиша Анны Герман до сих пор висит на стенах Дома офицеров на «Чкаловской»

Я услышал Анну Герман впервые в Доме космонавтов в Звёздном городке. Скажу сразу: тогда встретиться с ней мне не удалось. Она была в окружении космонавтов. А сам концерт помню, как будто это было только вчера. Ведущая концерта объявила, что в гостях у зрителей Дома космонавтов находится замечательная польская певица Анна Герман. После краткого представления на сцену вышла она – молодая, интересная, стройная. На лице была видна какая-то печаль, Анна была слегка задумчивой, но в глазах все-таки сверкали искорки радости. Улыбки яркой, широкой не получилось: несмотря на высокий профессионализм, певице скрыть волнение не удалось.

Да, не всякого артиста приглашали космонавты в гости, и не всякий артист выступал перед теми, кто провожает космонавтов в полёт. А она была удостоена этой чести. Космонавты полюбили её за голос, человечность. После небольшого приветствия присутствовавших и слов искренней благодарности в адрес

Центра подготовки космонавтов Анна Герман сказала: *«Я безмерно рада и счастлива быть здесь в гостях у вас и петь для вас – покорителей космоса. Спасибо вам!».*

…Концерт начался. Голос Анны Герман оказался необыкновенным, приятным по тембру, проникающим в душу. В основном она пела на русском языке. Зрители слушали, словно завороженные. У Анны была изумительная манера исполнения, она прекрасно держалась на сцене, чутко ощущая дыхание зала. Анна была популярна не только у себя на родине, но и во всех тогдашних социалистических странах. Знание русского языка, исполнение русских и советских песен сделали её известной во всей России. Если песня исполнялась Анной Герман впервые, то потом никто другой не мог сделать это лучше, задушевнее и красивее.

После первой встречи со звездой польской эстрады нас не покидала мысль: а не организовать ли её концерт на сцене нашего Дома офицеров в Чкаловском? Посоветовались, пришли к выводу: пока она в Советском Союзе, пока работает для «Госконцерта», это надо сделать незамедлительно. Да и потом, подумали мы, нашему Дому офицеров, в котором побывало немало знаменитостей – как советских, так и зарубежных – не к лицу отставать от Дома космонавтов Звёздного городка. Связались с «Госконцертом» – там ответили: «Не возражаем, ждите, возможности появятся».

И вот этот счастливый момент настал. Время концерта согласовано. Анна Герман приезжает к нам. Связались лично с ней. Она спросила: *«Для кого будем петь?»* – «Для испытателей авиационной техники». – *«Хорошо, люблю авиаторов, я согласна».*

Съездив в рекламный отдел «Госконцерта», мы получили очень красивые афиши. Билеты расходились быстро. На хорошие концерты к нам приезжали и из Щёлкова, и из Фрязина, и из Лосино-Петровского, а в этот раз спрос на билеты увеличился: из соседних санаториев и домов отдыха тоже поступили заявки.

День концерта наступил. Зрители с первых минут выступления певицы были в восторге. Аплодисменты, да ещё какие, после каждой песни! А Анна Герман пела и пела, ей не хотелось уходить со сцены. Удивительно, но песни, исполняемые ею на польском языке, были понятны без перевода. Они отличались мелодичностью, красотой музыки, украшались вокальными данными певицы. Мне действительно казалось, что поёт не иностранка, а наша землячка, что русским языком она владела лучше, чем своим родным.

В антракте мы принесли ей бутерброды, чай, кофе, воду. Певица сказала, что, к сожалению, она на диете и воспользоваться

нашей любезностью не сможет, а вот «от чего-нибудь диетического» не отказалась бы. Мы перезаказали в буфете новое съестное в соответствии с её пожеланиями. Антракт по времени был выдержан. Работники буфета сделали всё, чтобы не омрачать настроения певицы.

Да, её называли звездой эстрады, и она была поистине ею. Скромная и застенчивая, талантливая и простая, умная и женственная, общительная и сентиментальная – такой она предстала перед нашими зрителями.

И вот финальная часть концерта. Певицу не отпускают со сцены, дарят и дарят цветы в знак признательности её уникального таланта. Она долго и молча стоит, вглядывается в «бравирующий» зал, подносит руку к губам и произносит слова: *«Спасибо! До новых встреч!»*.

После концерта перед отъездом певицы мы спросили её, чем бы могли ей быть полезными? Подумав, она сказала, что в универмаге в Звёздном городке видела чемодан на колесиках. Потом, несколько прикрыв глаза, что-то сказала на польском и, вновь перейдя на русский, виновато произнесла: *«Стыдно говорить, я считала, сколько стоит такой чемодан в Польше. Пришла к выводу, что у вас он значительно дешевле. Хотела бы иметь такой чемодан. Я обязательно с вами рассчитаюсь. Если возможно, доставьте его ко мне в гостиницу. Я буду вам признательна»*.

Утром следующего дня просьба Анны Герман была выполнена. Радости певицы не было границ: *«Ой, не ожидала, что так быстро. Огромное спасибо!»*.

…Анна Герман потом ещё не раз выступала у нас в гарнизоне, и это были незабываемые встречи с ней. Певицы уже нет с нами, но мы будем помнить её всегда.

Конферансье, дикторы телевидения

Элеонора Беляева, диктор центрального телевидения, ведущая популярной музыкальной программы «Музыкальный киоск» (Москва) «Она поддержала меня в беде»

Её все любили. Я не встречала ни одного человека, который сказал бы: «Мне не нравится Анна Герман». На неё любили смотреть, когда она приходила на телевидение, её любили записывать звукорежиссеры, её любили снимать операторы. Анна была удивительно телегеничной – будучи большого роста, она производила впечатление очень хрупкой женщины.

Анна была очень простая: приходила в столовую, куда приходили все мы, телевизионные работники (техники, редакторы, режиссеры, операторы), вместе со всеми брала суп, садилась с нами за стол и обедала. Она никогда не требовала отдельной гримёрной, не было никаких капризов.

Анна очень любила вязаные вещи, они ей шли и соответствовали её характеру. На многие съёмки она приходила в вязаных платьях.

Как только мы впервые услышали её голос, её «Танцующие Эвридики», мы были поражены. Этот голос – особый подарок Бога. Если у меня плохое настроение, я ставлю пластинку и слушаю «Гори, гори, моя звезда». Этот романс она поёт так, как не поёт ни один наш или зарубежный певец.

После успеха песни «Танцующие Эвридики» на телевидение стали приходить сотни писем с просьбой повторить эту запись. Мы в «Музыкальном киоске» её тоже повторили.

…Когда она попала в автокатастрофу, мы пытались узнать о её состоянии, выжила ли она вообще. Тогда не было Интернета, не было таких возможностей, чтобы узнать о её состоянии. Но через год стали приходить вести из Польши, что она поправляется, учится заново ходить, говорить и петь.

В 1969 году на фестиваль в Сопот в качестве советского диктора-комментатора отправили Валентину Леонтьеву. По возвращении она мне рассказала, какие жуткие вещи творятся в Польше, какое там отношение к советским журналистам. И вот на следующий год меня вызывает Сергей Лапин, председатель Гостелерадио СССР, и говорит: «Через недельку отправляетесь в Сопот». Я удивилась и спросила: «А что я там делать буду?». Мне ответили: «Самое главное – хорошо выглядеть, быть красиво одетой и как можно больше молчать». В общем, меня посылали на

верную гибель, я ведь не эстрадный комментатор, но приказ есть приказ: я еду в Сопот. Вся редакция собирала мне модные наряды, меня выкрасили в фиолетовый цвет. В общем, целый чемодан чужих вещей и удивительная прическа!

Меня поселили не в Сопоте, а в Гдыни, откуда нужно добираться на электричке. В гостинице со мной никто не разговаривал, как только я зашла в свой номер – мне отключили воду и свет. Положение кошмарное. На фестивале у каждого журналиста был выставлен флажок той страны, откуда тот приехал. Один человек мне сказал: «Пани, я вас умоляю, не ставьте рядом с собой советский флажок!». Но я не послушала, поставила и… вокруг меня образовался абсолютный вакуум. Я перестала существовать для всех. Мне не дали ни одной программы, ни одной аннотации ни по-русски, ни по-польски, ни по-английски…

Возвращение Анны Герман на сцену в 1970 году вызвало огромный интерес у зрителей и журналистов. На фото – июль 1970 года, фестиваль в Ополе. Фото Казимира Седзиковского

…Однажды я спускалась в гостинице позавтракать и увидела

внизу сидящую Анну Герман с мужем и коллегами. Мы поздоровались. Потом её муж подошел ко мне и пригласил присесть к ним за стол. Завязался разговор, она спросила, кто я, как дела в Москве, как поживает Анна Николаевна Качалина. Я ответила и рассказала ей, в какой трудной ситуации я оказалась в Сопоте. Меня лишили материала, с помощью которого я могла комментировать трансляцию. Анна попросила меня принести ей программу сегодняшнего концерта. Она перевела мне всё, что там было написано, и вдобавок рассказала про всех певцов-участников фестиваля. Благодаря Анне в тот вечер я была подготовлена.

А на следующий день мы с ней поехали в Сопот (она тоже жила в Гдыни, в отдалении от фестивального шума). По её просьбе к ней не пускали ни одного человека, ни одного журналиста.

Это были её первые выходы на публику после болезни, она не хотела повышенного внимания.

Я прошла с ней за кулисы… Это был 1970-й год. Я была свидетельницей исторического момента: её возвращения на сцену. Она пожала мне руку, сказав: «С *Богом!»* – и пошла на сцену. Я за кулисами видела, что было в зале! Зал встал, зал орал, зал не мог успокоиться… Как её приветствовали!

Это было необыкновенное впечатление.

На следующий день она мне снова помогла с переводами фестивальных программ.

Спустя годы Анна, уже набрав силы, стала часто приезжать в Москву, и однажды я её увидела в той самой телевизионной столовой.

Я подошла к ней, поздоровалась, но она меня не узнала. Я напомнила о нашей встрече в Сопоте, она взяла меня за руку, усадила за стол и сказала: *«Расскажите».* Она ничего не помнила. Не помнила, что переводила мне фестивальные программы, не помнила, как передавала подарок Гале Ненашевой, которую тогда в Сопоте буквально «утопили», не помнила, как через меня передавала открытку для Муслима Магомаева…

Она ничего этого не помнила…

Я тогда поняла, что ей не хватало сил, что её память пострадала от последствий аварии…

Я хочу сказать Анне Герман большое спасибо за то, что тогда поддержала меня в беде, спасибо за её песни, за её теплые слова и за её душу.

Светлана Жильцова, заслуженная артистка РСФСР, диктор центрального телевидения СССР (Москва) «Она была

На сцене фестиваля в Зелена-Гуре, 1972 год

В моей жизни было две встречи с Анной Герман. Первая состоялась в середине июня 1973 года, в польском городе Зелёна-Гура. Меня пригласили быть ведущей IX Фестиваля советской

песни вместе с двумя польскими конферансье. В тот год из СССР приехали: Алла Иошпе и Стахан Рахимов, «Песняры», Светлана Резанова, Виталий Самойленко; из звезд польской эстрады были: Анна Герман и Марыля Родович, среди членов жюри – композиторы Владимир Шаинский и Евгений Птичкин.

Анна Герман была единственной артисткой, которой хотелось любоваться. Помню её невероятную женственность, приветливость, скромность, доброту. Кто-то из поляков за кулисами сказал: «Анна Герман уже не так популярна, как ранее…». Я удивилась таким словам: публика её принимала восторженно. В те годы популярность Анны в СССР с каждым часом только возрастала. А поляки к ней охладевали.

Спустя четыре года я увидела Анну Герман в Москве, в концертной студии Останкино, где в декабре 1977 года снимали популярную музыкальную телепрограмму «Песня-77». Я была ведущей вместе с Александром Масляковым. С исполнителями мы почти не общались, так как находились на другом конце сцены. У нас был сценарий, по которому мы объявляли выступающих.

В тот вечер артистов было огромное количество: София Ротару, Роза Рымбаева, Роксана Бабаян, Людмила Сен-чина, Алла Пугачева, Иосиф Кобзон, Надежда Чепрага…

Анна пела дуэтом со Львом Лещенко «Эхо любви». Это было что-то потрясающее! На концертах-съёмках обычно мало что запоминается, исполнители идут один за другим, какие-то песни остаются, какие-то проходят мимо. А этот чудесный дуэт остался в памяти навсегда. От Анны Герман шла такая теплота, такой свет, такая глубина – невозможно было оторвать глаз. Публика в зале была как завороженная. Сейчас многие пытаются спеть песню «Эхо любви». Да, песня хорошая, очень трогательная. Но только в исполнении Анны Герман она звучит наиболее проникновенно, душевно. Никто и никогда не споёт её так, как спела необыкновенная Анна…

Цезарий Шчигельский, конферансье (Польша) «В тот вечер она пела так, как никогда!»

С Анной я работал недолго – всего пару недель. Это был очень трудный период её жизни – она возвращалась на сцену, набиралась жизненных и творческих сил после тяжёлой аварии. И это были её первые концерты после реабилитации. Анна вынуждена была выступать в неудобных туфлях, внутрь которых были вшиты металлические вставки – пластины, которые позволяли ступне правильно срастаться.

На тех гастролях мы поехали с группой артистов на встречу с детьми-инвалидами, которые всё время, пока Анна находилась в больнице, писали ей письма поддержки и утешения. На той встрече Аня благодарила детей за те тёплые слова, за письма, говорила, что именно доброжелательные письма от незнакомых людей помогали ей выдержать, вытерпеть боль и найти в себе силы вернуться к нормальной жизни.

Этот концерт проходил в Шечинском воеводстве, а я ездил с Аней как ведущий, объявлял концерт, приветствовал публику. Мы не могли скрыть слёз боли, грусти и радости во время той встречи. Зал был заполнен детьми с различными травмами,

многие были в тяжелом состоянии. В этой больнице они жили и учились. Такой концерт я запомнил на всю жизнь.

Для меня было потрясением видеть этих искалеченных детей, думаю, что и для Ани это было большим внутренним переживанием. В тот вечер она пела так, как никогда! На других концертах она пела иначе. И песни были выбраны особенные, которых впоследствии я тоже не слышал. Помню, после этих гастролей Аня в интервью какой-то центральной газете просила своих коллег, артистов польской эстрады, ездить в такие больницы с концертами. Для неё это было очень важно – помогать, поддерживать, дарить радость.

Переводчики

Михаил Шпагин, переводчик польского и итальянского языка (Москва) «Я больше всего на свете люблю танцевать!»

Танец с Анджеем Урбанчиком, другом семьи. Фото из архива Збигнева Тухольского

С Анной Герман я встречался несколько раз, когда в Москве проводились Дни польской культуры. Первый раз – в 1974 году, тогда вместе с Анной приезжали и другие польские знаменитости

– Марыля Родович и Ежи Поломский. Ко всем артистам были прикреплены переводчики, которые помогали нашим польским друзьям общаться за кулисами, на официальных встречах и так далее. Во время официальных встреч, приёмов Анна Герман всегда говорила на польском языке. Многие, я в том числе, удивлялись, ведь Анна прекрасно владела русским языком. На мой удивлённый вопрос, зачем ей переводчик, она ответила: *«Я же в составе польской делегации, я певица польская, это некорректно, если я при своих коллегах буду разговаривать на другом языке».* Это была дипломатия её поведения, даже своим знанием русского языка она не кичилась, понимала, что её коллеги могут это неправильно понять.

Последний раз я встретился Анной в Москве, в апреле 1979 года, на праздновании 35-летия Польской Народной Республики. Это были торжественные мероприятия, в которых принимали участие не только эстрадные артисты, но и знаменитые польские коллективы: Симфонический оркестр и смешанный хор Краковской филармонии, струнный квартет им. Гражины Бацевич, Варшавский драматический театр «Вспулчесны» («Современник»), Польский театр танца, Центральный художественный ансамбль Войска Польского, ансамбль народной песни и танца «Шлёнск». Из эстрадных артистов были: Анна Герман, Марыля Родович, Чеслав Немен, Здислава Сосницка и Кшиштоф Кравчик.

В дни этих концертов состоялся приём в посольстве Польши, где мне удалось ближе пообщаться с Анной. Я рассказал ей, что перевожу не только с польского, но и с итальянского языка, и уже буквально через минуту мы заговорили с ней по-итальянски! Я заметил: «Может быть, не очень корректно, что мы в посольстве Польше на официальном приёме говорим на итальянском языке?». Анна улыбнулась и ответила: *«Мишель* (так она меня называла), *могу я вам пожаловаться, но по-итальянски, чтобы никто не понял вокруг? Я так не люблю эти официальные встречи и приёмы: каждый присутствующий считает своим долгом подойти ко мне и спросить о моём здоровье. После итальянской аварии как будто нет другой темы. Меня эти вопросы очень утомляют».*

А потом заиграла музыка, и Анна пригласила меня танцевать: *«Мишель, я больше всего на свете люблю танцевать! Потанцуем? Пускай все вокруг видят, что я здоровая, что могу кружиться в танце!».*

Этот вечер я запомнил на всю жизнь. Позже я слышал от своих коллег-переводчиков, которые сталкивались с Анной на гастролях: «Она такая капризная и всё время устаёт». Никто тогда

не знал, что те годы были для неё последними. Вскоре её не стало. Многие считали её необщительной, она не любила ходить в рестораны, не участвовала в посиделках после концертов. Если бы мы знали тогда, что это было связано с её здоровьем, мы бы все внимательнее к ней относились!

Наталья Вертячих, в 70-е годы – сотрудница министерства культуры СССР, отвечала за пребывание делегаций польских деятелей культуры в Москве (Москва) «Помню очень красивую Анну в белоснежном платье»

Огромная торжественная сцена Кремлевского дворца съездов, на ней – очень красивая, в белом вязаном платье Анна Герман…

Я не запомнила, что она пела, но очарование её красотой сохранилось в моей памяти и по сей день. Аня была очень светлым человеком, мы много раз пересекались во время репетиций Дней польской культуры в Москве, на приёмах в посольстве Польши. Она никогда не обращала на себя внимания, ничего не просила, не выставляла никаких условий. Это была самая приятная в общении артистка во время больших сборных концертов. Всегда ласково улыбалась, говорила очень мягко, никогда не повышала голос.

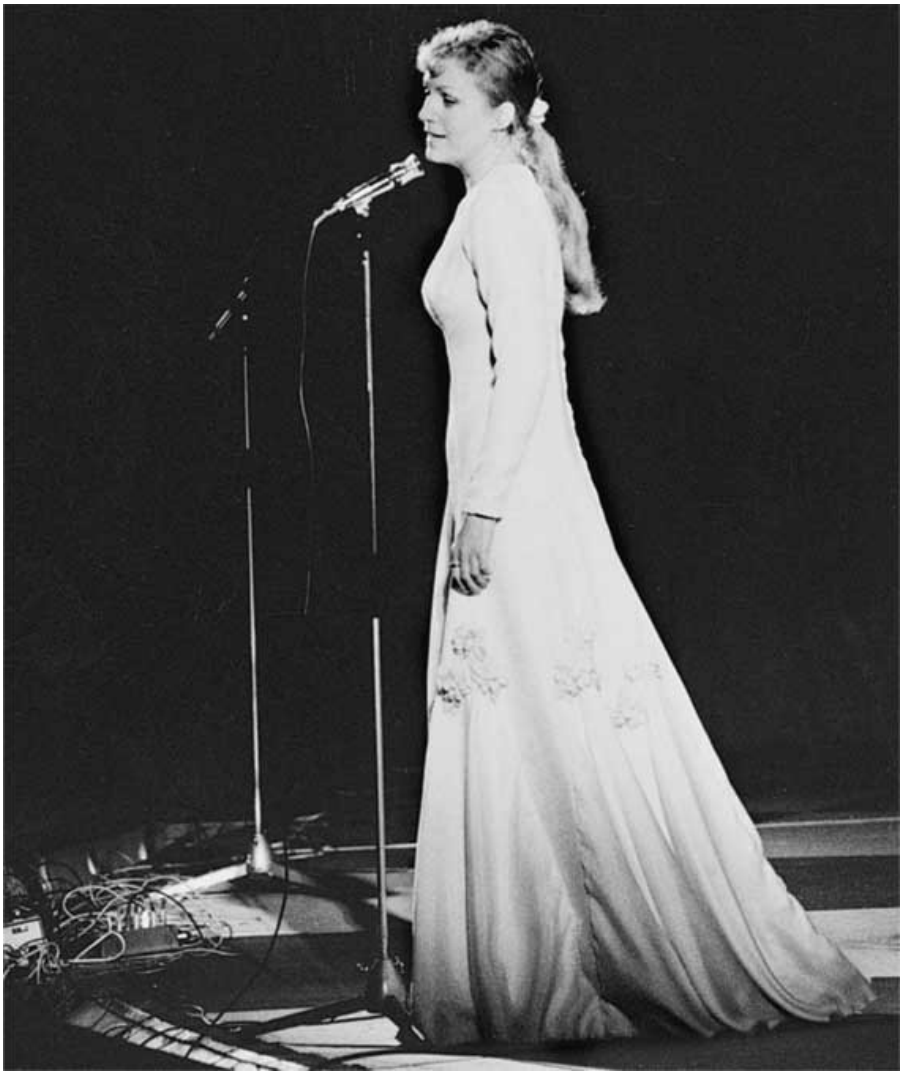


Фото Марека Каревича

Наше общение всегда протекало в рабочей атмосфере, вокруг всегда было много народа – артистов, журналистов, переводчиков. Мы не общались вне этих встреч, не могу похвалиться беседами с Анной наедине. Но её отношение к работе, к профессии, к окружающим людям – это запомнилось! Анна обладала редким качеством, которым обладают очень немногие артисты – деликатностью.

За давностью лет я не помню никаких подробностей того большого концерта в Кремлевском дворце, помню только очень красивую Анну в белоснежном платье…

Журналисты

Лия Спадони, журналист (Санкт-Петербург) «Наедине с ней я чувствовала себя наедине с вечностью»

Лия Спадони

В один из осенних вечеров 2002 года произошла моя первая встреча с Лией Леонидовной Спадони. Обстоятельств, которые

помогли мне найти в Петербурге её телефон, я не помню. Помню её строгий голос, диктующий адрес, куда мне надлежало приехать. Я хотел как можно больше узнать об Анне Герман из уст её ленинградской подруги. По уже опубликованным тогда четырём интервью Лии Спадони с Анной Герман было понятно, что мне предстоит встреча с неординарным человеком – журналистом, которая сумела открыть сердце Анны для тысяч ленинградских радиослушателей в 70-е годы прошлого столетия.

В тот вечер мы много говорили с Лией Леонидовной об Анне. Устроившись в её маленькой комнатке на диване, я рассматривал россыпи фотографий любимой певицы, бережно хранимые в этом доме. О каждой фотографии подробно рассказывалось: где снято, в каком месте, при каких обстоятельствах. А в довершение мне были переданы несколько кассет с записями ленинградских интервью Анны Герман. Живой голос Анны звучал так близко, так рядом, что, казалось, мы перенеслись в далёкие 70-е годы. Эти кассеты были переписаны мною и через несколько дней возвращены владелице. Прощаясь, Лия Спадони подарила мне трёхлитровую банку мёда, подчеркнув, что Анна очень любила это лакомство. Также мне в подарок достались некоторые документы из её архива, фотографии и афиши.

А спустя годы меня ждал ещё один подарок от моей ленинградской знакомой. Мне в руки попали копии всех писем Анны Герман к Лии Спадони. Этот подарок – благодарность за книгу, которую я передал Лии Леонидовне через монахиню Екатерину. Это была моя книга «Анны Герман. Белый ангел песни». Матушка Екатерина передала мне много тёплых слов от Лии Спадони, пришедшей в восторг от обилия неизвестных фотографий Анны, иллюстрировавших подаренную книгу. Через монахиню Екатерину Лия Леонидовна передала своё разрешение на публикацию писем, черновиков и воспоминаний об Анне.

И. И.

* * *

Анна приезжала в Ленинград почти всегда летом. Была прекрасная погода, и она своим появлением ещё больше озаряла наш город. О встречах с Анной я всегда договаривалась по телефону, приходя к назначенному времени чаще всего в те гостиницы, где она останавливалась. Наши беседы, если это касалось интервью, длились обычно минут сорок. Я старалась не утомлять Анну многими вопросами, заранее готовясь к встрече и

спрашивая только основное, что, как мне казалось, должно быть интересно радиослушателям. Анна всегда отвечала негромким голосом, иногда смеялась. Мне кажется, в эти минуты она берегла себя, отдыхала. Неоднократно я присутствовала с Анной на записи её телевизионных программ на ленинградском телевидении. Жаль, что до сих пор никто не проверил, сохранились ли съёмки этих программ или их безвозвратно уничтожили ещё в советское время. В те годы был дефицит плёнки, поэтому многие музыкальные программы после их трансляции в эфире просто-напросто стирали, поверх записывая что-то новое.

Иначе обстояло дело на ленинградском радио, где у Анны была близкая подруга – Лидия Ивановна Дубинина. Это был прекрасный музыкальный редактор, сохранявший записи, даже если плёнка подлежала размагничиванию. Прежде всего это касалось записей Анны Герман. Поэтому у нас в эфире очень часто звучали не только русские, но и польские записи Анны. Зимой, например, часто можно было услышать «Зимние звоны» (Zimowe dzwony) – потрясающую по красоте песню на польском языке. Когда Анна приезжала в Ленинград, она много времени проводила с Лидией Ивановной и её семьей, где главным поклонником таланта польской гостьи был маленький Вася – сын Дубининой. Помню, как этот малыш прибегал в студию радио и протягивал Анне баночку спелой клубники. В ответ Анна привозила ему какие-то подарки и даже писала ему письма.

На ленинградском телевидении. Фото Валентины Адариди (Федоровой)

…Перед каждым приездом в СССР Анне приходилось самой договариваться о музыкантах, которые поедут с ней на гастроли. В те годы гонорары артистов в Советском Союзе были не столь высоки, поэтому зачастую она не могла уговорить польских музыкантов работать за небольшие деньги. Многие из них предпочитали работу в Польше, гастроли в Германии, а в СССР приезжали с меньшей охотой. Поэтому Анна соглашалась на длительные гастроли, с тем чтобы за счёт количества концертов её музыканты могли заработать хорошие деньги. Сама она зарабатывала немного: уже будучи знаменитой певицей, она не могла даже купить себе нормальную квартиру в Варшаве.

К своей работе Анна относилась очень серьёзно, у неё почти не было свободного времени, она постоянно была чем-то занята. С одной стороны, работа артиста изматывала её, с другой – была для неё удовольствием. Удивительно, что при такой сумасшедшей занятости и востребованности она сумела остаться кристально чистым человеком.

Говоря об отношении советских зрителей к Анне, трудно переоценить любовь публики к этой певице. Её любили все. Всеобъемлющей любовью. Когда в СССР приезжали другие польские артисты, их концерты проходили с успехом, но никто из них не пользовался такой огромной любовью у зрителя – ни Здислава Сосницка с прекрасным голосом, ни Марыля Родович. У других артистов была лишь популярность, а у Анны – и популярность, и любовь зрителя.

В студии ленинградского телевидения. Фото Лии Спадони

О своих гастролях она предупреждала меня, присылая телеграммы. Однажды, зная, что она приедет, я привезла с загородного участка большую ветку с яблоками. В гостинице, где должна была остановиться Анна, я договорилась с горничной, и она открыла мне её номер, я положила эту ветку в ванную, набрав в неё воды. Через несколько часов приехала Анна и, увидев эту ветку, сразу позвонила мне: «*А я уже знаю, кто меня ждёт! Теперь у меня будут яблочки!*».

О влиянии её голоса можно говорить много. Он обладал огромной энергетикой! Приведу пример. Однажды я отдыхала в Хосте, меня поселили в номере, окна которого выходили на

танцплощадку. Каждый вечер там творилось что-то ужасное: постоянные драки, крики, ругань. Я не могла уснуть несколько ночей подряд. Но в один из дней вдруг понимаю, что выспалась. То же самое повторилось и в следующий вечер – тишина. Я пришла к девушкам, которые заведовали танцплощадкой, и спросила, что случилось, почему перестали кричать и драться по ночам. И мне ответили: «А мы теперь Анну Герман "крутим"!». Другой случай мне рассказали врачи одной ленинградской больницы. Они делали обход в отделении больных полиомиелитом и, зайдя в одну палату, встретились с такой реакцией лежавших там девочек-пациенток: «Тише! Пожалуйста, тише! Анна Герман по радио поёт!».

Анна обладала редчайшим свойством: она не только дарила слушателям дивные эмоции, улыбки и радость. Её сила была в воздействии на низменные инстинкты человека, она прекращала агрессию в душах людей. Человек пробуждался, слушая её голос.

Благодаря Анне многие люди узнавали Польшу, влюблялись в других польских артистов. Она была светилом для Польши, ради которого советские люди хотели познавать культуру этой страны: мы читали польские журналы, слушали включения польского радио, ходили на концерты польских артистов. Для многих это было связано с Анной, причиной этого интереса была любовь к ней, а через неё – и к стране.

Во время прогулки по Ленинграду

Последний раз я видела Анну на концерте 31 декабря 1979 года в ДК им. Капранова. В тот вечер я уловила, находясь в зале, страшное ощущение обречённости и финала. Анна вышла на сцену в глухом чёрном платье и а капелла запела «Аве Мария». Эту знаменитую молитву пели до неё многие, но в её исполнении было в тот вечер что-то необъяснимое. Она словно прощалась с нами. Когда она закончила исполнение, в зале стояла мёртвая тишина. И только потом шквал оваций.

А после концерта мы общались в гостинице «Европейская», я записала несколько её реплик на магнитофон. У неё в тот вечер страшно болела голова, она очень мучилась. Всё это происходило на фоне наступающего Нового года, в гостинице кругом была предновогодняя суета, пахло ёлкой и шампанским. И на контрасте шумного праздника – тёмный коридор на этаже и еле слышный голос Анны из глубины номера: *«Лия, входите, пожалуйста!»*. Я решила не мучить её вопросами и просто предложила сказать несколько слов о некоторых её песнях. Эта запись потом прозвучала на радио вместе с песнями. Когда я

уходила, Анна провожала меня в дверях и всё махала рукой, пока я не скрылась за углом. Я ушла от неё в смятении; с горьким чувством вышла на улицу и несколько часов не могла сдвинуться с места, стояла под памятником Пушкину и рыдала. Слёзы меня душили. Это было предчувствие беды.

Фрагменты рукописи черновиков к статье Лии Спадони об Анне Герман:

…Анна Герман пробуждала непривычную для эстрадного концерта, из иной природы чувств, тоску по чему-то несостоявшемуся, невстреченному, тоску по прекрасному, что неизменно венчает настоящее искусство. Недаром многие говорят, что плачут от её голоса. Я уверена, что все люди, присутствовавшие на её концертах, были в те вечера хорошими людьми… Её благодарное сердце не умело оставаться в долгу, и в ответ на потоки признательности, несущейся к ней из зала, она отвечала излучениями всё большей и большей силы.

…Я часто сидела за кулисами на её концертах, на рубеже прилива и отлива магнетических волн, уходящих от неё в зал и возвращаемых залом обратно. И я никогда не забуду (как, впрочем, и всего связанного с этим человеком) концерт в ленинградском Театре эстрады. Воспоминание о нём хранится в моей памяти как редкое растение, замурованное в капле янтаря. Между двумя белыми тонкими колоннами, обрамляющими сцену изнутри и невидимыми публике, такая же тонкая, светлая, натянутой тетивой, вся подавшись в зал, стояла Анна, а из его мрака к ней были воздеты человеческие лица, множество самых разных лиц самых разных людей с единым выражением – это выражение было молитвенным.

…Я никогда не видела синих людей, совсем синих, даже в блокаду, а Анну Герман видела. Ей всегда было хорошо с трудовыми людьми, они встречали её как родного человека после долгой разлуки. После изумительного концерта в ДК им. И. Газа, на культпоходе какого-то завода, когда Анна была такой своей, столько неожиданно шутила, смеялась, вдохновлённая восторженным, глубокородственным приёмом зала, она сидела в гримуборной, дожидаясь отъезда, синяя. Она отдала всю кровь, отдала больше, чем имела, больше того, что имела право отдать. Благодарное сердце заставило её забыть о последней капле инстинкта самосохранения.

…Опорой того великого терпения, с которым она переносила страшные физические муки (что потрясало врачей и в Италии, и в Польше), служило чувство человеческого достоинства, так развитое в ней, сострадание к близким и редкостная, мягкая

деликатность, которая никогда, даже в ужасном положении, не позволила бы ей обременять своими бедами других, доставляя им чрезмерное беспокойство.

Фото Збигнева Тухольского

Она не привыкла брать, брать и только брать – это было для неё противоестественно. Она была убеждённым донором. Донором для своих слушателей, для своих родных. Для того чтобы подняться, ей было необходимо поднять другого, протянуть руку помощи.

«Неужели и до катастрофы в Анне, тогда ещё совсем молодой, жила эта жажда служения, это глубокое понимание и сострадание к людям?» – думала я неоднократно и однажды спросила у неё. Как всегда, уходя от темы «моя жизнь в искусстве», она устало и печально сказала: *«Ну, что теперь говорить об этом, здоровья-то всё равно нет…»*. Возможно, вот этим единовременно пребывающим в ней ощущением «жизни и смерти» и объяснялось её непостижимое внутреннее равновесие, глубокий, тихий покой?.. Наедине с ней я чувствовала себя наедине с вечностью.

…Гармония по своей сущности – равновесие крайних противоположностей. Гармоничность Анны была абсолютной, почти неправдоподобной. Любое движение, жест, интонация, поворот головы – всё было чудом гармонии и естества. До святости чистая совесть лежала в её основе, правда и добро, а с другой стороны – израненная, мятущаяся душа. Человек, столь совершенно устроенный природой, с ясным и мощным разумом – она пребывала в состоянии непрекращаемой раздвоенности между Россией и Польшей, которые она любила с равной силой. Однажды в горькую минуту она воскликнула: *«Я везде чужая, всем чужая, в России я полька, в Польше – русская!»*.

…Существо неземное, она шла мученическим, многотрудным земным путём и цену труда понимала, как никто другой. Уж кто-то, а она-то уж знала, каким трудом, каким преодолением достаются «денежки» (как она их называла). Хотя, не будь у неё обязательств перед семьёй, своим делом, которое финансировала она сама, раздарила бы она эти «денежки» с великой радостью и, будь это возможно, жила бы так, чтобы совсем о них не думать.

…Боже, как изумительно Анна относилась к своим «молодым коллегам»! Впервые я это увидела на одном из её первых

концертов в Ленинграде, в Измайловском саду, на гастролях 1972 года. Я пришла задолго до начала, вошла в зрительный зал и остановилась где-то у 11–12-го ряда, рассматривая сцену. Шла обычная настройка: разрозненные люди-одиночки что-то настраивали, прохаживались, «пробуя голос». И на всех лицах было выражение безрадостной, заунывной озабоченности. Перелёт был трудным, ночь бессонной, люди устали. Вдруг из правой кулисы появилась тонкая высокая девушка, в очень смешном, весёлом брючном костюмчике. Я не сразу поняла, что это Анна Герман (которую доселе я никогда не видела), настолько в ней отсутствовала «звезда». Она подошла к одному, тихо постояла рядом, потом что-то сказала, к другому – засмеялась, к ним подтянулись ещё двое. Потом она подошла к пианисту, приобняла его за плечи, стала что-то наигрывать правой рукой, он брал аккорды… потом ещё немножко прошлась, постояла, посмотрела в зал и исчезла за кулисами. И что же? Когда, проводив её взглядом, я вновь посмотрела на актёров, то увидела не недовольных одиночек, а коллектив, группу людей, сплочённых каким-то таинственным единством, ласковой паутиной Анны Герман.

…Эпизод на ленинградском телевидении:

– Анна, нам бы хотелось снять ваше второе отделение.

– *Нет, и первое, пожалуйста, тоже.*

– Но вы ведь в нём не участвуете.

– *Ну и что же? Там поют мои товарищи, это наш общий концерт.*

– Но их же никто не знает.

– *Тем более их нужно поддержать, а так их вообще никогда не узнают, для молодых это очень важно.*

– Да, но…

– *Простите, но без них я принять предложение телевидения не могу.*

В итоге что-то монтировали, компоновали, но снимали весь концерт.

И так во всём.

В студии ленинградского телевидения. Фото Валентины Адариди (Федоровой)

…Главное, о чём нужно говорить, рассказывая о магии творчества Анны Герман, – это контакт. Она шла к нему всю жизнь. Шла, как идут к единственной любви. Шла целенаправленно и неуклонно. Она говорила: *«Уже в самом начале своей работы, когда мы стояли на сцене 10–15 минут, каждый из нас уже думал о том времени, когда он сможет остаться со зрительным залом один на один. Что он накопит к этому времени, что захочет и что сможет дать слушателям?».* В её представлении контакт со зрителями, скорее всего, приближался к понятиям всеобщего братства, всемирной гармонии… Он был для неё чем-то глубоко интимным, скорее из области человеческих, а не условно-сценических отношений, ибо

так раскрываться, так обнаруживать себя, как это делала она, можно лишь при абсолютном доверии, при полной взаимности, в редкие счастливые минуты жизни, которые она испытывала на сцене почти всегда.

В 1974 году на Ленинградской студии научно-популярных фильмов возникла идея о создании двухчастного документального фильма под условным названием «Наш друг, пани Анна».

– И где же фильм? – теперь спросите вы.

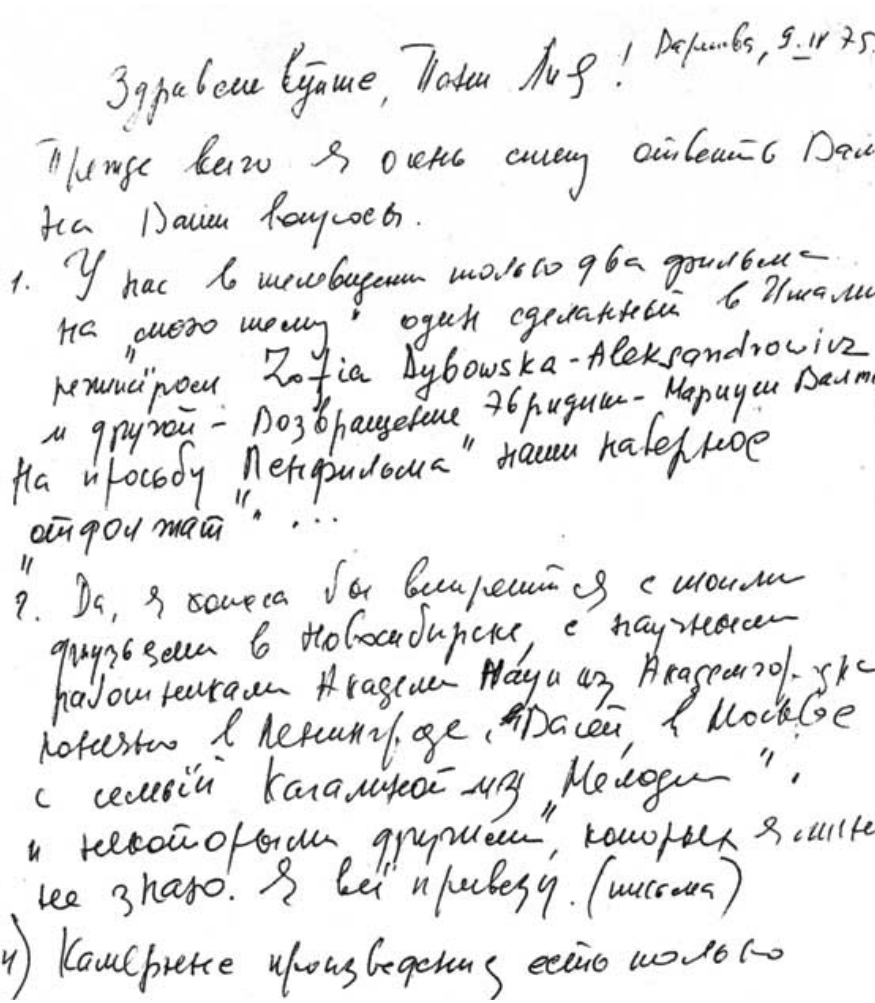
– Он не снимался, – отвечу я.

Зимой 1975 года на свет появился не фильм, а маленький Збигнев-Иварр, сын Анны.

…Анна Герман всемирно известна. И иностранные гости, со всех концов света приезжающие в Россию, могут воочию убедиться в том, что русские умеют помнить добро и не забывают самоотверженной преданности своих друзей. Среди звёзд, загорающихся над Россией, мы всегда будем различать нежный, согревающий свет звезды Анны Герман, её великой души.

Фрагменты писем Анны Герман к Лии Спадони:

«…Только что получила ваше коротенькое письмо, Лия! Ну что вы! Не беспокойтесь из-за денег. Я же буду работать (нормальные гастроли), и у меня будут денежки на ряженку с пирожками. Если бы это был „нормальный“ художественный фильм – муз. комедия или что-то в этом роде, – зарплата за мою работу была бы естественна, это моя профессия – пение. А в вашем фильме дело другое. Совсем другое. Я ведь предлагаю людям заглянуть ко мне в душу, мою и моих друзей – советских слушателей. За это я взять денег не могу и не хочу. Но, чтобы не было хлопот в финансовом плане, мы их возьмём и на эти деньги купим для детского дома, для самых младших, игрушки и книги. У меня в Польше тоже есть такие маленькие друзья» (письмо без даты).



Здравствуйте, Лия Ноя! Дарнитц, 9.IV 75.

Прежде всего я очень спешу ответить Вам на Ваши вопросы.

1. У нас в телевидении только два фильма на „свою тему" один сделанный в Польше режиссёром Zofia Dybowska-Aleksandrowicz и другой – Возвращение Эбридики – Мариуш Вальтер. На просьбу Петрфильма" наши наверное откликнутся". ...

2. Да, я хочела бы встретиться с моими друзьями в Новосибирске, с научными работниками Академии Наук из Академгородка, также в Ленинграде, Вами, в Москве с семьей Каламаной из „Мелодии", и некоторыми другими, которых я лично не знаю. Я вам привезу. (письма)

4) Камерные произведения есть только

Письмо Анны Герман Лии Спадони, 9 апреля 1975 года

«…Лия, мы с вами, наверное, увидимся в этом году. Я вам, как журналисту, как всегда, открою душу с удовольствием, уж хотя бы только потому, что никто таким красивым русским языком не говорит, как вы. И потому что мы, кажется, этот мир понимаем и принимаем так же. Правда, Лия?» (1 января 1975 года).

«…Дорогая Лия, добрый вечер! Скажу вам честно: когда я прочла ваше письмо, сперва очень обрадовалась, а потом решила, что это слишком ответственная вещь, и решила, что лучше „нет". Ведь я могу, умею только петь, а в таком фильме этого не хватит, чтобы зрителям было интересно. Потом всё-таки начала „сомневаться" и придумала такой „выход": разговоры с моими слушателями будут, чтобы показать их кусочек, фрагмент жизни, их работу, их любовь и интерес к жизни. Ну и между прочим – место музыки в их душе. Чтобы я была совсем в тени, правда?» (22

февраля 1975 года).

«…Лия, я и правда поняла, что фильм „длиннее“, но раз у нас 20 минут, мы просто „поднатужимся“ и сложим меня, как перочинный ножик. Вот и всё! Откровенно говоря, в 20 минут можно тоже многое сказать и не надоесть. Не так ли?

Знаете, Лия, я взяла на свои плечи в этом году огромную «тяжесть». Я задумала приехать одна с музыкантами. Ну, может быть, одного дебютанта возьмём с собой. Так мне надо будет петь около 20 песен. И в первом, и во втором отделении. Трудно очень, тем более что я тут дома почти вообще не выступаю с сольными концертами. Но заманчиво до того, что я рискну. А если рискну, надо будет уже два месяца до конца рисковать. Нагрузка на концертах будет огромная, и надо подумать, когда найти время, чтобы заняться фильмом» (9 апреля 1975 года).

«…Дорогая Лия! Начну моё письмо с того, что буду оправдываться – извиняться… Лия, я не могла в Москве даже позвонить – ни вам, ни Лиде, ни даже мужу домой. Эти три дня в Москве были для меня, пожалуй, самыми трудными. Я записала несколько телевизионных номеров в разных программах, закончила свой „Концерт после концерта“ для ТВ, записала на „Мелодии“ 6 песен. Потом везли меня прямо в концертный зал, где у меня было по два концерта. Так что я была на ногах по 12–14 часов, не говоря уже о пении. Но я всё выдержала, всех удовлетворила, не осталась в долгу с незаконченной работой ни в телевидении, ни на пластинках, ни в Госконцерте. Теперь я сижу дома и просто существую» (7 октября 1975 года).

«…Здравствуйте, дорогая Лия! Уже осень за окном. Холодно стало, но я думаю, что ещё должна ведь прийти „золотая польская осень“, всегда так бывает, когда листья желтеют, бывает очень тепло. Значит, надежда есть…

Да… Я вчера написала новую песню. Как-то получилось за 15 минут. Уж очень мне текст понравился. Она вам тоже понравится – поэзия настоящая.

…А мне всё ещё нравятся песни только с фортепиано (петь-то куда труднее, но голос и слова слышны). У вас бывают такие моменты? Хочется убежать на «край света», на остров какой-нибудь… Но ведь дело не в тишине и спокойствии. Надо ещё что-то спеть, постоять на сцене, хоть я себя там чувствую самым беспомощным человеком. Я бы хотела совсем немного, но это невозможно. Я просто хотела бы только петь. А это как раз и невозможно…» (3 октября 1976 года).

Лев Сидоровский, журналист (Санкт-Петербург) «Она пела

сердцем»

Анечка – это особая страница моей жизни. Я познакомился с ней совершенно случайно, будучи в Варшаве в августе 1971 года. В воскресенье гулял по парку Лазенки и вдруг услышал её голос. Я понял, что где-то рядом идёт концерт – из репродукторов, висевших на столбах, лился чарующий голос. Я удивился, так как слышал, что певица пострадала в автокатастрофе, говорили, что она вообще не выйдет на эстраду. И тут вышел к так называемому «театру на воде», где посередине небольшого озерца была сцена, на которой пела Анечка.

Фото Льва Сидоровского

После концерта я пробился к ней, она приняла меня, поняв, что я к ней не за «жареными» фактами, а по зову сердца, с чувством слушателя, влюбленного в её искусство. Так начался наш первый разговор.

Наутро мы встретились, как договорились, в холле телевидения. Только что закончилась репетиция, и Анечка выглядела уставшей. Как бы оправдываясь, заметила: *«Трудно обрести былую форму. Как вы меня такую будете фотографировать?».* Но перед фотообъективом это своё состояние всё же преодолела – глаза заискрились…

Разговор продолжился уже на улице, я проводил Анну на улицу Солец, к её дому. Она вспоминала об Италии, как сердечно её принимали итальянские зрители, особенно те, которые были в возрасте. Многие говорили ей: «Вы поёте, как во времена нашей молодости…». Потом мы сидели у неё дома, пили чай с пирожными, Анечка вспоминала Ленинград, как бродила там однажды белой ночью до утра. А ещё вспоминала ленинградское мороженое – такой толстый шоколад вокруг палочки: *«Ничего вкуснее не пробовала»,* – смеялась она. На прощание подарила свою пластинку и книгу, которую написала на больничной койке.

Все свои письма, открытки она подписывала неизменно – Аня.

Когда Анна приезжала на Невские берега, мы всегда встречались хотя бы на пять минут после концерта. Иногда она приезжала без ансамбля, выступала под одно лишь фортепиано.

В октябре 1978 года состоялась наша последняя встреча – у неё были концерты в ДК им. И. И. Газа. Рано утром раздался звонок, это была Анечка: *«У меня будут концерты, оставить пану билеты?..».*

Новая встреча, короткая беседа. Анна выглядела уставшей, рассказывала, что сын не хотел отпускать её на гастроли, что скоро она вернётся домой и он попросит её петь песенку про трёх поросят. А потом был потрясающий концерт. И снова овации, снова цветы…

Я написал об этих концертах в «Смене». Анна следующим утром сбегала в газетный киоск, купила свежий выпуск с этой публикацией, успела мне позвонить и сказать «спасибо». К сожалению, я не смог тогда её проводить, но, когда после работы вернулся домой, к своему удивлению обнаружил в почтовом ящике конверт, внутри которого была фотография Анны с очень тёплыми словами. Даже здесь она осталась собой – позаботилась, чтобы сказать журналисту, который сделал с ней интервью, «последнее прости». Как выяснилось позже, она по дороге в

аэропорт назвала шофёру мой адрес и попросила заехать на минутку. В темноте отыскала нужное парадное, почтовый ящик и оставила в нём прощальные слова.

Фрагменты интервью Анны Герман Льву Сидоровскому

Интервью 1971 года

– Первый вопрос – о самочувствии…

– Всё самое страшное уже позади. Моё положение было отчаянным – и с физической стороны, и с психической. Ведь очень долго я оставалась без памяти, не могла сказать ни слова… Пять месяцев лежала «замурованная» в гипс до самого носа. Ещё пять – в полной неподвижности без гипса… Два итальянских госпиталя и три польские больницы старались вернуть меня к жизни. Было неясно: срастутся ли кости, смогу ли ходить?

Через два года я начала упражнения с памятью, ведь не помнила ни одной песни. Потом попыталась петь – тихо-тихо и совсем недолго. На большее сил не хватало… Лежа дома, впервые стала сама сочинять музыку – без инструмента, в голове… Друзья потом её записывали. Первую песню, которая называется «Человеческая судьба», написала на стихи Алины Новак. Теперь у нас с Алиной уже есть долгоиграющая пластинка… Но до эстрады всё равно было далеко. Однако специальные физические упражнения, которые выполняла буквально до седьмого пота, оказались полезными. И хотя левая рука ещё действует плохо и нога тоже не совсем в норме, несколько дней назад я всё же рискнула встретиться со слушателями.

– Ваши собственные песни… о чём они?

– Например, «Освенцимская оратория» написана на основе воспоминаний бывшей узницы Освенцима Станиславы Лещинской, её рапорта. А песня «Человеческая судьба» дала название ещё одному циклу, который я так же и назвала. Особенно дорога мне песня «Спасибо, мама». Я давно мечтала поведать о своей маме, которая одна вырастила дочку и навсегда осталась самым родным человеком. Очень боялась банальности, ведь о матерях пелось уже столько. Но, кажется, получилось.

– Какая из многочисленных высоких наград, завоёванных вами на различных конкурсах, фестивалях, для вас самая дорогая?

– Однажды в Милане проходил телевизионный конкурс. Соревновались семьи – три поколения. Например, дедушка исполнял бабушке серенаду – ту самую, которую пел ей в молодости. Внучка должна была разрезать торт, разложить по тарелкам и всех угостить. А между соревнованиями выступали разные певцы, в том числе и я. И вот, когда спела по-итальянски «Не спеши» Арно

Бабаджаняна, подходит ко мне седой-седой старичок: «Синьора, вы поёте, как во времена моей молодости, сердцем. Сейчас же модно шумом заглушать то, что хочет сказать сердце. А у вас это слышно. Приезжайте, синьора, ко мне в Сицилию…». Конечно, награды на фестивалях дороги, но, когда услышишь такое, словно крылья вырастают.

– Анечка, всё-таки как прекрасно вы говорите по-русски!

– Не знаю, уж комплимент ли это, но вот вчера в антракте вдруг услышала от какого-то зрителя, который пришёл за кулисы, что мой русский язык «из девятнадцатого века»…

Фото Витольда Боревича

Интервью 1978 года (опубликовано в ленинградской газете «Смена» от 11 октября 1978 года):

– Что было самым существенным в вашей жизни за последние три года, что вы не были в Ленинграде?

– Самое существенное – у меня родился сын. Два с половиной

года сидела дома, растила Збышека и теперь помаленьку возвращаюсь к моим песням и слушателям.

– И как Збышек вас отпустил, спокойно?

– Нет, мне вообще трудно выходить из дома… Я ему обычно говорю: «Ты не плачь, будь весёлым, я тебе танк принесу…». Он говорит: «И трактор…». Я продолжаю: «Ладно, и ещё один трактор…» (он у меня, наверное, будет большим техником!). Збышек всё это слушает, а потом вздыхает: «Лучше все-таки оставайся дома»…

Когда по телефону из Москвы сообщили о том, что первый концерт будет у космонавтов в Звёздном городке, я очень обрадовалась, а Збышек принёс игрушечную космическую ракету и просит: «Возьми меня. С этой ракетой я там буду очень полезен».

К слову, знаете, в Звёздном я выяснила, что, оказывается, самая «космическая» песня – это «Надежда»!

– Пахмутова с Добронравовым её ведь написали специально для вас? И песня «Эхо», которую мы услышали в кинофильме «Судьба», тоже написана для вас?

– Да (улыбается). Во всяком случае, мне так сказали… Евгений Птичкин вообще пишет чудесную музыку. Кроме «Эхо» он мне подарил ещё одну песню, и я её записала на пластинку – такой грустный осенний романс, но в современном стиле, называется «Вы хотели мне что-то сказать…».

– Что вы прежде всего ищете в песне?

– Мне нужно, чтобы в словах была какая-то очень дорогая, очень важная мысль. А потом ещё хорошо, если музыка, как это по-русски… «адекватна до слув»…

– И по-русски тоже так: адекватна словам…

– Да, так вот тогда уж, при таком совпадении, моё счастье велико.

– В общем, вероятно, вам прежде всего нужны истинные песни, а не шлягеры?

– Я с вами не согласна (смеётся). Потому что шлягер в хорошем значении – прекрасная вещь… В Москве, как только я приехала, меня сразу встретил Владимир Шаинский и подарил шлягер – «Невесту» (сегодня я её пела) – и ещё две подобные песни. Казалось бы, они чуть-чуть похожи на что-то, но такое впечатление обманчиво: они просто запоминаются легко, а это люди любят. Конечно, песни, созданные на основе высокой поэзии, великолепны (такие, как поёт, например, наша Эва Демарчик), но это песни праздничные, это не на каждый день. А ведь людям ещё нужны и будничные песни. Ведь жизнь не очень легкая, у каждого свои проблемы, и от этих проблем надо отвлечься, просто немножко рассеяться. Поэтому ещё раз повторяю: хорошие

шлягеры очень нужны.

– Хорошие, талантливые, конечно. Но главные, наверное, для вас всё-таки такие песни, как «Танцующие Эвридики», «Эхо», «Надежда»…

– Да, главные. Однако всё-таки если всю неделю будешь есть торт, то и не заметишь, что это торт… Чтобы песня «Эхо» засверкала, как бриллиант, надо петь и другие: там зритель улыбнётся, а здесь – призадумается. По-моему, так…

– Кстати, а какую колыбельную вы пели своему Збышеку?

– Вот эту (напевает): «Были собе свинки тши…». По-русски вы её, конечно, хорошо знаете: «Жили-были свинки три». Просто волшебная песенка: как только её начинала, Збышек сразу засыпал… Но, увы, сыну почему-то всё равно больше нравится, когда страшно фальшивым голосом поёт отец.

– В концерте вы исполняете «Из-за острова на стрежень». А ведь эту песню, кажется, на всём белом свете поют только мужчины, да и то не все, а лишь те, кто обладает густым басом?

– О-о-о… Тут целая история. В детстве я, знаете, мечтала стать оперной певицей. Но профессор музыки, бывшая примадонна Вроцлавской оперы, прослушав меня, сказала: «Доченька, этот номер не пройдёт. Запомни, что самые чувствительные существа на свете – мужчины, и при своём росте почти в 190 сантиметров ни один настоящий мужчина, тем более тенор, не захочет стоять рядом…». Я всё-таки стала певицей, хотя и не оперной. Правда, чтобы не смущать мужчин, стараюсь выступать одна. Но вот когда принимаю участие в сборных концертах, где в финале обычно мужчины и женщины вместе выходят на поклон, знаете, пара за парой, то у меня, как правило, партнера всё-таки не находится. Например, Ежи Поломский – такой хороший товарищ, а тут всё равно за кулисой прячется… Только один отважный однажды нашелся – замечательный наш артист Ян Кочиняк. Сам он, как говорится, «метр с шапкой», так вот посмотрел на меня снизу: «Ну что, маленькая, опять тебя никто не берёт?», взял за руку и вывел на поклон. Вот я и решила: если мужчины не могут со мной работать на сцене, я возьму их мужской репертуар. И подготовила «Из-за острова на стрежень».

– Слушая ваше выступление, я подумал вот о чём. Сейчас некоторые певцы откровенно прячут свои исполнительские недостатки за мощным звучанием электроинструментов. Слава богу, вам не надо хвататься за подобную «соломинку». Более того, на этот раз вы вообще отказались от оркестра – только рояль…

– Знаете, я недавно записала хорошую песню композитора Добрынина: «Если перед вами две дороги, по одной из них идти трудней. Будьте к своему желанью строги и идите именно по

ней…». Я так подумала: это, конечно, поймут лишь музыканты – как адски трудно петь концерт под аккомпанемент одного фортепиано. Но зато я свободна, как птица, и могу сказать слушателям всё, о чём душа желает…

– Ещё ваш концерт подтверждает ту догадку, что мы понемногу возвращаемся к старым мелодиям, ритмам… К танго, например.

– О, это у нас в Польше сейчас очень популярно. И Ирэна Сантор, и Ирэна Яроцка, и Ежи Поломский, и многие другие певцы даже целые пластинки записывают со старыми танго.

– Вы ведь и сами пишете музыку? Как это происходит – специально ищете хорошие стихи или всё решает случайная встреча с настоящей поэзией?

Фото Витольда Боревича

– Так нельзя сказать – «пишу музыку». Это звучит слишком громко. Я не композитор, сочиняю по интуиции. Просто иногда

стихи так понравятся, что слышу, как они звучат на музыкальном языке. Нет-нет, я бы не решилась утверждать, что пишу песни, я их придумываю…

– Сегодня на концерте ещё раз понял, что слушатель у вас очень верный и благодарный. Интересно, а какой зрительский отклик самый памятный?

– Не знаю… Хотя вот, пожалуй, такой случай… Этой весной купила сыну игрушку – лошадь-качалку. Жду такси, чтобы отвезти подарок домой, а рядом тоже ожидают машину родители с девочкой. Вдруг девочка спрашивает по-русски (видно, приехала погостить в Польшу с папой и мамой из Советского Союза): «Можно я покачаюсь?». Отвечаю: «Можно». Покачалась она и говорит: «Хочешь, я тебе за это спою свою самую любимую песню?». И как затянет на всю улицу: «Оди-ин ра-а-аз в год са-ады цвету-ут…». Послушав девочку, я решила взять эту старую уже песню в гастрольную поездку.

– Вы к нам прилетели из Одессы. Известно, как трудно «пройти» в Одессе. Хорошим голосом одессита не удивишь, ведь он, по его глубокому убеждению, «слышал всех»…

– Да-а, я знала, как опасно там… И эти опасения, между прочим, подтвердились: одесситы задержали нас на лишний день, придумали, что на Ленинград нет самолета. Пришлось дать ещё два концерта… Но всё равно, при всём уважении к одесситам, больше всего всегда скучаю по ленинградскому слушателю – наверное, самому тонкому и чуткому на Земле…

Из интервью разных лет

«…Когда я лежала в гипсе, столько добрых писем получила – из Москвы, из Ленинграда, с Дальнего Востока. Поэтому будущим летом буду петь не только в крупных городах, но и на самой дальней периферии, куда заграничные гастролёры обычно попадают редко… Ну а на Невские берега хочется очень. Впервые побывала в Ленинграде в белые ночи, после концертов бродила по городу чуть не до утра. Но, признаюсь по секрету, всё-таки больше всего помню ленинградское мороженое: знаете, такой толстый круглый шоколад вокруг палочки? Вкуснее ничего не пробовала».

«…Конечно, петь с большим оркестром – большое удовольствие, но всё-таки лучше всего себя чувствую, если рядом лишь фортепиано. Когда музыка от меня идёт прямо к сердцу слушателя. Да, аранжировка для песни очень важна, это словно красивое платье для женщины: она и так хороша, но платье делает её ещё лучше. Однако иногда это шикарное платье может быть и ни к чему. Тем более, когда песня аранжируется слишком шумно. Так шумно, что уже не слышна и сама мелодия. Наверное,

специфике моего голоса эта мода противопоказана».

«…Как-то мне посчастливилось прочитать два стихотворения советских поэтов: „Песню“ Риммы Казаковой и „Костыль“ Сергея Острового. Тронули они меня так, что написала к ним музыку. Потому что нашла в стихах самую сердечную правду. И хотя люди эту правду знают – когда снова слышат её со сцены, всё равно волнуются. Римма Казакова пишет о памяти, которую мы сохраним в сердцах, о тех почти мальчиках, что заслонили нас от фашистских извергов. Вторая песня – тоже о войне и о нашей чуткости: если увидишь костыль инвалида – не суетись, не забегай вперед. И дай бог, чтобы этой его боли другие люди никогда не узнали. По-моему, для человека моей профессии самое главное – не играть. Быть самим собой. И если говоришь ты о вещах серьёзных, то слушатель поймёт тебя обязательно…»

Владимир Гоцуленко, журналист, поэт, в середине 70-х – корреспондент газеты «Вечерняя Одесса» (Одесса) «Я был поражен её человеческой простоте»

Бывают встречи, о которых помнишь всю жизнь. Я по долгу работы общался со многими артистами, но такого человека, как Анна Герман, я встретил лишь однажды. Это было в 1974 или 1975 году в Одессе, когда певица приехала туда с гастролями и жила в городе несколько дней. Тогда только была создана газета «Вечерняя Одесса», это было совсем молодое издание, и я с моим коллегой Семёном Лившиным решили сделать интервью с популярной певицей.

На сцене Одесской филармонии. Фото Леонида Сидорского

Мы позвонили в гостиницу «Аркадия», где останавливалась Анна, нас соединили с её номером, мы договорились и в послеобеденное время приехали в один из живописных уголков Одессы. До этого Анну Герман я слышал только по радио, и

представьте, каковым было моё удивление, когда дверь номера нам открыла такая высокая красавица!

Мы даже рассмеялись, потому что меня и Семёна высокими уж никак не назовешь! Нам пришлось задирать голову, чтобы разговаривать с ней.

Беседа была очень тёплой, мы записали разговор на магнитофон. Анна прекрасно общалась по-русски, рассказала нам, что родом из советского Узбекистана – там и выучила язык так прекрасно.

Во время встречи она предложила нам напитки – чай и кофе. Мы согласились, подумав, что сейчас она позвонит горничной и та принесет звезде её заказ. Но Анна сама начала кипятить воду и в чашечки заварила нам крепкого чая. Я был поражён этой человеческой простоте. Попросите кого-то из звёзд заварить журналисту чай – рискуешь услышать в ответ грубость! Но Анна была настоящей дамой, словно из девятнадцатого века. С необыкновенно изысканными манерами. Именно манерами, а не манерностью. Очень деликатная, спокойная и воспитанная.

Мы ушли влюблёнными в эту женщину. Именно как в человека, ведь как певица она нам и до этого очень нравилась. У неё была потрясающая человеческая энергетика, которой я больше не встречал ни у одного из артистов.

Интервью с Анной Герман вышло в «Вечерней Одессе» буквально на следующий день, её концерты ещё продолжались, и я вновь поехал в гостиницу «Аркадия» с пачкой газет с публикацией интервью. Но Анны в номере не оказалось. Газеты взяла горничная по этажу, пообещав лично отдать их певице…

Ошик Эркин, поэт, писатель, заслуженный работник культуры Узбекистана (Ташкент) «Этот товарищ приехал из города, где я родилась»

Прогулка по Самарканду, май 1979 года. Фото Ованеса Хачикяна

Мне посчастливилось увидеть знаменитую землячку два раза в жизни, и эти встречи были настолько яркими, что и сегодня я помню каждую деталь…

В августе 1970 года группа хорезмской молодёжи поехала в поездку, в маршрут которой входили несколько городов Польши: Варшава, Познань, Лодзь, Гданьск и Гдыня. Когда мы ехали из Гданьска в Гдыню, наш польский куратор Юлиуш неожиданно предложил: «Хотите, в Сопот заедем? Там сейчас проходит церемония награждения участников Международного фестиваля, и сегодня – гала-концерт». Мы, конечно, обрадовались, тем более Юлиуш сказал, что там будет выступать Анна Герман и это её второе выступление на публике после итальянской автокатастрофы.

«Анна Герман! – обрадовался я. – Она ведь наша, хорезмская!». И мы тут же решили, что обязательно должны преподнести певице букет цветов от земляков. «Только надо, чтобы самый высокий из вас вручал цветы, Анна-то ведь очень высокая», – посоветовал Юлиуш. Мы сразу выбрали нашего историка-краеведа Камилджона Нурджанова – высокого красивого мужчину.

И вот мы с цветами в огромном амфитеатре города Сопота. Наши места были где-то на самом верху, и мне казалось: кинь далеко яблоко – оно не долетит до сцены. Честно признаться, мы не столько на концерт рвались, сколько хотели увидеть Анну Герман.

И вот её объявили. Какая началась овация – не передать словами! Анна вышла на сцену, долго кланялась. А люди вокруг говорили, как перевёл нам Юлиуш, что Анна – певица от Бога, что она послана нам на Землю для добра.

Анна спела несколько песен: две на польском и одну – «Аве Мария», после которой зал снова устроил овацию. Наш Камилджон побежал к сцене, пробрался сквозь толпу поклонников и умудрился не только вручить цветы певице, но и сказать ей, что этот букет – от её земляков из Ургенча. Такой вот была первая встреча с Анной Герман.

Второй раз мне посчастливилось увидеть Анну в октябре 1978 года в Ленинграде, куда с группой хорезмских учителей я выехал на экскурсию. За день до отъезда, прогуливаясь по какой-то улице, я вдруг увидел афишу концерта Анны Герман!

«Я обязательно должен попасть на этот концерт!» – твердил я друзьям и, уговорив несколько человек пойти со мной, поехал в концертный зал, предварительно купив цветы.

Естественно, билетов не было и в помине. Я к контролерам: «Пустите нас, пожалуйста, мы земляки пани Анны, только несколько дней в Ленинграде и сегодня ночью улетаем!». Уж не знаю, что больше произвело впечатление – наши слова или наше вежливое обращение (узбек может и камень уговорить!), но

случилось чудо, и нас впустили!

Зал был битком. Даже на верхних ярусах яблоку негде было упасть. Мы стояли где-то на самом верху, между рядов. Анна была в длинном белом платье, очень красивом. Много рассказывала о своём творчестве, переводила польские песни. Я, честно говоря, всё время думал только о том, что мне надо бы спуститься вниз и дойти до сцены в перерыве между песнями. На этот раз я твёрдо решил вручить певице букет сам и снова передать ей привет от земляков.

Когда я добрался наконец до сцены, Анна как раз только-только закончила петь и принимала цветы. Я поднялся по лестнице на сцену и понял, что сказать ей ничего не удастся: она была намного выше меня. От отчаянья я сделал ей знак, чтобы она наклонилась, Анна с растерянной улыбкой наклонилась, думая, наверное, что я хочу её поцеловать. А я, отдавая цветы, сказал ей на ухо: «Пани Анна, я здесь с группой ваших поклонников из Ургенча! Вы помните такой город?». Анна улыбнулась: *«Конечно, я же там родилась!».* И, не дав мне опомниться, она взяла меня за руку и вывела на сцену: *«Дорогие друзья,* – сказала она, обращаясь к залу, – *этот товарищ приехал из Узбекистана, из города Ургенч, в котором я родилась».* Какие аплодисменты раздались! Мне стало даже не по себе. А Анна снова наклонилась ко мне и сказала:

– Я живу в гостинице «Октябрьская», приходите завтра после семи вечера, мы поговорим.

Я расстроился:

– Анна, вы знаете, сегодня ночью мы улетаем домой…

– Жаль, жаль, – сказала она, – передавайте от меня привет Ургенчу!

И… сама поцеловала меня!

С тех пор прошло много лет, пани Анны давно нет с нами, но её голос по-прежнему радует людей, и часто я задумываюсь о том, что действительно эта прекрасная женщина была послана на Землю самим Всевышним…

Александр Барышев, журналист (Самара) «Программе „Круг“ с самым горячим приветом»

Встречу с Анной Герман помню, как сейчас: это её первые гастроли в СССР после трагической автокатастрофы и возвращения к жизни – август 1972 года. Я тогда работал на телевидении Кузбасса в Кемерово, с женой Ольгой Литвинцевой выпускал развлекательную программу «Круг», которая шла целый

вечер. Эта программа сыграла огромную роль в моей жизни, она была самой необыкновенной из всех программ, над которыми мне довелось работать. В ней было всё: песни, интервью, очерки, конкурсы, мультфильмы, фильмы для взрослых и многое другое… И всё это на региональном телевидении в Кемерово в 1972 году! Популярность у программы «Круг» была необыкновенная – в наш адрес приходили огромные мешки писем.

В студии телевидения, 14 ноября 1973 года

И вот летом 1972 года мы узнаём, что в Кузбасс с гастролями приезжает Анна Герман. По каким-то причинам её концертов в Кемерово не было, они были объявлены в Новокузнецке, куда я и поехал вместе с оператором «попытать счастья».

Первое отделение концерта во Дворце культуры металлургов мы смотрели из зрительного зала, а в антракте попросили разрешения зайти к Анне в гримёрную. Нас пропустили, так как мы были из Кемерово, как говорится, из центра. Были бы местными журналистами, могли бы и не пустить.

Открытка с автографом: «Программе „Круг“ с самым горячим приветом – Анна Герман. Новокузнецк, 05.08.72». Из архива Александра Барышева

Итак, мы в гримёрке у Анны – очаровательной, прекрасной

женщины. Она пригласила нас войти и присесть. Техника в то время оставляла желать лучшего, поэтому мы записывали отдельно звук и отдельно изображение: я на магнитофон «Репортёр» записывал разговор, а оператор на камеру (на пленку 16 мм) снимал нашу беседу. Она длилась минут пятнадцать. В те годы мы очень мало знали о судьбе певицы, поэтому задавали общие вопросы – о жизни, о реабилитации, о гастролях. Анна отвечала очень доброжелательно. На прощание она подписала рекламную открытку: *«Программе „Круг“ с самым горячим приветом, Анна Герман, Новокузнецк, 4 августа 1972».* Было неудобно просить певицу фотографироваться с нами, хотя у меня с собой был фотоаппарат, поэтому на память о той встрече у меня сохранилась только эта открытка и открытка с подписью конферансье её концерта – польского телеведущего Яна Сузина.

В августе этот сюжет о гастролях Анны Герман вошел в программу «Круг», он был очень добрым и светлым – другим он и не мог быть. Увы, в то время не сохраняли пленки и записи, поэтому та запись не дошла до наших дней.

Встреча с Анной Герман для меня – одна из самых ярких встреч в моей жизни. Я и по сей день с большим интересом читаю статьи о её судьбе, смотрю фильмы о ней и вспоминаю ту тёплую встречу…

Университетские годы

Альфред Майерович, профессор минералогии и петрографии (Польша) «Это был лучший поющий геолог»

Фото с аттестата о среднем образовании Анны Герман. Из архива Збигнева Тухольского

Во Вроцлавском университете Анна была любима, к ней

относились с большой симпатией. Уже на первом курсе все убедились в том, что Аня прекрасно поёт. Но её первый концерт услышали лишь во время геологической экспедиции. Это было где-то около Соботки, в окрестностях Ольбрахтовиц (*местность недалеко от Вроцлава.* – Прим. ред.). Наша экспедиция была прервана из-за сильной бури. Мы спрятались в ближайшем стоге сена. Буря и ливень продолжались несколько часов. Однокурсницы Ани знали, что самая высокая на курсе девушка ещё и прекрасная певица. «Спой, Аня!» – попросили они. И она спела…

Пела она чудесно. Её голос на каждого произвёл необыкновенное впечатление. Тогда я подумал, что её место на большой эстраде, а не на факультете геологии.

Это было, кажется, в 1961 году. Мы устроили Первый съезд Общества геологов, выпускников Вроцлавского университета. Чтобы показать уровень нашего мероприятия, было решено провести это торжество в отеле «Монополь». Там в ресторане пела штатная певица-шансонетка. Никто из присутствующих не обращал внимания на то, как она поёт. И тогда вновь однокурсники Ани попросили её спеть, и я присоединился к их просьбе: «Спой, Аня!». На тот момент она уже знала, что её голос нравится людям, и не заставила просить дважды. Она начала петь, сразу же вступил ансамбль. То выступление она начала с популярной тогда песни «Если ты уйдешь» и лукаво посмотрела на профессора Казимира Масланкевича. Шансонетка больше не пела, Аня покорила всех…

Барбара Чапкович, в 60-е годы – главный специалист секции баскетбола Вроцлавского университета (Польша) «Аня часто шутила над своим ростом»

Играла ли Аня в баскетбол? Её рост был 1,84 метра, таких девушек было тогда немного. Мой муж Леонард Чапкович проводил в университете занятия по физической подготовке студенток, он был настоящим профи в баскетболе. Увидев Аню, он пригласил её на тренировку.

Аня пришла, но без энтузиазма. Она даже не переоделась в спортивную одежду, так и осталась в платьице. Несколько раз бросила мяч в корзину… После этого мы её больше никогда не видели в спортивном зале.

Студентка Анна Герман на геологической практике, 1959–1960 годы, Польша

Аня часто шутила над своим ростом, называя себя *«Моё высочество»*. Но это был её комплекс. Она была на голову выше окружающих – даже тех, к кому она проявляла симпатию… Несмотря на её рост, я видела её большое сердце, наполненное любовью.

Богумила Горлицка, выпускница геологического факультета Вроцлавского университета, однокурсница Анны Герман (Польша) «Аня пела на моей свадьбе»

Студенческие годы во Вроцлаве, конец 50-х годов

С Аней Герман мы вместе учились в 1955–1961 годах, изучали геологию на природоведческом отделении Вроцлавского университета. На первом курсе ребята, которые с нами учились, подтрунивали над нами: «Геология – не женское занятие». Но никто из девушек не испугался, и, несмотря на трудности учебного процесса, на летние практики, отнимавшие много сил, мы все благополучно окончили наш университет.

На первом курсе у нас уже образовалась компания из четырех подружек: Аня, Елуня, Люся и я – Богуся. Все шесть лет в университете мы были вместе, как говорят, не разлей вода. К экзаменам тоже готовились вместе, разбившись на две подгруппы: Люся и Елуня, я и Аня. Я вслух читала конспекты и учебники, а Аня со слуха запоминала. Все экзамены мы сдавали очень хорошо.

Особенно нам нравилось в июне – июле ездить на летние практики. Наша великолепная четвёрка во главе с Аней всё время пела. Пели мы популярные песенки, итальянские шлягеры и разные песни, которые тогда крутили по радио. Благодаря этому мы могли ходить пешком целый день (иногда по 30 км), дружно напевая. На этих выездах мы ночевали в основном в сельских школах и сами себе готовили еду. В 50-е годы магазинные полки зачастую были пустыми, поэтому в нашем походном котелке обычно оказывалась снедь, собранная нами по дороге, например яблоки с придорожных яблонь.

Однажды Аня пообещала нам приготовить вареники с яблоками. Когда вечером наша группа вернулась на место стоянки в сельскую школу, мы обнаружили на закрытых дверях школы прибитую табличку: *«Я слепила 100 вареников, и меня украли нечистые силы!»*.

Особенно я вспоминаю нашу месячную практику в шахте. Аня, Елуня и я поехали на шахту «Анна» в Пшове (*город недалеко от Катовиц.* – Прим. авт.). Поселились мы в гостинице для горняков, вместе с нами были практиканты из Кракова и студенты Горного техникума. За каждый спуск в шахту мы получали дополнительное денежное вознаграждение, поэтому с удовольствием делали это каждый день. Однажды один старый работник, увидев на наших лицах слишком довольное выражение лица, предложил нам посмотреть настоящую шахту. В шесть утра следующего дня мы спустились в шахту вместе с горняками, откуда тот старый шахтер провел нас в самые труднодоступные места. Лазы там были 50–60 сантиметров, нужно было ползти, всё время ударяясь спиной или головой о балки. Там было очень сыро, и мы вынуждены были отжимать свои комбинезоны, изображая «хорошую мину при плохой игре». На следующий день за нами в гостиницу вновь прислали работника шахты, но мы были не в состоянии встать с кроватей: всё болело.

28 октября 1958 года, будучи на третьем курсе, я вышла замуж за Хенрика, в которого влюбилась ещё в первые дни обучения. Мне был 21 год. В одном из своих концертов в СССР Аня позже рассказывала зрителям о моей свадьбе и сказала, что мне было тогда 18 лет. Это не так, мне было 18 лет в 1955 году,

когда мы познакомились, а в день свадьбы мне был 21 год.

Я хорошо помню свою свадьбу, и как Аня впервые на ней выступила публично в Кафедральном соборе Вроцлава. Аня спросила меня, не буду ли я против, если она споёт «Аве Мария». В Польше есть такая традиция – спеть «Аве Мария» на счастье молодой пары. Я была только рада, но нужно было договориться с органистом. Сейчас не помню его фамилию, но это был профессор музыки. Когда я сказала ему, что однокурсница желает выступить на моей свадьбе, он спросил: «А на кого она учится?». И, когда узнал, что на геолога, категорически запротестовал: «Прошу прощения, но в Кафедральном соборе не может петь кто-либо без подготовки. Вы должны понимать, что свадьба – это вам не какие-нибудь семейные именины, где может петь каждый, кто хочет».

Я настаивала, просила, чтобы он послушал, как Аня поёт. И он согласился. Аня пришла в собор, органист начал играть «Аве Мария» и дал знать, когда нужно вступить… Уже после первых слов этого песнопения органист онемел от удивления… Глянул на Аню и стал играть с ещё большим воодушевлением. Когда закончил – встал, поцеловал ей руку и сказал: «Вы должны заниматься своим прекрасным голосом, оставьте геологию». Во время свадебной церемонии, когда Аня пела «Аве Мария», все были поражены её голосом, а я плакала…

В феврале 1960 года, на пятом курсе, я родила дочь Беату. С тех пор наши контакты с Аней стали редкими. Она уже начала концертную деятельность, много времени проводила в обществе музыкантов. А мы все просто радовались, что наконец-то исполнилась мечта Ани – она начала покорять мир своим пением…

Соседи

Мария Дудзинска, соседка мамы и бабушки Анны Герман во Вроцлаве, где они жили на улице Инженерской, 66 (Польша) «Мы были соседями»

Студентка Анна во Вроцлаве. Фото из архива Мариолы Призван

Когда Аня уехала в Варшаву, во Вроцлаве остались её мама и бабушка. Из квартиры с улицы Тшебницкой, где Аня провела юность, они переехали в новые дома на улице Инженерской. Мы были соседями. Если поздно вечером я слышала радостный крик «Аня приехала!» – знала, что в этой квартире сегодня праздник. Аня часто приглашала меня. А я просила, чтобы она что-то спела… Она никогда не отказывалась. Однажды спела песню о матери. Без аккомпанемента, но это было так прекрасно.

Бабушка Анна Мартенс тогда уже была в инвалидном кресле, мама Ани работала в Высшей сельскохозяйственной школе, читала лекции по русскому языку. Бабушка Ани часто мне рассказывала о трагических событиях, которые пришлось пережить их семье. «Аня очень мужественная. Её брат не выдержал голода и скитаний…» – говорила она и всегда плакала.

Станислава Лисек, друг семьи (Польша) «Бабушка воспитала Аню в религиозном духе»

Анна Герман с самыми родными людьми: мамой Ирмой, бабушкой Анной и тетей Гертой, встреча во Вроцлаве

В начале 60-х я познакомилась с бабушкой Анны Герман – Анной Мартенс – во Вроцлаве, где в то время мой муж служил пастором в костёле адвентистов седьмого дня. Мы довольно часто общались, у нас были тёплые взаимоотношения. Анина бабушка запомнилась мне как искренне верующий человек, чья вера шла глубоко от сердца.

Мама Анны, Ирма, в те годы очень много работала, ей приходилось обеспечивать всю семью, поэтому воспитанием девочки занималась бабушка. Надо отдать должное: Аня была воспитана в религиозном духе, вместе с бабушкой она посещала костёл, бабушка много с ней говорила о Боге. Думаю, это была центральная тема их разговоров.

Через два года после нашего знакомства мы поменяли место жительства и на время наши связи прервались, пока мы не перебрались в Варшаву, где встретились снова.

В начале 70-х Аня очень часто навещала бабушку и маму. Я была свидетельницей одной из таких встреч, когда после очередного концерта Аня приехала к бабушке с большим букетом великолепных красных роз. Она делилась впечатлениями от концерта, много рассказывала – было видно, что между ними

тёплые, очень близкие и сердечные отношения. В тот вечер бабушка сказала: «Аня, я очень радуюсь твоим успехам на сцене, но я была бы вдвойне счастлива, если бы услышала твой голос в нашем костёле, чтобы ты спела для Бога». Аня ответила: *«Хорошо, бабушка, я обязательно спою в костёле».*

Аня действительно хотела спеть в костёле, но ей не разрешили. Она была человеком публичным, к ней было приковано особенное внимание. К тому же петь в костёле на богослужении может только подготовленный человек, видимо, её посчитали неготовой.

Наше общение было довольно частым, я бывала на её концертах, а когда она заболела, мы все навещали её в госпитале на улице Шасерув. Члены нашего костёла организовали у Анны круглосуточное дежурство, так как её состояние с каждым днём ухудшалось. Ни к одному пациенту этого госпиталя не было столько посетителей – её приходили навестить и друзья, и близкие люди. Аня никогда не оставалась одна, она всегда чувствовала поддержку тех, кто её любил. Так было до самого последнего дня…

Фрагмент интервью Анны Герман (1977 год):

«*Так вышло, что я очень рано потеряла отца, и все обязанности, которые в семье обычно выполняет глава семьи, приняла на себя моя мама. Она работала с утра до ночи, чтобы устроить наш быт, а на близкое общение с ребенком у неё попросту не хватало времени. Каждый день она приходила с работы смертельно уставшая. Поэтому меня воспитывала бабушка. Мы обе, я и мама, очень любили бабушку. Всё, что во мне заложено, мое отношение к людям, к жизни – это и есть отражение представления моей бабушки о жизни, отражение её жизненных понятий. И хотя бабушки уже нет на этом свете, я по-прежнему в минуты сомнений или радости первым делом думаю: «Ах, надо пойти и всё рассказать бабушке…»»*

Фрагмент письма бабушки Анны Мартенс к Анне Герман:

«Милая крошка!.. Ты пишешь, что ты за нас молишься, но знай, что и мои молитвы ежесуточно идут к Богу. Я очень хотела бы, чтобы ты всегда служила Господу. Если бы я с тобой могла говорить, то ты много бы узнала. Ведь Бог нас милует и поддерживает нас, и мы должны быть ему благодарны. Пусть Господь благословит, чтобы что-то получилось с домом. От всей души желаю и молюсь, чтобы это получилось.

Милая Анечка, береги свою ногу и нигде не ходи, чтобы ты поскорее выздоровела. Золото моё и самая милая Крошка, и

цветочек, и золотая моя. Твоя бабушка» (15 апреля 1968 года, в это время Анна проходила в Варшаве реабилитацию после автокатастрофы).

Фрагмент единственного интервью бабушки Анны газете «Польское слово» от 5 ноября 1968 года:

«…С детства Аня любила петь и, хотя она закончила геологический факультет Вроцлавского университета, профессию выбрала артистическую. Когда-то мне казалось, что это лёгкая и совсем не мучительная работа. Но Аня говорит, что это изнурительный труд. Перед каждым концертом она борется с большим волнением. Ей приходится многому учиться, не только пению.

…Аня хорошо владеет несколькими языками: русским, немецким, английским, итальянским. Это у неё семейное. Моя дочь, мама Ани, преподает русский и немецкий языки во Вроцлаве. Мы все трое хорошо говорим по-русски, ведь мои предки давно эмигрировали из Голландии в Россию, я много лет прожила там».

Зрители

Курбан Аманниязов, доктор геолого-минералогических наук, профессор, бывший директор Института геологии Академии наук Туркменской ССР, ныне – профессор Каспийского университета (Алма-Ата) «Незабываемая встреча в Ашхабаде»

На фоне отеля «Ашхабад», апрель 1980 года

Именно такая манера покрывать плечи платком удивила Курбана. Фото Николая Агеева

В 1977 году я по ходу работы познакомился с Людмилой Николаевной Качалиной, с которой вместе был на научной конференции в ФРГ. По приезде домой мы поддерживали знакомство, и Людмила познакомила меня со своей сестрой – Анной Николаевной Качалиной, редактором Всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия». Мы легко нашли общий язык, в разговоре Анна Николаевна упомянула, что в Москву приехала Анна Герман, которая будет сниматься в телепрограмме «Песня-77». Я

сказал, что мне интересно было бы познакомиться с ней. «Поедем на съемки, посмотрим выступление Ани, и потом я вас познакомлю», – предложила Анна Николаевна, и я, конечно, согласился.

Когда Анна вышла на сцену концертной студии Останкино, я обратил внимание на её золотистую шаль. Она была повязана так, как это делают женщины в Средней Азии. Я сказал об этом Качалиной, а после съёмки и самой Анне, с которой познакомился в гримёрной комнате телевидения. Анна Герман рассказала о своём детстве в Узбекистане, и мне стало понятно, откуда у неё такая манера завязывать платок. Потом мы вместе провожали Анну в гостиницу «Пекин», всю дорогу Анна рассказывала о детстве, о том, как мечтает побывать там, где родилась и выросла.

Через некоторое время я получил от Качалиной телеграмму: «В Ашхабад едет Анна с концертами – встречай её!». Я уже тогда был директором Института геологии в Ашхабаде. Анна и её коллектив прилетели из Алма-Аты и остановились в гостинице «Ашхабад». В фойе я увидел её музыкантов, поздоровался, они сказали, что Анна плохо себя чувствует и вряд ли уместно её тревожить.

Через некоторое время мы всё-таки увиделись. Она была очень рада встрече, но жаловалась на недомогание: *«Курбан, мне трудно гастролировать, а впереди ещё гастроли в Австралию с группой польских артистов, не знаю, как это выдержать».* Она хотела попасть на ашхабадский рынок, но осталась в гостинице. Её музыканты ходили на рынок, накупили восточные сувениры, спрашивали, что хочет Анна. Она сказала: *«Я потеряла браслет, который мне подарила мама, хотела бы найти похожий».* Для меня это был сигнал к действию: я поехал на ашхабадский ювелирный завод и на следующий день привёз Анне украшение. Она очень благодарила, но выше всех слов благодарности было то, что вечером того же дня она пригласила меня с семьёй на свой концерт и выступала с этим браслетом на руке! В газете «Туркменская правда» потом вышло большое интервью с Анной и фотографией, на которой она с этим браслетом!

Тот самый браслет на руке Анны на концерте 12 апреля 1980 года в Серпухове. Фото Валерия Карпова

На концерт я приходил с фотоаппаратом, но кто-то из администраторов подошёл ко мне в фойе и попросил не снимать…

Та встреча в Ашхабаде в апреле 1980 года осталась в моей памяти на всю жизнь. Я потом созванивался с Анной Качалиной, спрашивал о здоровье Анны Герман, но новости были неутешительными… Через два года я узнал, что Анна покинула нашу Землю…

Алла Зыкова (Санкт-Петербург)

В 70-е годы у моей мамы, Фортунатовой Ирины Владимировны, была возможность посещать «закрытые» концерты советских и зарубежных эстрадных артистов. Мой дедушка был высокопоставленным чиновником (заместителем начальника Госснаба СССР), и для мамы он всегда доставал билеты.

Концерт Анны Герман проходил весной 1978 года в ленинградском Театре эстрады. Афиш не было, концерт был «по приглашениям», просто так туда попасть было невозможно.

Зал Театра эстрады был забит битком. Атмосфера концерта была очень душевной, от Анны исходила добрая энергетика, многие в зале не сдерживали слёз счастья. Анна заряжала зрителей своей добротой, после её концерта хотелось обнимать даже незнакомых людей, говорить им хорошие слова. Первое отделение так понравилось зрителям, что в антракте все побежали в буфет, скупили конфеты и пирожные и эти сладости отнесли к гримёрке: хотя бы так люди хотели выразить Анне своё тепло и благодарность!

Во время второго отделения сломался микрофон. Но Анну это не остановило, она продолжала петь. Сила её голоса была такова, что звук без микрофона был так же прекрасен, как и с усилением. Пианист играл тише, Анна пела – и это произвело на зрителей колоссальное впечатление. Моя мама бывала на многих концертах, но именно о концерте Анны Герман она всегда говорит с особой теплотой.

Анна Благородова (Ростов-на-Дону)

Лето 1975 года… Мы ходили на концерт Анны Герман в Ростовскую филармонию всей семьёй – с мужем и дочерью. Зал был переполнен. Билеты я заказывала заранее на работе, в противочумном институте. В кассах перед концертом билетов уже не было.

Выступление певицы навсегда осталось в памяти. Она появилась на сцене в бежевом кружевном платье, высокая, стройная, с распущенными по плечам светлыми волосами. Выглядела она просто прекрасно! Анна исполняла многие песни из своего репертуара в сопровождении ансамбля. Пела на русском и польском языках, и зал встречал каждую песню бурными овациями, её буквально осыпали цветами!

С улыбкой вспоминается исполнение песни «А он мне нравится». В составе музыкантов Анны был рыжий парень небольшого роста, который стоял рядом с ней, он был ей по плечо. Эта разыгранная сценка не могла не вызвать эмоции

зала…

Александр Ткачёв (Ярославль)

Моя встреча с Анной Герман состоялась в августе 1975 года во время её гастролей в Ярославле. Певица тогда была в положении, ждала ребёнка, а я всего лишь хотел получить от неё автограф. Я встретил Анну у входа в гостиницу, её администратор попросил меня помочь отнести наверх чемоданы. Пока Анна ехала в лифте, я с её тяжелыми чемоданами бежал по лестнице и в итоге обогнал лифт, что очень её удивило.

В гостиничном номере Анна буквально упала на кровать от усталости: *«Извините, Саша, я очень устала»,* но на мою просьбу дать автограф специально поднялась с кровати, достала из чемодана свою фотографию и написала слова, которые я никогда не забуду: *«Сашеньке, улыбающемуся так хорошо!».* Это фото с автографом Анны Герман до сих пор хранится у меня под стеклом.

Диля Турабекова (Тараз, Казахстан)

В апреле 1979 года я была восемнадцатилетней девчонкой, проходившей практику в нашем городском ателье «Малышка». Так получилось, что именно я попала в ту смену, которая шила наряд в подарок для приехавшей на гастроли в Джамбул (*ныне Тараз.* – **Прим. ред.**) Анны Герман. Работали всю ночь не смыкая глаз. Помню, какое волнение испытывали все девчонки, работавшие над этим подарком: было очень ответственно шить костюм не просто для любимой певицы, но и для нашей землячки. Тогда весь город говорил о том, что Анна приехала не просто с концертом, что Джамбул – это город её детства, она здесь училась в школе.

Наутро, когда костюм был почти готов, у нас приняли работу, похвалили и в качестве благодарности выдали пять билетов в городской театр на концерт Анны Герман. Что было делать? На концерт хотели все сотрудники ателье (это 150 человек), а билетов всего пять! Пришлось кидать жребий, кому идти, ведь достать билеты было просто невозможно: на концерты таких артистов они всегда раскупались в считанные минуты, а просить перед входом «лишний билетик» не было смысла. Мне не повезло, билет достался кому-то из ателье, зато на всю жизнь осталось чувство гордости, что именно я была в той смене, которая сшила

наряд для великой певицы и моей землячки!

Девочки потом рассказывали, какой необыкновенный был концерт и как Анна радовалась подарку – национальному казахскому наряду, который ей вручили прямо на сцене театра.

Анна Герман перед концертом у служебного входа в городской театр г. Джамбула, апрель 1979 года. Фото из архива Татьяны Юлдашевой

Елена Шабанова (село Мерке, Казахстан)

Универмаг в Мерке (*село Мерке находится посредине автомобильной трассы Тараз – Бишкек.* – **Прим. ред.**) славился тем, что у нас можно было купить хорошие ювелирные украшения. К нам специально приезжали высокопоставленные покупатели, заезжали даже артисты. На время таких посещений мы просили всех посетителей временно покинуть магазин и закрывались «на спецобслуживание». Такие визиты никогда не афишировались и проходили без посторонних лиц.

О приезде Анны Герман нас никто не предупредил, был обычный рабочий день. В наш отдел зашли трое: двое мужчин и довольно высокая женщина. Говорили они очень тихо, почти не привлекая к себе внимания, выбирали украшения в секции как

раз напротив той, где я работала. Вдруг один из мужчин обратился по имени к высокой даме. Только тогда до нас «дошло»: это Анна Герман! Весь наш отдел впал просто в оцепенение, в ступор. Никто не мог вымолвить ни слова… Анна Герман для каждого из нас была чем-то недосягаемым, и вдруг она тут, на расстоянии вытянутой руки… В универмаге нашего села!

Анна в тот день приобрела только бусы. Никто из нас даже не попросил автограф, не признался ей в симпатии и уважении: мы были словно парализованные, не могли поверить своим глазам! Как только дверь универмага захлопнулась за Анной, все зашумели: «Это же была сама Анна Герман!». Это изумление сохранилось в памяти по сей день…

Любовь Прокопенко (Волгоград)

Воспоминание об Анне Герман – это жаркое лето 1975 года. В обеденный перерыв я зашла в кассу Дома офицеров, где на самом видном месте висела афиша с очень красивым портретом Анны. Я купила два билета: на вечерний концерт и на концерт следующего дня. Концерты были объявлены во Дворце спорта профсоюзов. Так я побывала на двух её выступлениях в Волгограде.

* * *

Поет Анна ГЕРМАН

в сопровождении
эстрадного ансамбля
(ПНР)

18 июля — Дворец спорта профсоюзов — в 19-30.

19 июля — Дворец спорта профсоюзов — в 16 и 19-30.

20, 21, 22 июля — Дворец спорта профсоюзов — в 19-30.

Анонс концертов в Волгограде, июль 1975 года. Из архива Любови Прокопенко

Я была околдована и очарована встречей с таким чудом, как Анна. Трудно передать словами мои чувства, но, говоря словами её песни, «всё во мне от счастья замирало». Я смотрела на сцену и не могла оторвать взгляд. Помню почти все песни, которые она тогда исполняла: «Надежда», «Дубрава», «Небо голубое», «А он мне нравится»… Особенно запомнилась песня «Ты рядом» на стихи Юлии Друниной. Она так загадочно её пела… Зал в гробовой тишине слушал её: «Спасибо тебе… за губы…». Мы думали, что после «спасибо тебе…» она споёт что-то серьёзное, возвышенное, а оказалось, очень личное – «за губы…». Незабываемо она пела и «Стеньку Разина». Она пела, а я представляла бедную княжну, брошенную атаманом за борт в волжские воды. Во время исполнения этой песни зал не шелохнулся.

Я записала её концерт целиком на магнитофон, но потом, когда в продаже появились пластинки с песнями Анны, я уничтожила эти записи, посчитав их некачественными. Теперь понимаю, что сделала большую ошибку…

На одном из концертов я решила сделать певице подарок, но у меня не было цветов, я купила в буфете маленькую шоколадку (больших там не было) и в антракте, подойдя к краю сцены, положила шоколадку рядом с цветами, которые Анне подарили в первом отделении. Началось второе отделение, Анна вышла к краю сцены, посмотрела на цветы, увидела мою шоколадку и спросила в микрофон: «Цветы тут были, а вот шоколадки не было…». Я не стала откликаться, просто была рада, что Анна заметила мой подарок.

Знаю, что спустя несколько лет Анна снова посетила Волгоград с гастролями, но меня не было в городе, и концерт я пропустила. Но эти два концерта 1975 года – это было настоящее чудо и радость в моей жизни.

Фрагменты интервью Анны Герман волгоградскому журналисту А, Молодановой (газета «Молодой ленинец» от 24 июля 1975 года)

«…Когда мне было двенадцать лет, я твёрдо решила посвятить свою жизнь опере. Но сначала нужно было подтверждение моего таланта. У меня был товарищ, который уже учился в консерватории. Он и взялся прослушать меня. „Аня, – начал мой судья, когда я закончила своё пение, – будем откровенны: скажи, тебе приходилось видеть когда-либо в опере двухметрового тенора? С кем ты собираешься петь?“»

«…В этом году, когда отмечается 30-летие Победы над

фашизмом, меня пригласили на концерт в воинскую часть. Сказали, что выступать предстоит перед ветеранами. Когда же я вышла на сцену, то в зале не увидела ветеранов войны в привычном смысле слова – убелённых сединой. Передо мной сидели мужчины, женщины, ещё совсем не старые, ну, может быть, им только чуть за сорок. И всё же это были ветераны. Как объяснили мне, в тот вечер в зале сидели бывшие мальчишки и девчонки, которые в войну, потеряв родителей, обрели их затем в лице целого полка. Да, то были сыновья и дочери полков…»

Маргарита Карапетян (Ереван, Армения)

Выступление на фестивале в Колобжеге в 1978 году

В июне 1978 года я поехала в Польшу руководителем группы советских туристов. Это был тур по Польше с отдыхом в городе Колобжег. В то время там проходил Фестиваль солдатской песни.

В гостинице, где мы жили, проживало очень много артистов, в том числе и Анна Герман. В те годы она была в СССР даже более популярна, чем в Польше. Я не просто любила эту певицу – я её обожала. И вот я стала поджидать у дверей её номера, пока Анна не вышла из него. Встреча была очень тёплой, мы общались минут тридцать и договорились о встрече со всей нашей группой. На следующий день эта незабываемая встреча состоялась!

Сколько обаяния, теплоты, доброты исходило от Анны Герман! Мы сделали десятки снимков, но, к сожалению, плёнка оказалась испорченной, и фотографий мы так и не увидели…

Мы с Анной обменялись адресами, на прощание она попросила меня, чтобы я отправила ей свою фотокарточку. В конце нашей встречи она подарила мне цветочную вазу, которая хранится у меня до сих пор. А в моей памяти навсегда сохранилась та встреча в Польше с этой замечательной женщиной и прекрасной певицей.

Раиса Нагих, хранительница музея металлургического завода «Серп и молот» (Москва)

На сцене дворца культуры завода «Серп и молот», 11 апреля 1979 года. Фото Анатолия Ломохова

Цветы от благодарных зрителей дворца культуры завода «Серп и молот», 11 апреля 1979 года. Фото Анатолия Ломохова

На сцене Дворца культуры завода «Серп и молот» выступали очень многие деятели искусства – исполнители эстрадных, фольклорных песен, артисты драматических театров и артисты балета. Но выступление Анны Герман не стёрлось в памяти, я отлично помню тот прекрасный вечер, когда гостья из Польши блистала на сцене нашего любимого Дворца культуры.

Концерт проходил в Большом зале нашего Дворца, был аншлаг, а это значит, что в тот день «на Анну Герман» пришло около 1200 человек. Учитывая, что на заводе трудилось на тот момент около десяти тысяч рабочих, то зал вместил лишь часть нашего заводского коллектива.

Анна выступала с ансамблем, была в очень хорошем настроении, пела два полных отделения. Запомнилось, что в самом начале выступления она попросила фоторепортеров, которые снимали её из зала, не делать снимки во время выступления. Щелчки от затворов фотоаппаратов мешали ей, она ведь пела такие нежные и красивые песни. *«В антракте и после концерта я буду в полном вашем распоряжении, можете меня фотографировать сколько угодно!»* – попросила она со сцены, что было знаком уважения и такта к московским корреспондентам.

От нашего завода фотографом на том концерте был Владимир Чугунихин, он сделал несколько снимков для заводской газеты «Мартеновка». А вот определиться с тем, кто будет вручать Анне Герман подарок от «Серпа и молота», удалось не сразу. Искали мужчину высокого роста – под стать Анне. И

выбрали самого высокого – Виталия Петровича Иглина. Он и преподнёс Анне в конце её выступления наши фирменные игрушки, выпущенные нашим заводом.

Дни польской культуры
в Советском Союзе

Поет Анна Герман

Статья в московской газете «Мартеновка» о концерте Анны Герман, № 49, 28 апреля 1979 года

Спустя несколько дней после концерта в заводской газете «Мартеновка» вышла большая статья о концерте Анны Герман с фотокопией её автографа.

Юрий Каменский, металлург завода «Серп и молот» (Москва)

Вскоре после вечера польско-советской дружбы, на котором наша команда КВН заняла первое место в конкурсе «Знаете ли вы Польшу?», я получил скромную картонку, сложенную вдвое. На лицевой стороне – «Дворец культуры завода „Серп и молот“» и «Приглашение». А дальше работники завода извещали, что Центральное правление общества польско-советской дружбы и Дворец культуры приглашают нас на Торжественный вечер, посвящённый Дням польской культуры в СССР, и что в программе вечера – встреча с польской эстрадной певицей Анной Герман.

Нас предупредили, что команде КВН поручено приветствовать Анну Герман и вручить ей подарки…

Это сообщение взволновало нас: для всех Анна Герман была любимой певицей, и пообщаться с ней в жизни – об этом можно было только мечтать! Конечно, мы решили кое-что приготовить к этой встрече…

…Дворец культуры завода «Серп и молот» видел на своей сцене многих известных артистов – и советских, и зарубежных, – но этот вечер, пожалуй, отличался особой теплотой. Тут сыграло роль многое: и то, что Анна Герман провела свои детские годы в СССР – она была «нашим человеком»; и то, что она пела на русском языке так, как немногие артисты нашей страны: проникновенно, с особой душевной теплотой; и то, что до нас дошла горькая весть о страшной автокатастрофе, в которую попала Анна Герман на дорогах Италии, чудом осталась жива и очень долго лечилась после этого. Известие, что она вернулась к активной концертной жизни, вызывало всеобщее чувство радости. И одновременно тревожило: сумеет ли она выдержать два отделения концерта, как об этом было объявлено?

Поздравление от команды КВН завода «Серп и Молот» (на сцене В. Поликарпова и О. Тропинина), 11 апреля 1979 года. Фото Анатолия Ломохова

…И вот Анна Герман выходит на сцену, приветствуемая долгими аплодисментами, она рада и смущена такой встречей зала. Вновь звучит её неповторимый голос – тёплый, мягкий, с особой, только ей присущей интонацией, с особым лёгким переходом от верхних нот к нижним и обратно. Снова мы услышали полюбившиеся песни: «Когда цвели сады», «А он мне нравится», «Колыбельная», «Осенняя песня», «Надежда». В промежутках между песнями Анна Герман говорила с залом. Она просто рассказывала о своём четырёхлетнем сыне Збышеке, который мечтает стать шофёром, о своей семье, о разных смешных случаях из своей артистической биографии… И снова звучали песни: «Невеста», «Дай мне радугу»… Слушатели растроганы, многие женщины не скрывают слёз от переполняющих чувств. Кажется, мне ни до этого, ни после не приходилось ощущать такого душевного контакта зала и артиста. Ведущая объявляет, что в антракте просьба к зрителям – не расходиться. Под гром аплодисментов команда КВН завода вручает ошеломлённой Анне Герман… набор из четырёх игрушечных автомобилей, который выпускает заводской цех товаров народного потребления, – подарок для её сына Збышека! Тут уж растрогалась певица. После этого мне выпала честь прочитать Анне Герман посвящённые ей стихи и вручить артистке этот текст, оформленный в виде приветственного адреса:

Анна Герман, ты так поёшь —
Просто за сердце песней берёшь!
Чем твоё колдовство объясняется?!
Разгадать я тебя не берусь…
Может, в светлом потоке сливаются
Два истока – Польша и Русь?
Не иссякнет река полноводная,
И при всех объявить не боюсь:
«Выступает артистка народная —
Анна Герман, Советский Союз!»

В этот момент я ощутил незабываемое чувство душевного общения с любимой певицей, а зал долгими аплодисментами поддержал это обращение.

…Осенью того же 1979 года группа молодых рабочих нашего завода, побывавших в Польше, навестила Анну Герман в Варшаве. Николай Жемолдинов рассказывал: «Мы нашли её квартиру по указанному адресу – это было в конце длинного коридора на восьмом этаже большого жилого дома. Позвонили… Дверь открыла сама Анна Герман… в домашнем халатике, с тряпкой и

шваброй в руках: она мыла пол… Ребята немного растерялись, но я извинился, сказал, что мы с московского завода "Серп и молот". Она обрадовалась и предложила нам: *«Проходите, проходите – я сейчас закончу…».* Потом напоила нас чаем и пригласила на свой концерт, который, по счастью, был назначен на этот вечер во Дворце молодёжи! Нам так повезло: мы не просто повидались с великой певицей, но и побывали на её концерте!.. А через три года нашей любимой Анны Герман не стало…».

Римма Ишханян (Тараз, Казахстан)

Моё воспоминание об Анне Герман, как яркая вспышка – короткое, но очень запомнившееся. Бывают такие моменты, которые, несмотря на свою краткость, остаются в памяти на всю жизнь. Так я запомнила встречу с Анной Герман… Вернее, я однажды случайно оказалась в зрительном зале во время репетиции её концерта. Всего пять минут. Короткое мгновение наслаждения её божественным голосом.

Я случайно пришла в тот апрельский день в наш джамбулский городской театр, не подозревая о том, что там репетирует Анна Герман. Я вошла в зал и тихонько присела на кресло. Анна пела красивую лирическую песню. Её голос заполнял пространство пустого зала, и это было невероятно! Я бывала на многих концертах, когда зрители аплодируют артистам, но тогда я испытывала совсем другие ощущения. В зале никого, кроме меня, не было. Вряд ли она меня видела, я зашла незаметно, да и свет в зале был потушен…

Я сидела и, вжавшись в кресло, в темноте слушала этот космический голос! Но мне не повезло: меня заметила работница театра и строгим голосом приказала мне уйти, не мешать певице репетировать. Эта работница говорила так громко, что мне стало неудобно, и, не споря с ней, я вышла из зала с чувством сожаления… На прощание я оглянулась, и такой мне и запомнилась Анна Герман в пустом зале – скромная, в красивом длинном платье и в красных сапожках…

Татьяна Аникеева (Иркутск)

В аэропорту с мужем Збигневом и коллегами, 1974 год

В 1974 году Анна приехала в Иркутск с концертами, её гастрольный путь лежал дальше – в Монголию. На концерт я не пошла по банальной причине – не было денег, да и билетов было не достать. Но когда я пришла, как обычно, к восьми утра в воскресенье на смену (я работала в таможенной службе аэропорта Иркутска), я и подумать не могла, какую встречу преподнесёт мне тот день. Я сидела в таможенной комнатке аэропорта одна, никто из сотрудников в этот час не работал, так как утром рейсов не должно было быть. Но, как оказалось, накануне в субботу рейс «Иркутск – Улан-Батор» не улетел, и вылет перенесли на воскресенье.

Вдруг вижу: входит Анна Герман. В пустующем здании международного аэропорта дверь в комнату таможенного досмотра оказалась открытой, и Анна спросила у меня: *«Девушка, вы не подскажете, рейс из Москвы когда вылетает? Мой муж должен лететь из Варшавы в Москву этим рейсом, и я должна с ним встретиться».*

Я онемела от неожиданности: передо мной стояла сама неотразимая Анна Герман! Почти такая же, какой я видела её на экране: прямые распущенные светлые волосы (вблизи было видно, что волос очень густой), большие голубые глаза и тот же мелодичный голос. Анна была одета в светлую кофточку навыпуск и в длинную, почти до пола, юбку. Единственное, что меня поразило – необычно высокий рост певицы. Я тогда весила килограммов сорок пять при росте метр шестьдесят два, а Анна Герман была под метр девяносто, стройная. Я почувствовала себя

какой-то букашкой перед ней.

Как на грех, оказалось, что я не знаю время вылета того рейса, который летит из Москвы. В таможне ведь не было расписания всех рейсов, а лишь тех, которые пересекали границу. Анна опечалилась и пошла рассеянно бродить по аэропорту. Группа её музыкантов о чём-то возбуждённо переговаривалась и смеялась, было видно, что они с утра уже слегка подшофе.

Рейс задерживался на неопределённое время, и Анна вернулась в комнатку таможенной службы. Видно было, что с подвыпившими музыкантами ей было неинтересно. Печальное выражение не сходило с лица. Я спросила: «Вы, наверное, не можете дождаться рейса, которым муж прилетит, поэтому такая грустная?». Анна впервые слабо улыбнулась. У неё были действительно очень печальные глаза. Я стала ей рассказывать, как её любят в Иркутске, даже дети распевают её песни. Анна кивала, улыбалась. Подвыпившие музыканты шумели, расположившись на креслах, а Анна, закрывшись в моей комнатке, рассказывала о том, как её поразили чистейшие воды Байкала, говорила, что мечтает вернуться сюда не с концертами, а просто так, отдохнуть на Байкале с мужем, набраться сил. В свою очередь, она посоветовала мне обязательно побывать в Варшаве, в удивительно красивом городе.

Вот так обо всём и ни о чём проговорили мы в иркутском аэропорту больше часа. Я на всю жизнь сохранила в душе образ Анны – лирический, нежный, необычайно печальный. Пожалуй, она одна-единственная не везла с собой сумок, не говорила о тряпках и не была зациклена на своей популярности. Она была простая и естественная. Со своим мужем Анна Герман всё-таки встретилась, и дальше из Иркутска они вместе полетели в Улан-Батор.

Эльмира Джапарова (Алма-Ата, Казахстан)

Одно из самых ярких впечатлений моего детства связано с Анной Герман, с её концертом. Это была середина 70-х, наша семья жила в Варшаве при Посольстве СССР на улице Торговой (мой папа был военным). Знаменитую певицу я чаще всего видела в магазине, где мы покупали продукты. Это был большой магазин самообслуживания, сродни нынешним супермаркетами, назывался «Сам». Мне запомнился большой длинный ярко-красный шарф Анны поверх серого пальто. В СССР таких длинных шарфов я тогда не видела.

Однажды мы всей семьёй пошли на концерт Анны Герман в

Доме культуры при Посольстве СССР. Анна была на сцене в длинном платье стального цвета, очень высокая! Вместе с ней выступал Владимир Шаинский, он аккомпанировал ей на рояле, а когда они вместе выходили кланяться, было забавно: очень высокая Анна и маленький Шаинский. После моей любимой песни «А он мне нравится» я побежала подарить певице цветы. Очень волновалась, а мой папа сделал фото в тот момент, когда Анна принимала цветы из моих рук.

Фото Збигнева Тухольского

Я счастлива, что хоть и не была знакома с Анной Герман лично, видела её в нашем магазине, а потом на концерте! Это величайшая певица нашего века.

Вадим Козлов (Монино, Московская область)

В одну из последних гастрольных поездок в СССР Анна Герман дала концерт в Подмосковье, в Доме офицеров Монинской Краснознамённой военно-воздушной Академии имени Ю. А. Гагарина. Известие о приезде в гарнизонный Дом офицеров знаменитой польской певицы вызвало в посёлке Монино небывалый ажиотаж, и, разумеется, все билеты на её концерт

были распроданы задолго до назначенной даты выступления. Мне чудом удалось попасть на этот концерт: подруга мамы работала в спецотделе Академии и, пользуясь служебным положением, сумела приобрести входные билеты и заказать специальные пропуска в гарнизонный Дом офицеров.

На сцене Дома офицеров, Монино. Фото Вадима Козлова

В день концерта от железнодорожной платформы «Монино» к Дому офицеров шёл поток поклонников мировой эстрадной звезды. Видеть её и слышать – это было настоящее счастье! Разумеется, зрительный зал переполнен до отказа. Зрители стояли во всех проходах и даже в фойе. Несмотря на строжайшие запреты о фотографировании в гарнизоне и в зрительном зале, мне удалось незаметно пронести фотоаппарат и сделать несколько снимков во время концерта.

На сцене стояли только блестящий чёрным лаком рояль и стойка с микрофоном. Зрители зааплодировали, и занавес закрылся. Спустя минуту занавес медленно стал открываться. На сцене у рояля стояла всемирно известная Анна Герман в длинном белоснежном платье, с белым цветком, приколотым к распущенным волосам.

Встречая знаменитую певицу, зрительный зал взрывался громом аплодисментов после каждой исполненной песни. Концерт затянулся на два с лишним часа. Закончив своё

выступление, Анна Герман не смогла удержать в руках все букеты цветов, подаренные ей благодарными счастливыми зрителями. Рояль буквально утопал в цветах. Анна очень скромно поблагодарила зрителей лёгким поклоном головы, и занавес стал медленно закрываться.

На сцене Дома офицеров, Монино. Фото Вадима Козлова

У служебного входа стояло оцепление солдат и легковой автомобиль с московскими номерами. Когда и как Анна Герман вышла из Дома офицеров, мы не смогли видеть, так как караульная служба попросила всех зрителей покинуть

территорию гарнизона.

Этот концерт остался в моей памяти навсегда, а эти три фотографии Анны Герман, сделанные во время её концерта, до сих пор напоминают о том великолепном вечере.

Светлана Буханцова-Бучельникова (Псков)

В конце 70-х я жила в Казахстане, в городе Джамбуле. Когда узнала, что к нам в город прилетает с концертом Анна Герман, я сказала себе: «Света, делай, что хочешь, но ты должна побывать на этом концерте!». По счастливой случайности мне удалось достать аж два билета! Билеты были на балкон, но это не имело значения, я готова была слушать Анну Герман даже стоя. С собой я пригласила подругу, которой очень нравились песни Анны.

Концерт проходил при переаншлаге, как говорится, яблоку упасть было негде. Мы с балкона наблюдали за тем, как на сцену поднимались представители городской администрации, вручали Анне разные подарки, один из которых я запомнила особенно – национальный казахский женский наряд и головной убор. Анна примерила его прямо на сцене. Было видно, как она рада выступать перед зрителями города, в котором прошло несколько лет её детства. Тепло чувствовалось и от выходящих на сцену: их глаза светились, городские чиновники, словно малые дети, радовались тому, что Анна – их землячка и что они могут оказать ей уважение и любовь своими подарками.

Концерт был незабываемый, Анна пела очень много, её долго не отпускали. Она спела, кажется, все свои самые известные песни на русском, несколько песен исполнила на польском и итальянском языках. Зрители были покорены её талантом.

У служебного входа в театр, Джамбул, апрель 1979 года. На первом плане – Лариса Щукина. Фото из архива Татьяны Юлдашевой

Помню, один парень, студент технологического института, всё бегал с аппаратурой и пытался записать этот концерт. Не знаю, удалось ему это или нет. По крайней мере, я записи концерта Анны в Джамбуле не слышала.

О том, что Анна провела детство в Джамбуле, я узнала по рассказам Адама Вотчеля, журналиста немецкой газеты «Фройндшафт», он работал тогда в нашем городе. Со сцены Анна тоже об этом говорила, но немного. Вместе с Адамом певица поехала в Мерке, а также в Джамбуле Анну нашли её одноклассницы, к одной из них, по слухам, Анна даже ходила в гости на чаепитие.

Фрагменты интервью Анны Герман

– Пани Анна, слышал, что многие города Казахстана приглашали вас на свою сцену, но выбор после Алма-Аты пал именно на Джамбул. Чем джамбулцы заслужили ваше особое внимание?

– О, это интересный вопрос! У меня только волосы светлые, а вообще я азиатка. Родилась в жарком Ургенче, потом с мамой жила в Джамбуле, училась в школе. Вот только не помню, какая школа. Но помню, рядом со школой была речка с зелёными берегами, красивая такая. Так что Джамбул и мой, и ваш город. Конечно же, я не могла не воспользоваться возможностью через тридцать три года снова свидеться с земляками. (Газета «Знамя

труда!» от 25 апреля 1979 года, Джамбул).

– Зрителей неизменно удивляет и радует ваше превосходное владение русским языком…

– Хоть я и выступаю как польская певица, родилась я в СССР, училась в советской школе. Было это в Казахстане, в Джамбуле, где моя мама преподавала в школе. Сейчас мы иногда с улыбкой вспоминаем, как я помогала ей проверять тетради. Отметки я, конечно, не ставила, но ошибки отмечала красным карандашом. Таким образом, я с раннего детства жила в атмосфере нескольких языков и прежде всего русского.

– Расскажите о ваших школьных годах в Советском Союзе. Какие воспоминания сохранились о той поре?

– Воспоминания, к сожалению, довольно скудные, но яркие и приятные, как всё, что связано с детством. Скудные, потому что это были первые классы начальной школы и многое уже забылось. Помню парту – такую прочную, крепкую. Сейчас такие уже, по-моему, не делают. Я сидела за ней с мальчиком, у него были узкие косые глаза. Он был казахом. Он мне тогда очень нравился тем, что выглядел как игрушечный, потому что был маленьким, смуглым и румяным. Известно, что в этом возрасте дружба между мальчиками и девочками не возникает, но мой сосед по парте был ко мне внимателен, добр и приветлив. Из учителей запомнилась одна, которая была в начальной школе. Она ходила с нами гулять и рассказывала много интересного. И ещё она запомнилась тем, что была ласковой и всегда улыбалась нам. Дети вообще лучше всего запоминают хорошее и доброе. Не так давно мне довелось снова побывать в тех местах, где прошло моё детство. Это были минуты приятного волнения. На аэродроме Джамбула меня встречали ученики той самой школы, в которой я когда-то училась. Учителя были уже, конечно, другие, но дети выглядели такими же красивыми и приветливыми. Наверное, каждому человеку нужно в жизни хотя бы однажды снова встретиться со своим детством. («Учительская газета» от 3 января 1980 года, Москва.)

«…Это было десятое рандеву с советской публикой. Юбилей! Я решила его провести особенно: показаться моим советским слушателям как певица, композитор и… конферансье. Очень переживала, но желание остаться „один на один“ с многоязычной советской публикой победило. Без грима, без особенных нарядов и декораций я пела и общалась с публикой два часа. Боялась, что после пары песен зал опустеет. Но вышло иначе. Меня встретили настоящими овациями, просили петь на бис, сцена всегда была усыпана цветами…» (Журнал «Синкопа», 1979 год, Польша).

Фрагмент письма Анны Герман Анне Качалиной:

«Дорогая Аничка! В Джамбуле было совсем, совсем как нигде ещё… Я тебе расскажу потом. Подарили мне на прощание костюм казахский – прямо прелесть какой красивый… Как все народы Востока – очень деликатные, полные такта и сдержанные. А в то же время для „друга“ отдадут всё. У казахов даже не друг, если они кого-то полюбят, это для них родственник – одна кровь… Интересная была дорога на машине из Джамбула во Фрунзе. Мы ехали 8 часов на машине, сопровождали нас впереди жёлтая машина ГАИ на сигнале и все председатели Обкомов, Горкомов, и министр культуры, и другие начальники важные… аж до границы с Киргизией. Я себя чувствовала как космонавт, что ли… А на каждом посту ГАИ меня ждали с цветами с гор. Такие большие тюльпаны оранжевые, как огонь» (26 апреля 1979 года).

Близкие друзья

Анна Качалина, музыкальный редактор Всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия» (1964–1982 годы), близкая подруга Анны Герман «Душа в песне»

Эта глава стала для меня наиболее сложной при работе над книгой…

Я познакомился с Анной Николаевной Качалиной в сентябре 1999 года, на её даче в подмосковной Мамонтовке. Мы были очень близкими людьми друг для друга на протяжении тринадцати лет, до самого последнего дня жизни Анны Николаевны. Не будет преувеличением сказать, что это самая дорогая в моей жизни дружба.

То, что сделала Анна Николаевна для советского музыкального искусства, заслуживает отдельной книги. А её роль в жизни Анны Герман – неизмерима и неоценима. Благодаря Анне Качалиной в репертуаре певицы появлялись прекрасные песни на русском языке, выходили пластинки, благодаря которым песни Анны входили в миллионы домов и в Советском Союзе и расходились по всему миру. В наше время нет должности «музыкальный редактор», сейчас таких людей называют продюсерами. Анна Качалина была для Анны Герман не просто музыкальным редактором, не просто подругой – она была для неё очень близким человеком.

Я всегда поражался, насколько сильным было в Анне Николаевне желание сохранить память об Анне Герман: она всегда приезжала на вечера памяти, никогда не отказывала журналистам в интервью для фильмов о великой певице.

Две Анны: Герман и Качалина у входа в студию «Мелодия», 20 октября 1978 года. Фото Валерия Плотникова

Анна Качалина и автор книги Иван Ильичев на вечере памяти Анны Герман в Доме Литератора, 21.02.2002 год

В доме Качалиной ежегодно зажигался Очаг памяти – в день рождения и в день ухода нашей любимой Анны (14 февраля и 25 августа). Мы – друзья и поклонники Анны Герман – всегда собирались у Анны Николаевны в её московской квартире на Большой Никитской. Этот дом был открыт для всех, кто любил Анну, и, конечно же, большое счастье, что на этих встречах с нами вместе несколько раз присутствовали Збигнев и Збышек Тухольские – муж и сын Анны.

Анна Николаевна сохранила все письма, которые ей писала Анна Герман (их более ста), собрала огромный архив фотографий, публикаций и материалов. Она очень хотела, чтобы многое из сохранённого ею увидело свет. Частично материалы из архива Качалиной были изданы в самой первой книге о певице – «Анна Герман» Александра Жигарева в 1987 году. Когда книги об Анне Герман с годами стали появляться ещё и ещё в России и Польше, в них также всегда публиковались уникальные материалы из архива Анны Николаевны.

Незадолго до своего ухода весь архив Анна Николаевна передала в мои руки. Теперь драгоценные жемчужины этого архива

(фотографии, письма, пластинки, открытки) украшают и эту книгу, которую вы держите в руках. Безусловно, это лишь фрагменты того, что было сохранено в архиве Анны Качалиной, которая всегда подчёркивала: «Если эти материалы будут опубликованы во благо имени Анны Герман – я разрешаю их публикацию».

За тринадцать лет нашей непрекращающейся дружбы Анна Николаевна многое рассказала мне об Анне, рассказала истории записей почти всех её песен, её московских концертов. Если собрать воедино все эти рассказы, получится отдельная большая книга.

В этой книге я решил опубликовать моё самое первое интервью с Анной Николаевной, напечатанное в 2000 году в московской газете «Русский вестник». Оно очень нравилось Качалиной: «В нём я сказала почти всё, что можно сказать об Анне в рамках одной беседы». Я читаю эти строки и слышу голос Анны Николаевны – удивительного, неповторимого человека. Вижу слёзы в её глазах, потому что об Анне она не могла рассказывать равнодушно. Чувствую её присутствие рядом.

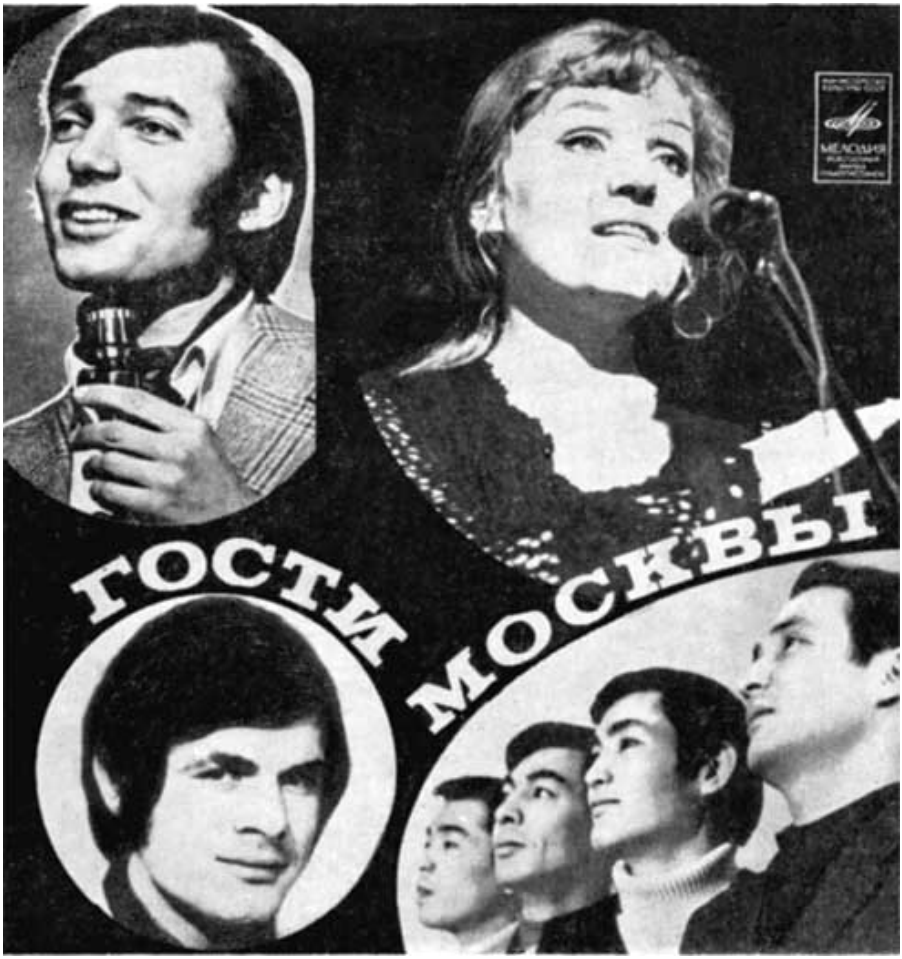
В дополнение к этому интервью впервые публикуются фрагменты писем Анны Герман к Анне Качалиной. За 18 лет переписки в письмах звучат и радостные, и трагические ноты. Сохраняя светлую память о двух дорогих мне Аннах, я публикую светлые и добрые фрагменты некоторых из этих писем.

Когда-то я спросил Анну Николаевну: «Как вы думаете, что сказала бы Анна, если бы знала, насколько она популярна и любима сегодня, в XXI веке? Что она сказала бы о новых дисках, о книгах?» – «Она бы подошла, обняла за плечи, улыбнулась бы и сказала: „Как это здорово!“» – ответила Качалина.

И. И.

– Анна Николаевна, расскажите, как произошло ваше знакомство с Анной Герман?

– Была осень 1964 года. Я работала музыкальным редактором Всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия» и пошла на очередной концерт «Гости Москвы» в Театр киноактера на Поварской. Тогда певцы из соседних братских республик приезжали довольно часто, я ходила на такие концерты, слушала хороших певцов и выбирала, кого из них пригласить к нам на студию записать песни.



В том концерте были участники из Венгрии, Чехословакии, Югославии и, конечно, Польши. После концерта я прошла за кулисы, где с помощью переводчиков стала знакомиться с артистами. Когда подошла к Анне, она ответила мне на русском языке, улыбнулась и сказала переводчику: *«Я справлюсь, спасибо!»*. Я пригласила её записать у нас на «Мелодии» несколько песен. Тогда в репертуаре Анны не было песен на русском языке, поэтому записали две ритмичные польские песенки и две очень красивые лирические итальянские. Как оказалось, эта пластинка была её первой пластинкой, даже в Польше ещё ничего не было. Тот миньон тогда хорошо разошелся, вся страна смотрела трансляцию фестиваля в Сопоте, и многие знали, что Анна Герман обладает превосходным голосом. Та пластинка сыграла ещё одну важную роль: Аню услышали советские композиторы и начали приносить мне ноты, чтобы я предложила ей. Уже в следующий приезд Анечка с большим оркестром записала песню

Арно Бабаджаняна «Не спеши», потом были песни Вадима Гамалии, Марка Фрадкина, Оскара Фельцмана… Так шаг за шагом в её репертуаре появлялись песни на русском языке. Тогда же и началась наша дружеская переписка, которая длилась с 1964 по 1982 год. Я сохранила почти все письма, их чуть больше ста.

– Анна Герман появилась в СССР уже профессиональной певицей. Как на неё реагировали советские звезды? Не было ли зависти?

– Нет, зависти не было. Аня обладала удивительным обаянием не только в пении, но и в общении с людьми. Всегда мягкая, деликатная… Я ни разу не видела злости или негодования на её лице. Внутри она переживала многое, но внешне это никак не проявлялось.

Первая советская пластинка-миньон, изданная на «Мелодии» при помощи Анны Качалиной

В СССР Аню любили не только зрители, но и артисты. У нас её выделяли, понимали, что она необыкновенное дарование…

Бывали, конечно, и обидные моменты. Один раз Аня попросила меня проехать с ней в автобусе до гостиницы. Дело было после съёмок на московском телевидении, выступали польские артисты. Мы с ней сели на переднее сиденье в автобусе, а поблизости была Марыля Родович и ещё кто-то… Вдруг я вижу, что у Ани из-под тёмных очков покатились слёзы. Она сказала: *«Анюта, хорошо, что ты не понимаешь по-польски. Слышала бы ты, что они обо мне говорят… Это невыносимо слушать…».* Я не сразу поняла, а оказалось, поляки обсуждали, за что так хорошо принимают Герман – старомодную и скучную для молодёжи… Почему зрители сходят с ума от её лирических песенок, а другим участникам лишь вежливо аплодируют. Кто-то из музыкантов сказал: «Знаете, сколько она тратит денег на цветы, чтобы ей потом на концерте дарили…». Эти глупые и жестокие слова заставили Аню заплакать…

– Одну из лучших песен Анне Герман подарил её друг, композитор Евгений Птичкин. Это «Эхо любви». Правда ли, что у Анны с ней связаны особенные чувства?

– Режиссёр Евгений Матвеев в 1977 году заканчивал работу над новым фильмом «Судьба». Он попросил поэта Роберта Рождественского написать стихи, которые бы передавали тонкости любви. Песня была написана за одну ночь, композитор Птичкин записывал одной рукой ноты, другой тут же наигрывал на рояле рождающуюся мелодию. Режиссёр Евгений Матвеев настоял: эту песню будет петь только Анна Герман. Только её голос казался ему способным передать всю силу чувства настоящей любви, всю гамму человеческих переживаний. Я отправила ноты в Варшаву, а Матвеев направил официальное письмо – приглашение от «Мосфильма». Вскоре Аня приехала в Москву. На студии репетировал оркестр кинематографии, Аня послушала их игру и предложила записать первый дубль. Она запела, а в оркестре дрогнул смычок. Кто-то из музыкантов заплакал. Аня продолжила запись, оркестр с трудом сдерживал слёзы, у пульта тоже все вытирали слезы. Мы присутствовали при рождении чуда, и все это понимали! Аня допела и попросила ещё один дубль, но Матвеев ей не позволил. Повторить такое было просто невозможно! Аня спела выше всех ожиданий. Так эта запись и вошла в фильм, потом на пластинку – записанная без репетиций, на одном дыхании.

– В 1979 году Анна была на очередных гастролях в СССР, её программа называлась «Песни о любви». Почему такое название, она что-то вам говорила об этом?

– Это были необычные концерты. Аня не только пела, но и говорила со зрителем. Мне очень нравилось, как она сама ведёт

концерты, это сближало её с публикой. Перед каждой песней она произносила короткий монолог, иногда рассказывала содержание польских песен, но чаще это были её размышления о жизни, о музыке. Помню, она говорила так: «Л *разве есть на свете что-нибудь важнее, чем любовь? Это главный мотор, который двигает нас к жизни».* Она называла себя «владыкой моих слушателей». Два часа зрительный зал был в её власти, во власти её голоса и обаяния.

Две Анны на студии «Мелодия», подготовка к записи новых песен. Фото из архива Анны Качалиной

– Одним из способов творческого самовыражения Анны была её авторская музыка, она написала больше 70 песен. Расскажите об этом.

– Писать музыку Аня начала ещё студенткой, но потом оставила это занятие и вернулась к сочинению во время реабилитации после итальянской аварии. У неё было слишком много свободного времени из-за её неподвижного состояния. Это время она не тратила зря. Да и душа ее просила других песен, она не знала, каких именно, и тогда рождались прекрасные, очень необычные мелодии на стихи польских поэтов, а иногда просто на стихи её друзей. Именно тогда она сочинила песню «Быть может» на стихи польского поэта Станислава-Рышарда Добровольского, тогда же родились 10 песен «Освенцимской оратории» – цикл произведений, написанных на основе рапорта одной из узниц

Освенцима, а потом возник целый цикл её авторских песен на стихи Алины Новак «Человеческая судьба». Эти песни были символом возвращения Анны на сцену, песня «Человеческая судьба» стала очень популярной, а её пластинка была признана «золотой», и Анне вручили в Варшаве «Золотой диск».

На кухне у Качалиных: Анна Николаевна, Александр Жигарев, Людмила Качалина (сестра), Анна Герман, 1978 год. Фото из архива Анны Качалиной

В начале 70-х Аня попросила записать в Москве несколько её авторских песен с русскими переводами. Сделать это было непросто, публиковать можно было только музыку членов Союза Композиторов СССР. Но у Ани тогда уже было признание в Польше, поэтому я в Министерстве сказала: в Польше авторские песни Анны Герман очень ценят. Там покачали головой и дали разрешение на запись… Так в пластинки вошли её песни «Давняя игра», «Небо голубое», «Костыль», «Грошики фантазий».

– Анна когда-нибудь говорила, какая песня у неё самая любимая?

– Думаю, что она любила всё, что пела. Иначе песня не попала бы в её репертуар. Помню, когда Аня записала шлягерную песню Шаинского «А он мне нравится», её запел весь Советский Союз. Песня мгновенно стала популярной. Но я не раз слышала такое мнение: «Анне нельзя исполнять такие песни. Её голос предназначен для других песен, а не для однодневных шлягеров». Мы с ней говорили на эту тему. Наш общий друг Боря

Метальников даже написал ей письмо: «Не могу понять, как в одной пластинке ты поставила рядом "Из-за острова на стрежень" и эту низкопробную песню Шаинского…». Но Анечке нравились простые песенки, с юмором, она любила их петь. Её жизнь была тяжёлой, очень много испытаний, мне кажется, такие песенки поднимали ей настроение. Да и зрители не всегда любят слушать крупные формы. Иногда нужны и простенькие шлягеры. У Ани это превосходно получалось.

– А от каких песен она отказывалась?

– Аня не любила песни с примитивными текстами. Иногда поэты приносили неплохие стихи, но в них не хватало красоты, которую она искала во всём. Я, как музыкальный редактор, сама выбирала то, что ей могло бы подойти, высылала клавиры в Варшаву. А потом получала ответ, понравилась ли Ане песня. Она никогда лично не отказывала авторам, обещала подумать, а потом просила меня передать её отказ или согласие. Но ведь были еще песни, которые в СССР ей не разрешали петь…

– ???

– Например, она хотела записать маленькую пластинку с песнями московского барда Евгения Бачурина, но среди них было две, которые я посоветовала ей не петь. В одной есть такие слова: «Сизый лети, голубок, в небо лети голубое, ах, если бы крылья мне только пожаловал Бог, я б улетел за тобою…», а вторая песня называлась «Осторожность», о том, что вокруг таится много опасностей. В СССР нельзя было исполнять песни со словом «Бог», с религиозным оттенком. А в песне «Осторожность», скорее всего, углядели бы политический акцент. Ещё Ане не разрешили записать песню из репертуара Шаляпина «О двенадцати разбойниках». Посчитали её церковной, архаичной. Сейчас я жалею, что не добилась, не помогла…

Проводы Анны во дворе дома Качалиных: Анна Николаевна, Борис Метальников, Анна Герман, Людмила Качалина, Александр Жигарев, 1978 год. Фото из архива Анны Качалиной

– Кого из советских артистов Анна выделяла? Кто ей нравился?

– Володя Высоцкий. Она одна из первых отметила его талант, сказала: «Он мне очень нравится по стихам и по манере».

– На ваш взгляд, что для Анны было важным в исполнении?

– Аня всегда стремилась к полной отдаче во время пения. Иначе – нечестное исполнение. Она не принимала выступления под фонограмму. Даже в последние годы она не жалела себя, работала так, будто была абсолютно здоровым человеком. Каждый выход на сцену ей давался непросто. Перед

выступлением она страшно нервничала. Могла целый час перед выступлением ходить за кулисами, вся в себе, теребила пальцы рук, иногда казалось, что она молится или повторяет слова песен. На запись песен она всегда приезжала абсолютно готовая, никогда не требовалось ни одной лишней минуты на подготовку. Обратите внимание на её дикцию во всех записях, как точно она произносит в песнях каждую букву.

– Какие песни были записаны в её последний приезд в Москву?

– Это была весна 1980 года, Аня плохо себя чувствовала. Ещё не знала своего страшного диагноза, а организм уже давал сбои. Мы её жалели, предлагали больше отдыхать, лучше питаться. А она почти ничего не ела, иногда заваривала кипятком геркулес и пила чай. Той весной мы записали несколько песен – «Люблю тебя» и «Колыбельную» Арно Бабаджаняна и «Идёт ребенок по Земле» Жени Птичкина. Аня спела очень быстро, голос звучал хорошо. В песне «Идёт ребенок по Земле» в финале есть момент, когда надо подержать ноту, тянуть её подольше… Оркестр играет свою партию, Аня поёт, а её голос не заканчивается… Было какое-то космическое ощущение, что песня закончилась, а голос всё звучит. Помню, звукорежиссер сказал: «Это какой-то сбой, не может она так долго держать ноту!». Когда слушали готовый дубль, не поверили своим ушам: финальное слово Аня тянула почти 50 секунд, не прерываясь. Эта песня вышла в свет уже после смерти Ани. Каждый раз, когда я слушаю её, вспоминаю ту запись…

Во время последней записи на «Мелодии» с Анной Качалиной и звукорежиссером А. Штильманом, апрель 1980 года. Фото из архива Раисы Птичкиной

– В последнем письме, которое Анна Герман написала вам в мае 1982 года, она пишет, что приняла крещение и счастлива…

– В те годы на такие темы мы почти не говорили. Аня никогда не посвящала меня в свои духовные дела. Даже в последнем письме она лишь написала мне, что крестилась в веру своей бабушки и очень счастлива. Только после её ухода я узнала, что выбор Анны был крещение у адвентистов седьмого дня. В её облике, в её голосе было столько духовности, столько мудрости! В ней жила какая-то недосягаемая тайна, которую никто никогда не разгадает. Не зря её называют «белым ангелом песни». Я помню, как у нас в студии Аня записывала с гитаристом Романом

Землянским романс «Выхожу один я на дорогу» на стихи Лермонтова. Сам романс воздушный, гитара звучала очень нежно, а голос Ани передавал такие эмоции, что казалось, будто ты уже не на Земле. Был записан первый дубль, мы попросили: «Аня, спой по-земному. У тебя получилось слишком космически». До сих пор ругаю себя за то, что не сохранила тот первый дубль. Как будто это пел ангел, спустившийся с небес.

– Как вы считаете, в чём секрет её обаяния, её влияния на людские сердца?

– Мы много говорим о голосе Анны, а я бы хотела сказать о её душе. Её голос и душа – неразрывны. Голос – инструмент, передающий душу человека. Духовный мир Анны Герман остался скрытым от большинства слушателей. Но по песням мы догадывались о высоком предназначении этой певицы. Особенно духовность проявилась в ней после автокатастрофы. Ей предлагали петь в церкви, но она считала себя неготовой. А незадолго до смерти она сочинила музыку к словам Библии. Она была прикована к постели, уже не могла передвигаться без посторонней помощи, но на домашний магнитофон на простую кассету сделала несколько записей, без аккомпанемента, просто записала голос – тихий и смиренный, глубоко духовный, отстранённый…

Кончина Анны Герман

ВАРШАВА, 26. (ТАСС). Здесь сообщается, что после тяжелой болезни скончалась известная польская певица Анна Герман. Она внесла большой вклад в пропаганду советской песни в ПНР, в развитие советско-польской дружбы.

СО ВСЕХ КОНТИНЕНТОВ

Сообщение ТАСС о кончине Анны Герман

– Как вы узнали, что Анны не стало?

– В начале 80-х из Москвы было очень трудно связаться с Польшей. Нужно было ходить в Дом дружбы народов и заказывать переговоры, из частных квартир связи не было. В Польше началось военное время – Солидарность. Часто в соединении отказывали, поэтому мы мало что знали о состоянии Анны. При малейшей возможности передавали с оказией для неё какие-то посылки: в основном еду, какие-то лекарства… В Варшаве в то время магазины были пусты, достать еду было трудно. Аня

говорила: *«В магазинах пустые полки, продают только уксус».*

26 августа 1982 года я была на даче в Мамонтовке, готовила обед и услышала по радио объявление ТАСС: «Сегодня в Варшаве после продолжительной болезни умерла знаменитая польская певица Анна Герман». Внутри всё оборвалось. Мы верили, что всё обернётся и Аня в очередной раз победит болезнь.

Через два дня у меня на руках были все документы для поездки в Польшу. В какой бы кабинет я ни заходила, всё делали незамедлительно, даже сберкасса работала на несколько часов дольше, узнав о цели моей поездки. Я видела успех Анны на сцене, видела восторг зрителей на концертах, но в тот момент я поняла, насколько искренне и по-настоящему её любили люди! Одного её имени было достаточно, чтобы чиновники оформили все документы без промедлений и проволочек. И это в советские-то годы! Так я попала на похороны. Прощались в военном госпитале, где умерла Аня, потом поехали на кладбище. Было горько и тяжело видеть осиротевшим маленького Збышека, убитую горем Ирму, молчаливого Збигнева. После ухода Ани я не смогла работать на «Мелодии», там всё напоминало о нашей дружбе. Через год на «Мелодии» вышла пластинка «Последняя встреча», куда вошли песни, которые мы с Аней готовили для новой программы, а в 1987 году вышла ещё одна посмертная пластинка – с записью одного из последних концертов в Ленинграде.

Фрагменты писем Анны Герман к Анне Качалиной

«Москва – это уже не чужой далёкий город, с тех пор как мы подружились. В Москве живет Аничка Качалина, думаю про себя: не просто подруга, а почти сестра – родной человек» (лето 1970 года).

«Аничка, мне недавно передали от тебя подарок. У меня просто слов нет! Аничка, неужели ты клад какой-то нашла, что ты такие дорогие подарки мне присылаешь?!! Пол-литра египетских духов в чудесной красной коробке с шоколадом… Аничка, я себя плохо чувствую, я никак не заслужила, прямо никак! Духи прекрасные, я с мамой поделилась. Не сердишься? А от шоколада и след простыл. Аничка, у меня тоже есть подарки для тебя, но я уж тебе их лично в этом году, т. е. 1972, вручу» (20 ноября 1971 года).

«Я теперь совсем уже занялась нашей новой квартирой. Как приятно всё это делать. Чистить, убирать, мыть и мебель перетаскивать с места на место. Руки у меня как у „чёрного“ рабочего, но зато удовольствие громадное. Вчера Збышек купил абажуры из соломы, ну просто чудо!! Мне очень нравятся такие „народные“ вещи» (лето 1973 года).

«Дорогая Аничка! Большущий тебе привет из Сочи! Мы уже 10 дней в СССР. Но только вот сегодня я выспалась и дошла или же, вернее, „пришла“ в себя. Работаем много, часто по 2 концерта в день. Ребята очень просили, если смогу, чтобы по два. Понимаю всё и стараюсь. Сижу в комнате до выезда на концерты, чтобы никого не видеть, чтобы была тишина, и тогда как-то выдерживаю напряжение двух концертов. Сочи чудесный, но я бы тут никогда не смогла отдохнуть. На пляже была только раз – 5 минут. Такая уйма народу, детей, радио и разговоров, что быстро спряталась в свою комнату. Мне бы куда-нибудь в дремучий лес попасть с кусочком озера…» (4 августа 1974 года).

«А как, Анюточка, проходил твой день рождения? Хорошо, весело? Друзья были? Селёдочка была? Знаешь, когда мы встретимся опять, то отпразднуем наши дни рождения все, которые были, ладно? Значит, 10 лет назад, только обязательно с танцами, ладно? Ладно, Аничка?!! Ой, только поместятся ли наши друзья в твоей комнате? Ну, балет будет скромный, мы даже на одном квадратном метре можем притоптывать – так, по-модному, да? А руки будут работать и тело. Вот… А потом с аппетитом бросимся на селёдку. Аничка, я так обрадовалась твоему письму! Ты всё-таки большущий специалист! Нам со Збышеком очень, очень нравится порядок песен на пластинках. Лучше бы никто не придумал, сказал Збышек, а я точно такого же мнения.

Анюточка, конечно, пластинку эту ты можешь продавать кому угодно – на все четыре стороны света, даже в Космос, если вообще кто-нибудь её захочет, кроме советских людей!» (14

февраля 1975 года).

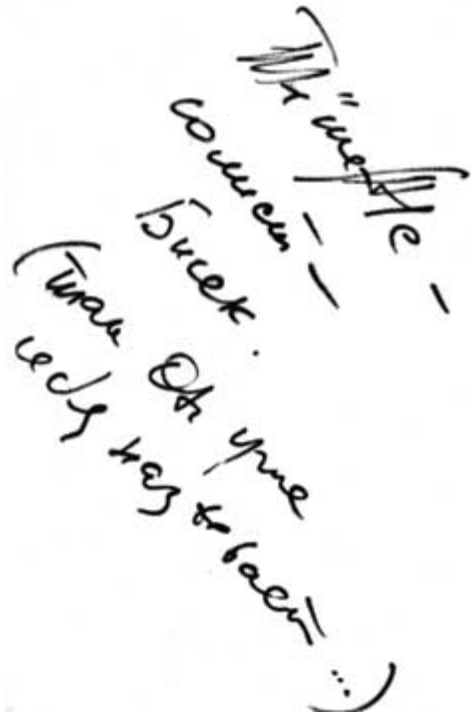
«Дорогая Аничка, я так рада, счастлива, что ты у меня есть. Москва – это не просто Москва – для меня это прежде всего всё, что с тобой связано, и твоя откровенная, добрая дружба. Спасибо тебе, Аничка, за заботу, за жареную картошку и нашу работу. Жаль только, что всегда всё так второпях надо делать, иногда хотелось бы что-нибудь повторить, переделать… Но, может быть, так и надо – пока всё вперёд спешить?..» (1 октября 1975 года).

«Я тоже, Аничка, ежедневно вспоминаю тебя! Всё, всё связано с тобой. Ведь каждое письмо (их много приходит) из СССР – это благодарность за песни. А если бы не ты, их бы не было… Для одних в жизни – это только „приложение“, а для меня это самое главное – радость и смысл моей жизни. Вот, говорят, ребёнок теперь всё изменит. Не думаю. Я буду всё делать, чтобы он был здоровый и счастливый, но никто ведь от меня не требует, чтобы я перестала делать то в жизни, что даёт мне счастье и удовлетворение, правда? Через год, сказал Збышек, возьмём его под мышку и вместе поедем в СССР, только туда, где мы еще не были – в Прибалтику и Азербайджан, Бухару и т. д. Конечно, репертуар надо заранее приготовить, чтобы все довольные остались. Збышек возьмёт месяц отпуска, и поедем. Ну, пока это мне так кажется возможным, посмотрим, правда?» (22 ноября 1975 года, за пять дней до рождения сына).

«Дорогая Аничка! Ну, я счастлива. Оказывается, что моего сыночка мне мало… мне ещё обязательно надо порадоваться работе. Любимой работе! Аничка, прибежал Бояджиев с женой и дочкой, я взяла моего сынулю на руки, воткнула ему сладкий-пресладкий сок в бутылке в рот (чтобы хоть немножко помолчал), и мы стали всё слушать. Нет слов у меня, как я довольна „Стенькой“… Как я рада… Технически это просто мастерство. Панчо, который всегда очень много говорит, умолк совсем, и только глаза восхищённо блестели. „Звукорежиссера приглашу коньяк пить, как только буду в Москве, – сказал он, – вот молодец!!!“. Я всей душой присоединяюсь, может быть не к коньяку, но… пожалуйста, Аничка, поблагодари от меня пока, а потом, надеюсь, я сама и расцелую, и поработаю снова!» (22 января 1976 года).

«Наконец-то Збышек сделал несколько фотографий, и я тебе посылаю прежде всего. Ведь ты первая узнала о воробышке-зайчике и обрадовалась тому, что он к нам „едет“. Мне было очень приятно тогда читать твоё милое, восторженное письмо. Я их берегу – вырастет, сам прочтёт, какой ему друг тётя Аня – чёрненькая.

Фото маленького Збышека, на обороте надпись Анны Герман: «Тете Ане – солист Бисек (так он уже себя называет). Из архива Анны Качалиной



Аничка, уже пошел четвёртый месяц. Чуть-чуть легче стало. Он ночью просыпается «только» 2–3 раза, а вчера заснул в четыре после обеда и спал до 12 ночи. Но на молоко так набросился, что чуть бутылку не съел. Всё ещё такой хороший аппетит» (21 февраля 1976 года).

«Аничка, я перед выездом получила твоё долгожданное письмо и посмеялась от души. Ну что же, Анечка, получается… раз я Анна Герман – надо серьёзно и с колоколами?! Нет… Я люблю танцевать и шутить. И. Шаинского мы обязательно берём в нашу пластинку! Ты ведь тоже этого мнения, я знаю» (18 октября 1976 года).

«Да, сегодня Збышочек делал писю-писю. Это значит (нет, нет – не то) – именно писать. Конечно, на бумаге он писал недолго. Сразу перешёл на стол и потом на собственную рубашку и ножки. Стенка ещё чиста – до завтра. Я была так неосторожна, что нарисовала ему машину. Потом я битый час рисовала машины „до обалдения“. А когда он засыпает (я с ним, пока он не уснёт), он теперь говорит: „Байка“. Сказка, значит. Ну и я начинаю: „Жила-была, нет – лучше: жил-был громадный старый трактор“. И он сразу прерывает: „Кола, кола“ (колёса, колёса). "Вот-вот, – продолжаю я, – были у него большущие колёса и много, много бензина и труба, из которой шёл черный дым… " И мой сыночек, восторженно улыбаясь, бормочет, засыпая: „Дым… тр-р-р,

колёса… дырка…“ Ни королей, ни принцесс – ничего не надо. Лишь бы заржавленная дырка, бензин и колёса. Вот так… Говорят, что это нормально.

Аничка, я так ужасно рада новой пластинке, сказать трудно. И вижу, что мы ещё сделаем в декабре» (июль 1977 года).

«Я совсем недалеко от тебя, а всё-таки – далеко! Я в Донецке – с группой, т. е. огромной толпой в 400 человек. Здесь проходят Дни дружбы молодёжи польской и советской. Мои земляки-режиссёры, которые слышали, что я здесь популярна (потому пригласили, т. е. заставили), понятия не имели, что это слово значит. Каждый поёт в программе 1 вещь, а я с трудом ухожу со сцены после 4 песен и то, извиняясь и обещая приехать на сольный концерт. Как мне приятно, Аничка!! Всё-таки на меня совсем иначе смотрят – как смешно!! Аничка, я даже позвонить тебе не могу, мы здесь без денег, а я не успела пойти в банк и выменять 70 рублей – это можно дома. Дали вначале 10 рублей, я думала, что это каждый день, и купила сразу бульдозер – Збышеку, а придя в гостиницу, оказалось, что эта сумма на все 7 дней. Занять не у кого, так что я просто пишу тебе. Придётся даже без ряженки обойтись!!» (октябрь 1977 года).

Фото с надписью Анны Герман: «Збышек только что из мусорного ящика вытащил свой клад, машинные такие бутылочки от бензина или какой-то другой мази…». Из архива Анны Качалиной

«Аничка, мне приятно было очень прочесть про Антса от тебя. Да, он совершенно „сказочное явление“ в нашем сухом, суетливом, безразличном мире. Он для меня – как самый желанный серебряный браслет на витрине за толстым, толстым стеклом, Я его вижу, любуюсь им, но никто никогда мне его не подарит.

Так как ты написала – каждому своё… Но мы с тобой хоть пройдёмся по этой улице, постоим и посмотрим на него, ладно? Аничка, пахнет осенью, значит, скоро я приеду – в тулупе, платке

и тёплой юбке!» (7 августа 1979 года).

«Аничка! Огромное тебе спасибо и за пряники, и за молочко с фруктами. И пряники, и молоко он ел самоотверженно, до пустого дна и боли в животике. „Это ничего, это пройдёт с животом, зато как приятно было кушать“. Это, кажется, его взгляд на жизнь. И ещё он меня спросил, когда уже последнюю банку вылизал: „А ты не могла бы простое молоко так переварить, чтобы оно получилось такое вкусное. Ведь кто-то это делает и удаётся?!!“. Да, соображает он ничего себе в свои 5 лет.

Аничка, твои письма всегда для меня такая радость – сказать трудно. Ты мне как родная, и твоя мама тоже. Без тебя Москва была бы чужим городом, но там живёшь ты и Людмила Ивановна, а потом уже все другие добрые наши люди. Передай всем привет, кого увидишь – я не в силах писать, но всех помню, хорошо, Аничка?» (6 января 1981 года).

«Хочу тебе сказать самое важное. Вчера я приняла крещение – это вера моей бабушки, и я очень счастлива. Как мне хотелось бы посидеть рядом с тобой и всё рассказать!! Я никому больше не могу писать – сил нет – ты уж скажи, кому надо, сама.

Аничка, моя милая, моя дорогая, моё солнышко, поцелуй маму и всех-всех от меня. Будь здорова и напиши мне, я очень жду. Целую тебя и обнимаю, мой друг сердечный, очень жду и так страшно соскучилась за тобой, Людмилой Ивановной и вашими сердцами… Твоя Аня» (24 мая 1982 года, это последнее письмо Анны Герман).

Александр Жигарев, поэт, журналист, друг певицы (Москва)
«Вспоминаю нашу многолетнюю совместную работу и дружбу…»

Белый цвет, черёмухи цвет —
Это весны весёлый привет!
Пусть везёт тому, кто верит и ждёт,
К сердцу всегда любовь дорогу найдёт!

С Александром Жигаревым на телевидении в Останкино, 1977 год. Фото Алексея Агеева

В 1988 году в издательстве «Искусство» вышла в свет книга «Анна Герман», её автор – Александр Жигарев. К сожалению, автор так и не увидел своё творение, он скончался в Варшаве, возвращаясь с церемонии присвоения концертному Амфитеатру в городе Зелёна-Гура имени Анны Герман.

Благодаря Александру Жигареву Анна Герман принимала участие во многих телевизионных программах на центральном телевидении, он писал для неё песни, которые принесли певице огромную зрительскую любовь, продвигал новые записи на советском радио. Александр Жигарев – автор большого количества статей о певице в советской прессе, его стараниями в СССР вышел уникальный фотоальбом о жизни Анны Герман, а книга «Анна Герман» стала памятником не только великой певице, но и самому Александру Львовичу, вложившему в книгу всю душу и любовь.

В 1982 году, сразу после ухода Анны из жизни, Жига-рев создал на центральном телевидении фильм «Анна Герман. Судьба и песни». Фильм впервые вышел в эфир в ноябре 1982 года и впоследствии много раз повторялся по просьбам телезрителей. Благодаря этому фильму сохранены редкие кадры выступлений Анны Герман на советском телевидении.

Обложка книги Александра Жигарева «Анна Герман»

Вот что написали Александра Пахмутова и Николай Добронравов к выходу книги Александра Жигарева:

«Горько и больно писать о том, что Саши уже нет среди нас, что он не увидит даже этих первых экземпляров своей книги. Когда рукопись была отправлена в типографию, автор скоропостижно

скончался. Александр Жига-рев умер буквально на „боевом посту“. В 1987 году Фестиваль советской песни в Зелёна-Гуре проходил под знаком памяти Анны Герман. Фестивальному залу было присвоено имя выдающейся польской певицы. Александр Жигарев произнёс во время официальной церемонии проникновенную речь, посвящённую Анне. Как счастлив он был в эти минуты! После окончания фестиваля он сел в поезд, доехал до Варшавы, где в гостинице ему стало плохо. Сердце не выдержало перенапряжения последних дней – врачи не спасли его… Саша Жигарев был удивительно добрым и чистым человеком. Его хорошо знали и любили и в нашей стране, и в Польше. В минуту отчаяния Анна Герман позвонила в Москву именно Саше, родному человеку, доброму верному другу».

Дружба связывала Александра Жигарева и с Анной Качалиной, она помогала ему в создании книги, ведь многие факты биографии певицы появились в ней из писем Анны Герман к Анне Качалиной.

В наши дни в России и в Польше выходят книги об Анне Герман, снимаются документальные фильмы и пишутся публикации. Но отдадим должное: именно Александр Жигарев был первым, кто написал книгу, снял фильм и написал множество статей о великой певице.

Одна из статей Александра Жигарева – перед вами. Она – о двух Аннах!

И. И.

* * *

В один из январских дней 1983 года брёл я по заснеженным улицам старой Москвы с небольшим свёртком в руках: в свёртке было несколько банок сгущёнки, масло облепихи и письмо Анне Герман. Эту скромную посылку ещё летом должен был завезти в Варшаву мой знакомый. Но из Польши пришло известие о смерти Анны. И вот спустя несколько месяцев я возвращал непереданную посылку её отправительнице – Анне Николаевне Качалиной.

Они познакомились в середине шестидесятых: восходящая звезда польской эстрады Анна Герман и редактор студии грамзаписи фирмы «Мелодия» Анна Качалина. Обе высокие, худощавые, стройные, даже чуточку похожие внешне друг на друга.

Позже я часто думал: что так поразительно сблизило эту удивительную певицу, уже привыкшую к аплодисментам, к славе, свету юпитеров, огням рампы, вспышкам фотоаппаратов, и эту энергичную русскую женщину, тоже активно работающую в

искусстве, но всегда остающуюся за кадром, вдали от шумной славы кумиров?

Просто взаимное притяжение? Вряд ли…

Скорее всего, отношение к жизни, к искусству, своё видение мира. Для подавляющего числа слушателей и зрителей, воспринимающих спектакль или концерт как праздник, естественно, за занавесом остаётся черновая работа – творческие и нетворческие споры, муки переживаний, неудачи, сомнения…

А само слово «музыкальный редактор» звучит как-то туманно, расплывчато, иногда просто непонятно. Меж тем от музыкального редактора, от его вкуса, образованности, бескорыстия зависит очень многое: и репертуар, и манера исполнения, и оркестровка той или иной песни, и звучание оркестра…

Одним словом, чему суждено родиться – пустой однодневке, не трогающей душу и сердце, или настоящему произведению, остающемуся в памяти поколений, заставляющему размышлять, сопереживать, грустить или радоваться…

С Александром Жигаревым в студии телевидения Останкино,

18 марта 1977 года. Фото Бориса Вдовенко

Итак, они подружились в середине шестидесятых, когда Анна Герман потрясла весь музыкальный мир своим исполнением «Танцующих Эвридик» и приехала в нашу страну, чтобы выступить в сборном концерте, вовсе не подозревая о том, как много ей эта поездка даст.

Анна Качалина оказалась тем музыкальным редактором, который очень точно сумел распознать сущность огромного музыкального дарования Анны Герман, соразмерить её творческий поиск, её неутолимую жажду петь… Она как бы подсмотрела, а потом и помогла раскрыть огромный запас интеллигентности, задушевности, обаяния, мудрости и благородства в совершенно новом и необычном для Анны Герман того времени репертуаре – в советских песнях…

…Я сижу в гостях у Анны Николаевны, перебираю уже тронутые временем фотографии, читаю трогательные до слёз письма Анны Герман, написанные в разное время, в разном настроении. И тогда, когда ей светила звезда удачи, и тогда, когда судьба оказывалась к ней беспощадной. Вот строки письма из Италии, написанные незадолго до автомобильной катастрофы, вычеркнувшей из её жизни три обещавших быть счастливыми года: *«Знаешь, милая, до чего мне здесь грустно. Никто не поймёт и не поверит. Люди другие, и сердца – тоже. А чаще их совсем нет. Очень бы хотелось приехать к вам, к тебе, погреться. Уж совсем я замёрзла от их улыбок».* А Италия принимала её в то жаркое лето 1967 года так, как умеют принимать итальянцы зарубежных «звёзд» первой величины. Газеты пестрели фотографиями Анны Герман, журналисты подстерегали каждый её шаг… А она писала в далекую Москву: *«Мне жизнь „звезды“ совершенно не по сердцу».* И никто не мог упрекнуть её в ханжестве, позёрстве, самолюбовании. Её душа была далеко от красот Италии, от вздорных и самолюбивых кумиров эстрады, выступавших вместе с ней в концертах и ревниво посматривающих на восхитительную иностранку.

Беда пришла 27 августа 1967 года. Водитель не справился с управлением. И машину на скорости сто шестьдесят километров в час вынесло в кювет. И без того не отличавшаяся крепким здоровьем, Анна оказалась в трагической ситуации. Врачи ставили безнадёжные диагнозы и поражались её выносливости, умению переносить жесточайшие физические страдания. Восхищались её мужеством.

На приеме в Милане, 1967 год. Фото из архива Збигнева Тухольского

Я перечитываю письма Анны Герман, написанные два года спустя после катастрофы, письма её матери, близких друзей и именно теперь, как никогда раньше, отдаю себе отчёт в силе её духа, её жизнелюбии и отваге. Она боролась за своё выздоровление не только потому, что просто хотела жить, двигаться, гулять, дышать. Прежде всего и больше всего она мечтала снова петь.

И был ещё один человек, который свято верил в исцеление Анны Герман, в её возвращение. Это была Анна Качалина, которая в те суровые и мучительные дни и месяцы готовила для польской певицы новый репертуар, которая нашла для неё одну из самых любимых и дорогих и всем нам и Анне Герман песен – «Надежду».

Вот одно из писем, адресованных Анне Качалиной, когда кризис уже миновал: *«Милая Анечка, не присылай мне больше пантокрин. Знакомый доктор сказал, что нельзя пить его как компот, надо иногда и перерыв делать. Я себя всё лучше чувствую, только вот колено и руки заупрямились. Но пою, пою уже почти как прежде. Правда, сил не хватает, и после двух-трёх песен я устаю, как будто пол мыла. А ведь прежде я могла день и ночь петь. Старею, что ли?».*

Но Анна от природы была оптимисткой. *«Я очень много*

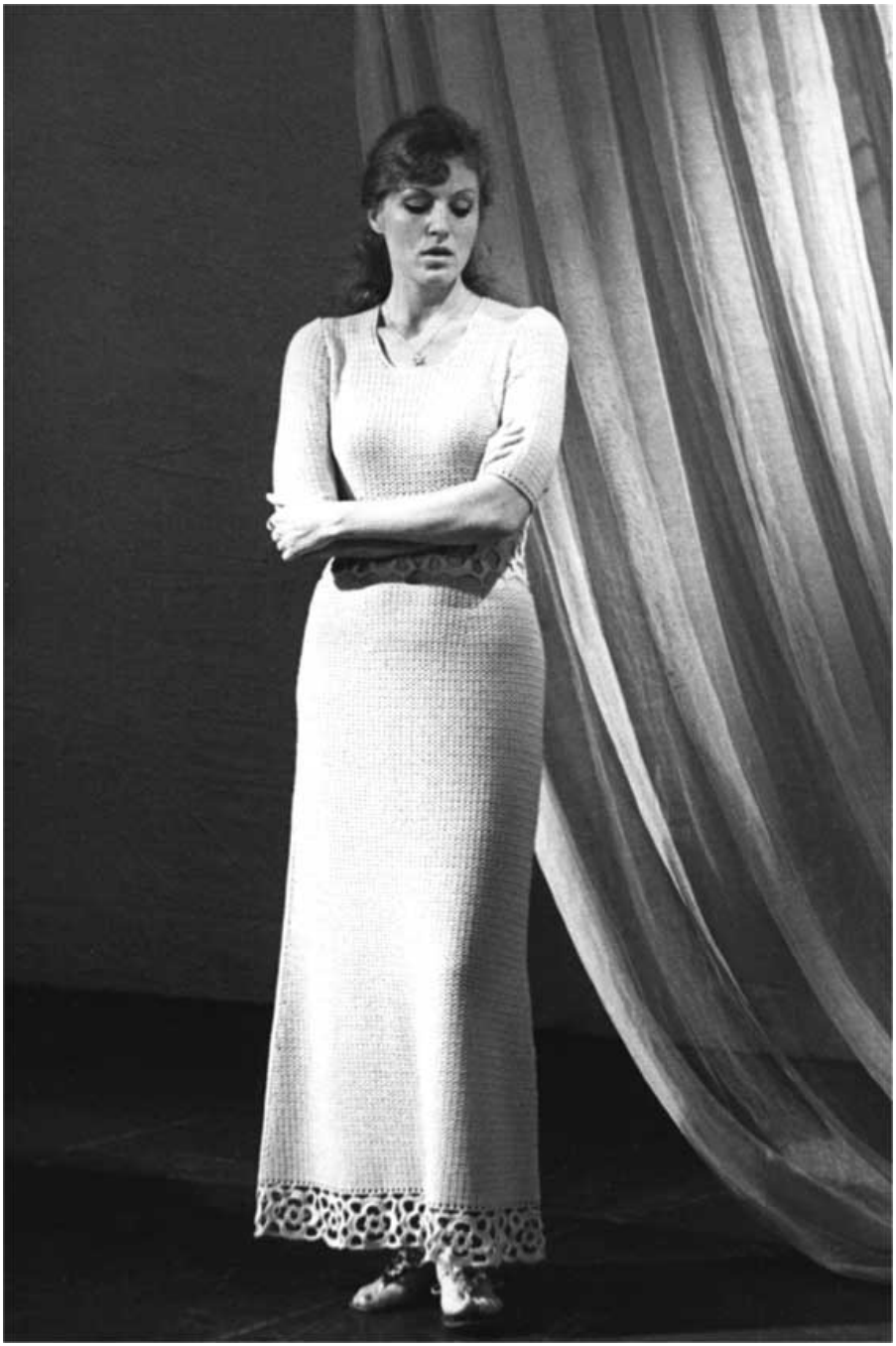
работаю, песни сочиняю, пластинки записываю, варю, убираю, полы мою».

Записывать пластинки – это, конечно, здорово, но это ещё не выступления в концертах. А Анна боялась встречи со зрителями, боялась, что вдруг собьётся, забудет слова или, ещё хуже, закружится голова и она упадет. И всё это: и травмы физические, и не менее тяжкие травмы нравственные, психические – надо было преодолевать. *«Анечка, самое плохое позади. И теперь меня уже ждут в 1970 году самые хорошие „дела“ – моя любимая работа. А знаешь, люди даже говорят, что, мол, „она поет лучше, чем прежде“. Это, конечно, не так. Но, слава богу, что не хуже. Правда, моя милая?».*

«Раньше это были только мечты, а теперь уже всё совсем реально. На репетициях атмосфера хорошая – это для меня страшно важно. Вот теперь я как раз собираюсь на репетицию».

И подпись: *«Аня – рабочий человек».* Иногда она подписывалась по-другому: *«Композитор, писатель, ежедневный повар».* И первое, и второе, и третье было правдой.

Анна не очень любила разговаривать с журналистами. Она искренне считала, что самое убедительное интервью – это песни. Несмотря на усталость и старые травмы, она могла работать с композиторами, дирижёрами, музыкальными редакторами день и ночь. Она обожала работать. И я не зря так часто подчеркиваю это. Как сейчас вижу её у микрофона. В глазах – радость. Нет, пожалуй, «радость» не слишком удачное слово. Счастье. Жизнь или продление жизни.



В студии московского телевидения. Фото из архива Анны Качалиной

Композиторы, и умудрённые, и молодые, восторгались её музыкальностью, её высшим профессионализмом, её умением как бы «выудить» из песни самое главное, самое значимое, её даром

сгладить несовершенство иных песенных текстов, ярко раскрыть сущность подлинной поэзии. Четыре диска-гиганта записала с Анной Герман редактор студии грамзаписи «Мелодия» Анна Качалина, множество пластинок-миньонов – 85 музыкальных произведений. Анна Герман стала первой исполнительницей лучших песен М. Блантера, А. Пахмутовой, В. Шаинского, Я. Френкеля, А. Бабаджаняна, Е. Птичкина, В. Левашова, Р. Майорова, Э. Ханка. Специально с расчётом на её исполнение писали стихи Р. Рождественский, Л. Ошанин, Н. Добронравов, И. Шаферан, А. Дементьев, М. Рябинин.

Отчасти благодаря «чудесам» телевидения у наших зрителей создалось впечатление, что Анна Герман чуть ли не жила в Советском Союзе – во всяком случае, приезжала сюда очень часто. Увы, это не так. С концертами она приезжала к нам редко. Всё время возникали сложности в организации гастролей: у Анны не было постоянного оркестра, с музыкантами приходилось договариваться самой. Часто они подводили. Тогда приходилось «изворачиваться» – в наше время акустических гитар и синтезаторов петь под рояль. Зрители, очарованные голосом певицы, её актерским дарованием, не замечали этого. Но самой ей приходилось нелегко, она, по природе легкоранимый, незащищённый человек, болезненно воспринимала все шероховатости и подводные камни эстрадного мира, где, увы, ещё есть место зависти и недоброжелательности. Всё это ей от природы было чуждо. Помню, как Анна рассказывала мне, что некоторые импресарио предлагали ей по три-четыре концерта в день. *«Знаешь, как заманчиво,* – говорила она. – *Деньги очень нужны. Но что поделаешь, по-настоящему я могу петь только один концерт в день. А петь вполсилы, обманывать людей, которые придут на мой концерт, я не могу, не имею права».*

…Вот уже прошло почти три года с тех пор, как мы с Анной Николаевной Качалиной пришли на последнее выступление Анны Герман в Лужниках. Разумеется, мы и не предполагали этого. Думали, что недомогание – опять последствие автомобильной катастрофы, старые травмы. Перетерпится, пройдёт. Увы, другой жестокий неизлечимый недуг уже поразил её организм. Потом

были телефонные разговоры, письма и, главное, была надежда, даже уверенность, что Анна справится и с этой коварной болезнью. *«Эх, Анечка, милая,* – писала Анна А. Качалиной. – *Ты даже сама не знаешь, как много здоровья и хорошего настроения мне дала твоя дружба. Анечка, так мы уже до самого «финала» будем дружить, правда?».*

…Накануне операции Анне Герман принесли кассету с написанными специально для неё песнями А. Пахмутовой и Е. Птичкина. И вот одно из последних писем, адресованных А. Качалиной: *«Сегодня пятый день после операции. Я не могу ещё читать, всё сливается. Но писать могу. Только тебе. Збышек принёс мне кассету, и я слушала такие добрые, сердечные слова и песни. Знаешь, что это значит для меня в такое время и в такой час. Я так ждала, что и твой голос услышу, но я только чувствовала, что ты там находишься рядом. И всё это благодаря твоей любви и знанию искусства. Это благодаря твоим заботам у меня такое сокровище, как симпатии советских слушателей».*

Незадолго до смерти Анна Герман попросила, чтобы к ней на похороны из Москвы обязательно приехала её самая близкая подруга Анна Николаевна Качалина. Об этом дали знать в советское посольство. И воля умершей была выполнена…

Читаю и перечитываю письма Анны Герман, вспоминаю нашу многолетнюю совместную работу и дружбу и думаю о прекрасных и удивительных судьбах двух женщин. Как много мы потеряли бы, не услышали, не повстречайся они много лет назад в Москве.

Борис Метальников, друг певицы, сотрудник магазина грампластинок «Мелодия» (Москва) «Преданный поклонник»

Автограф для Бориса Метальникова в студии «Мелодия»

Добрую память о Борисе Метальникове сохранили все близкие друзья Анны Герман. Когда готовилась эта книга, я часто слышал слова Анны Николаевны Качалиной и Збигнева Тухольского: «Жаль, что нельзя поговорить с Борей, он бы тебе столько хорошего и интересного про Аню рассказал. Он её так любил! Напиши о нём хотя бы несколько слов!».

Борис на фоне афиш Анны Герман у театра «Эрмитаж»

Борис в толпе поклонников Анны у театра «Эрмитаж»

Борис Метальников работал в магазине грампластинок «Мелодия» на проспекте Калинина (ныне Новый Арбат). Это был центральный магазин в СССР, где продавались все новинки советского музыкального винила. Он познакомился с Анной после одного из концертов. Первая встреча у служебного входа, первые подаренные цветы любимой певице – так началась их многолетняя дружба. Дружба звезды польской эстрады и поклонника, ставшего другом.

Борис собирал всё, что касалось Анны – афиши её концертов, вырезки из газет, фотографии. За несколько лет общения они написали друг другу десятки дружеских писем. А уж сколько раз встречались в Москве! Увидеть Анну – это было для Бориса наивысшим счастьем. Он приходил на все её московские концерты, навещал в гостинице, приходил в гости к Качалиным, когда туда приезжала Анна, присутствовал на записи многих её песен в студии «Мелодия». Вместе они даже бегали на центральный рынок, где покупали самый вкусный в Москве чеснок.

Увы, мне не довелось встретиться с Борисом. Однажды я попал в его квартиру на Таганке, дверь открыл кто-то из его родственников. Мне рассказали трагическую историю: в те дни, когда Анна умирала в Варшаве, Борис находился в одной из

московских больниц. 26 августа 1982 года в газетах и по радио зазвучали сообщения о смерти Анны Герман. Врачи, знавшие о дружбе Бориса с Анной, отключили в его палате радиоприёмник, не разрешили приносить ему газеты… Шло время, и на его вопрос: «Как Анна?» – он слышал в ответ молчание… Когда пришло осознание, что его любимой певицы больше нет на свете, состояние его здоровья резко ухудшилось… Вскоре его не стало… Как говорят, «не прошло и года»… Он был моложе Анны, молодой человек, чьё сердце не выдержало страшной новости.

Увы, в 80-е годы все архивы Бориса Метальникова бесследно исчезли. Сохранилось лишь несколько фотографий, пара писем и автограф Анны… Я очень хочу, чтобы хотя бы через эти крупицы, сохранившиеся на бумаге, читатель смог проникнуться тёплым чувством к одному из самых преданных и верных друзей Анны Герман… И чтобы воспоминание о нём нашло себе место в этой книге – среди воспоминаний тех, кто был дорог сердцу Анны.

И. И.

Фрагменты писем Анны Герман Борису Метальникову

«Эх, Боренька! Я так рада – теперь у нас наконец-то будут новые песни. А потом ещё и ещё… И так будем жить, припеваючи! А розы пахнут и стоят прямые передо мной. Спасибо, Боря, и за розы, и за пирожки!!! Жду тебя на базаре у ларька, где продают чеснок. С приветом, Аня» (8 ноября 1974 года, Москва).

«Знаешь, Боря, если бы не московские дела и друзья, грустно бы мне было жить. Даже очень. А так – радость приходит капельками, но часто!!! А иногда и целой волной…» (август 1977 года).

«Здравствуй, Боренька! Я всё ещё лежу в больнице, но в настоящее время моей жизни уже не грозит опасность. Но далеко до полного порядка с ногой. Мне даже многие профессора сказали откровенно, что уже никогда не будет так, как было. А это значит – много не ходить, не стоять на ногах вообще. О сольном концерте не может быть и речи. Значит, остаётся прежде всего TV и запись, но не раньше, чем через год.

Понимаешь, Боренька, в какой момент я получила твоё письмо? У меня очень настроение поднялось (вместе с давлением крови!!), всё показалось не таким безысходным.

Боренька, при помощи Саши (TV!!!) (речь идёт об Александре Жигареве. – **Прим. авт.**) *и Анны Николаевны мы запишем новые песни. Ведь у нас есть ещё один друг – Боря Фрумкин. Знаешь, когда мне всё это говорили, добавляя: благодарите Бога, что вы живы – я подумала: ну и ладно. Буду осторожней теперь, ведь сыночку я*

нужна ещё очень – перестану петь, раз стоять так опасно. Но стоило мне только получить твоё письмо, как… стала думать немножко иначе!» (10 июля 1980 года).

Фрагменты писем Бориса Метальникова к Анне Герман

«Анечка! Я так рад! Проснулся, а рядом лежит письмо. (…) Я прыгаю на одной ноге, на костылях никак не могу… Как-то я рассказал в нашей палате о тебе, не называя твоего имени: сколько ты перенесла. Один мальчишка понял и выдал меня. Когда они возвращались с процедур, я спрашивал: „Ну, как?“, и все отвечали: „Как Анна Герман“. Т. е. всё переносили молча, стоически. Живем мы тут (в больнице) разговорами о тебе и очень часто по радио ловим твои песни.

Были у нас в палате работяги, простые люди, и они тебя знают и любят. Один такой с переломом позвоночника сказал, что самая лучшая советская певица – Анна Герман. Говорит, что его жена, когда слышит её голос, вкуснее готовит и деньги легче выдаёт…» (18 февраля 1976 года, Москва).

«Анечка, твоя пластинка с конвертом прошла „на ура“. Мне в магазине даже не дали. Продавали в киосках и на улицах, но это было на полторы минуты. Найти эту пластинку было практически невозможно. Однажды в свой выходной я бродил по Москве, чтобы достать для тебя несколько экземпляров. И вот какой-то человек в руках держит эту пластинку. Я его заметил издали, но, когда приблизился к нему, его уже обступили несколько человек и спрашивали, где он её взял. Когда мы побежали к киоску, там уже с витрины снимали последнюю. И это не единичный случай.

Ты знаешь, что у нас в магазине своеобразный фан-клуб Анны Герман. Люди обращаются ко мне за новостями, какие твои записи готовятся, как скоро ты приедешь к нам и какая ты вообще…» (дата неизвестна).

«Здравствуй, дорогая Анечка! Как ты себя чувствуешь? Лучше ли тебе? Недавно виделся с Анной Николаевной Качалиной, она тоже верит в тебя и полна решимости отстоять тебя. Не теряй веры и силы, всё должно быть хорошо! А я нашёл столько песен для тебя, Анечка! Очень хочется „Афродиту“! А ещё, когда ты снова приедешь к нам, обязательно надо на телевидении записать твою „Taki maly ptak“ («Такая маленькая птичка» – авторская песня Анны Герман. – *Прим. авт.*). *Я с ума от неё схожу! И чтобы ты сама о ней рассказала – нежно и трогательно!*

В конце июня я вернулся из отпуска из Иваново. Было холодно, дождливо и всё очень противно. Убежал оттуда, не выдержал. А приехал домой, увидел твои портреты на стенах, и сразу мне так

хорошо стало, все болезни прошли.

Все твои друзья и поклонники ждут тебя и твоего скорейшего выздоровления. Здоровья тебе, моя хорошая. Всё пройдёт! Твой товарищ Метальников» (12 июля 1982 года, Москва).

Фрагменты писем Анны Герман к Анне Качалиной

«Аничка! А у меня в сердце что-то вроде ревности… Немен (популярный польский певец Чеслав Немен. – *Прим. авт.*) *поехал в СССР – Боря (Метальников) его обожает, и, наверное, ты тоже… А мне его последний стиль и электроническая музыка не по душе… Я, оказывается, консервативная. Тем не менее я преклоняюсь перед индивидуальностью, перед стремлением к новому, перед его страстной работой. Но я надеюсь, что и в Борином, и в твоём сердце останется ещё маленький уголок и для меня и моей консервативной музыки. А?!!!»* (18 октября 1976 года, Варшава).

«Аничка, Боря мне написал, что „А он мне нравится“ ни в коем случае и т. д. Но, пожалуйста, бери Шаинского в пластинку. Я знаю, что Боря не прав. Люди разные – а улыбнуться никому не помешает. Боря пишет – рядом с Шопеном и Стенькой – нельзя!!! Можно, можно и даже надо! И ещё Боря просто умирает после концерта Немена. Ты тоже? Он мне тоже нравится, а всё-таки я почувствовала себя брошенной… Вот женская душа какая глупая и пустая!!» (октябрь-ноябрь 1976 года, Варшава).

Антс Паю, журналист (Эстония) «Между нами было духовное родство»

С Антсом Паю и Анной Качалиной на студии «Мелодия», апрель 1980 года. Фото из архива А. Качалиной

…Это было в 1964 году. Я впервые услышал Анну Герман в трансляции фестиваля в Сопоте. Как она необыкновенно исполнила «Танцующие Эвридики»! Эта песня не просто произвела на меня впечатление, она что-то изменила во мне. Я словно получил молотком по голове: до той поры во мне жило много ненависти, накопившейся ещё с детства, проведенного в Сибири, от того, что я вырос без родителей. В этой песне я услышал доброе начало, она настроила всю мою дальнейшую жизнь на другой лад. Я перестал думать, что это я один в центре всего, стал понимать, что я лишь частица мира и должен что-то хорошее сделать для остальных.

Познакомились мы спустя четырнадцать лет, в Ленинграде. Я случайно увидел объявление в газете о заключительном концерте Анны Герман в рамках её гастролей в Ленинграде и сказал себе: нужно побывать там и познакомиться. Я взял две карточки «Зодиак», какие раньше выпускали в СССР – гороскоп на каждый месяц. На одной я написал «Спасибо за повествование», имея в виду повествовательный смысл её концерта, а на другой попросил автограф. Видимо, моё желание побывать на концерте было столь сильным, что я прошёл в зал без билета, «зайцем». Почему-то меня никто не остановил на входе.

После концерта у гримёрной комнаты я попросил администратора передать Анне обе эти карточки, а одну с

автографом – вернуть. Через несколько минут женщина позвала меня: «Это ваша карта? Анна просит вас зайти». Так я оказался в гримёрке: Анна сидела у трюмо и смотрела через зеркало прямо на меня. От этого взгляда я онемел и поклонился ей, поблагодарил за чувства, которые она пробудила в моей жизни, сказал, что её песня изменила меня. Она улыбнулась и спросила: «А вы едите лимон?». Она разрезала лимон, лежавший у неё на блюдце, мы весь его съели, без сахара. На прощание она пригласила меня на завтра на ужин по случаю её отъезда. Как оказалось, на следующий день стол был накрыт только на троих: Анна, её сопровождающая и я. Так мы смогли ближе познакомиться и пообщаться, Анна подарила мне свою фотографию, на обороте которой была заранее сделана дарственная надпись:

«Жалко, Антс, что мы все не такие, как вы. Вы понимаете природу – и она вас любит. Вы здоровый и счастливый человек! Что же я могу вам пожелать на прощание?.. Даже у счастливых людей есть мечта, и какая бы она ни была – пусть она сбудется у вас! Я очень рада, что я вас встретила. Всего доброго. Анна» (Ленинград, 13 октября 1978 года).

С Антсом Паю, Анной Качалиной и Евгением Птичкиным на студии «Мелодия», апрель 1980 года. Фото из архива Анны Качалиной

Когда я прочитал, удивился, насколько проницательно Анна

это написала: так, словно знала меня много лет. Её умение видеть людей особенно, глубоко, вдумчиво я наблюдал не раз.

Тогда я обратил внимание и на её манеру говорить: звуки её речи рождались в каком-то необыкновенном грудном регистре, они завораживали и, словно родник с целебной водой, утоляли жажду.

В пении же открывалась вся ее глубина и её сигнал SOS к людям. Она в жизни очень многое терпела, страдала, перенесла тяжёлое детство и не стала жестокой. Наоборот, она в своих песнях словно давала людям сигнал SOS: «Люди, цените прекрасное, цените доброту и искренность! Дорожите любовью!». Некоторые слова в песнях она пела с особенной вибрацией в голосе, и эта вибрация передавалась слушателю.

Мне посчастливилось позже присутствовать на многих её концертах и даже на записи песен. Я понимал, насколько для Анны важен собеседник: она любила слушать людей, которым доверяла, когда те рассказывали ей важные вещи. Она так внимательно слушала, что невольно хотелось поведать ей больше. Это большая ценность, когда тебя слушают и слышат. Это одухотворяет и придает сил. Трудно подобрать слова, но, скорее всего, между нами было духовное родство.

Однажды я рассказал Анне о своем друге – Людвиге Куристе, герое Советского Союза, офицере, командире 52-й танковой бригады, который освободил польский город Пётркув-Трыбунальски. Анна тогда выступила с инициативой, и Людвиг стал почётным гражданином этого города. Тогда же родилась «Песня о пане Людвиге» – наша совместная идея. В 1979 году в Ленинграде она спела эту песню на первом концерте, но записать не удалось. Я хотел снять фильм о своём друге Людвиге, и эта песня должна была там прозвучать, но что-то не получалось. Анна мечтала увидеть этот фильм и очень расстраивалась, что работа над ним всё не начиналась. Фильм я сделал позже. Во время съёмок, когда я с бригадой был в Бресте, мне сообщили, что Анны не стало… Мы в тот момент крепко обнялись с Людвигом, было ощущение огромной потери…

В моём родном городе Пыльтсмаа в Эстонии я посадил парк деревьев, в чём помогли мои ученики, и первые посадки саженцев проходили под записи Анны: мы ставили в парке её пластинку и работали. Иногда я прямо в парке проводил занятия. В письмах я много писал Анне о деревьях, об учениках. Писал о том, как дети воспринимают силу деревьев, как я наблюдал за тем, когда ребёнок разговаривает с деревом. По всей видимости, она нуждалась в этих письмах. Когда она уже тяжело болела, она написала в письме: *«Пришли мне силу своих деревьев».*

С Антсом Паю, Анной Качалиной и Евгением Птичкиным на студии «Мелодия», апрель 1980 года. Фото из архива Анны Качалиной

Иногда я покупал игрушки для её сына, а она привозила из Варшавы кукол для моей дочери. А однажды в Москве после одного из её концертов мы пошли в «Детский мир». Люди заметили Анну, мы попали «в окружение». Когда я понял, что мы ничего не сможем купить, то буквально вытолкнул Анну из этой толпы на улицу, поймал первую попавшуюся машину и, усадив Анны на заднее сиденье, крикнул водителю: «Гони!». Тот удивился: «Вы что-то украли? За вами гонятся?». Я сказал: «Посмотри, у тебя в машине Анна Герман!». На этих словах он чуть не потерял управление, мы чудом не въехали в фонарный столб! Анну очень любили, и, если она была «доступна», её сразу же окружали люди, просили автограф или просто подходили сказать доброе слово. Некоторые подходили просто потрогать её за руку.

С Антсом Паю, апрель 1980 года. Фото из архива А. Качалиной

…Помню запись романса «Выхожу один я на дорогу», которая проходила в Москве. Она спела первый дубль и вышла из студии, я сказал ей: «Анна, вернись и спой ещё раз! Спустись чуть на землю, ты спела как космонавт – небесно! Спустись к нам!». Она сказала: «Хорошо» – и сделала второй дубль. Этот дубль и попал на пластинку.

Она была очень терпеливая. Помню одну съёмку на телевидении в Останкино. Всё затягивалось, делали дубли, настраивали аппаратуру, всё время что-то не получалось технически, а Анна сидела тихо на стульчике в студии и ждала, пока её позовут в кадр. Спустя несколько часов такого утомительного ожидания я не выдержал и подошёл к кому-то из съёмочной группы: «Перед вами Анна Герман! Предложите ей хоть чашку кофе!». Она сама для себя ничего бы не попросила.

Во время прогулки по Таллину, декабрь 1979 года. Фото А-М. Халлику

Ещё вспоминаю одну съёмку для эстонского телевидения. Мне удалось уговорить Анну дать интервью для популярной эстонской телепрограммы «Азбука эстрады». У неё было мало времени, и мы назначили встречу в Москве, в Представительстве Эстонской ССР. На тридцатой минуте разговора заслушавшийся Анну оператор прервал беседу. Оказалось, он забыл нажать на запись. Анна лишь вздохнула и сказала: «Ну что ж, давайте

заново!». После записи мы шли по улице, а она смеялась: «Это здорово, что оператор не включил запись, мы смогли дольше поговорить!».

В конце декабря 1979 года Анна приехала в Эстонию: у неё было запланировано пять концертов в Таллине. И хотя в городе почти не было афиш, все пять дней были аншлаги. Однажды она захотела прогуляться по старому городу. Было очень снежно, канун Рождества. Мы ходили вокруг Ратуши, а потом выяснилось, что Анна надела сапоги на голую ногу, и, пока мы гуляли, она отморозила себя пятки. Когда сняли сапоги, пятки были в крови. Я не мог понять, зачем она терпела, зачем несколько часов гуляла по морозу и не сказала ни слова, что у неё замерзли ноги…

Те концерты я очень хорошо помню. Когда Анна узнала, что у неё будут гастроли в Эстонии, она попросила найти для неё эстонскую песню. Я подключил эстонских композиторов Вальтера Оякяяра и Юло Винтера, и они приготовили для неё ноты. Но на первом концерте в концертном зале «Эстония» Анна извинилась перед публикой и сказала: «Вы извините, что я не спою вам сегодня по-эстонски. Я очень боюсь неправильно произнести слова и сделать не так ударения». Она спела лишь несколько строк из песни Юло Винтера в знак уважения к публике.

Билет на концерт Анны Герман в Таллине, 23 декабря 1979 года

…Это было счастьем в моей жизни – быть свидетелем её творческого процесса. Чтобы «войти в песню», Анне нужно было уединиться. Она внутренне готовилась к исполнению каждой песни. И ей очень важна была реакция зрителя – не столько аплодисменты, сколько дыхание зала. Она очень хотела это слышать. Помню, в московском концертном зале «Россия» на одном из концертов она этого дыхания не услышала. Зал был так устроен, что на сцене было плохо слышно, что творится в зале. После концерта мы об этом с ней говорили. А ещё помню её концерты в сочинском цирке. Ей было трудно там выступать: на круглой арене она неизбежно оказывалась спиной к части зрителей, хотя её энергетика воздействовала на всех независимо от того, как она стояла. Но Анне казалось, что на такой сцене она не до всех «достаёт»: ей важно было петь для каждого отдельно. Она не пела просто «на зал». Она пела каждому зрителю в зале. И когда люди во время концерта начинали это ощущать, что песня спета индивидуально каждому, они ликовали. В больших залах Анне трудно было это делать, после концертов она уставала,

отдав всю себя зрителям.

Из эстонского журнала, Анна в Таллине, декабрь 1979 года. Фото А-М. Халлику

После таллинского концерта я записал с Анной интервью, и в нём слышна эта усталость. Это не была та усталость, когда ты копал землю или бегал на соревнованиях. Это была внутренняя усталость, она была слышна даже в её дыхании…

Дважды мне посчастливилось услышать пение Анны не на концерте. Один раз в апреле 1979 в Москве, когда я проводил её в

гостиничный номер. Было открыто окно, погода была очень солнечной и тёплой – всё распускалось. В комнату с ветром залетал аромат наступающей весны. И Анна запела… Почти шепотом, очень тихо. Песня была воздушная, в ней что-то пелось о звёздах. Сколько в этом было чувственности и трепетности! А второй раз я слышал Анну после рождественского концерта в Таллине: был ужин, на котором присутствовали её музыканты, она там спела одну песню.

У неё не было собственного ансамбля, не было технических возможностей записать песню, кроме как в государственной студии или на радио. А ведь она могла бы ещё многое записать! Мир очень обеднел из-за того, что она не реализовала все свои творческие и песенные планы. Но счастье, что есть и эта маленькая частица, сохранившаяся в звукозаписи.

Однажды мы с Анной придумали идею – снять фильм на основе двух сказок, соединив «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери с потрясающим рассказом-сказкой «Мальчик и бабочка» эстонского писателя Антона Таммсааре. Это могла бы быть сказка, в которой образ смерти, заложенный в «Маленьком принце», соединился бы с символом жизни, заложенным в «Мальчике и бабочке». Анна хотела, чтобы в фильме было много музыки, наверняка она бы чудесно справилась с этой задачей, но, увы… Мы не успели это сделать…

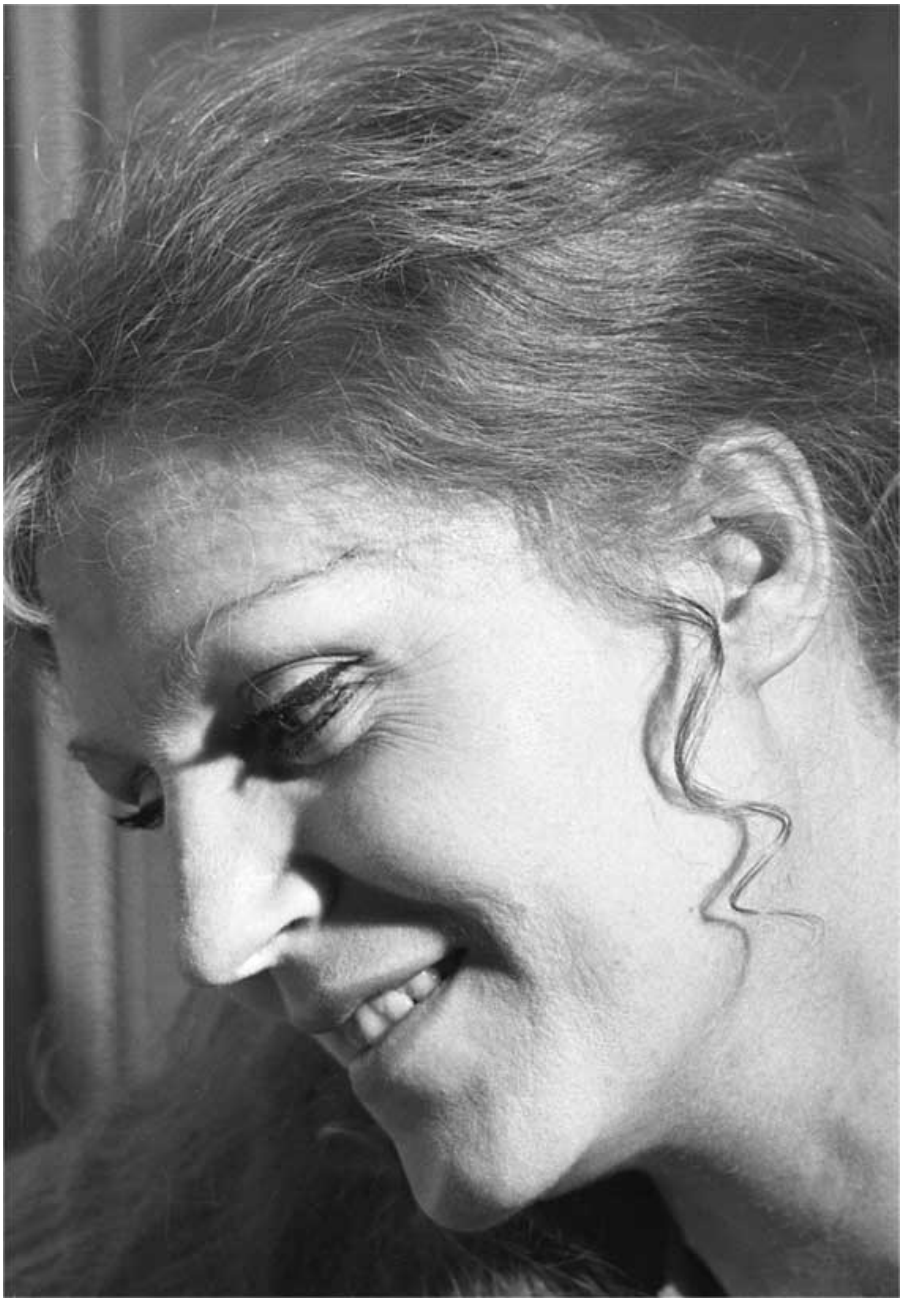
Здесь нужно отметить, что Анна была начитанным человеком, её любимым писателем был Герман Гессе, ей нравилось, как он в своих произведениях пытается понять душу человека. Любила она произведения Чингиза Айтматова, Валентина Распутина, Василия Белова. Её интересовало, как в этих книгах описываются характеры людей, живущих в суровых условиях.

Анна уходила тяжело, приехать к ней не было возможности, связь была только через письма. Она, всю жизнь дарившая себя людям, в конце жизни осталась без внимания, почти без помощи. Это и есть её святость – отдавать и ничего не просить взамен. Последние письма, которые я получил от неё, говорили о многом. В одном из них она писала, что ей уже тяжело держать ручку, чтобы написать несколько строк. Но она ждала выздоровления. Она верила в своё спасение.

Письма Анны – это фрагменты её жизни. Не всегда печальные, иногда они были и очень забавные. Например, одно письмо она написала мне из поликлиники: *«Антсик, сижу у зубного врача, жду в очереди. Зуб так болит! Вот пишу тебе – может, мне полегчает?».* Или: *«Антсик, я сейчас в гостинице, жду, когда придёт человек, который меня запишет и даст ключи от номера. Тут так холодно, у меня замёрзли ноги. И что он так*

долго идет? Вот решила тебе написать…». Я получал такие письма и радовался её юмору и доверию мне.

Когда-то я говорил с Анной Качалиной о том, чтобы в моём парке в честь Анны рос дуб. Но в моём понимании женщину нельзя олицетворить с дубом. Я посадил там маньчжурский орех как символ выражения любви к женщине. Моя внучка Анна, названная так в честь Анны Герман, любит приходить к этому дереву и о чём-то с ним разговаривает. О чём – она мне не говорит, но всегда, когда возвращается из парка, просит поставить записи Анны. Она почти ничего не знает об этой певице, у неё просто желание слушать Анну – её голос, её записи…



Фрагменты писем Анны Герман Антсу Паю

«Наконец-то кончились концерты за океаном. Это было как тяжёлый, плохой сон… Я попала к людям, которые очень, очень далеки от служения искусству, а человека вообще не видят на своем пути. Абсолютно всё затмевают деньги… Мне было так трудно и грустно, я не могла даже никому написать…»

«Антсик, я искала сегодня какие-то ноты и наткнулась на фотографии, которые я привезла из Америки, посмотри, ну где же ты был, когда я должна была танцевать на прощальном вечере с такими маленькими мужчинами?!»

«Моя старенькая знакомая – это мой большой Друг, ей 85 лет – вчера мне сказала в разговоре: ведь человек настолько сам счастлив, сколько он может другому счастья подарить. И это так. Отдельного, только моего счастья нет!»

«…Я как твои птицы. Могу петь только тогда, когда вокруг меня нет „врагов“»…

«Здравствуй, Antsic! Сегодня у меня день рождения. Сижу в гостинице в Катовицах одна и размышляю… Смотрю в зеркало – нет, пока всё та же самая. Знаешь, всю ночь мне снилось, что я была в Таллине. Всё было очень цветное, не так, когда я с тобой видела Старый город – очень яркие краски, жёлтые, голубые, красные дома и очень высокие крыши… Вот сон, прямо как сценарий. Правда?»

«…Опять температура и хочется только глаза закрыть. И лежать… А ещё надо последний концерт спеть сегодня. Страшно грустно. Постарайся меня понять и улыбнись мне…»

«Добрый вечер, Антсик! Сегодня Збышек принёс мне твоё письмо с фотографией и дубом. Какой ты необыкновенный – спасибо тебе. Антсик, пожалуйста, пиши мне о добрых и весёлых делах. Я после двух тяжёлых операций и теперь жду через 2 или 3 недели последнюю операцию. Пока надо собирать силы. Ты не узнал бы меня теперь… Я в больнице, но тут хорошо и тихо, я одна могу думать. Писать пока не очень могу. Пиши ты мне, хорошо? Я буду здорова скоро. Я это знаю. Пошли мне силы твоих деревьев, чтобы перенести и это… Верь и ты, хорошо?»

Фрагменты интервью Анны Герман Антсу Паю

«…Я ищу в моих слушателях по ту сторону сцены отклика. Я хочу как можно лучше, красивее спеть им то, что у меня на душе. Может быть, это также откликается и в других сердцах – тех людей, которые сидят там, в тёмном зале, и тихонько меня слушают».

«…Наш мир теперь очень суетливый, нам даже некогда сказать самому близкому и дорогому человеку, который рядом с нами живёт, что мы его любим. Или поцеловать, или обнять, когда он с работы приходит. Страшно много вещей важных, которые надо сразу же, тут же решить, но ведь самое важное уходит на задний план. И поэтому, когда я уже могу стать „владыкой“ на два часа людей, их сердец, их внимания, я решила, что не буду петь ни протест-сонгов (хотя я не против этого, они

нужны), ни разных других очень важных песен… Просто я буду петь про любовь!»

«…Говорят, что есть материнский инстинкт, что приходит время, когда женщина чувствует, что обязательно нужно иметь ребенка. Я не могу сказать, что со мной так и было. Я была очень взволнованна, боялась – смогу ли я полюбить своего ребенка так, как пишут в книжках, чтобы было так, как надо! Я спрашивала у своих подруг, у которых были дети: „Скажи, какое это чувство? Как оно приходит? Когда? Когда он ещё не родился или после появления на свет? Через год или через два? Когда?“.

И когда потом мне медсестра на второй день принесла моего ребёнка, я забыла свои сомнения, свои мысли, и первое, что мне пришло в голову – как же медсестра принесла ребёнка, ведь в коридоре, должно быть, очень холодно, там сквозняки, а она его принесла с открытой головкой. И потом только, когда я уже была дома, поняла, что в этом-то, наверное, и есть эта любовь, когда мы очень беспокоимся, чтобы нашему малышу было хорошо».

«…Нельзя о своем ребёнке думать как о собственности, как о мебели. Это живой человек, совершенно отдельный. У него свой мир, свои понятия обо всём. Наше родительское дело – постараться следить за тем, чтобы он себя с нами хорошо чувствовал, чтобы те четыре стенки, в которых он родился, он считал своей семьёй, своей пристанью. Как корабль приплывает к пристани после плавания.

Это не долг ребенка – любить нас. Не потому, что ты мой сын и ты должен меня любить. Это надо заслужить. Спокойствием и тем, чтобы ему оставить свободу, а в тяжёлых случаях быть ему опорой. Если он сам полюбит, если сам захочет, тогда он сам придёт домой, тогда не будет искать развлечений в мире (хотя они и нужны). Нужно, чтобы у него был этот важный порт, куда он может вернуться, особенно больше всего тогда, когда ему трудно».

«…Рождение ребёнка делает женщину молодой и красивой (смеётся). Конечно, работа на сцене предполагает свободу мыслей, нужно много работать над текстами, над тем, чтобы создать не лёгкие танцевальные песни (их легко спеть, даже думая о чём-то другом), а задушевные, которые меня волнуют.

Меня часто спрашивают: «Когда вы поете „Sonny boy“ или другие похожие песни, вы, наверное, думаете о вашем сыночке?». Неправда! Я ни о ком и ни о чём не думаю. Думаю только об образе, который я в данный момент создаю и хочу всей собой передать моим слушателям. Тут нет места моим личным делам, моим личным сантиментам».

«…Иногда мне приносят песню, я слушаю и понимаю, что и текст хороший, и музыка интересная, но она не для меня написана. Это чувствует каждый исполнитель, просто об этом не всегда удобно сказать в глаза композитору или автору текста. Каждый исполнитель должен знать, может ли он убедить этой песней слушателей. Потому что я, например, могу выйти на сцену с какой-нибудь песней лишь тогда, когда я сама в первую очередь убеждена, что тема, проблема, содержание этой песни нужны или важны кому-нибудь, а иначе стоит ли людям голову морочить… Во-вторых, эта песня должна мне не просто понравиться, она должна „срастись“ со мной. Очень часто люди думают, что это я о себе пою. Это меня радует. Только тогда это имеет смысл. Раньше я в песне больше интересовалась мелодической линией, где можно блеснуть вокалом. Теперь на первое место выдвигается содержание. Вы же сами сказали, что я теперь зрелый человек, так что я должна думать. Если мысль поэта мне понятна, если я могу её спеть так, как свою собственную, тогда эта песня будет иметь резонанс у слушателя. Ну а если к тому же ещё хорошую мелодию добавить, то тогда „бисы“ обеспечены».

«…А знаете, что было моим первым желанием после того, как я, лёжа в гипсе по самые уши, смогла двигаться? Моим самым горячим желанием было помыть пол, чтобы самой встать и своими руками это сделать. Я ещё не могла ходить, Збышек принёс мне подушку, усадил меня на неё на пол и дал мокрую тряпку, и я вокруг себя, сколько могла, помыла пол. Я тогда была счастлива. Видите, как иногда немного надо человеку для счастья… Но это уже всё в прошлом. Сейчас, если бы пришло приглашение в Италию, я бы могла туда поехать и даже петь прекрасные неаполитанские песни для итальянцев».

«…Я сочинила мелодию на сонеты Горация, который больше 2000 лет назад написал прекрасные строчки. Эту песню я очень часто пою и этой песней заканчиваю свою программу (речь идёт о песне «Радуйся жизни, не жди завтрашнего дня». – *Прим. ред.). В*

ней рассказывается, как природа возрождается к жизни, как весна начинается… Смысл этой песни в том, что надо радоваться жизни, надо идти на свидание, надо спешить пить молодое вино, плясать, ничего не откладывать. Потому что придёт день, когда все мы встретимся в том, другом царстве. Но это совсем не грустная песня. Просто надо радоваться реке жизни, которая нас несёт. Ничего, что она нас несёт к концу, она бурная, от нас зависит, какая она…»

Монахиня Екатерина (Раиса Алексеева) (Санкт-Петербург)
«Анна подарила мне песню»

С юности я была увлечена посещением театральных спектаклей и концертов, старалась не пропускать ни одного интересного мероприятия в Ленинграде, поэтому тумбы с афишами на улицах города всегда привлекали моё внимание. Однажды летом 1972 года я увидела на такой тумбе афишу концерта некой Анны Герман из Польши. Я удивилась, так как имя этой певицы мне тогда было неизвестно. Как позже я узнала, это был первый приезд Анечки в СССР после длительной реабилитации от автокатастрофы. Тогда, в тот летний день, я просто купила два билета и с соседкой по квартире вечером пошла на концерт в ДК им. Горького.

Уже на концерте я поняла, что этот голос меня пленил – настолько сильным было впечатление. По окончании я, сама не знаю почему, решила дождаться Анну у служебного выхода. А там – толпа поклонников и милиция. Выходит Анна, и идёт прямо в моём направлении, и, столкнувшись со мной, говорит: «Л *вам нравятся мои песни?».* Я ответила, что нравятся. Анна села в машину и уехала… В тот приезд было несколько концертов в разных концертных залах Ленинграда, и я, конечно же, не могла их пропустить. Следующие приезды были в 1974 и 1975 годах. Анна уже знала меня в лицо, я на каждом концерте выходила с цветами и после концерта преданно ждала у служебного входа. После концерта в театре «Муз-комедии» в 1975 году Анна сказала: *«Я теперь долго не приеду, я жду ребенка».*

Фото Р. Оконского

Но в 1978-м она вновь приехала. Первый концерт был в ДК им. Кирова, что на Васильевском острове.

В первом отделении у Анны выключился микрофон во время кульминационной песни программы «Из-за острова на стрежень»…

Зал замер…

Пианист умолк, и вдруг Анна, выйдя на авансцену, начала петь а капелла: *«Мощным взмахом поднимает он красавицу княжну… И за борт её бросает в набежавшую волну…».*

Я сидела в первых рядах и видела по её мимике, насколько трудно ей петь без сопровождения и без микрофона на целый зрительный зал. Но силы её голоса хватило, чтобы было слышно каждому зрителю. Такое исполнение буквально шокировало зал, который на финальных словах песни ответил Анне громоподобными овациями.

Я с букетом цветов вышла на сцену, а она взяла мои руки и спрашивает: *«Раечка, слышно было?»*. Я ей говорю: «Не волнуйтесь, всё хорошо…». Из зрительного зала прямо на нас летели охапки цветов, я помогла Анне собрать их и положить на рояль.

После того концерта она задала мне вопрос, который задавала всегда после всех последующих концертов: *«Раечка, а завтра мы увидимся?»*. Ответ был всегда положительным. Какие бы важные дела ни были назначены на следующий день, я всегда предпочитала им встречу с Анной Герман.

И вот Анна приезжает в Ленинград в конце декабря 1979 года. Первые несколько концертов были в ДК им. Капранова. 30 декабря в антракте я договорилась со звукорежиссёром Сташеком, что завтра я принесу катушечный магнитофон, чтобы подключить его к пульту и записать концерт. Сташек согласовал это с Анной, она не возражала, и на следующий день 31 декабря 1979 года я была в ДК с катушечным магнитофоном.

Одно из последних выступлений в Польше, август 1979 года.

Фото Ежи Ундро

Здесь нужно сделать отступление, вспомнив о том, что в советские годы достать катушечный магнитофон было делом непростым, а 31 декабря – почти невозможным. Я обзвонила десятки знакомых, но все только улыбались: «Раечка, ну что ты, завтра же Новый год, как мы будем без магнитофона? У нас гости, будут танцы…». Но меня не покидало необъяснимое ощущение, что я обязана записать концерт Анны, мне уже тогда казалось, что она больше не приедет… В итоге магнитофон был у меня, но с ним были какие-то проблемы, и мне не удалось записать первое отделение концерта. В антракте Сташек наконец-то подключил мою «бандуру», и второе отделение записалось на плёнку…

После концерта ситуация традиционная – я у служебного входа, и вопрос Анны: *«Раечка, а завтра мы увидимся?».*

Завтра, т. е. 1 января 1980 года, мы увиделись. Новогодний концерт был в БКЗ «Октябрьский». Был аншлаг, все 4000 мест были заполнены. Я снова отдала Сташеку свой магнитофон, и он записал первое отделение концерта… Так у меня оказались записанными на плёнку оба отделения той программы.

Но разве я могла догадываться, что во втором отделении концерта меня ждёт сюрприз от Анны? Эх, магнитофон уже был выключен (закончилась плёнка), и запись «сюрприза» не сохранилась. После одной из песен Анна подошла к роялю и, взяв листочек бумаги с текстом песни, сказала: *«Я обратила внимание, что к нам на концерт несколько человек ходят в каждый мой приезд. Это очень приятно, но я боюсь, что им надоест слушать одни и те же песни, ведь они не пропускают ни одного концерта. Специально для моих верных друзей – Раечки и Нелли* (Нелли Низамова – подруга Раисы Алексеевой, поклонница А. Герман. – **Прим. ред.**) *– я хочу в подарок, в честь Нового года, спеть совсем свежую песню»:*

Белые хлопья ложатся чуть слышно,
Может быть, это цветёт наша вишня…
Ветви, как крылья, слегка встрепенулись,
Может быть, лебеди в зиму вернулись…

У служебного входа после этого концерта Анна взяла меня за руку, и мы пошли к автобусу. Анечка села на ступеньку возле водителя и попросила всех дать ей десять минут пообщаться со мной. Анна говорила, что завтра улетает в Варшаву, что очень ждёт встречу весной… В конце разговора Анна попросила меня

приехать наутро к гостинице «Европейская» к 9 часам утра. Оттуда она должна была уезжать в аэропорт и лететь, кажется, в Москву.

2 января 1980 года я уже в 8 утра была у гостиницы, улица была абсолютно безлюдной, шёл мягкий снег, и было очень красиво. В 9.00 из гостиницы вышла Анна, кутаясь в дублёнку, очень бледная: *«Раечка, давайте погуляем. Что-то нехорошо себя чувствую. Кофе выпила, лекарство тоже, а давление всё еще низкое…».* Мы ходили с Анной по улице вдоль гостиницы, она много расспрашивала обо мне, о моей работе. Я тогда работала в вычислительном центре и одновременно помогала одной ленинградской актрисе воспитывать её дочку. Услышав это, Анечка улыбнулась: *«Вот, Раечка, жалко, что я здесь не живу, а то вы бы и мне помогли сыночка растить».* Потом она рассказала о своих московских друзьях, об Анне Николаевне Качалиной… Разговор был таким доверительным, будто мы всю жизнь были в приятельских отношениях. Так за разговорами пролетел час, Анечка позвала меня погреться в автобус. Представительница «Госконцерта», приставленная к коллективу Анны, с недоверием на меня посмотрела: по правилам я не имела права заходить в автобус с группой иностранцев без особенного разрешения, но, поскольку я была с Анной, мне это разрешили.

В автобусе мы опять много говорили, Анна взяла у меня мой адрес и сказала: *«Я бы так хотела жить в Россиц, но это сложно и невозможно. Но я бы очень хотела».* Потом поинтересовалась, сколько ехать до аэропорта, я ответила, что минут сорок. Она со свойственной ей протяжностью речи сказала: *«Далеко-о-о! Пора расставаться!».* Мы расставались со слезами. Музыканты, которые уже знали, кто я такая, провожали меня рукопожатиями.

Дорогой
Ольге
с самыми лучшими
пожеланиями счастья
на всю
жизнь!
Анна Герман
2.1.1980.

АННА ГЕРМАН

Автограф Анны Герман: «Раечке, моей очень, очень умной приятельнице – с самыми лучшими пожеланиями на весь високосный 1980 год! Anna German, 02.01.1980

Автобус уже отъехал от «Европейской», и тут меня осенила мысль! Я беру первое попавшееся такси и «лечу» с Нелли в Пулково. Обогнав автобус, мы приехали в аэропорт на десять минут раньше Анны. Когда подъехал автобус и нас с Нелли увидели, все не скрывали эмоций удивления! Вышла Аня, я подала ей руку. *«Раечка, у вас что, вертолёт свой?!»* – с улыбкой спросила она. Я проводила её до самых последних дверей, куда мне уже нельзя было проходить, а Нелли бросилась провожать вообще до пограничного кордона. Это были последние минуты, которые мне довелось быть рядом с Анной.

Я посетила все концерты Анны Герман в Ленинграде в период 1972–1979 годов. Эти концерты проходили на самых разных площадках города: в зале «Музкомедии», ДК им. Горького, ДК им. Капранова, ДК в Измайловском саду, ДК им. Кирова, в Ленинградской филармонии, Большом концертном зале «Октябрьский».

Но на один концерт, который проходил в 1978 году в зале ленинградского Театра эстрады, я всё же не попала. Там был «закрытый» концерт, билеты не продавались, а распространялись по каким-то учреждениям. Я приехала к театру с букетом роз, но меня не пустили. Милиционер, сжалившись надо мной, открыл дверь, чтобы я могла слышать выступление Анны хотя бы краем уха. А билетёры отказались даже передать мои цветы Анне в зал… Но я всё-таки дождалась конца концерта и подарила ей эти розы у служебного выхода.

В этом же 1978 году я и Нелли купили билет на самолёт и прилетели в Киев, где был объявлен концерт Анны Герман. К нашему сожалению, концерт не состоялся. В кассах на афиши Анны приклеили надпись: «Концерт отменяется в связи с болезнью артистки».

26 августа 1982 года я пришла на работу и поняла, что мои коллеги что-то от меня скрывают. Я долго выспрашивала, а они только задавали мне вопросы: «Ты ничего не знаешь?», «Ты слушала сегодня радио?». Я поняла, что речь идёт об Анне… «Аня?» – «Да». И всё оборвалось… Меня в тот день отпустили с работы, по дороге я купила газеты с сообщениями ТАСС о смерти Анны Герман… Мне казалось, что белый свет просто перестал существовать.

Выбраться из того состояния горечи и уныния мне очень помогла Людмила Сенчина, у которой я работала няней при её

сыночке Славике. Люда, видя мои страдания, поддерживала, давала работу, чтобы я могла отвлечься от печальных мыслей…

Вскоре я получила несколько писем от пани Ирмы. Поскольку у меня не было тогда собственного дома, а письма иностранцев могли приходить только по адресу прописки, то пани Ирма на конверте писала следующий адрес: Ленинград, адрес… Людмиле Сенчиной (для Раи)… В артистических кругах Сенчину часто спрашивали: «Люда, скажи, Рая твоя поклонница?», и Люся всегда отвечала: «Нет, это поклонница Анны Герман, но она мне очень помогает»…

P.S. Моя жизнь уже долгие годы связана с Церковью. Многое изменилось в жизни, я теперь не Раиса Алексеева, а монахиня Екатерина… Неизменным осталось одно – прекрасные воспоминания о том периоде моей жизни, когда я имела счастье бывать на концертах Анны, видеть и слышать её и разговаривать с ней.

В 1983 году ту магнитофонную плёнку с записью двух отделений концертов Анны Герман 31 декабря 1979 года и 1 января 1980 года мы с Нелли решили передать Анне Николаевне Качалиной. Через несколько лет, в 1987 году, была издана пластинка «Эхо любви» с лучшими фрагментами тех выступлений. Я счастлива, что в наши дни эта запись полностью издана на диске «Анна Герман. Эхо любви» без купюр… Это уникальная запись.

Пластинка с записью фрагментов концерта в Ленинграде вышла в 1987 году, а диск с полной версией в 2004 году

25 августа 2012 года исполнилась моя мечта – я впервые побывала в Варшаве, поклонилась могилам Анечки, её мамы Ирмы и бабушки Анны. Это был день 30-летия ухода Анны Герман из жизни. На площади Вильсона, недалеко от дома Анны, мы купили красивые красные розы и вместе со Збышеком и несколькими друзьями из Москвы поехали на кладбище. Я много раз приходила к Анне на концерты именно с розами: она их очень любила. В этот раз я шла ей поклониться, но в душе было ощущение, что я дарю цветы живой Анне…

Анастасия Ивановна Цветаева (Москва) «Анне Герман»

Анна Герман ушла в зените своей славы, в зените своей красоты. Сама душа Лирики звучала и томилась в невыразимой словами прелести её голоса, сама Любовь тянула к нам руки в каждой её песне, само Прощание прощалось с нами в её интонациях, в каждом углублении певческой фразы, сама

Природа оплакивала свой расцвет и своё увядание – потому так неотвратимо очарование её тембра, и только те, кто слышал её пение, смогут понять скорбь расставания с ним. Если я проживу ещё год и несколько месяцев – мне пойдет уже десятый десяток, – я за мою жизнь слышала не один, казалось, неповторимый голос певицы, но только голосу Анны Герман принадлежат по праву слова «неповторимый» и «несравненный».

На концерт Анны Герман впервые повел меня её поклонник, мой младший друг, литературовед, человек тонкого вкуса, много раз её слышавший. Он говорил о ней с таким восхищением, что я ещё по пути предвкушала радость услышать необычайное. В жизни я слышала Мариан Андерсон, думается, мулатку, певшую голосом невероятного диапазона и силы, и в те же времена моей зрелости я не пропускала концертов Зои Лодий – средних лет, горбатой и очаровательной, выходившей в лёгком, светлом, длинном платье, на очень высоких каблуках, в накинутом на плечи боа из перьев. И её смеющееся лицо, гордое восторгами публики, светилось победой над своей искалеченностью – и побеждало вдвойне. Память о вечерах её до сих пор греет остывающее из-за всего пережитого, но еще не остывшее сердце. И молодая мать наша с Мариной пела низким печальным редкочудесным голосом, должно быть предчувствуя раннюю смерть…

Фото Валерия Плотникова

Со всем этим в душе я шла об руку с моим спутником, ценителем Анны Герман. Где был её концерт? Не помню. Я запомнила только её.

Мы входили в зал. Я уже любила Анну – не за ту высокую радость, которую она нам подарит, а за то страшное прошлое, через которое она прошла, чтобы пробиться к нам, вновь стать певицей. От моего спутника я узнала, что годы назад она в Италии пережила катастрофу: в машине с шофёром ночью на большой скорости потерпела аварию, так разбилась, что её, почти как Ландау, собирали. Три года лежала она – то одна часть тела, то другая. Долго было неизвестно, не будет ли она калекой… Искусством врачей и ещё больше своей жаждой жизни, голосом, хотевшим петь, упорством человека и женщины, чудесами массажа и лечебной гимнастики она возвращала – и вернула себя к жизни, движению и – чудо чудес! – пению! Её голос звучит не

хуже, чем до катастрофы. Говорят – лучше…

В волненье, на которое способна старость при встрече с такой судьбой, в трепете материнства и преклоненья, я входила, опершись на руку моего молодого спутника, в переполненный шумной радостью зал. Ещё не взошло из-за гор солнце, но уже лучи золотой пылью легли на вершинах. Ещё нет её – ни шага, ни шелеста платья, – но самозабвенно лицо моего спутника. Очарованность? Преданность? Страх, что концерта не будет, отменят? Ожиданье зала уже накалялось, перерастая в нетерпение, в усталость, и всё-таки она вошла неожиданно. Стройная, очень высокая, волосы, лучами её окружившие, не в изыске парикмахерского искусства, темнее или светлее соседок. В несравненном цвете природы, повелительном, пленительном, польской нации, польской панны – только Гоголя перо бы могло её описать! О, этот миг – кратче мгновенья, неучитываемый миг тишины перед взорвавшимися рукоплесканиями зала! Эта отрава славы, за которую «продают душу», не она ли терзала тебя годами больниц, Анна? Не ещё ли нежней стал голос? Томленье, до катастрофы тебе незнакомое? А может, предчувствие беды, в тебя проникавшее, тогда томило людской слух уже переносимым очарованием?

…ЗАПЕЛА! Половодьем берега ты затопила, и нетерпенье зала, и рукоплесканье, – всё…

Ища помощи в отклике, я взглянула на спутника – увы, это было как сорваться с обрыва! Он был бледен, как полотно. Его не было. Только чуть дрожали ресницы остановившихся глаз.

Так человек глядит один раз. Так решает. Её голос – лейтмотив его жизни. С нею он должен жить Жизнь! Она – или никто.

Мой спутник отсутствовал. И всё-таки я сжала его руку в лёгком за него страхе, чтобы вернуть его к нам. И добр, как всегда, он опомнился, улыбнулся, золотые глаза потеплели. Но не его лет усталость пронизала всё его существо. Так именно захватывает такая любовь жизнь человека. Этим путем, если не разомкнуть его звенья, проходят до конца. Им шел Вертер. Но им шел и Рогожин… Мышкин своей жизнью перечеркнул этот путь…

Закрыв глаза, я вслушиваюсь в своеобразие интонаций, тихое тонкое скольжение от низкого тона в высокий, в грацию и печаль этого голосового полёта, перелёта через глубины и тишину, glissando через эту игру, ей одной свойственных звуков, легких и длинных, ускользающих, догоняющих, встречающихся в теснотах смычка и широком разливе рояля, выныривающих из-под объятий аккомпаниатора и вновь овладевающих темой, – прощания в этой песне, прощания, тесно сжавшего встречу такой неотвратимой

властью, что ничего уже нет в мире – одно Прощанье, и им, им одним захлебнулась душа певицы, познавшей в нем больше, чем дано человеку, невозвратно ушедшей от радости – в неутолимую тьму.

«Она колдует, – размышляла я, вырываясь на миг из-под обвалов печали, – колдует или она заколдована? Но ведь нет

такого вопроса – она тем и колдует, что заколдована, тем и безысходно колдовство музыки, что оно пропало в себе, в этом без дверей царстве! Тем и убедительно прощанье – с человеком, молодостью, с судьбой – жизнью в последнем полёте. Анна, Анна, для того ли тебе возвращена эта жизнь, чтобы ею играть в последнем-то счёте? Колдунья, заколдовавшая зал…»

А она стояла – высокая, нежная и печальная, портрет, со стены сошедший, выше всех, стройнее всех, нежней всех, светлей всех, в платье небывшего цвета, и, чуть протянув руки в зал, допевала свою песню, и её волосы, как тот отсвет зари на вершинах гор и дерев, обвевали её лицо, начавшее улыбаться, освобождаясь от печали смычка…

И вдруг улыбнулась и уронила руки, невинная и бессильная перед своей прелестью, одинокая среди иноплеменности. Она стояла и улыбалась, опустив руки, неуловимо повела плечами, и вдруг сгорело всё, что было ею наколдовано, – стройная девочка была перед нами, выколдованная из её пропавшей печали, улыбкой нас пустившая на волю… В какой-то никем не жданный час юности, ничего не зная ни о какой печали, в первый раз увидевшая зал!

«Гоголя нет, – подумала я снова, – только он так воспевал панн-колдуний – мглу очей их из-под стрелок бровей, этот смех, разбивший в хрусталь горе жизни, всё горе всех, всё, что было, и всё, что будет, заручившись на век и за всех сумасшедшей прелестью песен, музыки, их обнимающей, мощью счастья, которое не проходит, которым дышит земля… Но что-то и злое тут есть, – продолжаю я бороться с Анной, счастливо вверяться ей (и я уже забываю о рядом со мной сидевшем), – я сейчас, сейчас очнусь и брошусь ему на помощь! Но я должна допонять тут что-то, чтобы ему помочь».

Аплодисменты рушили зал. Анна кланялась.

И пошли концерты за концертами – годы и годы, в каждый приезд Анны в Москву мы не пропускали ни одного, были случаи, когда подруга её, тоже Анна, сообщала нам, что будет слушаться новая пластинка вблизи улицы Герцена, и мы шли туда и слушали новые песни Анны, предвосхищая её приезд. В её репертуар входило всё больше русских песен, романсов. Анна все больше входила в душу русского певчества, всё охотнее и увлеченнее пробовала свой голос на русских мелодиях.

Однажды, после того, как я услыхала её на пластинке в звуках Скарлатти, я сказала моему молодому другу: «Мне не хочется, чтобы Анна ограничивала себя эстрадой, ей надо менять путь, делаться камерной певицей». И не успел меня удержать от этого верный поклонник Анны, как я в антракте ей поверила мою

мечту.

Лёгкое смущение пробежало по её чертам. Она хотела его скрыть с помощью улыбки, она ответила мне, нагнув лицо и сильно склонившись (её рост настолько превосходил мой!): *«Когда постарею…».*

Ошибка русская в её нерусских устах сделала ещё милее смущение. Кто-то подошёл, я не успела сказать то, что просилось в ответ.

Но неожиданна была реакция моего друга!

«Жаль, что вы ей это сказали! Разве вы не замечаете, что она после катастрофы не может дать целый концерт? Она ещё недостаточно окрепла, потому она и возит с собою свой джаз. Чтобы занять публику во время её передышек…»

«Ах вот оно что! Как жаль! Я сделала ей больно… Вечный эгоизм не подумать о другом, а говорить то, что тебе хочется…». И все же, думаю, было лучше поздно покаяться, чем…

Весной 1977 года я слегла в больницу с воспалением лёгкого. Это была хорошая больница, в центре Москвы, и многие друзья, беспокоясь – мне шел уже 83-й год, – меня навещали. Как же я обрадовалась, когда однажды мой молодой друг, тот самый литературовед, что познакомил меня с Анной Герман, часто меня навещавший в положенные для того часы, приехал не один – а с Анной! Странно было мне видеть её в непривычной обстановке,

не нам передавать ей цветы, а из её рук принимать горшочек земли весенней, с украсившим её и больничный покой – необычайным, как всё, что от неё исходило, – пышным и лёгким, густым и стройным, зеленеющим воздушным созданием, пустившим в стороны щедро узорчатые ветви, коронованные цветами, причудливыми и грациозными, какого-то несказанного цвета… Это был и терракот, и сгущенная алость, бледневшая от завязи к концу лепестков. Обрадованно вздрогнули мои руки, приняв подарок, слышала тоже непривычные слова приветствия: *«Я желаю вам так же скоро поправиться, как скоро расцвели эти цветы!»*.

Она улыбалась, и я отвечала ей что-то, но меня охватила тревога, что дело тут не в цветке, и не в этом подарке, а в чём-то рядом, другом! Не теряя и мига общенья с Анной, я жарко анализировала происшедшее, и, должно быть, именно этот жар одолел тайну так тревожившей меня ситуации: в сложных конфигурациях и красках протянутого мне её руками растения было волшебство сочетания с пением Анны, с неповторимой грацией оттенков её голоса, с дремучим – пойди-ка, выйди из него! – лесом её певческих интонаций. Драгоценностью мне предстал Аннин подарок, и как же бережно я его поливала, стремясь не перелить, не недолить нужную здесь влагу, и как долго он жил после больницы у меня на окне, и сколько же в нём было бутонов, расцветавших и певших! Как возможностей, рождавшихся в её голосе…

Прослушав пластинку, где Анна пела Скарлатти, я запросила сведения о нём. И вот что я получила: музыкант XVII–XVIII веков. Служил при римском дворе польской королевы-изгнанницы Марии Казимиры, для театра которой писал оперы. «Любопытно, – думаю я, – ещё тогда столкнулся с Польшей, а теперь польская певица исполняет его музыку…».

Стиль Скарлатти. Читаю дальше: «Мелодика Скарлатти совсем не та, большого дыхания, величаво и покорно льющаяся кантилена, которая свойственна итальянской музыке. Диапазон широк, размашистый и оживленный контур, линии разнообразны, иногда гибки, округлы, текут, когда, рассыпаясь в фигурациях, взбегают или скользят вниз… Любит композитор ритмически острый, ломкий рисунок с короткими, остро выразительными фразами, шаловливыми, вызывающе-дерзкими бросками на широкие интервалы и в удалённые друг от друга крайние регистры». «Вот ему и потребовалась такая исполнительница, как Анна Герман!» – думаю я.

«Ритмическая изобразительность Скарлатти беспредельна. Сотни изящных вариантов. Он никогда не сковывал ими мелодического движения и не впадает в манерность!»

«Поразительно! Так же, как Анна!..»

«… Фактура… хрупкая вследствие захвата крайних регистров, всегда отделанная с совершенством и изяществом, требует от исполнителей отличной техники, культуры звука, блеска, тонкого вкуса». (В ком он мог встретить всё это, как не в Анне? – говорю я себе). «Когда посреди стремительного allegro в ритме танца какие-нибудь несколько нот вдруг резко и звонко забрасываются в светлый верхний регистр – "поднебесье" инструмента, – они звучат ликующе или реют, как птицы над широким солнечным ландшафтом… Стихия эмоций живёт и трепещет в них». («Не всё ли это можно отнести к манере петь Анны? Вот они и встретились в музыке почти через 300 лет…»).

Вновь приехала в Москву Анна Герман! А я – это редко

бывало – болею. Мне не пришлось пойти. А она пела веселые польские песенки – не услышу – должно быть, мои польские гены? – так люблю звук неведомого мне языка! Пропущу разлив её голоса.

Как жаль!..

Я ждала нашего с Анной друга – он-то уже не пропустит её выступления!.. И он пришёл сразу после концерта. Но он мне показался новым, каким-то отчуждённым. Не рассказывал, точно не было что рассказать о пении на её родном языке! Помолчал, походил по комнате и, остановясь передо мной: «Анна замужем. Она меня познакомила с мужем».

«Замужем? – отчего-то замерло сердце. – Ну, расскажите, какой он?..»

«Большой, полный. Его зовут Збышек. Он был давно поклонник её пения. Он сделал ей предложение, когда она лежала в гипсе. Было неизвестно, выживет ли или, может быть, будет калекой».

Больше он ничего не сказал. И я не спросила. По его тону глубокого уважения к этому человеку я понял, что ему тяжело.

На следующий концерт мы пошли вместе.

«Я слыхал, – сказал спутник, – что кто-то из её начальства ей сказал, что она слишком скромно ведет себя с публикой, что это не подходит эстрадной певице».

Мы посетовали на эту весть и всматривались в Анну.

…Да, видимо, так: что-то чужое вкралось в её движения, нам было тяжело смотреть. Она протягивала к залу руки, повертываясь, демонстрируя россыпь белокурых волос… Но голос был тот же – её, ни на чей не похожий.

Затем она долго не приезжала в Москву.

Года через полтора в ответ на посланную ей мою книгу «Воспоминания» я получила от Анны письмо. Поблагодарив, она сообщала, что у неё родился сын. «Он большой, тяжёлый. Я очень устала носить его на руках. Не могу во всей Варшаве найти няню», – писала она.

Маленького Збышека я увидела много позже на фотографиях. На первой Анна держит его, прижав, столбиком и счастливо самозабвенно смеётся, а малыш столбиком спит. Воплощение безмятежного сна. На второй фотографии – плотный, лет трех, на мать не похожий, он держит мандолину и улыбается.

И снова в Москве концерт.

Первое, что заново поражает, – рост. Выше всех чуть ли не на голову! Платье до полу. Русалочьи волосы. И при росте таком – сама душа Женственности! В каждом движенье! В неуловимом опускании головы, действующем, как начало улыбки. Тенью за

ней – тайна её катастрофы. Тайна её возрожденья. (Страх за неё. Страх будущего…) И вот она слегка развела руками – и вот она начинает петь…

И, пересекая эту победу над всем бывшим, с первых же звуков, длинных, низких, почти альтовых до сопрано, её, казалось бы, весёлая песнь получает странное подкрепление: печалью, задумчивостью над тут же рядом звучавшим весельем она голосом пишет по воздуху как бы двойным пером по бумаге – голос и его тень – миг! Сейчас погаснет! И я вдруг вспоминаю одного из моих друзей, возразившего мне, что в прощальной песенке она поёт саму Душу Прощанья. «Как раз обратное! – сказал он. – Никогда до конца не отдает она свой голос – ни Грусти, ни Радости – что-то матовое, её, особенное, именно не до конца себя предаёт теме…». Она владеет каким-то подъёмом её: «С птичьего полета?» – я тогда спросила, но согласия с этим не получила, собеседник ушёл от моей готовности принять его мысль, и я не пошла за этим. «Пусть так!..»

И вот её знаменитая песня «Надежда», staccato, сияющими каплями по началу мелодии, призвук заунывности, крепнущий, перерастающий в тему радости. И кажется, что ты эту мелодию слышал давно, всегда, с детства, где-то она звучала в соседней комнате рядом с той, где ты засыпал, где родился. Тема продолжала парить. И снова staccato, и снова протяжный, задумывающийся звук в Первозданность, и светлая попытка преодолеть, выскользнуть, и она вновь стоит перед нами, Душа звуков, и по чьему-то приказу (она бы сама не стала) тянет руки в заворожённый зал…

А зал кричит «Би-и-и-с» оглушительно, криком руша теплоту и тишину её певческих строк, но она соглашается, волшебно стихает зал, и над мигом начавшейся тишины вновь уже тянутся светлые заклинания Надежды звуками качающими, колыбельными, греющими, наполняющими нас отвагой предчувствия… И вдруг закружила нас Анна победно в дионисийской пляске, в летящей – да куда же мы летим в этой с горы сорвавшейся, опьянённой жизнью мелодии? Но голос Анны летит плавно, уступами, грациозно поворачивая лёгкую связующую ноту, и рядом, как всегда, у неё светится неуловимое сопровождение, как сказал возразивший мне друг, призрак печали в надежде, призрак надежды в печали? Как трудно разобраться в этом потоке звуков, в первичных связях поэта и музыканта, в своеобразии «подачи» певца, когда тебя уносит с собой этот голос… «Где границы прав исполнителя?» – думаю я и уже не помню своего ответа, потому что, отделённая её поклоном и минутой дыхания, звучит уже другая песнь, наново нас заливая

иным ритмом, иным цветом звучания, и бубен ударами отчеканивает новую игру ритмов, а голос неистовствует в спешке погони озорством юности, счастья, догоняя беспамятство звуков, и вьётся, смеётся, берёт в плен – «мой бубен, мой бубен, мой бубен». И внезапно длинный, медленный, отчаянием захлебнувшийся крик: «Мой бу-у-у-бен…».

Задумчиво склонена каштановая голова моего соседа и спутника, покорно внимая чуду, тайне звуков, о чём он думает в

этой смене песен: о том ли, что так же сменяется в жизни путь человека, годы юности, зрелости, или о ней он думает, о судьбе певицы, так сроднённой с тайной музыки, с трагической радостью композитора, из хаоса звуков вызвавшего гармонию этой мелодии, этого часа певца? Опущены веки его над каре-золотыми глазами – сейчас он подымет их, и глаза улыбнутся, и им отзовутся губы счастливо…

Уже откланивается Анна, смолкла, но звучит вся она, черты: и улыбка, движенье и шаг её, её платье и светлый поток волос…

«Гори, гори, моя звезда». Этот романс почти эпоха в моей зрелости. Его пела певица-друг в струе мощной романтики у рояля над морем в неумирающем Коктебеле, по моей просьбе чередуя с другой звездой Анненского (ей неведомой, мною ей лет 20 назад напетой, ею подобранной и в нас вселившейся), Анна поет его, еле касаясь. Это – воспоминание, прощание – налетевшее, пролетающее! Где слова – описать её, этот сверху вниз наклонившийся звук, словно кто-то берёт, нажав, струну гитары, скользит ею glissando по грифу этого печального, гулкого, в наш век испорченного модой, таинственного инструмента – её голос скользит и сдержанно и прихотливо по грифу печали и задерживается внизу, на повороте молчания, и перед тишиной медлит, еле уловимо кружась над pianissimo.

В зале совершенная тишина…

Песнь следующая завлекает её в игривый, ей не свойственный шёпот, но она и в него рождается, разменяв себя на шутливость, на шутки, на смех, и уже закупалась она в смешках жалости, в новизне неожиданностей, в неожиданности веселья!..

Как коротки польские песенки! Слова, звук слов на мой слух заглушены музыкой, но их щебет птичкой перепорхнул в голос Анны – это же её родной, её детства язык! Которым она укачивает маленького Збышека, в этот звук сын рождается все шире, звучнее, слухом своим – каждый день…

Стараясь войти в язык, не понимая, закруживаясь в его круженье, радуясь птичьим вскрикам иноземного веселья, в нём жила наша с Мариной бабушка до 28-го года её, прерванного смертью, – весны – в первые дни жизни нашей матери. И мать наша не узнала родного, наполовину родного своего языка. Зная столько языков других стран, она не спела ни под рояль, ни наклоняясь над гитарой ни одной польской песни… Вот их поёт одну за другой Анна, и я всею мощью воображенья, всею страстью так и не воплотившейся мечты изучить польский впитываю прелестные, таинственные своей непонятностью тайны чужой, моей же страны, отраженье её сказок, легенд, традиций, её истории – всё это живёт сейчас и протянуто нам, а мы не умеем

взять. Не оттого ли Анна учит наши русские романсы, русские песни, старинную «Гори, гори, моя звезда», и мы ещё сегодня услышим знакомое с детства тарусское «Из-за острова на стрежень»… Ей, может быть, так же захочется до конца проникнуть в русскую музыку (но ей легче, она хорошо говорит по-русски), как мне: сколько раз начинала, но жизнь отрывала, учить польский язык!

Я кончаю мои воспоминанья о покинувшей нас Анне Герман. Птицей в польском золотистом оперении влетела она в русскую музыку и недолго погостила у нас!

А на другой день я получила от друга-поляка перевод текста пластинки, читаю: Анна Герман «Так это май», музыка Анны Герман, слова Ежи Фицовский.

1. Самый шальной из шалых; 2. Возвращающиеся вальсики; 3. Без тебя нет меня; 4. Такая малая птичка; 5. Рождественская песенка; 6. Мой оловянный генерал; 7. Что даёт дождь; 8. Дай мне радугу на воскресенье; 9. О-ле-ле-ей; 10. Мы живём в красочных снах; 11. Роковая девчонка; 12. Мой дядя разводит моль; 13. Так это май.

«Интересно… Совсем все иначе, чем наше», – говорю я себе.

Так это май? Да, это, конечно, май! Нам захотелось ещё раз вздохнуть песенкой «Без тебя нет меня», помечтать в «Новогодней песенке», раскрыть над головой зонт, заштопанный весенним дождем, пособирать круги с воды на серебряные браслеты, поискать самого шального и проведать дядю, разводящего моль, или оловянного генерала, которому не надо отдавать честь…

«И юмор другой, чем наш…» – думаю я.

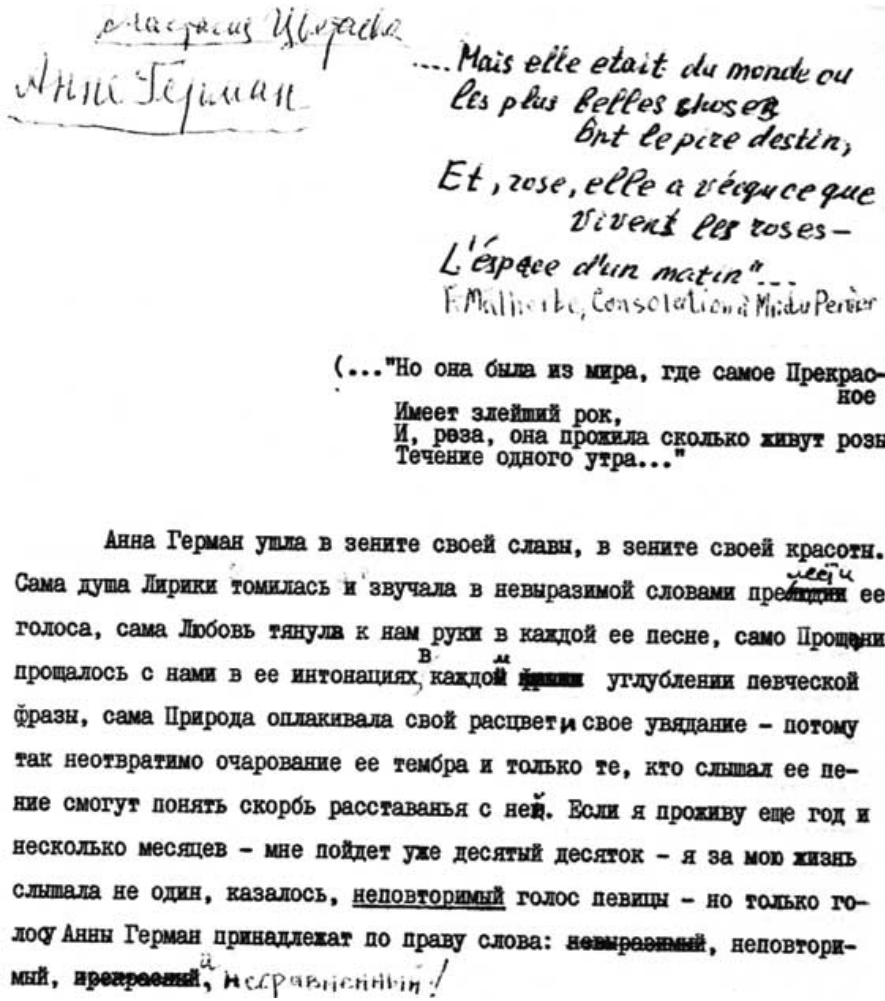
А если встретим по дороге старомодные вальсики, то затем, чтобы наша улыбка встретилась с юной улыбкой бабушки, всматривающейся в нас со старой фотографии, и чтобы пригласить её на танец. Её тоже!

«И не наше изящество, совсем иное…»

Май стиснул в горсти вчерашние печали, май, сорванный, как букет сирени!

«Хорош образ»… – любуюсь я.

Май – настоящий автор, мы писали под его диктовку. Удалось ли нам это? Это покажут песни. Приглашаем! Если будет вам хоть немножко более по-майски, чем было без наших песенок, поставьте нам улыбку с плюсом!



Анна Герман

....Mais elle etait du monde ou
les plus belles choses
Ont le pire destin,
Et, rose, elle a vécu ce que
Vivent les roses –
L'espace d'un matin"...
F. Malherbe, Consolation à Mr du Perrier

(..."Но она была из мира, где самое Прекрасное
Имеет злейший рок,
И, роза, она прожила сколько живут розы
Течение одного утра..."

Анна Герман ушла в зените своей славы, в зените своей красоты. Сама душа Лирики томилась и звучала в невыразимой словами прелести ее голоса, сама Любовь тянула к нам руки в каждой ее песне, само Прощание прощалось с нами в ее интонациях, в каждой из них углублении певческой фразы, сама Природа оплакивала свой расцвет и свое увядание – потому так неотвратимо очарование ее тембра и только те, кто слышал ее пение смогут понять скорбь расставанья с ней. Если я проживу еще год и несколько месяцев – мне пойдет уже десятый десяток – я за мою жизнь слышала не один, казалось, неповторимый голос певицы – но только голосу Анны Герман принадлежат по праву слова: невыразимый, неповторимый, прекрасный, несравненный!

Фрагмент первой страницы рукописи эссе «Анне Герман» с правкой А. И. Цветаевой, 1983 год. Из архива А. Качалиной

В последние годы я больше не слышала о концертах Анны Герман. Но от того друга и спутника моего, с которым я слушала её пение, я услышала: Анна болеет… Это упоминают в польских газетах, но, поболев, полежав в больнице, она вновь появляется там, на концертах.

По болезни ли или потому, что растет сынок и трудно летать на гастроли с ребенком, но давно уже смолк её голос в наших концертных залах…

Жизнь идёт. И приносит весть: Анна Герман больна неизлечимо. Эта страшная весть – протянутая в прошлое рука указывает тот день в Италии, когда она и шофёр ночью на большой скорости потерпели аварию. Об Анне мы знали, что жизнь победила смерть, мы приветствовали её торжественно,

потрясённо. Она радовалась жизни, она снова пела и пела, и мы слушали её, слушали, никогда бы не перестали. Но пришел её час.

В мои руки передана драгоценная россыпь фотографий Анны Герман. Вот первая фотография. Наклонено в шаловливой ужимке, в шаловливой улыбке лицо – личико! Сколько лет ей тут? Угадай-ка! Четырнадцать? Двадцать четыре? Если и 24, то её 14 кроются здесь, скрылись годы назад, и кроются, и смеются, а годы мимо летят, юность бессмертна на Земле, как вечность над жизнью, юность – этот следующий за детством шаг, ещё ничего не поняв, кроме счастья жить, как тот жаворонок! Узкое её личико, радующееся вашему взгляду, в него опустив свой…

А вот позже прибавилось лет – уже не личико, а лицо, и в красоте его черт, в заворожённой гармонии глаз и губ, чуть, только чуть начинающих улыбаться и замерших, потому что столько печали на свете, что это познание невозможно снести, и она этим делится с нами, она просит помощи, просит участия, с ним, может быть, можно вынести жизнь?..

Это вопрос неявный, только начавшийся, завлекает неосознанно в свою тень, в эту мглу спокойно и кротко, и тон властно раскрытых глаз, в них нет цвета, потому что все цвета в них рождали вопрос, и в них же, не легши в слова, зазвучал ответ – всею собою она спрашивает и отвечает, веки чуть-чуть начали опускаться на горькую мглу задумчивости, дыханием тронув ноздри, опустились на встречную тишину сомкнутых тихо губ, вопрошающих, зовущих, поверяющих и отпугивающих сомнением… Какая мука в лице! Его обвили волосы, густотой прихотливо лёгких волн света, света и тени, и целый мир будто влажных, лёгких и сухих волн – и уже невозможно стерпеть это горестное великолепие, вы уже отданы ей навсегда…

Это моя любимая фотография Анны. Какой высокий лоб у неё…

И вот третья: тут все просто: Анна стоит во весь рост своего стройного тела, в до полу её обнявшем шелку. В опущенной руке букет – и смеется, безмятежно радуясь славе.

Радуется, делится радостью, благодарит и дарит…

– А вот это, – и подруга помедлила, – это последняя карточка. Тут она знает, что будет с нею…

Гляжу: первая фотография и последняя, где Анна не встанет. Села.

С надеждой кончено. Она нам её не споет. Она смотрит на нас прямо. Левая рука оперлась на ручку соломенного кресла, согнув кисть, пальцами касаясь встречно пальцев правой руки.

Полная мгла взгляда.

Будущего нет. Смерть подошла и ждёт своего часа. В этом её промедлении мука души и тела. Кто ей сейчас друг…

Я гляжу в её взгляд, в который нельзя наглядеться, и мне, как и ей, в безнадёжности этой начинает прорываться надежда на что-то. Как сказала, почти умирая, моя сестра Лера: «Я начинаю понимать: не может всё так кончиться…». Умудрённость предсмертья начинает проникать в немыслимость смерти и, её телесно предчувствуя, принимая, духом её отвергает. Отплывает в неведомость, с ней сродняется. Остановив свой взгляд на наших взглядах, перерастя нас, себя, всё, она смотрит поверх. В то, что будет: будущему не быть невозможно. Анна смотрит будущему в глаза…

Это моя любимая фотография…

«Это моя любимая фотография…» (А. И. Цветаева), 1978 год. Фото Валерия Плотникова

И вот после всего у меня в руках пластинка Скарлатти в исполнении Анны Герман с надписью: «Дорогой Анастасии

Ивановне с любовью, Анна».

Письмо Анны Герман к Анастасии Цветаевой

«Уважаемая, дорогая Анастасия Ивановна! Примите, пожалуйста, мою большую благодарность за ваш чудесный подарок – вашу книгу. Я её прочитала и всё время к ней возвращаюсь, особенно в этот сказочный мир детства. Я и себя там нашла, несмотря на то что моё детство было очень трудное.

Вы, дорогая Анастасия Ивановна, наверное, принадлежите к тем людям, которые навсегда сохранили в себе детскую чистоту души и сердца. Об этом говорит ваш светлый, спокойный, бесконечно добрый взгляд. Грусти тоже очень много в ваших глазах, но даже она добра, она прощает…

Как мне хотелось бы заварить для вас хорошего чаю, угостить вас и потом в полумраке настольной лампы спеть вам мои любимые песни… Но это невозможно: вы так близко и так далеко!

Уже час ночи – я посылаю вам самое тихое и нежное «спокойной ночи» и лучшие мои пожелания. Будьте здоровы, дорогая Анастасия Ивановна. И вопреки этому шумному и несправедливому свету – счастливы.

Ваша *Анна Герман»*

(8 января 1975 года, Варшава).

Архимандрит Виктор (Мамонтов), близкий друг певицы (Латвия), «Горит, горит её звезда…»

1972-й год. Моя знакомая, Анна Николаевна Качалина, музыкальный редактор студии «Мелодия», сообщает мне неожиданную новость: в Москву после длительного перерыва приезжает на гастроли знаменитая польская певица Анна Герман, уже известная русским слушателям по её первому выступлению в России в 1964 году. Это была большая радость для всех. После автомобильной катастрофы в Италии и нелёгкой борьбы с болезнью любимая всеми певица возвращалась к жизни и на сцену.

Зал Театра эстрады на набережной Москвы-реки переполнен. Слушатели с нетерпением ждут появления Анны. Всех волнует одно: сможет ли она после длительной болезни петь как раньше?

В зале гаснет свет. Луч прожектора высвечивает лицо Анны. И из тишины поплыли звуки Ave Maria. Последний протяжный, как бесконечность, звук. В зале благоговейная тишина. Аплодисментов нет. Только потом они послышались, как лёгкий шелест. После минутной темноты вспыхивает свет, и Анна в алом, как огонь, платье – уже на сцене. Взрыв аплодисментов выразил радость и любовь зрителей. Она запела свою знаменитую песню «Танцующие Эвридики», которая принесла ей всемирную славу. Каждая песня, исполненная Анной, глубоко трогала сердце,

потому что она умела петь не залу, а лично для каждого человека.

По окончании концерта Анна Николаевна Качалина познакомила меня с Анной Герман – стройной, очень высокой, с красивыми длинными светлыми волосами. Запомнилось, что на голове у нее была кепочка в клетку. Её светлая улыбка и тёплые слова приветствия означали: я принимаю тебя и радуюсь нашей встрече.

«Пани Анна, – сказал я, – проницательный слушатель понял ваше Ave Maria как благодарность Богу за спасение, потому что после катастрофы в Италии надежды, что вы останетесь жить, было очень мало».

В последующие годы Анна много раз приезжала на гастроли в Россию. Была возможность её видеть и слышать, присутствовать на записи её песен в бывшей кирхе в Вознесенском переулке, близ консерватории. Там располагалась студия грамзаписи «Мелодия».

В предвкушении радости услышать необычайное пошла однажды со мной на концерт Анны Герман Анастасия Ивановна Цветаева. По моим рассказам она уже «познакомилась» с Анной, но не слышала еще её голос. И вот произошла её первая встреча с той, которую она приняла всем сердцем, всей душой.

Однажды после концерта в Лужниках в короткой беседе с Анной Герман Анастасия Ивановна поведала ей свою мечту – услышать в исполнении Анны романсы, на что та шутливо ответила: «Когда постарею».

…Выступления Анны Герман в России продолжались. В её репертуаре стало появляться больше русских песен и романсов. Многие композиторы, оценившие её уникальные вокальные возможности, писали песни именно для её голоса. Исполнялось благое желание Анастасии Ивановны, которая хотела, чтобы Анна не ограничивала себя эстрадой, а становилась бы камерной певицей. Анна спела романс «Гори, гори, моя звезда», лермонтовское «Выхожу один я на дорогу», спела из шаляпинского репертуара песню «Из-за острова на стрежень».

Звезда для Анны – это не она сама, хотя её и называли звездой мировой эстрады. В 2003 году перед концертным залом «Россия» на Площади звёзд была заложена звезда в её честь. На это торжество была приглашена вся семья Анны Герман: муж, сын и мать. При жизни Анны астрономы одну из вновь открытых звезд назвали «Анна Герман». Она знала об этом. Но Анна всю жизнь тянулась к другой звезде – той, ради которой волхвы отправились в своё далекое путешествие в Вифлеем…

В голосе Анны было некое томление. Это – томление по Богу, и оно разрешилось встречей с Ним в конце её земной жизни.

На свой последний концерт в Москву в 1980 году она приехала уже больная. Опухла нога. Я с сестрой Раисой встретил её у гостиницы «Россия» перед поездкой на концерт. Как легко, словно белая птица, выпорхнула из гостиницы и села в машину болгарская певица Лили Иванова, и с каким трудом, прихрамывая, шла к машине Анна…

На концерте в Лужниках перед её выходом на сцену погасили свет. В полутьме она проходила между стульями музыкантов на своё место. Загорался свет, и Анна начинала петь. В её пении была такая сила жизни, что зритель и не подозревал, какие страдания ей приходится переносить. По окончании пения свет гас, и Анна незаметно уходила за кулисы.

Анна была неизлечимо больна. Я стал получать из Варшавы от её матери Ирмы грустные письма. *«Как тяжело видеть страдание своего ребенка,* – писала она, – *если бы можно было всё взять на себя».*

Но так уж определено: каждый человек несёт свой крест и испивает свою чашу страданий. Страдание, если человек его принимает, не ропщет, проходит через него, завершается Радостью, Радостью неземной.

Каждому человеку очень важно когда-нибудь оказаться, как Матерь Божия, у Креста. Там некуда уйти. Божия Матерь не мечется, не суетится. Так и человек, испивая чашу страданий до дна, наполняется неземным светом.

Дочь одной умершей женщины поведала мне, что незадолго до смерти мать призналась ей: «Ты меня поймёшь: откровенно говоря, я не хотела бы выздороветь, я боюсь потерять то, что Господь открыл мне во время болезни».

Небо открылось Анне. Она лично встретилась с Богом в глубине своего страдания на одре болезни. Рак съедал её тело, оно уже отказывалось жить, а дух ликовал. Все её мысли были заняты Богом. Всё житейское отступило перед Вечностью.

Анна принимает Святое Крещение 23 мая 1982 года. На следующий день она пишет Анне Качалиной:

«Дорогая моя Аничка, я уже несколько раз должна была ехать (плыть) на тот берег, но этот скряга Харон без денег не хочет везти в своей лодке… в подземное царство Хадес. А откуда я ему возьму эту денежку… когда я не работаю?! И еще долго полентяйничаю… Хочу тебе сказать самое важное. Вчера я приняла Крещение – это вера моей бабушки, и я очень счастлива. Как мне хотелось бы посидеть рядом с тобой и всё рассказать!! Вите скажи – я никому больше не могу писать – сил нет. Ты уж скажи кому надо сама… За окном чудесная весна, у нас сирень есть, но я уже очень давно лежу в больницах и теперь дома уже месяц –

не встаю пока совсем. Но всё это теперь неважно стало. Всё будет… Твоя Аня».

Последняя песнь Анны – молитва. Когда ей было физически очень тяжело, она пела псалмы и молитвы, мелодии к которым рождались в её душе. Она пела «Отче наш», псалом 23-й «Господь – пастырь мой» и «Гимн о любви» из Первого послания к коринфянам апостола Павла: «Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит» (1 Кор.13:4–7).

Недавно я получил от мужа Анны из Варшавы уникальную запись этих песнопений. *«В них слышно больше, чем во всем её творчестве»,* – пишет Збигнев.

Слушая последнее пение Анны, ощущаешь, как сказала Анастасия Ивановна Цветаева в одном из своих стихотворений, жажду её души напиться бессмертия живой воды, а потом «из мрака тела – в дух, где тихо и светло».

Друг, посетивший Анну за два дня до её смерти, свидетельствовал: «Я увидел человека очень больного, терпящего, но полного спокойствия и надежды. С такой Анной мы и простились». Настал час души Анны. Это было 25 августа 1982 года в одном из госпиталей Варшавы.

Анну похоронили на старинном варшавском кладбище костёла евангелистов-реформаторов, находящемся на улице Житня, где лежит и её любимая бабушка Анна Мартенс (на этом же кладбище похоронена и мама Анны Герман. – *Прим. ред.)*.

Мне не удалось присутствовать на её погребении. Но спустя много лет, когда по пути домой из Парижа была длительная остановка в аэропорту Варшавы, я смог посетить её могилу. На кладбище мне встретился смотритель Янек. Он живет в доме при кладбище с семьёй. Сказал, что сам рыл могилу для Анны. Проводил меня к ней. На плите из серого полированного камня надпись: «Анна Герман-Тухольска, 1936–1982», а внизу – первые ноты последней песни Анны – 23-го псалма Давида, его первая строка: «Господь – пастырь мой».

Могила Анны Герман в Варшаве всегда в цветах и лампадах

Я положил на плиту маленький образ Владимирской иконы Божией Матери и попросил Янека поставить негасимую свечу

Одну из своих концертных программ в конце 70-х годов она назвала «Песни о любви». Анна любила людей, и они платили ей взаимностью. Страдания, которые она перенесла, ещё более углубили её как личность, ведь чем глубже копаешь колодец, тем чище вода.

После каждого своего концерта она отыскивала работников сцены, пожарников, осветителей и дарила им всё, что ей подарили: цветы, конфеты, сувениры. Такая у неё была душевная потребность. Помню, как перед её концертом в саду «Эрмитаж» буфетчица, оставив ждать длинную очередь, понесла Анне в артистическую комнату стакан хорошо заваренного чая с лимоном и бутерброд с чёрной икрой.

Во время гастролей весной 1977 года, узнав о болезни Анастасии Ивановны Цветаевой, Анна нашла время навестить больную. Из-за отсутствия мест в палате Анастасия Ивановна лежала в коридоре. Радостно было смотреть, как тепло общались они друг с другом, словно любящие мать и дочь. Анна подарила ей фиалку в горшочке, сказав: *«Я желаю вам так скоро поправиться, как скоро расцвели эти цветы».*

Ещё в 1974 году Анна получила подарок от Анастасии Ивановны – её «Воспоминания». Она прочитала книгу и всё время к ней возвращалась, особенно в сказочный мир детства, где она и себя нашла, несмотря на то что детство её было очень трудное.

«Просто чудо, – писала мне Анна в январе 1975 года, – *теперь уже почти никто так не пишет».*

В 2003 году у меня и у всех прихожан нашего храма была большая радость: позвонил из Варшавы сын Анны Герман, тоже, как её муж, Збигнев, по-домашнему Збышек, и попросил моего благословения на приезд в Латвию, в Карсаву. Я ему сказал о моём знакомстве с ним, когда он был еще во чреве матери: в очередной свой приезд на гастроли в Москву в лифте гостиницы «Россия» Анна поделилась новостью, что ждёт ребенка. Я сказал, что это большая радость не только для неё, но и для всех. Дети – это дар Божий. Знала ли Анна, что её имя в переводе с еврейского означает «благодать»? Эта благодать снизошла на неё. Збышек появился на свет 27 ноября 1975 года.

И вот мы встретились с ним через 28 лет. Он приехал к нам вместе с Анной Николаевной Качалиной, которая для него, по его словам, как родная.

Отец Виктор, Анна Качалина и Збигнев-младший на вечере под открытым небом, Латвия

«Он хороший мальчик, – писала мне мать Анны, – *не курит, не пьёт, не шляется, многое умеет в технике».*

Я узнал, что он любит историю, паровозы. Недавно поступил в Варшавский католический институт кардинала Стефана Вышинского, на теологический факультет. Увидев у меня переизданную Острожскую Библию, очень заинтересовался ею, попросил почитать. Он получил её в подарок.

Мы устроили в очень красивом месте вблизи храма вечер памяти Анны Герман, на который собралось много людей, местных и приезжих – из Москвы, из Санкт-Петербурга. Слушая пение Анны, все ощущали реальное её присутствие среди нас, был молитвенный дух, ибо невозможно, слушая в её исполнении Ave Maria, не быть в этот момент с Богом.

Возвратившись домой, Збышек прислал тёплое, благодарственное, мудрое письмо. Он, по слову моей сестры, благородно воспитан. В конце письма была приписка отца:

«Дорогой отец Виктор, дорогой Витя (извините, но так мы с Аней тебя звали). Я очень, очень рад, что Збышек в конце концов смог познакомиться с тобой. Для него это было большое переживание. Мы живем тут, как нам удаётся. С нами живёт мама Ани (93 года), которая крестилась теперь в церкви адвентистов. Я напишу более длинное письмо обо всём. Теперь сердечное поздравление и благословение Господа. Твой Збышек Тухольский. Варшава 24.09.03».

Самым радостным в письме Збышеков для меня было

сообщение о крещении матери Анны Ирмы. После смерти Анны она часто писала мне; в письмах было много грусти и даже отчаяния: *«Нет веры, нет счастья, нет жизни, нет сил». И в то же время вопреки этому в ней теплилась надежда: «Но надо надеяться на лучшее, на мир».*

Её скорбь – о внуке Збышеке. В одном из писем пани Ирма писала: *«Он стоит на похоронах Ани на кладбище тихо возле отца. Много людей. Он не понимает, что его судьба решается: не будет такого материнского тепла и заботы. Я сегодня болею, когда смотрю на Збыся – без материнской любви остался».*

И вот, наконец, лучшее свершилось: Ирма встретилась с Богом, к Которому шла почти век своей жизни.

В мире есть Любовь, которая превосходит и материнскую, и отцовскую – Любовь Бога-Отца. Мы все творим молитву «Отче наш» независимо от возраста, то есть перед лицом Божиим мы все дети Его, и Он нас всегда любит. Збышек уже познал эту Любовь, поэтому он мирен. Эту Любовь познала его мать – Анна Герман. Она шла к ней всю свою жизнь.

Анны Герман давно с нами нет. Но мы часто слышим её голос в эфире. В этом большая потребность у людей. В современном мире, страдающем от разделения зла и пошлости, её голос творит чудо. Когда он звучит, всё преображается, происходит что-то необычное и таинственное. Душа человеческая, по природе своей бессмертная и имеющая неистребимое желание жить всегда, улавливает совершенно другие звуки – звуки Вечной Жизни и Любви – и становится чище и светлее.

Фрагменты писем Анны Герман к отцу Виктору (Мамонтову)

«Здравствуйте, Витя! Я очень виновата перед вами, что не писала, но зато очень-очень часто о вас думала, вспоминала нашу единственную встречу тогда с Аничкой Качалиной и вообще думала о вас как о старом друге, которого я уже знаю много-много лет. А может быть, мы уже когда-то встречались?

Может быть, вы будете в Москве летом – тогда я вас прошу прийти на наш концерт – будут новые песни! А потом пойдём к Аничке Качалиной чай пить с вареньем, хорошо?

Немножечко завидую вам: там у вас зима, снег и, вообще, ещё настоящая, не больная природа. Да? А я вот как раз теперь в городе Катовице (Силезия), и вы знаете, проезжали мы автобусом и видели: течёт речка, а вода красная, как помидорный сок. Фабрика химическая вблизи. Конечно, рыба по берегам лежит – мёртвая. Я читала об этом, но самому увидеть – очень грустно…

Я теперь в Польше, никуда пока не уезжаю, так как записываю

новую пластинку. А когда она будет готова, с моими лучшими пожеланиями поедет к вам в гости» (начало 1974 года).

«Здравствуй, дорогой Витя! Большой тебе привет из Варшавы! Мы со Збышеком хотим сказать, пожелать самое-самое лучшее, хорошее, радостное на Новый год. Что это, ты уж сам решишь! А наши пожелания не простые, а заколдованные… Мы шлём тебе зимой (ведь январь в календаре) самые весенние слова, чуть ли не цветы!» (13 января 1975 года).

«Здравствуй, дорогой Витя! Мы очень обрадовались со Збышеком твоему доброму письму. Ты так всё умно и чисто понимаешь в жизни. Мы рады за тебя, что ты избрал работу с молодёжью, которая тебе больше по душе. Да и молодые люди, общаясь с тобой, если только поймут и захотят, станут благороднее.

Спасибо тебе большое за фотографию. Прелесть – как картина!! Збышек сказал, что отдаст, чтобы сделали в рамку. Я вот уж столько лет мечтаю сфотографироваться или с цветущей яблоней, или осенью так, как ты в лесу. Не получается!!! Ну, может быть, в этом году работать ещё не буду, и Збышек нас вывезет куда-нибудь к цветущему деревцу, и тогда…

Когда ты опять встретишься с Анастасией Ивановной, передай ей самый горячий привет от меня. Я, конечно, сама напишу чуть позже. Витя, я счастлива, что Анастасии Ивановне приятно иногда послушать «моего» Скарлатти. И я также счастлива, что ОНА нашла время и захотела прийти на наш концерт. Но ведь я прекрасно понимаю, что таких людей мало, если вообще можно сравнивать. Мне придётся опять петь «другое», чем иногда мне и самой хочется… Ты ведь меня понимаешь, правда?» (20 ноября 1975 года).

«Здравствуй, милый Витя! У меня репетиции, работа идёт вовсю. Музыканты на этот раз настоящие. И люди хорошие. По-моему, таким нежным и добрым людям, как ты, эта музыка должна понравиться.

Интересно, как твоя работа и хорошо ли тебе в столице жить? Думаю, что ты не раз вспомнил те покинутые спокойные места. Не так ли? Но такова жизнь…» (23 мая 1975 года).

Семья

Збигнев-Антоний Тухольский, муж Анны Герман, (Варшава, Польша) «Аня умела быть счастливой»

С мужем Збигневом, 1970 год. Фото из личного архива З. Тухольского

Моё знакомство с мужем и сыном Анны Герман произошло 14 февраля 2001 года в Москве, в Политехническом музее на вечере, посвящённом памяти певицы. И уже на следующий год по их приглашению я приехал в Варшаву на целый месяц. Мне довелось жить в доме, в котором всё до сих пор пропитано духом Анны Герман. Благодаря нашему постоянному контакту со Збигневом Тухольским-старшим, на протяжении многих лет удавалось реализовать многие идеи и проекты, связанные с сохранением памяти об Анне.

На протяжении всех лет нашей дружбы мы встречались огромное количество раз – в Москве, в Варшаве, в Минске, в Киеве, в Зелёна-Гуре. За эти годы пан Збигнев дал интервью многим

газетам, радиостанциям и телевизионным программам.

Работая над этой книгой, я решил, что не буду обременять пана Збигнева просьбой вновь и вновь повторять всё сказанное им в уже опубликованных интервью специально для книги. Поэтому из его интервью разных лет я взял лишь те фрагменты, которые были бы наиболее интересны читателю, открывая нам неизвестные и малоизвестные факты биографии певицы.

И. И.

– Пан Збигнев, вы верите в любовь с первого взгляда?

– Да, пожалуй, я верю в такую любовь. И в литературе тому существует много примеров. Мы познакомились с Аней, когда я работал в Политехническом институте на кафедре металловедения. Однажды по работе меня отправили во Вроцлав. Возвращаться оттуда я должен был в 16.30, а так как управился быстрее и была хорошая погода, то я решил пойти искупаться. Тут я увидел очень красивую блондинку, которая читала книжку. Я попросил её присмотреть за моими вещами, пошёл плавать, а потом мы разговорились. Оказалось, что она студентка и изучает геологию. Ей тогда было 24 года, а я её на 6 лет старше. И уже тогда она сказала, что время от времени принимает участие в разных концертах. Я попросил её, чтобы она сообщила, когда будет выступать с концертом поблизости от Варшавы. Она прислала открытку. Правда, это было далековато от Варшавы – 300 км. Концерт мне очень понравился, и хотя я не могу сказать, что очень хорошо разбираюсь в музыке, но для себя я понял, что это великолепный голос и вряд ли ещё у кого такой есть.

– Анна уже была популярна в Польше?

– Нет, она только делала первые шаги, и ей нужно было иметь лицензию, специальную тарификацию, чтобы выступать, потому что у неё не было музыкального образования. Надо было сдать экзамен перед авторитетной комиссией, в которой были довольно известные композиторы, режиссёры, исполнители… Где-то в 24–25 лет Анна одновременно получила диплом геолога и разрешение петь.

– Вы часто дарили ей цветы?

– Да. Особенно она любила красные розы. Может быть, из-за специфики работы она очень любила получать в подарок тушь для ресниц, которая не расплывалась. А её любимые духи назывались Antilope.

– Анна часто пела дома, в кругу семьи?

– Иногда я просил её спеть на вечеринках для гостей, которые собирались у нас дома. Она пела, но многие люди не умеют

слушать: разговаривали во время её пения, и тогда она обижалась на меня за мою просьбу…

– Ваш сын появился на свет, когда Анне было уже 39 лет. Вас обоих не мучили сомнения, что это большой риск для здоровья Анны?

– Нет. Мы очень хотели этого ребёнка, и у нас не было никаких сомнений. Аня активно работала даже во время беременности, и, кстати, именно в это время она приезжала на гастроли в СССР, в Москву. Когда сын был совсем маленький, а маме надо было уехать, с ним оставалась бабушка Ирма, иногда – домработница Ирэна или я. Я готовил сыну специальным способом протёртую гречневую кашу с вкусными добавками.

Из архива З. Тухольского

– В письмах Анна подписывалась: певица, композитор, писатель и… вечный повар. Чего мы ещё не знаем об Анне Герман?

– Каждый год узнаём что-то новое. Даже о том, о чём она мне сама не говорила. Например, после болезни и реабилитации Аня делала на польском радио авторские передачи для детей о физике. С моим другом, физиком Михаилом Грызинским, она обсуждала проблемы физики. Аня была глубоким и разносторонним человеком.

В студенческие годы она пародировала Эллу Фицджеральд. Когда родился Збышек, написала для него сказку о птицах. Сказка эта грустная, но очень философская. Философии было много и в её творчестве. Неслучайно возник её авторский цикл песен на стихи иранского поэта Ахмада Шамлу Она писала музыку к сонетам Горация, к произведениям Сафо. Сама выступала в концертах в качестве конферансье.

Незабываемыми были гастроли в Монголии. Мы приехали в какое-то степное поселение, где соорудили импровизированную сцену. Пришло много людей, концерт начался, а я остался у входа. Когда зазвучала третья или четвёртая песня, я увидел, что по направлению к шатру, где пела Аня, мчится на коне монгол с ребёнком на руках. Он встал рядом со мной, этот крепкий степной житель. Когда Аня запела «Вернись в Сорренто» на итальянском языке, из его глаз потекли слёзы. В тот момент я понял, какой силой обладают её песни, как они действуют на людей.

– Чем бы вы объяснили то восхищение и любовь, которую дарила Анне Герман советская публика?

– Это непросто объяснить. Аня часто выступала на территории бывшего СССР, и там её все любили: музыканты, поэты, зрители. Вокруг себя она всегда создавала атмосферу любви. Её музыкальность, голос, душа, понимание слушателя, сердечное отношение ко всем людям, исполнение песен в манере, очень близкой русской душе – наверняка, за это её любили, любят и ещё долго будут любить. Она говорила по-русски без акцента, словно дама из Санкт-Петербурга царских времён.

– Какие песни вам особенно нравились из её репертуара?

– Мне просто нравилось, когда она пела. Она много пела дома, в машине. У нас было немного свободного времени, но, когда было возможно, она пела. По дороге в Ополе, в Зелёна-Гуру, в Болгарию – в машине она всегда пела новые песни. Особенно мне нравятся в её репертуаре: «Ночь над Меконгом», «А когда всё погаснет», «Из-за острова на стрежень», «Сумерки». Других таких песен в мире нет, и никто не споёт их так, как спела Аня.

С мужем и сыном в Закопане, сентябрь 1977 года. Фото из архива А. Качалиной

– Какой она была в работе?

– Всегда очень добросовестной и точной. Я не раз был свидетелем её работы над записью новых песен, видел, как ей аплодировали музыканты из оркестра, восхищаясь профессиональным искусством. И что интересно, Аня не имела музыкального образования. Когда сочиняла песни, то лишь играла мелодию на пианино, не записывая ноты на бумагу, а только делала звуковую запись на домашний магнитофон. А потом просила коллег-музыкантов записать сочинённую песню в виде аранжировки.

– Несмотря на трудности жизни и здоровья, Анна всегда оставалась человеком весёлым. Чем это объяснить?

– Она умела быть счастливой. Её однажды спросили, что для неё значит «счастье», и она ответила: счастье – это увидеть кого-то, кто улыбнулся тебе, кто посмотрел на тебя добрым взглядом, счастье – высыпать на балкон для птиц хлебные крошки, чтобы они их склевали и зачирикали. Она считала, что в каждом мгновении повседневной жизни можно разглядеть счастье. Своей душевной радостью она щедро делилась с окружающими. Когда к нам приходила почтальон с письмами или газетами или приезжал молочник, Аня всегда приглашала их на кухню и угощала чаем или кофе, беседовала с ними. У неё не было деления на важных и неважных людей. Для неё все были важны, это редчайшее

качество.

– Да, это не свойственно эстрадным звёздам…

– Аня была такой от природы – очень впечатлительной. Помимо этого, огромное влияние на её внутренний мир оказало воспитание верующей бабушки. Мама Ани, Ирма, почти всегда была занята на работе, она зарабатывала на жизнь семьи, а бабушка вела домашнее хозяйство и занималась воспитанием внучки. И воспитала её… ангелом. В юном возрасте Аня участвовала вместе с бабушкой в службах костёла адвентистов во Вроцлаве. Позже её контакты с костёлом были прерваны, но уже под конец жизни, когда она тяжело болела, она решила отключиться от всего насущного и попросила принести ей немецкую Библию, доставшуюся от бабушки. Две недели она неотрывно читала Библию и потом сказала, что ей был Божий знак и что она хочет окреститься.

– Она говорила о том, что это был за знак?

– Нет. И я не спросил. Тогда я пригласил пастора, и крещение состоялось у нас дома, в ванной, ведь Анна была уже не в состоянии выходить куда-либо.

Перед этим к Ане приходили разные люди, в том числе из католических кругов. Именно тогда под влиянием их убеждений, желая урегулировать самые главные жизненные дела с Богом, мы обвенчались по католическому обряду, несмотря на то что гражданская свадьба состоялась намного раньше. Тогда же мы приняли решение окрестить нашего сына Збышека, которому было шесть лет. Знак о том, что нужно принять крещение в церкви адвентистов, пришёл к Анне уже после этих событий в жизни нашей семьи.

Та самая бабушкина Библия

Убеждения Ани, касающиеся вопросов веры, всегда были очень твёрдыми. Это она унаследовала от бабушки. Однажды к нам в дом пришёл человек, выдававший себя за целителя-биоэнерготерапевта, предлагавший исцелить Аню. В разговоре он заявил, что обладает такой же силой, как Иисус, и что Иисус вовсе не был Богом. После этих слов Аня не хотела с ним ни минуты разговаривать, она попросила выставить его из дома. *«Ни минуты под моей крышей!»* – сказала она.

– В дни болезни, в последние месяцы своей жизни Анна продолжала творить, писать музыку…

– Это правда. Она сочинила музыку к нескольким библейским текстам, среди прочих – к 18-му и 23-му псалмам Давида, к «Гимну любви» апостола Павла из Первого послания к коринфянам и к молитве «Отче наш». Ей было трудно спускаться на первый этаж, где стояло пианино, и она просто записывала эти молитвы, напевая на обычный магнитофон. Последний раз она спела дома, когда собрались самые близкие люди и друзья. Это было поразительное исполнение «Отче наш». И тогда она сказала, что если выздоровеет, то уже никогда не вернётся на эстраду, а будет петь только для Бога…

Использованы фрагменты интервью Збигнева-Антония

Тухольского российским и польским изданиям: «Znaki czasu» (март 2006 года), «Московский комсомолец» (февраль 2001 года), «Трибуна» (февраль 2003 года).

Артур Герман, дядя певицы (Мешеде, Германия) «Моя племянница – Анна Герман»

Однажды мне позвонила моя бабушка и сказала:

– На наш адрес пришло письмо из Германии. Оно адресовано тебе, приезжай и забери его.

– Из Германии? У меня нет знакомых в Германии. А кто отправитель?

– Отправитель – Артур Герман, город Мешеде.

Уже через час я был у бабушки в квартире и держал в руках письмо от Артура Германа – родного дяди моей любимой певицы. Оказалось, он был наслышан о моей деятельности в память об Анне Герман. В письме Артур написал, что его родной брат Евгений Герман – это отец Анны, что всю жизнь Анна вынужденно скрывала своё немецкое происхождение, что пришло время открыть эту завесу тайны и рассказать людям о предках певицы, о её отцовских корнях.

Вскоре состоялся наш (не единственный) телефонный разговор с Артуром Фридриховичем, из которого я узнал, что дядя Анны Герман пишет о ней книгу «Неизвестная Анна Герман». А спустя некоторое время я получил бандероль – целую коробку с этими книгами – около 20 экземпляров!

– Зачем вы отправили мне так много книг? Это же дорого! Достаточно было одной книги.

– Судьба Анны напрямую касается моей семьи, нашего рода по линии Герман, я хочу, чтобы люди знали правду. Раздайте книги, кому посчитаете нужным, кому небезразлична история нашей семьи и семьи Анны…

Прошли годы… Артур Герман теперь смотрит на нас с Небес, а его книга «Неизвестная Анна Герман» осталась у меня в единственном экземпляре. Остальные нашли своих читателей.

Работая над этой книгой, я счёл необходимым включить в неё фрагменты книги Артура Фридриховича. Не со всем, что написал автор, можно согласиться в силу объективных причин, поэтому я выбрал те фрагменты, которые касаются только исторической части повествования о предках Анны Герман, о её отце и об удивительной встрече самого Артура с Анной.

В последней главе своей книги «Неизвестная Анна Герман»

Артур Фридрихович написал:

«В 1996 году, к 60-му дню рождения Анны Герман, московский студент Иван Ильичёв основал Клуб почитателей певицы, пока единственный в мире. Реноме этого клуба вскоре достигло Санкт-Петербурга, Самары, Одессы, Уфы, Таллина, Тюмени – городов, находящихся на расстоянии тысяч километров. Иван Ильичёв и члены Клуба устраивают вечера воспоминаний об Анне и планируют издать антологию песен Анны Герман, а вместе с обоими Тухольскими – вдовцом и её сыном – большую книгу о её жизни и творчестве» (А. Герман, «Неизвестная Анна Герман», стр. 109, Берлин, 2003 г.).

Уважаемый Артур Фридрихович! Помня о вашем желании донести правду об Анне Герман до широкого круга читателей, а также о вашем устном разрешении на такую публикацию, включаю в эту книгу фрагменты вашей книги.

Единственный момент, на котором я хочу остановить особое внимание читателя – это имя отца Анны Герман. Его немецкоязычное имя было Ойген Герман, но в СССР он жил по документам официально как Евгений Фридрихович Герман. Артур Герман называет в книге «Неизвестная Анна Герман» своего брата и отца Анны исключительно Ойгеном – это его право, которое мы оставляем за ним, но при всех других упоминаниях отца Анны я, как биограф, всё-таки придерживаюсь официально-документального имени – Евгений Герман.

И. И.

Часть I. Встреча Анны Герман и Артура Герман в Целиноградe

С классным журналом группы ПГС Индустриального техникума города Караганды под мышкой, с учебником английского языка и тетрадью с поурочным планом на 11 сентября 1973 года в правой руке я шёл на урок.

Из репродуктора в коридоре негромко лилась какая-то мелодия, которая тут же привлекла моё внимание. Звучал женский голос, и он мне вдруг показался очень знакомым, хотя песню я не знал. Я невольно остановился, как зачарованный: так пели мои старшие сёстры Берта и Ольга – те же интонации, та же мягкая, до боли знакомая задушевность.

Другие учителя уже разошлись по учебным кабинетам, а я всё стоял и слушал. Пение прекратилось, и диктор объявил:

– Перед вами выступала польская певица Анна Герман, которая в настоящее время с гастролями находится в Москве.

Первая мысль, пронзившая мой мозг: «Это дочь Ойгена!». Но почему польская певица?

Евгений (Ойген) Герман – отец Анны и брат Артура

Мой старший брат Ойген (Евгений), родившийся в 1909 году в Лодзи (этот польский город тогда находился в составе Российской Империи), работал бухгалтером на одной фабрике-кухне на Донбассе и примерно в конце 1934 года бесследно исчез. Среди членов семьи ходили разные слухи о нём…

Дочь Ойгена?

Придя после того урока 11 сентября домой, я тут же написал письмо в «Москонцерт» с просьбой сообщить мне некоторые биографические данные Анны Герман. Я не скрывал, что располагаю убедительными доказательствами, из которых следует, что певица могла быть мне близкой родственницей. Ответа я не получил. После этого Анна пела в Ленинграде, и я написал туда с такой же просьбой и получил ответ: «Об артистах сведений не даём».

Тем временем я переехал в Целиноград (ныне Астана. – *Прим. авт.),* где нашёл работу в редакции немецкоязычной газеты «Фройндшафт». В редакции уже работала моя сестра Луиза. В то время, в 1974 году, имелось уже достаточно пластинок с краткими данными о певице. Нам нужно было найти одно слово: имя её отца. Если его звали Ойгеном, или на русский манер Евгением, было бы ясно, что она его дочь и что он, возможно, жив. Но этого мы не нашли ни на одной пластинке. В мыслях мы его давно уже похоронили, так как отец, мачеха, брат Рудольф уже были расстреляны или погибли в лагерях. И Луиза, и я прошли через ад сталинских лагерей и чудом остались живы. Из братьев только Вилли смог спастись, нелегально, с риском для жизни перейдя польскую границу. Потом он перебрался в Германию. Может быть, и Ойген таким образом добрался до Варшавы? Но почему не в Германию, к Вилли? Вопросы… Вопросы…

А Анна всё снова и снова появляется то по радио, то на экране, то в «Голубом огоньке» на Новый год. И её черты, её голос становятся всё знакомей и родней.

Вдруг по Целинограду с быстротой молнии распространяется слух, будто Анна приезжает в город с гастролями.

Встреча

Кассы дворца «Целинник», зрительный зал которого вмещал около 2500 мест, работали круглые сутки. Слава Анны в то время была уже настолько велика, что ни одна концертная группа, приезжавшая в город, не могла сравниться с ней по популярности. Люди приезжали из отдалённых районов области, чтобы попытать счастья добыть билет на концерт. За короткое время они были распроданы на два концерта, но около касс всё ещё стояли люди и ждали чуда. Это чудо произошло, когда Анна сама появилась со своей концертной труппой. Дирекции дворца удалось выторговать у Анны и её коллег два дополнительных концерта-утренника, на один из которых мне удалось пробиться.

Как она пела, мне не нужно описывать, так как это было бы неинтересно. Её надо было слышать: её голос, тембр этого голоса – уникальный. Но она не только пела, она и говорила на хорошем русском языке, без всякого чужого акцента. И в её манере говорить, в её шутках снова присутствовало что-то неуловимое, если и не относящееся к нашей семье, то всё же что-то немецкое.

После концерта меня к ней не пустили: она устала, ей предстоял ещё один вечерний концерт. Наши вопросы остались без ответов.

«Как журналист ты не стоишь ни гроша, если ты к ней не пробьёшься, – сказала Луиза *(сестра Артура.* – Прим. авт.), когда я рассказал ей о своей неудаче. – Нам представилась уникальная возможность узнать о ней правду. Когда она уедет, всё останется по-прежнему: польская певица, и точка. Давай-ка, шевелись!»

На другой день между двумя концертами я сунул своё корреспондентское удостоверение в карман и пошёл в гостиницу «Ишим», самую престижную в городе, где остановилась певица. Я нашёл коридор, в котором был её номер, а также коридорную, которая цербером следила за порядком и за поведением своих жильцов. Здесь она была полновластной хозяйкой и повелительницей, поэтому, чтобы попасть к Анне, нужно было преодолеть этот барьер. Когда я спросил, могу ли я попасть к Анне Герман, она грубо ответила: «Тут шастает много вашего брата, она никого не принимает. И вообще, она сейчас сидит в ванной и, по всей вероятности, там ещё долго будет. Подождите, может, вам ещё и повезёт».

Вполне возможно, что Анна действительно просила коридорную, чтобы она никого к ней не пускала, так как ей нужно было хорошо отдохнуть между двумя концертами. Каждый концерт перед любой публикой, будь то в Неаполе, Москве или в Целиограде, для неё означал полную отдачу духовных сил, в чём, очевидно, и состояла причина её популярности.

– Посмотрите на моё удостоверение! – не унимался я. На одной его стороне моя фамилия A. Hormann стояла по-немецки, на другой – по-русски: А. Герман. Коридорная взяла удостоверение, в котором значилось, что я корреспондент республиканской газеты «Фройндшафт», испытующе стала смотреть то на меня, то на фамилию в нём и спросила с подозрением:

– И что вы этим хотите сказать?

– А то, что вы думаете.

В этот момент пожилая женщина из команды Анны подошла к двери номера певицы и условным стуком попросила, чтобы она её впустила. Коридорная вскочила, подошла к пожилой польке и

шепнула ей что-то на ухо, и женщина скрылась в комнате Анны. Очень скоро женщина вышла и по-русски сказала: «Сейчас».

Моё сердце буйно застучало, и, когда Анна мне открыла дверь, я забыл все слова, которые я приготовил. Передо мной стояла женщина, почти на голову выше меня (как отец, как Рудольф!) и с улыбкой смотрела на меня.

О чём мы говорила «до того» – я не помню. Вероятно, о её концерте, о городе, о дворце «Целинник» и его хорошей акустике, о гостинице. И вдруг с обычной, «бытовой» интонацией она пожаловалась, что не может выспаться, кровать слишком коротка для её роста в 184 см.

– Обычно для меня устанавливают две кровати, чтобы я могла лечь по диагонали. Здесь этого не сделали, а я забыла попросить об этом.

И я вспомнил брата Рудольфа, который гостил у меня в студенческом общежитии и ночью на мой вопрос, почему он ходит взад и вперёд по комнате (как в детстве, когда мы спали в одной кровати), он ответил:

– Ничего, я немного отдохну, потом опять лягу.

После этого обыденного замечания Анны я набрался духу и задал вопрос всех вопросов:

– Скажите, пожалуйста, как мне вас называть по отчеству, то есть как звали вашего отца?

И Анна несколько, как мне показалось, кокетливо, очевидно скрывая некое смущение:

– Евгеньевна, Евгений.

Это был тот ответ, которого мы так долго ждали и искали! Мои руки дрожали, и я не сразу попал в нагрудный карман. Когда я вытащил семейную фотокарточку, на которой Ойген, предполагаемый отец Анны, сидит по правую руку отца, я задал второй вопрос:

– Вам тут кто-нибудь знаком?

И она, как вспугнутая птичка, не раздумывая, на немецком языке:

– Wo ist er? Wir haben so ein Bild zu Hauze! (Где он? У нас дома такая же фотография!).

В мгновения душевных потрясений человек бессознательно возвращается к своему естеству, не размышляя над возможными последствиями. И мгновенно всё стало ясным без дальнейших вопросов. Она свой импульсивный вопрос задала на родном её языке.

Теперь она как бы сбросила маску, и наша дальнейшая беседа текла на нашем родном немецком языке.

– Я не знаю, это я хотел узнать от вас… от тебя…

– От тебя… Боже мой, кто бы мог подумать!

Объятия, слёзы.

– Мы ничего о нём не знаем. Его арестовали в 1937 году, когда мне было полтора года. С тех пор ничего о нём не слышно. Я была ещё совсем маленькая, когда мама поселилась в Сибири, чтобы искать отца. Напрасно. Недавно я гастролировала там же, в Сибири. В Новосибирске я задержалась дольше запланированного срока: я была уверена, что где-то там должны находиться ссыльные родственники отца. Никто не появился. Теперь здесь, когда я уже никого не ожидала, ты пришёл и принёс мне печальный привет из моего сиротского детства. У нас есть и другие фотографии с ним, и ты похож на него.

И она робко провела рукой по моим щекам…

Расскажи мне…

Встреча в Целиноградe с дядей и тетей – Артуром и Луизой Германами, 1974 год. Фото Давида Нойвирта

– Расскажи мне о братьях и сёстрах моего отца Ойгена Германа…

– Расскажи мне, как вы попали в Польшу…

– Расскажи мне о моём дедушке и моей бабушке Анне Герман…

– Расскажи мне…

Эти разговоры обещали быть длинными, и я предложил Анне пойти к моей сестре Луизе, которая жила рядом с «Целинником».

– Не улизнуть ли нам через чёрный ход? Там перед главным входом толпа молодых людей ждёт твоих автографов.

– Значит, подпишем. Я не могу так просто уйти от них. Они мои слушатели, моя публика, мои поклонники.

И она писала. Нередко она клала книгу на спину следующего в очереди ожидающих, и так, шаг за шагом, мы приближались к дому, в котором жила Луиза. Мне всё время казалось, будто Анна ходит по бордюрному камню – настолько она возвышалась над головами своих почитателей.

Встреча Анны с Луизой была сердечной, и снова текли слёзы. Слишком долго мы искали её и наконец нашли. И судьба Ойгена с определённостью была выяснена: он больше не мог быть среди живых.

Луиза пригласила фотокорреспондента газеты «Фройндшафт» Давида Нойвирта, который сделал ряд прекрасных фотографий, на которых Анна естественна, без грима и позирования. Эти фотографии позже пользовались большим спросом у целиноградских поклонников Анны Герман.

Луиза приготовила скромный ужин с бутылкой хорошего вина, но Анна почти ни к чему не притрагивалась. Она будто оправдывалась:

– Я не пью вина не из ложного пуританства, но потому, что оно возбуждает аппетит, а его-то мне приходится постоянно держать в узде. Представьте себе, в какую бомбу я могла бы превратиться, отпусти я эту узду? Daut jeit oba nick (Но так не пойдёт). Может, у тебя найдётся молоко? Я не стесняюсь просить молока даже на торжественных приёмах. Это звучит странно, но я себе могу позволить это удовольствие.

И Рудольф любил молоко превыше всего…

Анна была в великолепном настроении и много шутила. Я со своей стороны сказал, что после её гастролей в Целинограде Луиза и я потеряем свои имена и будем только тётей и дядей Анны Герман, а не Луизой и Артуром Герман.

Когда гастроли Анны в Целинограде были окончены, газета «Фройндшафт» опубликовала мою статью.

* * *

После возвращения Анны в Варшаву мы переписывались с её матерью Ирмой, которая через год навестила нас в Целинограде. Ирма познакомилась с городом и тщательно готовилась к посещению местного театра. После Варшавы этот областной театр показался ей уж очень провинциальным, но на один или два

спектакля она всё же сходила: в свои шестьдесят пять она всё ещё интересовалась литературой, музыкой и театром. Я подарил Ирме целый набор из пяти долгоиграющих пластинок с русскими народными песнями, романсами и оперными ариями в исполнении Шаляпина, которые Анна впоследствии неоднократно слушала.

В 1980 году я вышел на пенсию, и мы с семьёй вернулись в Караганду. Однажды я получил от Ирмы письмо. Она писала, что экономическое положение в Польше обострилось и что у них материальные трудности. Анна уже болела и не могла зарабатывать. Мы с женой собрали продовольственную посылку и побежали на почту, чтобы поскорее отправить её. Там нам дали длинный список запрещённых к пересылке товаров. В списке значились шоколад, конфеты, мясные продукты, то есть как раз самые ценные и питательные. Нам пришлось вынимать из фанерного ящичка один продукт за другим и слушать грубые замечания почтовых работников. В конце концов в ящике остались какие-то крупы и вермишель – позорище. Тогда мы попросили служащую разрешить оставить хоть несколько конфет «Мишка на Севере» карагандинской кондитерской фабрики для малолетнего Збышека, что нам и было дозволено.

Поздно ночью – было уже после двенадцати – зазвонил телефон. Это был звонок с почты. Очевидно, ночью ещё раз тщательно «проверяли» посылки, особенно те, что шли заграницу.

– Пожалуйста, извините, что нарушили ваш сон, – услышал я в трубке ангельский голосок, – почему вы не сказали, что посылка для матери Анны Герман? Мы все её так любим – я имею в виду Анну! Мы только сейчас вспомнили имя её матери. Пожалуйста, приходите хоть сейчас и кладите всё обратно в посылку, и мы её тут же оформим. Значит, вы и вправду её дядя, как мы давеча слышали? И кого тут только нет, в этой Караганде!

– Спасибо, отправьте посылку, какая она есть.

Позже Ирма писала, что посылку она получила, поблагодарила нас и заметила вскользь, что понятие «трудности» в Польше имеет несколько иное содержание, чем в Советском Союзе.

После этого Анна жила недолго. Мы получили телеграмму от Ирмы в пятницу, а похороны должны были состояться в начале следующей недели. Весть о смерти Анны Герман распространилась быстро через работников телеграфа. Я получил несколько звонков соболезнований. Ещё долго друзья мне звонили, чтобы я телевизор переключил на определённую программу, по которой как раз пела Анна.

Встреча в Целинограде с дядей и тетей – Артуром и Луизой Германами, 1974 год. Фото Давида Нойвирта

На похороны ни я, ни Луиза не смогли поехать: для наших «органов» срок выдачи виз был слишком мал.

* * *

О скромности Анны много сказано и написано. Скромность и воздержание во всём, в том числе в одежде и за столом. Кто-то из её начальства говорил ей, что она перед публикой ведёт себя слишком скромно, что это не к лицу современной эстрадной артистке.

Именно эта её особенность, эта скромность является производной её немецкого, вернее меннонитского, воспитания, и ни в коем случае не польского, католического. Как Анна сама неоднократно подчеркивала, она воспитывалась бабушкой – глубоко верующей меннонитской, что наложило отпечаток на её характер на всю жизнь.

Меннониты в своей повседневной жизни почти аскетичны. Они не потребляют вино, табак, у них запрещены танцы, как и светская служебная карьера, военная служба. Девушки, словно по древнерусскому «Домострою», подготавливаются исключительно к семейной жизни. Они учатся шить, латать, вязать, штопать, готовить, элементарным навыкам ухода за больными, то есть всему, что необходимо в семье.

Она стеснялась появляться перед публикой, стеснялась своего высокого роста и… своего голоса, который всё и всех отодвигал в тень и выделял её среди других людей. Со временем она преодолела некоторые из этих комплексов, действовавших как тормозные колодки для её таланта, но скромность, которую в ней так любили, осталась.

Ей не требовалось стимулирующих напитков. Сама музыка, песня были одновременно и предметом, и средством её вдохновения. По-женски мягкая, домашняя, добрая и кроткая – такой она осталась в моей памяти. Но какая душевная, моральная сила скрывалась за этой кажущейся мягкостью! Физическое возрождение после катастрофы в Италии, возвращение на эстраду, рождение сына, соединение обязанностей артистки, супруги, матери и дочери, муки болезни, мучившей Анну последние месяцы. Ни стонов, ни жалоб. Она всё ещё надеялась, что сможет вернуться на эстраду, хотя и знала страшное определение болезни.

Анна Герман нам не преподносила надуманных чувств. Её голос и она сама были самой чистой и высокой художественной и человеческой правдой, и поэтому её голос красив, и всё её творчество прекрасно.

Часть II. Из истории семьи Анны Герман по отцовской линии

Появление рода Германов в России

Это было в солнечное воскресное утро 23 мая 1819 года, когда 34-летний ткач, винодел и учитель Георг Фридрих Герман после проникновенной утренней молитвы со своей супругой Евой Розиной и пятью детьми поднялся на повозку, покрытую тентом, схватил вожжи и тронул лошадей оптимистическим «Но-ооо!». Витценхаузен со своими виноградниками севернее Людвигсбурга в прекрасной долине Некара скрылся за горизонтом. (Речь идёт о родовом гнезде фамилии Германов – Winzerhausen, небольшой деревне, расположенной недалеко от Ludwigsburg – немецкого города, расположенного в земле Баден-Вюртемберг. Neckar – протекающая в той местности река. – *Прим. авт.)*.

Эмиграция вюртембергских швабов, к которым принадлежал и прапрадед Ойгена Германа (отца Анны Герман) Георг Фридрих Герман, была вызвана как материальными (неурожай, голод), так и религиозными причинами, причём последние были более вескими: лютеране-сепаратисты не были согласны с нововведениями в Литургии, в школьном деле и в текстах духовных песен. Они подозревали, что их собираются вернуть в лоно ненавистной католической церкви. В памяти народа всё ещё не сгладились ужасы Тридцатилетней войны (1618–1648 годы), которая была развязана по религиозным причинам.

Переселенцы дошли до речки Молочна на юге Украины, где были расквартированы в немецких колониях, основанных уже раньше. Через три года после их прибытия им наделили землю – по 60 десятин на хозяйство. Наши предки вместе с другими переселенцами основали колонию (село) Нейгофнунг (Neuhoffnung), состоявшую из пятидесяти хозяйств. Она находилась в долине реки Берды, на её восточном берегу, напротив казацкой станицы Новоспасская. Итак, семья Герман поселилась в Нейгофнунге, где до 1941 года находилось три двора этой фамилии. Село стоит и сегодня, но со времён войны носит наименование Ольгино (*ныне это территория украинского Запорожья.* – Прим. авт.).

Семьи были многодетны: Георг Фридрих, первый Герман в России, имел десять детей, его сын Вильгельм Фридрих столько же, наш дед Эдуард – двенадцать, и наш отец – девять.

Наш дед (прадед Анны Герман) Эдуард Герман, родившийся в 1852 году и потом выросший в Бердянске, был первым в нашей прямой родословной, который родился в России. Так выглядят факты, касающиеся предков Анны Герман с отцовской линии.

Эдуард Герман и Элеонора Янцен поженились, когда они материально уже были подготовлены к семейной жизни. Она приняла вероисповедание мужа и стала лютеранкой (была

меннониткой). Муж и жена должны были ходить в один молельный дом.

Скоро для жителей Нейгофнунга земли стало не хватать, и в 1905 году Эдуард с семьёй покинул родное село и подался в Западную Сибирь, где десятина земли стоила пять рублей. Недалеко от Петропавловска Эдуард Герман основал свой хутор, который и сегодня, почти через сто лет, называют Германовкой (ныне это территория Северного Казахстана. – *Прим. авт.)*. На этом хуторе дед сначала построил ветряную, потом мельницу с мотором, единственную в округе.

Родители Ойгена (Евгения) Германа

Семья Германов: в центре – Фридрих Герман и его жена Фрида, дети: Артур, Вильгельм, Луиза, Рудольф, Давид, Берта, Ольга, Евгений (отец Анны). Из личного архива Артура Германа

Наш отец имел голубые глаза, тёмные волосы, рост в два метра – в сажень по-тогдашнему – и уже этим самым отличался от своих коренастых, крепко сложенных братьев. Чтобы не уступать им в физической силе, он каждый день носил телёнка вокруг хутора. Телёнок тяжелел, и мускулы отца укреплялись. В остальном у него к крестьянскому труду не было пристрастия. Он был любознательным юношей и прочитал все книги, которые можно было найти у соседей. Нередко его заставали врасплох при чтении в каком-нибудь укромном месте: крестьянину не к лицу читать, он должен работать.

«Из него должен получиться пастор», – сказал однажды наш

дед, и тем самым судьба сына и его будущей семьи была решена. Он привёз нашего будущего отца Фридриха в Мариуполь, где тот окончил Центральшуле (Центральную школу), что удавалось далеко не всем крестьянским детям.

А вот семья нашей матери Анны Баллах (в замужестве с Фридрихом Германом она стала Анной Герман. – *Прим. авт.)* происходила из Западной Пруссии. В Россию Баллахи переселились в 80-е годы XVII века, то есть с первым потоком меннонитов в Южную Украину. Они участвовали в основании колонии Йозефсталь *(Josefstal, сейчас не существует.* – Прим. авт.) недалеко от Запорожья в 1787 году. В 1904 году четверо братьев Баллахов с семьями переселились в Западную Сибирь, где нашли дешёвую и плодородную землю. Когда завертелись жернова мельницы Эдуарда Германа, Баллахи к ним стали приезжать, чтобы смолоть пшеницу или рожь. Потом они стали приглашать друг друга на воскресенья, и во время одного такого визита наш будущий отец познакомился с Анной, дочерью Вильгельма, которая была на три года его моложе. Она его пленила своим весёлым открытым нравом, а ещё больше своим красивым голосом и уж совсем не в последнюю очередь – своей великолепной толстой косой, достававшей до бёдер, на конце которой болтался игривый белый шёлковый бант.

Баллахи были очень музыкальны. Один из дядей, Вениамин, пятнадцать лет руководил сибирским хоровым объединением баптистских общин, устраивал хоровые праздники, в которых принимали участие многие хоры. Под влиянием своих зятьёв семья нашего отца приняла баптистское вероисповедание. Когда Фридрих и Анна (дедушка и бабушка Анны Герман) поженились, ему было 21, ей 18 лет.

В 1906 году отцу представилась возможность стать проповедником. С молодой женой и дочерью Бертой он поехал в Лодзь, в то время находившуюся в составе Российской Империи, и поступил в семинарию по подготовке баптистских проповедников. Там во время учёбы отца родился Вилли, а через полтора года последовал и Ойген. Через тридцать семь лет этот факт сыграет важную роль для Ирмы, матери Анны Герман, и её семьи: Ойген, он же Евгений Герман, родился в Лодзи, якобы в Польше, но на самом деле в государстве, которого в то время просто не существовало. Формально Ойген родился в Российской Империи.

Отец Анны Герман

Ойген. По-русски Евгений. А в семье Ойген (Eugen).

Евгений Герман, отец Анны

Мать наша умерла от тифа летом 1923 года. Старшие братья Вилли, Ойген и Давид, а также сестра Берта либо работали, либо ещё учились и редко появлялись дома. Вилли и Ойген выучились бухгалтерскому делу в Гальбштадте (*Halbstadt, с 1915 года город Молочанск.* – Прим. авт.), культурном и учебном центре меннонитов на Украине на реке Молочна, но призванием Ойгена была музыка. Двадцатилетним юношей он руководил общинным хором во Фридрихсфельде (*Friedrichsfielde, ныне село Золотарёвка Ипатовского района Ставропольского края.* – Прим. авт.) на

Северном Кавказе, где отец был проповедником. Сам он имел чудесный голос, унаследованный от дядей Баллах и от матери. Он играл на скрипке, на фисгармонии, а позже и на фортепиано – сначала по цифровой системе, затем через самообразование и по нотам.

В 1929 году отец был арестован как священник и осуждён на пять лет лагерей. Через полтора года он умер в лагере близ Плесецка в Архангельской области.

Вилли и Давид (третий брат) нелегально перешли польскую границу и направились в Восточную Пруссию. Спасаясь от пограничного разъезда, оба брата пролежали некоторое время в пограничном рве, наполненном холодной дождевой водой. Давид заболел, и Вилли дотащил его до германской границы буквально на себе. Давид умер от менингита, Вилли похоронил его в Хайлигенбайле (ныне городок Маммоново, недалеко от Калининграда. – *Прим. авт.)*

В то время Ойген работал бухгалтером на фабрике-кухне одного угледобывающего комбината на Донбассе. Хора общины уже не было, жизнь становилась безрадостной, музыкальные способности Ойгена оказались невостребованными. Иногда он заходил в клуб комбината, слушал, что участники самодеятельности пели или играли. Это были не его песни, не его музыка. Советская действительность всё властнее проникала во все сферы жизни. Постепенно он был втянут в попойки начальства. Нередко он являлся домой подвыпившим, и его жена Альма, дочь того регента, у которого Ойген учился, с глубокой грустью видела, что муж от неё и от маленького сына всё больше отдаляется. Но она не знала, что он нужен этой компании ещё (и главным образом) для того, чтобы сводить дебет с кредитом. И он это делал, всё глубже залезая в государственный карман. Внезапная ревизия вскрыла значительную недостачу, и Ойген оказался перед неминуемым арестом. Придя домой, он, бледный и растерянный, собрал всё самое необходимое в портфель и сказал Альме, что должен немедленно уехать, но скоро вернётся. Больше она его никогда не видела.

Правонарушения, подобные тому, которое совершил Ойген, в то время наказывались двумя-тремя годами тюрьмы или лагерей. Но Ойген хорошо знал, что он не обычный растратчик: отец был арестован как враг народа (хотя это определение вошло в обиход несколько позже), два брата «предали социалистическую Родину», Вилли жил в фашистской Германии. Для него арест означал бы «высшую меру» – смертную казнь. Поэтому он решил найти тропинку через горные хребты Средней Азии.

До отрогов Тянь-Шаня в Узбекистане дорога была длинная и

опасная. Если он находился в розыске, он в любой момент мог услышать роковые слова: «Предъявите документы», после чего его бы отвезли туда, откуда он приехал, но уже в наручниках и под охраной. До Узбекистана он добрался, но граница для него осталась недоступной. Однако он надежду не терял и решил устроиться на работу, чтобы получше изучить окрестности. Тут на грани отчаяния, в полном одиночестве, среди чужих людей он совсем случайно встретил молодую Ирму, с которой он мог говорить не только на родном немецком языке, но и по-голландски, то есть на Plattdeutsch (пляттдойч) – нижнегерманском диалекте, которым Ойген владел с детства. И какие дуэты они пели под аккомпанемент Ойгена на гитаре!

На этом месте я предоставляю слово самой Ирме, которая в письме ко мне от 7 декабря 1989 года пишет: *«Мы с мамой жили в Чимионе под Ферганой на нефтепромысле. Я работала в школе. Однажды появился Евгений – он работал в конторе. Мы познакомились и „поженились“* (кавычки Ирмы. – *Прим. авт.). Когда Киров был убит Сталиным, Женя страшно запаниковал. Поговаривают, будто разыскивают убийцу. Однажды местная телефонистка мне сказала: «Спрашивали вашего мужа». – «Зачем?» – «Так ведь Кирова убили!» – «Но что у моего мужа общего с этим делом?». Затем мы решили бежать в Ургенч. Там Женя работал в торговле, я – в школе».*

Погибшие члены семьи Анны Герман по отцовской линии:

Фридрих Герман (отец Евгения, родной дед Анны Герман) – в 1929 году был арестован и осужден на 5 лет лагерей. Умер в лагере близ Плесецка 6 мая 1931 года.

Анна Герман (в девичестве Баллах) (мать Евгения, родная бабушка Анны Герман) – умерла от тифа в 1923 году.

Фрида Герман (вторая жена Фридриха) – репрессирована как жена священнослужителя.

Давид Герман (брат Евгения, родной дядя Анны Герман) – умер от менингита в первой половине 30-х годов. Похоронен на немецком кладбище в Хайлигенбайле (ныне город Маммоново Калининградской области).

Рудольф Герман (брат Евгения, родной дядя Анны Герман) – был арестован и скончался в лагере (ориентировочно в 1939 году).

Годы сталинских репрессий пережили:

Вильгельм Герман (брат Евгения, родной дядя Анны Герман) – в 30-е годы бежал в Германию. Умер и похоронен в

Германии в 1991 году.

Артур Герман (брат Евгения, родной дядя Анны Герман) – в 1939–1946 годах находился в заключении в лагерях, в 50-е годы жил и работал в Караганде, Алма-Ате, в 70-е годы – в Целинограде, последние годы жизни провёл в Германии в городе Мешеде. Скончался в декабре 2011 года в немецком городе Виттенберг.

Луиза Герман (сестра Евгения, родная тётя Анны Герман) – была осуждена, в 70-е годы жила в Казахстане в Целинограде, последние годы жизни провела в Германии.

Берта Герман (сестра Евгения, родная тётя Анны Герман) – в советские годы жила в село Солнцевка в Сибири (Омская область, Исилькульский район), организовала там хор запрещённой общины Евангельских христиан-баптистов.

Ольга Герман (сестра Евгения, родная тётя Анны Герман) – в советские годы жила в Луговом (Казахстан).

Рудольф Герман (сын Евгения от жены Альмы Герман, сводный брат Анны Герман) – работал в школе № 33 Ленинского района города Павлодар (Казахстан), скончался в 1985 году.

Ирма Мартенс (Бернер), (Варшава) Воспоминания матери Анны Герман

30 января 2007 года в Варшаве в возрасте 97 лет ушла из жизни пани Ирма Мартенс. При жизни так и не осуществилась её мечта опубликовать собственную книгу воспоминаний, в которой она хотела рассказать о своих фамильных корнях, о судьбе своей семьи и о своей знаменитой дочери. Такая книга вышла только в 2014 году в Варшаве. Она включила в себя воспоминания пани Ирмы, фрагменты её дневниковых записей.

Ирма Мартенс, мама Анны

Судьбу этой женщины нельзя назвать лёгкой. Опубликованные воспоминания говорят сами за себя и не нуждаются в дополнительных комментариях. И хотя в эту книгу вошли лишь

избранные фрагменты воспоминаний, касающиеся в основном детских лет Анны Герман, жизни её семьи в СССР, в каждой строке читаются судьбы десятков тысяч «нерусских» семей, российских немцев, живших на территории СССР в страшные предвоенные и военные годы. Этих людей называли «спецпереселенцами», тысячи из которых бесследно исчезли в сталинских лагерях, а многие погибли на работах в трудовой армии.

Судьба большинства родственников Анны Герман в СССР оказалась трагической. Детство будущей великой певицы было наполнено горем, скитаниями, голодом, холодом и расставаниями с близкими людьми… Воспоминания матери Анны Герман – это воспоминания самого близкого и родного Анне человека. И это единственный источник, откуда мы можем почерпнуть историю детства великой певицы.

Эти воспоминания не только отражают саму эпоху, но и позволяют читателю проникнуться духом семьи Анны Герман, атмосферой, в которой она воспитывалась. Доброта, честность, скромность, духовность – качества, о которых говорят почти все герои этой книги – имеют свои корни. И эти корни – в семье Анны.

Мать Анны Герман происходила из голландского рода из Фризии, появившегося в царской России в середине XIX века. Предки Анны Герман по материнской линии – голландские меннониты, последователи религиозного течения, основателем которого был католический монах Менно Сименс (1496–1561 годы). Меннониты, оказавшиеся в России, образовали колонии на Днепре, на Дону, на Волге, в Сибири, на Кубани, в Средней Азии. Особенно благоволила к меннонитам царица Екатерина II, давшая им многие привилегии.

Ирма Мартенс родилась 15 ноября 1909 года в основанной меннонитскими переселенцами колонии Великокняжеское (на Кубани), в семье Давида и Анны Мартенс. В 1928–1929 годах Ирма работала учительницей в меннонитской деревне Редкая Дубрава в Сибири, в 1929–1933 годах училась в Одесском государственном педагогическом институте на отделении немецкой филологии литературного факультета, получив официальное право работать преподавателем немецкого языка и литературы в средней школе. В 1933–1934 годы Ирма работала в немецкой школе посёлка Цебриково (Одесская область).

В 1934 году в жизни семьи Ирмы наступили чёрные времена. Тому, что тогда творилось в СССР, трудно дать оценку. Спасаясь от преследования советской власти, лишившись возможности проживать в родном селе, Ирма вместе с матерью и младшей сестрой Тертой спаслась бегством в Среднюю Азию. В этом же году в узбекском селении Чимион она познакомилась с немцем Евгением Германом (Eugen Hermann). Боясь преследований и

репрессий, Ирма и Евгений уехали в город Ургенч, почти на границу Узбекистана и Туркменистана, где она устроилась работать в среднюю школу им. Н. К. Крупской, а он – бухгалтером на хлебозавод…

Далее предоставляем слово самой Ирме…

И. И.

* * *

«Я пишу о своей семье, об Ане, о нашей жизни. Пишу не для славы, таких историй уже рассказано немало. Время было страшное, о нём сейчас могу сказать так: это был государственный террор против народов, населявших Россию».

«Воспоминания мои отнюдь не радостные, а если и есть в них радость, то её блеск настолько слаб, будто это солнечные лучи, закрытые тяжёлыми тучами или окутанные мглой».

Из дневника Ирмы

Отец Анны

Ирма Мартенс и Евгений Герман, Ургенч, 1936 год

…Евгений Герман… Это был высокий, стройный, красивый мужчина с серо-голубыми глазами и вьющимися тёмными

волосами. Он был хорошо сложен, характер имел спокойный, был уважаем в обществе. Владел несколькими языками, был очень начитан. Знал наизусть много стихов, играл на скрипке, гитаре и мандолине. Будучи человеком глубокой веры, Евгений некогда был регентом в евангелическом хоре. Познакомившись, мы общались между собой на трёх языках: на пляттдойч, на немецком и на русском. Нас многое объединяло.

Нашу непростую жизнь зачастую украшала музыка, мы устраивали домашние концерты: Женя играл на мандолине, я на гитаре, и мы вместе пели старую немецкую песню:

Я заблудился в грустных снах
И проснулся на покрытой розами поляне…
Но сны закончились, улетели…
Осталось только воспоминание о них
И мысль, что жизнь – это всего лишь сон…

Однажды Женя поведал мне, что убежал с Донбасса на Украине, где его фамилия оказалась в «чёрном списке». В Средней Азии хотел найти покой и безопасность…

Жили мы очень скромно, много работали, но нам было хорошо вместе. Хотелось надеяться, что никто не узнает о причинах бегства Евгения в Среднюю Азию. Но счастье и желанный покой не были долгими…

Во времена сталинского всевластия и провокаций каждый житель в СССР мог быть признан виновным. Мы жили, ощущая эту опасность. И тогда мы решили уехать туда, где нас никто не знает – далеко, далеко! Забрав мою маму и сестру, мы поехали в Ургенч, где после службы в армии работал зоотехником мой младший брат Вильмар.

Найти жильё там было невозможно, поэтому мы сняли комнату в глинобитном домике с окном в потолке. Это жильё было очень неудобным, но мы радовались тому, что были вместе, и думали, что находимся в безопасности.

Появление Анны на свет

14 февраля 1936 года у нас родилась дочка. Мы ей дали имена Анна и Виктория. Нашей радости не было конца. Анечка родилась большим и здоровым ребёнком. В роддоме её положили возле меня на кровати, покрыв головку белой косынкой. Из больницы я написала маме записку: «Она выглядит как маленькая колхозница». Всю одежду для ребёнка сшила моя мама, о коляске тогда и не думали.

Через несколько дней приехал Евгений и забрал нас в новый

лучший дом. Он тоже был глинобитный, но зато с нормальными окнами. Хорошо помню тот дождливый и пасмурный день, когда я всю дорогу укрывала Анечку от дождя. В зимнее время в тех краях особенно дождливо. Так началась наша новая жизнь.

Вскоре я вернулась на работу. Мне во всём помогала мама – счастье моей жизни и помощь в каждом деле. Мама приносила Анечку в школу, чтобы я могла её накормить. Она носила её на руках, закрывая пелёнкой от солнца и ветра. Моя любимая мама, без тебя я бы не справилась с трудностями жизни! Когда мама заходила в школу, узбекские дети кричали: *«Опа! Опа! Ойингиз кельды! Сизнинг кизингиз джуда чиройли!» («Сестра! Сестра! Ваша мама пришла! Ваша дочка очень красивая!»)*.

Через несколько месяцев мы снова переехали в новое жилище, на этот раз построенное мужем и братом во дворе пекарни, где работал Евгений. Наши дни в Ургенче были довольно спокойными, но местный климат не подходил Анечке: летом там было очень жарким, солнце сильно нагревало глину и песок.

Пришло жаркое лето 1937 года. Аня заболела, ей было полтора года. Я вынуждена была поехать с ней в Ташкент лечиться. Мы собрались всей семьёй, с нами поехал и мой брат Вильмар. Диагноз врача – тиф! От Анечки оставался уже один скелетик. Нужно было оставаться с ребёнком в Ташкенте. Мы наняли жильё в старой части города у узбека. Когда хозяин увидел Аню, он сказал: «Это точно тиф, сейчас принесу вам лекарство». Он дал мне плод граната, шкурку которого по его рецепту нужно было залить тремя стаканами воды и варить, пока не останется один стакан. Этот напиток мы давали пить Ане. Мама сделала всё, как сказал доктор, а ещё она выжимала сок из маленьких виноградин и давала Ане, которая пила его с удовольствием. Потихоньку доченька начала выздоравливать, и у нас затеплилась надежда! Вскоре Аня уже попросила еду – она была голодна.

Ирма и Евгений с дочерью Анной и бабушкой Анной Мартенс, 1936 год

Евгений и Вильмар собрались обратно в Ургенч, мы попрощались, будучи уверенными в том, что скоро они переедут к нам в Ташкент насовсем. К тому времени, сентябре 1937 года, я получила работу в средней школе № 42 им. В. И. Чапаева.

Арест Евгения и Вилъмара

Когда Евгений и Вильмар вернулись в Ургенч, там началась волна репрессий. Обоих арестовали. Боже мой! Боже! Чёрные тучи нависли над нами! Как же страшно и печально мне тогда было. Я ждала в ту пору второго ребенка, еле ходила.

«Я не зарабатываю столько, чтобы мы прожили вчетвером. Я должна была продавать то, что ещё оставалось… Мама, что же будет дальше? – Господь нам поможет, не убивайся так, ты же беременна…»

«Хожу по управлениям, уже на последнем сроке беременности. Где Евгений? За что? В коридоре висит список в алфавитном

порядке: когда и кто может встретиться с прокурором и узнать о судьбах арестованных…»

Из дневника Ирмы

Я пошла к прокурору, тяжело дыша, вот-вот должна была родить. Может, хоть здесь услышу хорошую весть об арестованных? Я спросила, где мой муж Евгений Герман и брат Вильмар Мартенс. В ответ услышала:

– Ваш муж сослан на десять лет без права переписки.

– За что? За что?!

Мне не ответили…

– Я могу к нему поехать?

– Нет…

О судьбе брата тоже не узнала ничего конкретного. Позже оказалось, что тот приговор был, по сути дела, смертным приговором. В паспорте Евгения было написано, что он родился в Польше, в городе Лодзи – и этого факта хватило, чтобы его арестовали и расстреляли. В тот момент, когда я была у прокурора, Евгений уже был мёртв…

Я еле дошла домой после визита к прокурору. Рассказала маме и сестре о состоявшемся разговоре. Никто не задал ни одного вопроса. Так мы и сидели, молча вчетвером, убитые горем. Положение было безвыходное, мы не представляли себе, каким будет завтрашний день. И упаси боже кому-то пожаловаться: мы были абсолютно бесправны!

Фридрих – брат Анны

26 февраля 1938 года. Опоздавшая карета «Скорой помощи» везла меня в больницу. Маме разрешили ехать со мной. Не успели мы отъехать, как пришлось остановить машину – начались роды. Я родила сына прямо на улице. Это была огромная радость! Сын родился крупным и здоровым мальчиком, весил больше четырёх килограммов. Мы дали ему имя Фридрих. Увы, Евгений так и не узнал, что у него родился сын. Позже мы шутили, что, когда сынок пойдёт в армию, должен будет написать в анкете: «Родился в Ташкенте на улице». Биография в СССР всегда должна была быть очень подробной.

Москва слезам не верит

Однажды я услышала, что в Москве есть контора, где можно попытать счастья – узнать информацию об арестованных со всего СССР. Я представила себе огромный дом, где находится картотека

сведений о миллионах арестованных, сосланных и расстрелянных. Я решила поехать в Москву, оставив двух своих малышей под опекой мамы и сестры. Конечно же, я ничего там не узнала… «Вы из Ташкента? Там и ищите!».

На обратном пути в поезде я разговорилась с проводницами, угостившими меня чаем и хлебом. «Не плачь, – сказали они мне, – ты молода, а Москва слезам не верит. Разве ты не знаешь этого? Приезжай к нам в Сталинск (*ныне Новокузнецк. – Прим. авт.)*. Вокруг тайга и недалеко оттуда лагерь на 18 000 заключённых. Может, и твои там? Пойдёшь и узнаешь!».

Вернувшись домой, я рассказала об этом маме и сестре, и мы решили все вместе поехать в Сталинск. К тому времени мой сын начал болеть, сказывался местный климат: в Ташкенте летом было очень жарко! В августе 1939 года я уволилась с работы, взяла детей, маму и сестру и поехала в Сибирь искать мужа и брата.

Сибирь. Лагерь. Поиски

Чем дальше мы уезжали от жарких районов Узбекистана и Казахстана, тем лучше чувствовал себя мой сыночек. Какое счастье, что и Анечка была вполне здорова! Возле Новосибирска Фридрих начал улыбаться!

Приехали мы в маленький городок Осинники, я устроилась на работу в школу № 30. Удалось найти и жильё – две комнаты и общая кухня. Мы жили вместе с семьёй местного машиниста.

Нужно было ехать в лагерь как можно скорее, пользуясь коротким летом. Специальная железнодорожная ветка шла через тайгу, поезд состоял из паровоза и одного вагона. На конечной станции (как и всю дорогу) я не увидела ни одной постройки. От поезда в лагерь была лишь проложена дорога. В канцелярию лагеря я пришла с посылкой. Разговор был коротким, официальным: «Если ваши действительно в лагере, то посылку передадим, а свидания не получите! Всё!».

Я, боясь проронить даже слово, бесцельно бродила по территории, не зная, что дальше делать. Тут я встретила мужчину, который поинтересовался, кто я и что тут делаю. Наверняка он подумал: какая же она наивная, ещё чего-то здесь ищет! Я рассказала ему, зачем приехала, на что он ответил: «Я своё уже отсидел, вызвал жену из Крыма и работаю здесь. Я помогу вам увидеть списки сосланных».

В большом волнении я ждала вестей от него, и наконец он пришёл: «Ваш брат Вильмар Мартенс находится в восьмой колонии, а Евгения здесь нет. Если есть деньги, я могу привезти вашего брата в центр лагеря, а вы придёте туда под видом

санитарки».

Слава Богу, я не решилась на это. Я не смогла бы хорошо сыграть эту роль, была слишком молода для такой «конспирации»: увидев брата, я бы заплакала, меня бы оставили там лет на десять и обвинили бы в шпионаже. Да и тот человек пошёл бы из-за меня на второй срок…

Мама очень обрадовалась, что её сын жив, и, когда настала зима, она сама поехала в лагерь с посылкой для Вильмара. Ей, как и мне, свидания не дали…

«… Я работала в школе, было очень тяжёлое время. Толпы людей стояли в очередях, в школьном буфете я покупала булочки детям… Так и протекала наша жизнь. Зимой было минус 30 градусов; мама ещё раз поехала в лагерь в надежде всё-таки увидеть своего сына. Но нет, добрый мужичок крикнул в окошко: „Мать, свидания не получишь! Уезжай! А посылку передадим!“».

Из дневника Ирмы

Ирма с мамой и детьми Аней и Фридрихом в Осинниках

Новый год в школе в Осинниках

Пришёл 1940-й год. Новый год встречали в школе. В центре большого класса физики и химии нарядили прекрасную ёлку. Я пришла на праздник с моими малютками. Посадила их вместе:

пусть любуются нарядной ёлкой со светящимися гирляндами, пусть слушают, как поют другие дети! В одну из таких минут Аня обняла своего братика и поцеловала. Моё сердце сжалось. Боже мой! Мои сироты! Подумала о Евгении: «Любимый! Тебе не суждено увидеть своих детей!». А они были весёлые и радостные в тот вечер. Смеялись и баловались, не зная, что их ожидает впереди!

Смерть Фридриха

Весной 1940 года мама, взяв Анечку и Фридриха, поехала обратно в Ташкент. Я с сестрой Гертой осталась в Осинниках: нужно было доработать до конца учебного года. Расставаясь с детьми, я думала, что в Ташкенте им будет лучше.

Но в Ташкенте дети заболели скарлатиной, их забрали в больницу. Я получила телеграмму от мамы: «Срочно приезжай, дети больны». Пришлось немедленно уехать, не получив разрешения в школе. Всю дорогу меня не покидали мрачные мысли, я всё время думала о состоянии моих детей. Через пять дней я приехала в Ташкент. Когда вошла в дом, увидела только Анечку. Мама в слезах прокричала: «Сыночек умер!».

Крик и плач! От горя я не могла произнести ни слова, молча опустилась в кресло. Анечка, бледная после болезни, тихонько уселась мне на колени.

Я прижала её к себе…

Отойдя от первого шока, мама рассказала, как это случилось. Детей уже готовили к выписке из больницы, мама в назначенный день принесла одежду, но когда вошла в палату, то увидела, что Фридрих лежит мёртвый. Похоронить его она должна была немедля, так как было очень жарко. Она наняла узбека с маленькой повозкой, запряжённой осликом, и так гробик отвезли на кладбище. Отпевать было некому, мама помолилась сама…

В Осинники я больше не вернулась. К счастью, мне удалось вновь восстановиться на работе в той самой школе в Ташкенте, где я работала перед выездом в Сибирь.

* * *

…Шло время, я продолжала работать. Жили мы тихо и спокойно. Анечка, подрастая, была спокойным ребенком, никогда ничего не просила. Когда ей исполнилось 4 годика, я пошла с ней в магазин игрушек: «Аня! Я куплю тебе игрушки!».

В магазине она выбрала только одну игрушку. Я хотела купить ей больше, но этот маленький мудрый человек сказал:

«Нет, мама, достаточно».

И поцеловала меня в руку. Так было всегда.

Выселение

Но горе вновь ждало у порога. Однажды студент, поляк Владислав Краузе, передал мне через свою девушку новость, что моя фамилия есть в списках людей, которых готовятся арестовать. Меня объял страх. Что будет с мамой, Аней и сестрой? Обычно в таких случаях детей отрывали от матерей и отдавали в детские дома, меняя им не только фамилии, но и имена. В январскую ночь 1942 года меня разбудил стук в дверь.

– Кто там?

– Откройте!

В дверях стоял мужчина в военной форме.

– Кто здесь хозяин?

– Я, Ирма Мартенс. Со мною проживают Анна Мартенс, Герта Мартенс и дочка Анна.

– Ваша прописка аннулируется. Вас выселяют.

Я закрыла дверь, застыв в неподвижности. Что делать? Вдобавок мамы и Анечки не было дома, они несколько дней назад уехали в Фергану и не вернулись в запланированный день. Я дала телеграмму, но никто не ответил. Вскоре мама приехала: она вошла в дом с выражением страха на лице, измученная и изможднная. Оказалось, в Фергане не было билетов, мама была вынуждена ждать несколько дней. И, придя в очередной день на вокзал, она увидела пустой вагон, готовый к отправлению. Билетов так и не было и мама, прижав к себе Анечку, зацепилась на подножке. Поезд тронулся, набирая скорость. «Нельзя! Это запрещено!» – кричали проводницы, а мама не отпускала Анечку и кричала: «Я должна! Должна! Вагон ведь пустой! Пустите!». Наконец дверь вагона открыли, и прямо на ходу мама запрыгнула в вагон. Мне стало страшно от одной только мысли о том, что могло случиться, пока они ехали на подножке поезда. Господи! Что пережила Анечка!

Ирма с Анечкой

На грани жизни и смерти

Почти сразу нас вывезли товарными вагонами с группой переселенцев из Ташкента за Бухару, в округ Рометан. Там не было работы, не было еды, жили мы в землянке, ютясь вшестером с чужими людьми. Я нашла работу учителем в 15 километрах от места нашей ссылки. Это была маленькая школа, где училось очень мало детей. Я не понимала узбекского языка, а ученики не понимали ничего, кроме своего родного языка. Единственная еда, которую я получала, – кусок ржаного хлеба. «Нет! Я не буду тут работать!».

Я ушла из школы, пешком шла 15 километров до Рометана. В царившем тогда хаосе и беспорядке это было несложно.

В Рометане мы были на грани жизни и смерти. Аня заболела, я сидела возле неё и читала ей сказки. Она всё время говорила: «Мамочка, читай, только читай!».

Так она забывала о чувстве голода, которое её не покидало. Она не просила ни пить, ни есть, а моё сердце обливалось кровью. Но вскоре Анечка выздоровела, и мама сказала: «Возьми Анечку и убегай в Киргизию!».

Благодаря нашим давним контактам с потомками

меннонитов мы знали о существовании там села Орловка. Я послушалась маму.

Киргизия. Орловка

В Орловке (ныне село Ак-Добо. – *Прим. авт.)* я столкнулась с хорошим отношением ко мне директора местной средней школы. Он взял меня на работу и предоставил жильё. Мы поселились с Анечкой в маленькой комнатке, и в эту школу Анечка пошла в первый класс. У нас не было еды, в комнате было очень холодно, нечем было обогреться – не было печки. Двери закрывались очень плохо, и, вдобавок ко всему, меня обокрали сразу по прибытии в Орловку

В Киргизии находились также польские переселенцы. Среди них был молодой мужчина Герман Бернер (по сохранившимся документам этого человека звали Герман Маркусович Гернер, но в силу ряда причин Ирма изменила впоследствии фамилию Гернер на Бернер, скорее всего, цель этого – «уловка» для спасения жизни семьи. – *Прим. авт.),* который работал в этой школе учителем. Директор школы нашел его в каком-то кишлаке и забрал в Орловку. Наверняка это спасло его, ведь в кишлаке жилось очень трудно. Герман хорошо знал немецкий и английский языки, был выпускником иезуитской гимназии. Мы подружились.

СПИСОК ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ШКОЛЫ

Уникальный документ – список преподавателей школы в Орловке. Среди учителей – мама Анны Герман

В Орловке было спокойно, однако жилось очень бедно. Часто у нас с Анечкой не было что поесть. Тогда Герман делился со мной тем, что ему удавалось достать. Однажды он сказал мне: «Знаешь, когда я смотрю на тебя, то словно тёплый ветер пролетает над этим селом».

Там, в Орловке, мы вскоре поженились, однако несчастье нашло меня и здесь. Пришел приказ о том, что меня мобилизуют в трудовую армию, и я должна оформиться в районном центре в Ленинполе. Мною овладело отчаяние! Что будет с Анечкой? Но я не в силах была что-то изменить. Герман тоже не мог. Со мной поступили грубо и жестоко. Не посчитались с тем, что Анечка совсем маленькая. Не забуду этого никогда!

Трудовая армия

Мне дали маленькую повозку, на которую я усадила Анечку, а сама пошла пешком. Я задавала себе вопрос: что теперь будет? Куда меня пошлют? А Аня, словно предчувствуя новые трудности, начала петь грустную песню:

Мы простимся с тобой у порога,
И, быть может, навсегда…

О чем пело моё дитя? Слово предчувствовало какую-то большую беду. Но… Вскоре мы были на месте, я оформилась в райцентре (*Ленинполь, ныне Бакай-Ата.* – **Прим. авт.**) Кругом было очень много женщин и конной милиции. И вновь сорвался с уст вопрос: «Боже! Что с нами будет?».

Анечку я отдала знакомой женщине. Как она страшно тогда кричала и плакала! Иногда мне кажется, что я и сейчас вижу и слышу тот её крик и плач. Женщина, которая взяла под опеку Анечку, воспитывала своего ребенка и ещё троих детей своей сестры.

Кругом царил переполох. Мне казалось, что горестные крики Ани, отзвуки её плача смешались с гвалтом толкающихся людей, с ржанием милицейских коней. Я думала, моя голова расколется от этого ужаса пополам! Я это помню до сих пор, и нет слов, чтобы об этом писать.

Никто не знал, куда нас повезут. В Джамбуле всех с криками запихивали в товарные вагоны. В толкучке, голодные и не выспавшиеся, мы доехали до станции Чимион, недалеко от того места, где я когда-то жила. Я благодарила Бога за то, что нас не вывезли в Сибирь!

Я работала на строительстве железной дороги. Спали мы в большом караван-сарае – там, где узбеки останавливались со

своими ослами, когда приезжали на базар. Сарай тот был разрушенный, протекала крыша, было очень много насекомых, а особенно много больших пчел. Я не могла там спать, поэтому пошла на улицу, где был свежий воздух. Увы, закончилось это плохо: у меня украли одежду – плащ и ботинки. Я пришла в милицию:

– Помогите! Меня обокрали!

– Что украли? – спросил милиционер.

Я перечислила украденные вещи.

– И с этим ты пришла? Если бы украли корову, а тут тряпки! Уходи!

Я ушла. Осталась босая, без одежды.

Из трудовой армии нелегально я вернулась в Орловку. Мне удалось оттуда сбежать благодаря сердечности доктора, а также благодаря тому, что там было настолько много людей, что трудно было уследить за всеми. В Орловке меня уже ждала Анечка, привезённая опекуншей, и моя мама.

Возвращение к семье

Меня снова взяли на работу в школу. Первым делом нужно было позаботиться о своей одежде, которой после нескольких краж стало совсем мало. К тому же у меня не было денег. Тогда был дефицит бумаги, и мне пришло в голову выменять несколько блокнотов, припасённых до нашего бегства, на одежду. Так я стала обладательницей нового платья и деревянной обуви вместо обычных ботинок, старой солдатской шинели и шали для покрытия головы.

В комнатке, где мы жили, мама сделала печку, а сверху неё положила какую-то плиту. На ней мы готовили еду За работу в колхозе, которую я выполняла в свободное от школы время, я получала отруби. Мама пекла из них лепешки, как же это было вкусно!

С Германом мы были вместе недолго. Тогда поляков вербовали в формируемое на территории СССР Войско Польское. Некоторых из них, живших в Орловке, отправили к месту группировки военных, которые направлялись в Первую пехотную дивизию имени Тадеуша Костюшки. Герман тоже поехал туда, чтобы стать «костюшковцем». Я проводила его на железнодорожную станцию, и он, попрощавшись, сел в вагон. Это было наше прощание. (О дальнейшей судьбе Германа ничего не известно. Правдивы ли сведения о его службе в рядах дивизии им. Т. Костюшко – вопрос по сей день. Есть несколько версий о его дальнейшей судьбе, мы не будем их приводить, так как это не является целью нашего повествования. Факт остаётся фактом:

в 1943 году Герман Гернер покинул Орловку, и дальше его следы утеряны. – *Прим. авт.).*

Я решилась на кражу

В Орловке нам по-прежнему не хватало самых простых вещей: у нас не было дров, чтобы обогреть дом, было очень холодно. Что я могла сделать в таких условиях? Я решилась на кражу! Первый раз в жизни. Надеюсь, что Господу Богу не составит труда простить мне этот грех. Я украла колхозную солому. Это было очень рискованно – идти ночью в поля, но мне не оставалось ничего другого. Я шла, несмотря на жуткий страх. Та ночь была прекрасна: месяц светил на ясном лазурном небе, пучки соломы блестели, словно золото и серебро. Каждую минуту я прислушивалась… Не дай бог попасть в руки милиции или колхозного сторожа! Меня бы расстреляли! Я набрала большую охапку соломы, связала и понесла на плечах.

«Сижу и пишу, сейчас ночь, тишина… Месяц светит так прекрасно, я сижу у окна и смотрю на небо. Очень люблю такие ночи, летом они прекрасны – тихо, тепло, небо чистое, светят звёзды. Такое небо я видела в Киргизии, куда убежала от ссылки с Аней. Ночи были прекрасные и очень ясные. Ночью ходила красть солому на колхозное поле, а когда проходила через двор, какой-то мужчина дал мне серп…

Господи! Помоги мне! – сказала я по-голландски».

Из дневника Ирмы

Я всегда говорила, что не умею разговаривать с Богом на чужом языке. Я шла, гонимая страхом, через глубокий ров, потом через задние дворы села. Кругом царила тишина, я благополучно вернулась домой. Никто меня не схватил, и мы радовались, что теперь мы можем немного обогреться.

Пришла осень 1943 года. Анечка пошла в первый класс школы в Орловке. У неё не было ботинок, и я обвязывала ей ноги тряпками. Аня плохо себя чувствовала, начала болеть и была очень слаба.

Климат в Орловке, находящейся в предгорье, не подходил Ане. Доктор-карачаевец, переселенец с Кавказа (*по сохранившимся документам выяснилось, что доктора звали Байрамуков Юсуф Шаухалович.* – **Прим. авт.),** сказал, что Анечка больна и тут ей нельзя оставаться. Нужно сменить климат. Он меня понимал и поддержал. Это была единственная радость, которую я тогда испытала.

Переезд в Джамбул

Я почти сразу поехала в Джамбул. Оформилась в школе, которая располагалась при железнодорожной станции. Тут почувствовала себя лучше, так как никто не интересовался ни мною, ни моим прошлым. Мне разрешили переночевать в одном из пустых классов прямо на полу. На следующий день утром я поехала за Аней и мамой.

В Джамбуле мы сняли комнату с пустой кухней. Печку снова сделала мама – из перевернутого ведра. Теперь мы могли кипятить воду. Везде царил голод.

«Снова вспоминаю свою давнюю жизнь. Аня маленькая, приехали мы в Казахстан, на станцию Джамбул. Маленькая комнатка, в соседней комнатке жила эвакуированная еврейка с сыном. Я шла в школу на работу, а Аня оставалась дома одна, голодная. Господи, у меня перед глазами маленькая девочка-блондиночка, спокойная и милая. Нам было так тяжело. Война в самом разгаре, а мы с Аней и её бабушкой – враги нашей не-родины. К сыну нашей соседки приходил сын командующего Ревтрибунала – оказалось, что приглашали и Анечку, и она пела им своим прекрасным голосом. В комнате стояла печка, сделанная из ведра, но готовить было не из чего. Мое сердце обливается кровью, когда передо мной стоит моя маленькая девочка, всегда спокойная. Тогда я не могла её досыта накормить, дать ей кусок хлеба…»

Из дневника Ирмы

Работой в школе я была довольна, однако мне нельзя было выезжать из города. В паспорте об этом стояла специальная отметка. Тогда был очень строгий контроль за людьми. Несмотря на это, я попросила у директора школы разрешения поехать в Ташкент. Думала, что там я устроюсь лучше. Но она мне не разрешила. «При первой же проверке документов вас арестуют на первой же станции», – сказала она мне.

Так я осталась с мамой и Анечкой в Джамбуле. Жили мы спокойно, хотя и очень бедно. Нужда была страшная, нас постоянно мучил голод. В Джамбуле жило много поляков. Были среди них те, которые в 1939 году были депортированы после занятия СССР части польской территории. Когда закончилась война, появилась возможность репатриации. Как жена поляка, я подала документы на репатриацию. 30 марта 1946 года я получила разрешение на выезд. Как я радовалась! Моя радость смешалась с горечью воспоминаний прошедших лет и болью от

потери близких людей.

Ирма с Анной

Я хотела уехать из СССР, где столько лет прожила в горе и несчастье. Да, я очень хотела этого! Я хотела жить и должна была придумать, как это сделать. В ожидании отъезда мы голодали, но наши мысли были устремлены в будущее: каким оно будет? Эмиграция в Польшу давала шанс изменить нашу жизненную ситуацию. Мне нечего было терять, у меня не было почти никаких вещей. Главное – со мной были Аня и мама. Больше всего я

хотела уехать, чтобы спасти их от страшной судьбы. Я очень рисковала, но уверенность мамы добавляла мне оптимизма.

Настал день отъезда. Мы сели в красный вагон, полные тревожных мыслей. На советской границе я услышала: «Вы еще увидите, что там не так-то хорошо!». Но мы не знали, куда мы едем. Мы ехали вместе, ехали очень долго, спали на полу вагона. На остановках прямо в поле мы выходили из поезда и готовили себе еду – кто как мог, разведя огонь прямо на улице. Несмотря на трудности пути, мы не ощущали усталости, перед нами была цель – покой и свобода…

Из СССР в Польшу

«Разрешение на выезд в Польшу было для нас огромным счастьем. Красные вагоны стояли на станции уже готовые. Пришло время покинуть мою родину Россию вместе с мамой и ребёнком. Решение уехать в чужую страну далось непросто. Это была эмиграция в страну, языка которой мы не знали… Слава богу, красные вагоны стояли готовые к отправке, это прибавляло нам радости. В отсеке одного из вагонов мы уместились втроём. Моё сердце страшно билось: куда мы едем? Куда? Как там будет? Всё равно! Не имеет значения!..

Поезд ехал днём и ночью, не останавливаясь ни на одной станции. Иногда останавливались в поле, где люди могли что-то приготовить, а кто-то молился, особенно громко – евреи. Поезд ехал через разбитую войной страну до Шечина, где мы пробыли совсем недолго, дальше нас повезли в Новую Руду. Это маленький городок, где обосновались евреи, у них там было всё для жизни: школа, детский сад, кухня, столовая…»

Из дневника Ирмы

В Новой Руде мы поселились в доме бывшего владельца текстильной фабрики Бергмана. Это было здание старой постройки, построенное больше двухсот лет назад. Мы заняли две комнаты и тёмную кухню. Жилище это, как и всё после войны, было разорённым и разрушенным. Мы стали наводить там порядок: принесли с чердака какие-то старые кровати, смеясь над ними, что они большие и громоздкие, как вагоны поезда. Я купила пианино, в чём мне помогло Государственное репатриационное управление. Где-то даже достали цветы… Вот так началась наша новая жизнь. Мы начали её так же, как уничтоженная войной страна начинала своё возрождение из пепла.

В Новой Руде Аня пошла в школу, очень быстро и хорошо овладела польским языком, а в 1949 году мы переехали во Вроцлав, где она окончила среднюю школу. Я же в первую очередь хотела как можно лучше узнать Польшу, её историю, литературу, народные обычаи – то, с чем нам предстояло жить. Сразу по прибытии я делала очень многое, чтобы Аня росла в новом обществе без каких-либо трудностей…

Погибшие члены семьи Анны Герман по материнской линии:

Мартенс Давид Петрович (отец Ирмы, родной дед Анны Герман) – умер в апреле 1922 года от тифа в колонии Великокняжеское. Могила не сохранилась.

Мартенс Вильмар Давидович (брат Ирмы, родной дядя Анны Герман) – умер 25 декабря 1943 года в лагере под Котласом. Он находился в заключении на протяжении шести лет (в Узбекистане, в Осинниках, под Котласом). Перед смертью он написал: «Проклинаю день моего рождения». Похоронен в братской лагерной могиле.

Мартенс Герта Давидовна (сестра Ирмы, родная тётя Анны Герман) – умерла в возрасте трёх лет в колонии Великокняжеское в 1918 году. Могила не сохранилась.

Мартенс Иван (Йохан) Давидович (сводный брат Ирмы, дядя Анны Герман) – умер от голода в сталинскую эпоху. Место захоронения неизвестно.

Мартенс Андрей (Генрих) Давидович (сводный брат Ирмы, дядя Анны Герман) – арестован 11 июня 1937 года и осуждён на десять лет трудовых лагерей. Умер в лагере, место захоронения неизвестно.

Мартенс Катерина (Тина) Давидовна (Катерина Рисе) (сводная сестра Ирмы, тётя Анны Герман) – была арестована и сослана. Умерла в ссылке после продолжительной болезни. Место захоронения неизвестно.

Мартенс Давид Давидович (сводный брат Ирмы, дядя Анны Герман) – пропал без вести, место захоронения неизвестно.

Мартенс Фридрих Евгеньевич (сын Ирмы, родной брат Анны) – умер 19 мая 1940 года от тифа в возрасте двух лет в Ташкенте. Похоронен на Боткинском кладбище на территории бывшего «немецкого квадрата».

Годы сталинских репрессий пережили:

Мартенс Анна (мама Ирмы, бабушка Анны Герман) – умерла 17 сентября 1971 года в Варшаве в возрасте 85 лет. Похоронена на Варшавском евангелическо-реформаторском кладбище на ул.

Житня.

Мартенс (Бернер) Ирма Давидовна (мама Анны Герман) – умерла 30 января 2007 года в Варшаве в возрасте 97 лет. Пережила свою дочь на 24 года. Похоронена на Варшавском евангелическо-реформаторском кладбище на ул. Житня.

Герман (Мартенс) Анна Евгеньевна (Анна Герман) – умерла 25 августа 1982 года в Варшаве в возрасте 46 лет. Похоронена на Варшавском евангелическо-реформаторском кладбище на ул. Житня.

Близнюк (Мартенс) Герта Давидовна (сестра Ирмы, родная тётя Анны Герман) – долгие годы жила в Ургенче, потом в Бресте, скончалась 24 мая 2004 года в Бадене (Австрия) в возрасте 83 лет.

Мартенс Элеонора (Элеонора Клорман) (дочь Герты, двоюродная сестра Анны Герман) – ныне живёт в Бадене (Австрия).

Эхо детства

Лидия Ундерберг, жила по соседству с Анной Герман в 1942–1944 годах в Киргизии, в Орловке (Таласская долина) (Хюрт, Германия) «Бог не дал погибнуть Анне, её маме и бабушке»

Село Орловка было основано в конце XIX века немцами-переселенцами. Их предки приехали в Россию по вербовке Екатерины II в конце XVIII века на Волгу, где обосновали село Orloff (Орлофф) в память о родном селе в Гессенской земле в Германии. Позже они переселились в Таласскую долину Киргизии. Там они (шесть семей лютеран и несколько молодых семей меннонитов) на стыке рек Талас и Урмарал на выделенном им участке земли вдоль дороги из Аулие-Ата (Джамбул) на город Талас начали строить своё новое село, но опять под названием Orloff. Позже это название русифицировалось и стало называться Орловкой. Село быстро росло…

Мой дед Фридрих Августович Фуст приехал со своей семьёй в Орловку в 1903 году. Он был руководителем лютеранской общины на селе и вёл уроки религии и музыки в школе. Много месяцев они были в дороге, ехали в бричке, запряжённой волами. Самое ценное, что вёз с собой дед – фисгармония и ящик с нотами. После революции, когда стали уничтожать всё, что относилось к религии, моему деду, как многим священнослужителям, грозил расстрел. Спасло его то, что по приказу советского правительства во всех немецких сёлах и районах запретили преподавание немецкого языка, школы в одночасье перевели на русский язык. Мой дед оказался единственным, кто в селе знал русский язык. Его назначили секретарем сельсовета. Отсюда прозвище нашей семьи – Schreiber (писарь). Фисгармонию у него отняли, и это была страшная потеря для него. Дед был страстным музыкантом. Созданный им оркестр существовал почти до самой войны.

Наша Орловка – удивительное место. Это отмечают все люди, когда-либо побывавшие в ней. Здесь на протяжении многих лет мирно жили вместе люди разных вероисповеданий – меннониты, лютеране, адвентисты и немногие мусульмане-киргизы.

До прихода советской власти каждый имел возможность молиться так, как его научили родители. По воскресеньям и праздникам люди собирались на службу. Советская власть под страхом смерти запретила даже говорить о Боге. В соседнем селе Ключевка (ныне поселок Боо-Терек, в нескольких километрах от

Орловки. – *Прим. авт.)* был православный храм, но его превратили в тракторный парк.

По домам шли обыски, всю религиозную литературу нещадно сжигали. Моя бабушка чудом спасла старинную Библию (свадебный подарок матери), напечатанную в Германии еще старым «готическим» шрифтом. Она завернула её в тряпку и спрятала в куче кизяка (кизяк – сформованный высушенный коровий навоз, используемый вместо дров. – *Прим. авт.)*. Когда пришли с обыском, Библия осталась незамеченной. Помню, как иногда наша бабушка приносила эту Библию в дом, пряча её под фуфайкой. Она занавешивала окна, закрывала двери на засов. Мы, внуки, усаживались за столом, на котором горела коптилка. Бабушка читала нам Библию. Так в 5 лет я научилась читать благодаря Библии. Тогда мы ещё все говорили на немецком языке.

Период моего детства, выпавший на 40-е годы XX века, я вспоминаю и с болью в сердце, и с благодарностью моей бабушке, моей семье, моей Орловке… В 1942 году наших родителей мобилизовали в трудовую армию. Это была повальная мобилизация всех, кто был старше 15 лет и у кого в пятой графе стояло: «национальность – немец». От неё не спасся никто, это коснулось каждой семьи. Когда родителей забрали, нас оставили на попечение бабушки и дедушки – 13 внуков и внучек, младшей из которых, моей сестре Ире, было всего три годика. В наше село, как и во все соседние, стали прибывать новые люди – эвакуированные евреи, высланные с Кавказа чеченцы, езиды, курды и карачаевцы.

В каждой комнате, даже самой маленькой, ютилось множество людей разных национальностей, говоривших на разных языках. Но я хорошо помню, что скандалов не было. Был голод, нужда, тревожное ожидание писем. И была взаимопомощь.

Жили мы в доме моих родителей, который находился на центральной улице Орловки. Я помню точный адрес: улица Фрунзе, дом 64. К дому примыкал большой фруктовый сад, где мы играли, и огород, который спас нас всех от голодной смерти.

Напротив дома находилась наша школа (в те годы семилетняя, средней она стала вновь только после отмены комендатуры). Рядом (справа) было правление колхоза, колхозный двор со столяркой, кузницей, складами, конюшней и током. Слева – соседний дом, так называемый «учительский». Он числился по адресу улица Фрунзе, дом 62. В этом старом доме жили учителя орловской школы. Им там предоставляли жильё на время их работы в школе. В этом-то доме и были жильцами Ирма Давыдовна Мартенс с дочкой Аней и бабушка Анна. Причина, по

которой они оказались именно в Орловке, мне неизвестна, но до приезда Ирмы в нашем селе уже жила семья Мартенсов – Давид и Эльза. Была ли между ними родственная связь, не знаю, но эту фамилию я запомнила хорошо. Также хорошо помню всех, кто в те годы были соседями Ирмы в «учительском» доме.

Одну из комнат занимала Лилия Юльевна Вольф с сыном Женей, в другой комнате проживала Фрида Ивановна Келлерман с дочерью Гертрудой. Рядом жила еврейская семья – женщина по фамилии Кульман с тремя детьми: двумя дочерьми и сыном. Этого сына, с копной ярко-рыжих кудрей и конопатого, я хорошо помню. Однажды утром он пришел в наш сад, где, как всегда, собралась ватага детей, и начал хвастаться, что никогда не умрёт от голода! Мы окружили его, и он показал нам что-то белое во рту, что он жевал. Он сказал, что это никогда не кончается. В 1943 году мы не знали, что такое жвачка, но все ему завидовали.

Моими ближайшими подружками были Аня и Тамара. Они были на год меня старше, но я не ощущала разницу в возрасте. Аня была белокурая, улыбчивая, приветливая, внимательная и скромная. Сколько эпитетов! Но такая она была. Тамара, наоборот, как говорят, «бой-девочка» с чёрными волосами и глазами, в которых бегали «чёртики». Она была организатором наших игр, наших детских развлечений. Мы очень любили играть в лапту, в прятки, а особенно любили играть в «кругового» и в игру, которую называли «лунки». Это была очень занятная игра: в земле в ряд выкапывались небольшие ямки по числу игроков, ведущий бросал (катил) по лункам мячик, и в чьей лунке мячик застревал, тот хватал его и старался попасть в кого-нибудь из игроков, разбегавшихся в разные стороны. В кого он попал, тот становился следующим водящим. Мы с Аней и Тамарой часто играли в эти «лунки».

В эту игру мы играли и в воскресный вечер летом 1943 года. Меня позвала бабушка, она как раз вскипятила самовар и приготовила лепёшки из кукурузы и картофельных очисток (учитывая голод тех лет, такое «блюдо» было для нас лакомством). Я хотела поскорее вернуться к игре, поэтому за столом я потянула к себе пиалу с чаем резким движением. Мой бог! Кипяток из пиалы вылился мне на грудь и живот! Бабушка стала скорее снимать с меня платьице и сняла его вместе с кожей… Мне было всего шесть лет, кожа была совсем нежная, от крутого кипятка она просто сварилась. Я два или три месяца лежала в кровати дома, не вставала и ждала, пока всё заживет. В эти дни и недели меня часто навещала Аня. Она меня всегда старалась чем-нибудь порадовать: то букетик цветов нарвет, то соберёт в саду опавшие зелёные яблочки – падалицы. Эти

незрелые яблочки Аня собирала в свой маленький белый фартучек, отделанный кружевами, и приносила их мне. Она садилась на кровать, раскладывала яблоки, и мы подолгу играли ими, ведь кукол у нас не было… Я до сих пор помню её большие голубые глаза, полные сочувствия ко мне. Она была очень душевной и доброй.

Времена, когда Аня жила у нас в Орловке, были очень тяжёлыми. Дети были оторваны от родителей. Мама Анны работала учительницей, это хоть как-то их поддерживало материально. В нашем же доме денег вообще не водилось, мы выживали только благодаря тому, что сами выращивали на огороде. На зиму моя бабушка варила «свекольный мёд» – род патоки. Других «десертов» мы не знали.

Будучи немцами, мы обязаны были подчиняться особым законам того времени: ежемесячно каждый человек старше 15 лет обязан был отмечаться в комендатуре. Контроль за нами был очень жёсткий. До сих пор помню коменданта, у которого на учёте были наши семьи, по фамилии Ефименко. Он был ранен в самом начале войны, получив тяжёлую травму лица и лишившись подбородка, всё это, и его характер в придачу, производило ужасающее впечатление.

Помню ещё один «забавный» случай. Это было летом 1943 года. Моя бабушка где-то раздобыла месячных цыплят. Тогда это было трудно – кругом голод, а тут – целая стайка цыплят! На ночь бабушка прятала их в сарае.

Однажды Тамара, Аня и я построили в саду домик из кирпичей кизяка. Днём мы там играли, а на ночь Тамара предложила устроить в «новом доме» цыплят. Идея нам понравилась. Потихоньку мы пошли в сарай, собрали там уже спящих цыплят, перенесли в наш домик, кизяками закрыли окна и двери и довольные и счастливые пошли спать.

Утром меня разбудила бабушка, вытащив за волосы из постели. Страшная картина мне представилась: раскиданный кизяк, кругом перья и разорванные цыплята… Какая-то собака всё разорила!

После этого Тамаре запретили приходить к нам, а с Аней мы продолжали дружить.

Вспоминая сейчас детскую дружбу с Аней, передо мной в памяти встаёт наша Орловка – с высокими тополями вдоль центральной улицы, с арыком, в котором собирались воды многочисленных родников, этой водой мы поливали огороды, иначе в том климате ничего не могло бы расти.

Вижу отцовский дом, а рядом – «учительский» дом. Вижу часто меняющиеся лица учителей орловской школы (я училась в

ней с 1944 по 1948 годы). Вижу испуганные лица моих двоюродных братьев и сестёр, печальное личико моей маленькой сестренки, которых на долгие годы оторвали от родителей. Не все они вернулись к своим семьям…

Вижу скамью возле дувала у нашего дома, на которой вечерами сидели Ирма Мартенс, моя тётя Роза и соседка Ирмы Фрида Келлерман. Иногда они тихонько пели немецкие песни.

Слышу наши разговоры с Аней: мы легко болтали и по-киргизски, и по-немецки, и по-русски. Слышу, как Аня покашливала: она часто простужалась, те зимы были холодными, а обогреться было особенно нечем. С теплотой вспоминаю доброго доктора-карачаевца Байрамукова и фельдшерицу Свиридову, которые вылечили меня тогда от ожога (без лекарств, отварами трав) и которые лечили и Аню.

Школу я вспоминаю совсем особо, ведь после 10-го класса я стала учительницей, потом училась заочно и проработала в этой школе 37 лет, до самого отъезда в Германию.

Тогда я не знала, что эта белокурая добрая девочка станет величайшей в мире певицей. Пела ли она в те трудные годы? Возможно, что да. О том, что та Аня из Орловки и певица Анна Герман – это один и тот же человек, я узнала позже, когда моя подружка детства стала известной. Мы знали, что эта семья уехала из Орловки в Джамбул в 1944 году, и именно тогда мы потеряли связь. Слава богу, семье Анны удалось выехать в Польшу, где для неё открылась возможность стать певицей.

Пятая графа в паспорте, говорящая о нашем немецком происхождении, сыграла не только для нашей, а для сотен тысяч немецких семей роковую роль.

В марте 1948 года нас посадили в товарные вагоны и повезли далеко на север Урала – в Карпинск, где поселили в бараках и позволили воссоединиться с нашим отцом, который все годы там находился в трудовой армии. По сути дела, это был лагерь. Из 29 молодых мужчин, привезённых в Карпинск из Орловки, выжило только семь человек. Карпинск был разделен на три зоны: в первой содержались немецкие военнопленные, во второй – советские люди, попавшие в немецкий плен и объявленные «врагами народа», «предателями», в третьей жили такие, как мой отец, – мобилизованные в трудовую армию. Это было настоящее выживание. Люди десятками умирали от голода и болезней.

Наша семья прожила в Карпинске два года, пока нам не разрешили вернуться в Орловку.

Эти воспоминания – страшная страница жизни сотен немецких семей… Умерших сбрасывали в овраг, зимой присыпали снегом, а весной приезжал бульдозер и сравнивал это

место с землёй… Не только в Карпинске, а по всему СССР таким бесчеловечным способом уничтожали сотни тысяч ни в чём не повинных людей.

Я вспоминаю это лишь для того, чтобы описать время и условия существования таких семей, как семья Анны Герман в СССР в годы войны. Бог не дал погибнуть Ане, её маме и бабушке. Они спаслись. Благодаря этому мир узнал такую великую певицу, как Анна Герман.

P.S.

Уважаемый господин Ильичёв!

Как я вам обещала, я обзвонила многих моих односельчан, всех спрашивала, не помнят ли они учительницу Ирму Давидовну и её семью. Прошло много лет. Большинство живших тогда в Орловке людей уже ушли в мир иной. Остались люди, которым в 1942–1944 годах было по 11–12 лет. Вот их я и разыскивала. И вот что узнала:

1. На Украине живет Гертруда Келлерман, дочь бывшего директора нашей школы Петра Петровича Келлерман, которого забрали на трудовой фронт 12 марта 1942 года. Возможно, это он принимал на работу Ирму Давидовну Мартенс. После этой даты его жену с дочкой переселили из директорской квартиры в маленькую комнатку в «учительском доме».

Гертруда родилась в 1934 году. Она, конечно же, помнит семью Мартенс и девочку, которую все в доме называли Антье (Antje). Ирма Давидовна была её, Гертруды, учительницей в первом классе. Гертруда говорит, что Анна всегда пела и у неё был удивительно красивый голос. Гертруда вспоминала, как Аня пела на ёлке в школе и на празднике Первого звонка и как все ей хлопали.

2. Следующий, кто смог подтвердить нахождение в Орловке семьи Мартенс, был Генрих Вольф. Он и его жена Тамара рассказали, как однажды, когда Анна Герман в первый раз появилась на экране телевизора, его мать Лилия Юлиусовна Вольф вдруг сказала: «Она похожа на Ирму Давидовну, поёт, как её дочка Антье». И она рассказала детям, как во время войны она с сыном и семья Мартенс жили в «учительском доме». Она работала в школе (вела немецкий язык) вместе с мамой Ани. Рассказывала она своим детям и то, что Ирму Давидовну постоянно преследовали и ей вскоре пришлось уехать из Орловки.

Про Анну она говорила, что та постоянно пела и все в доме любили слушать её приятный голосок. Обычно Лилия Юлиусовна слышала пение Ани через стенку рано утром.

3. Интересной была беседа с Германом Ивановичем Квиринг. В 1942–1943 годах ему было 12–13 лет. Он учился в школе и помнит своего учителя Германа Маркусовича Тернера.

Время было трудное, обувь в магазинах не продавалась. Летом большинство моих односельчан ходили босыми (представляете, какая толстая подошва нарастала на ногах?), а на зиму приспособились носить так называемые шлёры (schloren). Из дерева вырезалась толстая (3–4 см) подошва, на носок прибивалась полоска кожи или брезента, и обувь была готова: носили всю осень, зиму и весну, и в слякоть, и в снег.

Отец Германа Квиринга дядя Ваня Квиринг (Onkel Hans) делал самые лучшие шлёры на селе. Герман ему помогал. Он вспоминает, как Герман Маркусович ходил во время уроков по классу, громко стуча подошвами шлёр по полу.

4. Анна Паульс помнит обоих – и Ирму, и Германа Маркусовича. В 6–7-х классах Ирма Давидовна преподавала немецкий язык, русский язык и литературу.

Маргарита Унру-Цыганова (Германия) Анна Герман была этнической голландкой

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ
АННА ГЕРМАН
Польша
Цена 1 руб.
Отец Анны Герман — уроженец Лодзи. Мать — из старинного голландского рода. Еще при Екатерине II предки ее иммигрировали в Россию и поселились на Кавказе. Родилась Анна в Узбекистане, в 1946 году с матерью и бабушкой вернулась на родину отца. Но голландские традиции двухвековой давности столь сильны, что три женщины до сих пор разговаривают дома на несуществующем голландском наречии — окаменевшем языке XVIII века...
Певческий дебют Анны Герман состоялся несколько лет назад. Студентка геологического факультета Вроцлавского университета, участница студенческого кабаре «Каламбур», выступила в программе польского радио «Вечера у микрофона»...
Уже тогда Анна знала, что, презрев все полезные ископаемые земли, будет только петь. Позднее, сдавая экзамен на звание магистра стратиграфической геологии, она тут же дерзнула другой... на право концертного турне по Жешувскому воеводству.
Успех пришел быстро. И скоро Анна Герман стала одной из популярных певиц в Польше. Ее полюбили за своеобразный голос, таящий в самом существе своем лиризм, за репертуар, который она подбирала с большим вкусом, придавая особое значение единству слова и музыки. Композиторы стали писать специально для нее. Успех принесла песня Катажины Гертнер «Танцующие». Эвридики». Трудная для исполнения, необычная по музыкальному решению песня позволила певице проявить со всей полнотой свой особый, «германовский» тембр. В результате — победа на Сопотском фестивале 1964 года. Одна из первых гастрольных поездок — в Советский Союз.
...Автомобильная катастрофа в Италии прервала все планы. Почти три года длилось возвращение к жизни. Второй дебют Анны Герман произошел лишь в январе этого года. В мраморном зале варшавского Большого театра исполнялась «Освенцимская оратория» по рассказу узницы № 41355 — Станиславы Лещинской. Музыку десяти песен оратории написала Анна Герман.
Теперь она предстает перед нами как композитор, поэт и исполнитель. В радиопередачах Анна Герман выступает как комментатор, знакомя слушателей с новинками эстрады и с классической музыкой... Певица возвратилась к творческой жизни.
А. ТЕТЕРИН
Фото М. Чудовского

Та самая обложка звукового журнала «Кругозор»

Анну Герман считают своей Польша, Россия, Германия. Так оно и есть. Анна, чей неповторимый хрустальный голос воспринимается как свет чистого сердца, была близка многим людям. Да что там многим – всем, кто её слышал. Чтобы понять внутренний мир этой удивительной женщины и певицы, нужно знать о ней то, о чём все эти годы умалчивали, недоговаривали.

О том, что Анна Герман не принадлежит по крови польскому народу, – известно давно. Когда по телевизионным каналам с успехом прошел сериал о жизни Анны Герман все «узнали», что Анна Герман была российской немкой. Такая версия биографии огорчила бы Анну, её маму и бабушку. Ибо Анна Герман по происхождению была голландкой. Предки Анны по материнской линии имеют чисто голландские корни, да и со стороны отца бабушка была тоже голландского происхождения, и только один дедушка – немец. Именно черты национальной идентичности и сформировали из Анны Герман того человека, которого мы знаем и любим. Но обо всём по порядку.

В моей жизни Анна Герман сыграла особую роль. Первое соприкосновение с Анной – весенний день начала семидесятых, я жила в Ташкенте и шла по улице Пушкина. У консерватории в витрине газетного киоска я увидела журнал «Кругозор», с синей гибкой пластинкой внутри, а на обложке женский портрет неземной красоты. Вы помните унылые витрины наших газетных киосков тех времён, а тут такая красота – ангел в белом хитоне. Журнал я купила, не задумываясь. Хотя проигрывателя у меня не было, «достать» его (помните, мы тогда вещи не покупали, а «доставали») я не могла, да и денег не было. Так что услышать голос Анны Герман я смогла не скоро. Но меня поразило совсем другое. В кратком резюме было написано следующее, дословно (журнал у меня сохранился до сих пор):

«Отец Анны Герман – уроженец Лодзи. Мать – из старинного голландского рода. Родилась Анна в Узбекистане в 1936 году, в 1946 году с матерью и бабушкой вернулась на родину отца. Но голландские традиции двухвековой давности столь сильны, что три женщины до сих пор разговаривают дома на несуществующем голландском наречии – окаменевшем языке XIV века…»

Я остолбенела: вымирающее голландское наречие это же Plattdeutsch (Ploditsch), на котором говорили мои бабушка, говорят моя мама и все тёти. И я знаю, как дорог для них этот родной язык. Они все прекрасно говорят и на литературном немецком языке, и по-русски, но, когда они собираются вместе, они говорят только на Ploditsch, и лица их при этом светлеют. Я на этом языке не говорю, но понимаю. Я с детства знаю, что у нас голландские корни, и мы меннониты, выходцы из Голландии. Уверена, что большинству читателей слово «меннонит» ничего не говорит. Поэтому, обращаясь к истории расскажу немного о меннонитах из Голландии.

«Это не вымысел. Рядом с нами живут потомки древних голландцев. Им уже много лет. Они уйдут и унесут с собой знания, которые могли бы изменить мир. Удивительно: совсем простые знания, а человечество до них так и не доросло. Советский энциклопедический словарь подтверждает: «меннониты – это голландские протестанты». Община была основана в Нидерландах в 30–40 годы XVI века Менно Симонсом. Меннониты проповедуют смирение, отказ от насилия, верят во второе пришествие Христа. Если в истории и бывают неудачи, то четыреста лет скитаний меннонитов – тому пример. Во второй половине шестнадцатого века они из-за гонений вынуждены были покинуть Голландию и переселиться в Пруссию. В XVIII и XIX веках, спасаясь от гонений Прусского короля Фридриха Второго, снова эмигрируют: одни в Америку и Канаду, многие делают выбор в пользу России…» —

Лана Тернер (Wikipedia)

Данциг (ныне польский город Гданьск) – был местом, куда в XVI веке поселились меннониты, выходцы из Голландии. Они переселились компактно и их поселения назывались Hollandische Dorfer – голландские сёла. В одном из этих сёл под названием Конопат жили мои предки, это я знаю из дневника моего дедушки. Там голландцы-меннониты „онемечились", т. к. государственным языком в Гданьске в то время был немецкий, поэтому в школе и в церкви говорили на Hochdeutsch – литературном немецком языке. В Россию меннониты переселились уже из немецкой Пруссии (ныне Польши) в конце XVII начале XVIII века. В России их стали считать немцами, а когда эти же меннониты, называемые «немцами» после войны эмигрировали из СССР в Германию, то в Германии стали называться русскими.

В Польше и сегодня помнят меннонитов, их аккуратные голландские деревни, водяные и ветряные мельницы. Земли осушённые ими до сих пор плодоносят и они осушаются по той же технологии, как это делали меннониты сотни лет назад. Несмотря на все злоключения и постоянные вынужденные переселения, меннониты при этом полностью сохранили свою идентичность. Они никогда не забывали свои голландские корни и родным языком оставался Plattdeutsch, или как говорили сами меннониты Ploditsch. И этот Ploditsch является старо-голландским языком. На этом языке в XVI столетии говорило всё население прибрежных районов Нидерландов и во всех ганзейских городах, на этом же языке были написаны первые хартии ганзейских городов и велось богослужение.

Меннониты из СССР – это были совершенно особенные «немцы», отличавшиеся чистым литературным немецким языком, потому что немецкий язык был для них не родным языком, а языком «выученным». Наша тётя, которая умерла в Германии на 101-м году жизни, рассказывала, что во время Первой мировой войны, когда она жила на Украине и туда пришли немцы, они удивились: «Откуда у вас такой высокий литературный немецкий язык?» Всё это шло от немецкой школы и из церкви. Обучение в школе и проповеди в церкви проводились на литературном языке, на языке Шиллера и Гёте. А дома меннониты упорно продолжали говорить на своём Ploditsch, у них были свои традиции, вера. Главным для них было – не брать в руки никакого оружия, жить в мире со всеми, не употреблять бранных слов, быть со всеми приветливыми. Мы, дети, перед сном всегда читали короткую детскую молитву: «*Vater unser much mich fromm, dass ich in den Himmel komm» («Боженька, помоги мне стать благочестивой,*

чтобы я попала на небо)». Я уверена, что Анна ребёнком тоже читала эту молитву перед сном.

Итак я держу в руках журнал «Кругозор» и в голове крутится: неужели польская певица действительно говорит на нашем Ploditsch? Неужели мы с ней одного рода – племени? И я с дрожью в коленях поняла, что не зря, как заворожённая, остановилась у газетного киоска. Это – уникальное явление: в абсолютной изоляции в течении десятилетий в этой семье жили по старым традициям, и говорили между собой на старо-голландском языке.

Мы с Анной ко всему еще оказались ровесницами (она родилась 14 февраля 1936 года, а я 5 апреля 1936 года – всего два месяца разницы). Обе родились в Узбекистане и, как выяснилось, имеем одинаковые голландские корни. Ещё не услышав голоса певицы, я сердцем и душой почувствовала внутреннюю духовную связь с Анной и гордость за её твёрдый дух и смелость. Я рассказала о своих предположениях своим родственникам, чужим об этом говорить было опасно. Но и мои домашние отнеслись к моим предположениям с сомнением.

Когда я услышала голос Анны, я сразу стала её поклонницей: следила за карьерой, радовалась её триумфальному успеху в Советском Союзе и никогда не думала, что смогу встретиться с ней лично. Но чудо случилось. Это было летом 1975 года, мы жили в Ярославле, Анна Герман приехала в наш город на гастроли. К счастью, в это время у нас гостила мама, которая свободно говорила на Ploditsch. На концерт Анны Герман мы пошли всей семьёй. Я попросила маму научить мою 15-летнюю дочь Лену нескольким фразам на Ploditsch. Моя мама, отсидевшая по политической статье 10 лет, отговаривала меня, боялась, что будет большой скандал, что нас посадят. Но я была абсолютно уверена, что я права и не могла упустить возможности убедить всех в своей правоте.

И вот начался концерт. Звучал дивный голос Анны, зал затих, а после каждой песни взрывался громом аплодисментов. После очередных аплодисментов моя дочь с букетом цветов вышла на сцену и скороговоркой выпалила выученную наизусть фразу на пляттдойч. Я замерла. В этом был риск. Представьте, в Ярославле, исконно русском городе, девочка подходит к известной польской певице и говорит ей что-то там на каком-то пляттдойч! Полное безумие! Но… о, чудо! Анна с изумлением посмотрела на Лену и что-то быстро ответила, а Лена только качала головой из стороны в сторону: мол, я вас не понимаю. Когда Лена вернулась, она сказала, что Анна тут же стала говорить с ней на пляттдойч, потом по-русски попросила, чтобы мы после концерта с бабушкой

зашли к ней за кулисы.

Когда мы пришли, Анна говорила с нашей бабушкой только на родном для неё старо-голландском наречии. Она говорила с упоением, как будто пила живую воду. Анна как с близкими людьми поделилась с нами своим горем, и с болью сказала, что её любимая бабушка недавно умерла, поделилась и радостью, что ждёт ребёнка. Она была очень счастлива, но обеспокоена как всё пройдёт после той страшной катастрофы в Италии. И всё это она рассказала нам – совсем чужим людям. Нас, потомков голландцев-меннонитов мало, и если мы встречаемся, то становимся словно родственники. На прощание она подписала нам свою фотографию – открытку и написала свой адрес.

После этой встречи наши мамы некоторое время переписывались. Из переписки выяснилось, что мы с Анной не только одного рода-племени, но вдобавок к этому отцы наши учились в одном и том же коммерческом училище – Kommerzschule in Halbstadt (ныне г. Молочанск Запорожской области). Оба стали бухгалтерами. Оба были дирижерами больших церковных хоров, и вероятно встречались на слётах дирижёров хоров. Словом, их дороги шли рядом, причём до самой трагической смерти. Их пути пересеклись и в страшные годы репрессий. Отцов наших, как врагов народа арестовали в 1937 году, нашего в апреле, Анниного в сентябре. Они сидели в подвале НКВД в г. Ташкенте, их пытали в одних тех же кабинетах, возможно, одни и те же следователи, чтобы они признались в шпионской деятельности. Расстреляли их без суда и следствия в 1938 году, с разницей в два месяца. Это всё доказано документами. Нашим матерям сказали, что их мужья осуждены на 25 лет без права переписки. Мы тогда не знали, что это означало, что их уже нет в живых. А я отлично помню, что мама еще долго ходила куда-то «хлопотать». Иногда брала и меня с собой. Я радовалась, что мы пойдем куда-то, где будет весело и мы будем «хлопать в ладоши». А мы ходили по каким-то темным коридорам НКВД и мама возвращалась вся в слезах. По воспоминаниям Ирмы Мартенс, этими же коридорами ходила и она с Анной. И опять наши пути там наверняка пересекались.

В начале января 1942 года нашу семью: маму с тремя дочками, бабушку выслали как немцев и как семью врага народа из Ташкента в Бухарскую область. Недавно я получила в дар от Ивана Ильичёва его книгу «Анна Герман. Эхо любви». Там напечатаны воспоминания матери Анны – Ирмы Мартенс: «*В январскую ночь 1942 года меня разбудил стук в дверь. Мне предъявили постановление об аннуллировании нашей прописки и о выселении. Товарными вагонами нас вывезли в Бухарскую область,*

район Рометан». А ведь нас выселили тоже в январе 1942 года, и мы ехали в тех же товарных вагонах, и нас тоже поселили в Бухарскую область, но район Гиждуван. Это где – то в 12–15 километрах от Рометана. Таким образом, мы опять были на расстоянии «вытянутой руки».

О судьбе наших отцов мы и семья Анны узнали только после перестройки, наши матери всю жизнь надеялись, что их мужья живы, что когда-нибудь они дадут о себе знать. Решение о реабилитации и свидетельство смерти нашего отца мы получили только в 1991 году, там было указано, что причина смерти – расстрел, а место захоронения неизвестно. В тот день, когда пришла реабилитация, я с большим букетом цветов пошла к Ташкентскому «серому дому» – так называли здание НКВД, где в подвалах без суда и следствия расстреливали невинных людей. Я бросила эти цветы в проём подвального окна этого дома. Это были цветы в память о моём отце и для отца Анны Герман.

Наши мамы были учительницами немецкого языка, мы в одно и то же время жили в старом Ташкенте, снимали комнаты у узбеков. Как у моей мамы, так и у Ирмы сохранились самые тёплые воспоминания об узбекских семьях, которые нас приютили. Старый город Ташкента – это узкие улочки, глинобитные дома с фруктовыми деревьями во дворе. Мы там ходили по одним и тем же узким улочкам. По рассказам старших, я с детства знала, что, когда мы жили у Сабита (это имя хозяина дома), он спас меня от смерти. У меня была дизентерия, а он лечил меня отваром гранатовых корочек. Я просто обомлела, когда прочитала в воспоминаниях Ирмы, что Анну тоже спас совет узбека пить отвар гранатовых корочек. А вдруг, это был тот же Сабит?!

По воспоминаниям Ирмы в детстве Анна свободно говорила по-узбекски. Это неудивительно. Я тогда тоже говорила без акцента по-узбекски, заплетала мелкие косички и ребёнком пела на бахчах узбекские песни, чем приводила в восторг местных жителей. За это я получила свой первый заработок – арбуз и дыню. Как же часто наши пути перекрещивались и как много общего в нашей детской биографии.

В 1946 году Анне с мамой и бабушкой удалось эмигрировать из СССР в Польшу – на землю, где несколько столетий назад на территории тогдашней Западной Пруссии в деревнях, основанных голландскими переселенцами-меннонитами, жили их предки. В польском городе Лодзь (в то время город входил в состав Российской Империи) родился отец Анны. Певица никогда не говорила, что её отец – поляк, но с чистым сердцем – что отец родился в Лодзи. Это журналиста потом додумывали, что он был

поляком.

Маргарита Унру на улицах Ташкента с автором и редактором книги, июнь 2015 года

Поразительно, сколько мужества и мудрости должны были иметь эти три женщины, сколько в них было духовных сил, достоинства, любви и уважения к своим корням, чтобы в изоляции в Узбекистане, а затем и в Польше на протяжении всей жизни хранить в своей маленькой семейной ячейке традиции и обычаи своих предков, сохранить этот вымирающий язык. Когда Анна приезжала с гастролей домой, уже с порога начинала говорить на Ploditsch. В этом она черпала внутренние силы, именно в кругу своей маленькой аутентичной семьи чувствовала себя защищенной и счастливой. В этом была её идентичность, её отличительная черта. Вероятно, отсюда в голосе Анны эта пронзительная нота, теплота, безграничная любовь и благородство. Только цельный добрый человек мог спеть «Эхо» так, что в студии звукозаписи даже оркестранты не смогли играть

дальше, они плакали.

Но вернёмся к моей истории с Анной Герман. Мне суждено было встретиться с мужем Анны Герман Збигневом Тухольским. В декабре 2010 года в Берлине, в Русском Доме, состоялся концерт, посвящённый памяти Анны Герман. Мой знакомый психотерапевт доктор Якоб Кирш участвовал в организации этого концерта. Он был хорошо знаком с семьёй Анны Герман. Он сказал, что на концерт должен приехать муж Анны Герман и пригласил меня на этот концерт.

Когда я собиралась в Берлин на встречу со Збышеком, я испекла цвибак. Только потомки голландских меннонитов поймут, о чём я говорю, потому что только они пекут эти сдвоенные (zwei-back) солёные булочки. Когда мы перешли к чаю, я поставила на стол блюдо с цвибаками и спросила Збышека, знает ли он, что это такое? *«Цвибак* – сказал он, не задумываясь, – *их часто пекли бабушка и мама Анны».* Таким образом, непередаваемый запах свежеиспечённых цвибак был счастливым запахом родного дома не только для меня, но и для Анны. И это было ещё одним подтверждением, что мы из одного голландского рода-племени. Я снова почувствовала свою внутреннюю этническую близость с Анной.

В августе 2012 года, в день депортации российских немцев, в Берлине у Рейхстага был митинг российских немцев. Это совпало с 30-летием со дня смерти Анны Герман. Я вышла на сцену с портретом Анны и, вспоминая о жертвах сталинских репрессий, рассказала о трагической истории семьи Анны Герман. В конце моего выступления я предложила всем митингующим в память об Анне спеть её главную песню «Надежда». Все тут же встали и со слезами на глазах запели: «Надежда, наш компас земной…». Анна! Могла ли ты думать, что когда-нибудь, в Берлине перед

Рейхстагом около тысячи митингующих российских немцев будут петь «Надежду» в память о наших погибших отцах, в память о тебе. Такое не могло присниться даже в фантастическом сне. Для меня это был момент счастья, триумфа, победное окончание моей 50-летней истории с Анной.

* * *

В подтверждение слов Маргариты Унру и главным образом для того, чтобы читатель не запутался в исторических дебрях истории голландских меннонитов и немецких швабов, представляется резонным дать краткую системную историческую справку, которая внесет ясность в вопрос национальной принадлежности Анны Герман.

Голландская ветвь

Меннониты – религиозное протестантское течение, основанное в Голландии (Нидерландах) в 30-е годы XVI века лидером Менно Симонсом в ходе реформационного движения. В основе учения меннонитов – идеи неприменения силы и непротивленчества. Меннониты по религиозных убеждениям отказывались брать в руки оружие. Каждый раз, когда государственные власти пытались заставить меннонитов проходить службу в армии, они выбирали для себя массовую эмиграцию. Вот основные волны эмиграции меннонитов из Голландии:

1. Первая волна – в Северную Германию, затем в Восточную и Западную Пруссию.

2. Вторая волна: конец 1560-х годов в Англию, Германию и на территорию нынешней Польши. Совет города Гданьска (Данцига) дал согласие на их поселение на городских землях. В Польше меннонитам были гарантированы религиозные свободы. С 1585 года большое поселение меннонитов было образовано в польском Эльблонге, в устье реки Вислы, в регионе г. Данцига.

3. Следующая волна эмиграции меннонитов – из Польши в Россию. В 1789 году по приглашению Екатерины II состоялось первое переселение меннонитов в Хортицкую область Екатеринославской губернии (ныне – Запорожье). Крупнейшие колонии меннонитов в дореволюционной России: Гальбштадт (ныне – Молочанск), Эйнлаг (ныне – часть Запорожья), Шенталь (ныне Донецкая область).

Жители Эйнлага, одной из этих трёх менонитских колоний, в 1864–66 гг. выселились на Кавказ, где основали северокавказскую

колонию меннонитов Александродар, в состав которой входила известная нам колония Великокняжеское, где родились все родственники Анны Герман по материнской голландской линии.

Интересно, что в 1874 году все колонисты в России были признаны подлежащими воинской повинности, и это было истолковано меннонитами как требование, несовместимое с их религиозными убеждениями. Значительная часть вновь решилась на миграцию. В частности, с 1880 по 1889 гг. сорок шесть меннонитских семей выселилось в Хиву, где часть получила от хана наделы, а часть определилась в столяры, плотники и т. п. и 10 семейств отправилось в Сыр-Дарьинскую область.

Как мы помним, Анна Герман родилась в 1936 году в городе Ургенч, в Узбекистане. Этот город находится в тридцати километрах от Хивы, что лишний раз говорит о «неслучайном» выборе места жительства Ирмой Мартенс и Евгением Германом в Средней Азии, они поселились рядом «со своими». Согласно историческим данным, по состоянию на ноябрь 1934 года в Хиве официально существовала община меннонитов численностью в 52 семьи, что позволяет сделать вывод о том, что Анна Герман родилась не просто в далеком среднеазиатском Ургенче, а в городе, где существовала меннонитская община.

Немецкая ветвь

Вюрттембергские швабы, к которым принадлежал дед Анны Герман по отцовской линии – это немцы с юга Германии, говорящие на швабском диалекте. Сейчас этот диалект можно услышать в земле Баден – Вюрттемберг, на юго-западе Баварии и в австрийском Тироле.

С конца XVIII века швабы из земли Баден – Вюртемберга появились в России на волне немецкой колонизации в результате манифеста Екатерины II. В начале XIX века швабские переселенцы селились на Черноморском побережье, а также на северном Кавказе и в Поволжье, где и составили значительную часть населения немецких колоний. В 1819 году одним из основателей немецкой колонии Нойхоффнунг (ныне село Ольгино недалеко от Бердянска) был прапрадед Анны Герман – Фридрих Герман, по национальности – немец-шваб. Из этого села и тянется 1/4 немецкой линии родословной Анны.

Феномен Анны Герман скрыт в самой её личности – польской подданной, родившейся в Узбекистане, по крови на 3/4 голландкой и на 1/4 немкой, сердце которой принадлежало и России, и Польше, и Германии и Голландии – всему миру!

* * *

Сейчас, когда читатель прошёлся вместе с Ирмой Мартенс, Артуром Германом, Маргаритой Унру и Лидией Ундерберг тропами судьбы Анны Герман, её семьи, когда перед глазами предстала целая история: и судеб российских немцев, и меннонитов, и голландских переселенцев, было бы справедливым вернуться в день сегодняшний и рассказать о том, какой интерес вызвали поиски «следов семьи Анны Герман» в тех местах, где певица провела своё детство… Итак, еще одно небольшое путешествие, но уже в наши дни.

И. И.

Ургенч

В родном городе Анны Герман в наши дни существует клуб поклонников Анны Герман, проводятся вечера её памяти, местные артисты исполняют песни из её репертуара. Возглавляют это движение в Ургенче Зульфия Мадаминова и Манзура Хикматова. До недавнего времени одна из центральных улиц города носила имя Анны Герман (Anna German kochasi), но в последние годы все старые названия улиц были заменены на новые.

Ташкент

В Ташкенте живёт единственная в Средней Азии биограф Анны Герман, она же редактор этой книги – Ольгана (Ольга) Нафикова. Благодаря её стараниям в Узбекистане неоднократно публиковались материалы об Анне Герман, именно в Ташкенте впервые на русском языке были опубликованы фрагменты воспоминаний Ирмы Мартенс, вошедшие в эту книгу. В 2015 году по инициативе Ольганы и Польского посольства в Ташкенте в театре «Ильхом» состоялась премьерная постановка литературно-музыкальной композиции на основе воспоминаний Ирмы Мартенс. Одна из лучших ташкентских актрис, Ольга Володина, впервые озвучила фрагменты дневников Ирмы Мартенс со сцены.

Но, пожалуй, главной находкой Ольганы стало сенсационное обнаружение в июле 2015 года места захоронения родного брата Анны Герман в Ташкенте. Благодаря поискам в архивных материалах ей удалось найти документальное подтверждение о захоронении Фридриха Мартенса на Боткинском кладбище города.

Прекрасная земля Узбекистана
Явилась родиной для Анны дорогой,
Никто не ведал, что в Ургенче старом
Талант родится мировой.
И может быть, Ташкента солнце,
Его горячие лучи

Согрели голос Анны Герман
Для радости и для любви.

Н. Васюкова, учитель школы № 48, Ташкент

Осинники (Новокузнецкая область)

В 2014 году в этом небольшом городке на Кузбассе впервые был опубликован материал кемеровской журналистки Ларисы Максименко о «кузбасских следах Анны Герман». Мгновенно начались поиски в городском архиве и в архиве школы № 3, где работала Ирма Мартенс и училась Герта Мартенс. Были найдены рукописи воспоминаний выпускников этой школы с воспоминаниями об учительнице Ирме Мартенс, а также были обнаружены уникальные документы 1939 и 1940 года о работе и увольнении Ирмы.

После многочисленных публикаций в кузбасской прессе на местном телевидении был создан документальный фильм «Город и его люди», посвящённый жизни семьи Анны Герман в Осинниках.

Орловка (ныне Ак-Добо, Киргизия)

Весть о том, что в Орловке в 40-е годы жила Анна Герман, буквально взбудоражила местных жителей, а особенно учителя географии орловской средней школы Израила Кондубаева. В мой первый приезд в Орловку и состоялось знакомство с этим удивительным человеком. За два года он провёл огромную работу, которой вправе гордиться: благодаря ему найдены уникальные школьные документы Анны Герман и Ирмы Мартенс – школьные ведомости с оценками Анны в первом классе, школьные журналы Ирмы, её оценки ученикам и замечания, организационные документы, касающиеся работы Ирмы в Орловке.

Сейчас в Орловке в музее им. Теодора Герцена открыта уникальная экспозиция об Анне Герман, представляющая документы о жизни семьи Анны в этом киргизском посёлке. А в средней орловской школе в центральном фойе помещён стенд об Анне Герман на киргизском языке, теперь киргизские дети знают о судьбе их знаменитой землячки. В киргизской прессе вышло немало публикаций об Анне Герман, и даже написаны стихи киргизским поэтом.

Тараз (бывший Джамбул)

В этом южноказахстанском городе Анна Герман, как мы знаем, жила с 1943 по 1946 годы. Местные жители также провели поиски в своём городе, были найдены школы, где училась Анна Герман и где преподавала Ирма Мартенс. В 2013 году в рамках международного фестиваля «Страна Азия», благодаря стараниям директора фестиваля Михаила Бондарева, волонтёров Ильяса Савельева, Натальи Гончаровой и многих других, в Таразе в БКЗ «Баласагун» состоялся большой концерт памяти Анны Герман. Но главным событием того фестиваля стало установление на фасаде центральной гостиницы «Жамбыл» великолепной памятной доски Анне Герман (автор – скульптор Сергей Копылов). Это единственная мемориальная доска Анне Герман не только в Казахстане, но и на территории бывшего СССР.

В 2014 году в городском краеведческом музее города Тараза на центральной площади была открыта музейная экспозиция о судьбе семьи Анны Герман в этом городе. Самыми ценными экспонатами стали личные вещи Анны Герман: её платье и украшение из жемчуга, а также личные документы из семейного архива певицы.

Кулинарные рецепты Анны Герман

«По-моему, место мужчины не на кухне. Ни в коем случае! У меня муж приходит усталый с работы домой, моется, ложится на диван и читает газеты, которые каждый день помногу покупает. А я подношу ему разные кушанья, которые стряпаю. Я не очень умею готовить, но иногда это получается съедобно. Так как я родилась в Средней Азии, это, наверное, восточный обычай в нашем доме: чтобы муж, придя домой, чувствовал себя желанным, любимым человеком.

Мне настоящий мужчина в кухне не нравится. Я даже в книге своей написала, что прекрасный киноактёр Грегори Пек, будь он на кухне с кастрюлями и сковородками, перестал бы мне нравиться» *(Из интервью Анны Герман в программе «Международное обозрение», Центральное телевидение СССР, февраль 1976 года).*

У Анны не было тетради, куда бы она записывала рецепты любимых блюд. О её кулинарных предпочтениях, о том, какие блюда она готовила, что любила подать к столу, я узнавал из разных источников: из воспоминаний родных и друзей Анны, из её писем и интервью.

Встречаясь с Анной Николаевной Качалиной у неё дома, мы всегда старались в дни памяти Анны подать к столу что-то из того, что любила сама Анна Герман. Наши рецепты во многом повторяли то, что готовила Анна, но, безусловно, никто не отменял нашу творческую фантазию, поэтому в этой книге я предлагаю вниманию читателя рецепты блюд, которые связаны с Анной Герман и некоторые из которых описаны уже с учётом нашего приготовления. Уверен, что многим захочется что-то из этого повторить в своей кухне…

И. И.

Фирменная селёдка в горчичном соусе «по-Качалински»

Это блюдо Анна научилась готовить в Москве в семье Качалиных. Селёдку, приготовленную по такому рецепту, очень любила Людмила Ивановна – мама Анны Качалиной. Селёдка в горчичном соусе всегда присутствовала на столе, когда в гости в квартиру на улицу Герцена приходила Анна Герман.

Рецепт таков: селёдка очищается от кожи и костей, нарезается небольшими ломтиками. Отдельно готовится соус: растительное масло (4–5 ст. ложек), горчица (2 ст. ложки),

немного уксуса, соль и сахар по вкусу. Все эти ингредиенты взбиваются до однородной эмульсии. Далее селёдка слоями выкладывается в глубокую посуду или в лоток вперемешку с кольцами репчатого лука, и всё это заливается горчичным соусом. На несколько часов селёдка отправляется в холодильник, после чего её можно подавать к столу.

За счёт горчичного соуса селёдка и репчатый лук приобретают особенный пикантный вкус. К такой селёдке обычно подаётся отварной или жареный картофель.

Овощной плов (узбекская шавля)

Этот плов Анна часто готовила дома для своих гостей. Для этого блюда она использовала рис, лук, морковь, чеснок и специи для плова (на 800 г риса – 0,5 кг репчатого лука, 1 кг моркови, чеснок и специи по вкусу).

В специальном казане в растительном масле сначала до золотистого состояния тушатся нарезанный кольцами лук и морковь, затем добавляются специи, рис и всё это заливается водой настолько, чтобы она покрыла рис. После закипания рис томится под закрытой крышкой около часа. Минут за 15 до готовности в рис добавляется несколько целых головок чеснока (Анна любила чеснок и на средний казан плова помещала в него 8–10 средних головок).

Готовый плов перемешивается и сразу же подаётся на стол. Очевидцы вспоминают, что обычно плова даже не хватало – настолько он был вкусным и сочным. Благодаря большому количеству моркови рис приобретал оранжевый оттенок и пропитывался морковным и луковым соком. Мясо в такой плов не добавлялось. К этому блюду Анна подавала свежезаваренный чёрный чай, разливая его по узбекским пиалам.

Килька с картофелем

Это малосольная балтийская килька, посыпанная мелко нарезанным зелёным или репчатым луком, политая ароматным растительным маслом. Подавалась Анной к столу с отварным картофелем.

Баранина с чесноком

Баранью мякоть, разрезанную на мелкие куски, Анна тушила на сковороде с небольшим количеством лука. В процессе приготовления добавляла немного (около полстакана) красного вина, а в конце посыпала мелко нарезанным чесноком. Таким блюдом она баловала Збышека во время отдыха в Болгарии, с собой в поездку Анна захватила плитку, на которой прямо в

гостиничном номере готовила это вкуснейшее мясо.

Овощной суп в касушках (касушка – национальная узбекская посуда для супа в виде большой пиалы)

Этот традиционный узбекский овощной суп Анна готовила из тех овощей, что были под рукой (без добавления мяса). Особенность подачи такого супа – это то, что певица подавала его в узбекских касушках, посыпав рубленой зеленью. Суп подавался без ложки и на среднеазиатскую манеру пился прямо из касушки.

Салат-паста

Для этого салата Анна брала творожный сыр, сардины в собственном соку, чеснок, репчатый лук и яблоко (на 1 банку сардин – 200 г сыра, 1–2 средних луковицы, 1 яблоко, чеснок и соль по вкусу). Всё это перемешивалось до состояния однородной массы, чтобы получился прекрасный салат-паста. Он употреблялся как отдельно, так и в качестве бутербродной массы.

Смалец

Это традиционное блюдо польской национальной кухни. Каждая хозяйка в Польше умеет готовить смалец, и каждая делает это по-своему. Вот как это делала Анна Герман. Для приготовления смальца берётся свежая и копченая грудинка, сало, яблоко, перец и майоран (грудинка и сало – по 300 г, 1 яблоко, чёрный молотый перец и майоран по вкусу). Грудинка и сало режутся на кусочки, помещаются в глубокую посуду и отправляются на 2–3 часа в духовку со средним огнём. Грудинка и сало растапливаются до состояния однородной массы, которая затем в течение нескольких часов охлаждается, после чего в неё добавляется мелко нарезанное (не тёртое) яблоко, перец и майоран.

Смалец обычно подавался Анной в виде закуски с чёрным хлебом.

«Рацион звезды эстрады»

Во время гастролей в СССР у Анны не было времени заниматься приготовлением пищи. Все её коллеги утверждают, что певица не любила рестораны и крайне редко их посещала, питаясь в основном в гостиничном номере. Её дневной рацион, учитывая реалии советского времени, был очень скромен и иногда, прямо скажем, аскетичен.

Чаще всего Анна обедала ряженкой или кефиром с пирожками, очень любила пирожки с капустой. В летнее время любила фрукты, а особенно свежую клубнику. Друзья Анны, зная это, приносили ей клубнику и на концерты, и в гостиницу.

В Москве в гостиницу к Анне часто приходила Анна Николаевна Качалина, которая приносила жареную картошку. Иногда Анна просто заваривала в стакане кипятка обычный геркулес, добавляя в него немного соли. На гастролях 1975 года, когда певица была в положении, в её сумочке всегда была свежая морковка или яблоко.

Гастрольный дастархан Анны Герман

На гастролях (а они в СССР чаще всего были летом) Анна иногда приглашала своих музыкантов к себе в гостиничный номер, где устраивала импровизированный стол, который в Средней Азии обычно называют «дастархан».

На столе присутствовали: арбузы, редиска, бутерброды из чёрного хлеба со сливочным маслом и рубленым чесноком. Эти бутерброды с чесноком были излюбленным блюдом Анны, многие музыканты вспоминали о «чесночных вечеринках», когда на столе оказывалось огромное количество бутербродов с маслом, посыпанных мелко нарезанным чесноком.

Иногда к бутербродам с чесноком добавлялись бутерброды с маслом, посыпанные мелко нарезанным зелёным луком, укропом или петрушкой.

Чай

Этот напиток Анна особенно любила. Певица практически не употребляла алкоголь, поэтому на всех приёмах и банкетах её видели с чашкой чая.

Дома она пила чай из узбекских пиал. Любила чай с лимоном, а когда приезжала с гастролей в Средней Азии, привозила оттуда сухофрукты, любила пить чай с курагой или изюмом.

Фрагменты писем Анны Герман к Анне Качалиной

«Сегодня я голубцы сделала. Достала телятину и много голубчиков наделала. Жаль, что не могу тебя угостить. Вкусные такие получились! На 1 кг мяса я беру 5 головок чеснока. Ох, и вкусно – я люблю всё острое, солёное. До конца недели хватит нам со Збышеком» (12 сентября 1973 года).

«Аничка, поцелуй от меня твоих родителей и Вову, а я уж никак дождаться не могу! Скажи твоей маме, что мы целые две недели кушали варёную картошку с селёдкой. Гостей даже угощали… (а теперь жалеем!!! т. к. селёдочка кончилась!)» (6 октября 1974 года).

«Только что вернулась от телефона, Цвинар (польский певец Кшиштоф Цвинар. – *Прим. авт.) уже дома. Он как услышал про селёдку (я его тогда угощала «обезглавленной»), сразу захныкал: «Вы уж со Збышеком не съешьте эти 6 килограмм до пятницы (сегодня вторник), оставьте хвостик по-христиански хоть попробовать, ладно?». Видишь, Аничка, хорошо всё-таки, что мы далеко, а то сваливались бы мы все к Людмиле Ивановне к обеду, умоляюще поглядывая на селедочку…*

Уже час ночи – пойду, посплю. Желаю вам всем, мои милые, хорошей спокойной ночи. Целую, с большим приветом, твоя, ваша Аня» (19 ноября 1974 года).

«Я так не люблю ходить в ресторан, что вчера купила себе кушанье – рыбу, молоко кислое (имеется в виду простокваша. – *Прим. авт.), хлеб, масло, чай и вот сейчас буду пировать! А потом выезжаем на концерт. Хорошо, сегодня недалеко – только 100 км.*

Аничка, может быть, заглянешь ко мне вот сейчас и выпьешь со мной чайку? Не хочешь… работа, ну хорошо! Тогда я к тебе ранней весной загляну. Приготовь пирожки, ладно? И оладики… Я так давно не кушала. Бабушка мне делала…» (11 января 1974 года).

«Дорогая Аничка! Я опять на чужбине… сижу в зале молодёжного Дома культуры в Катовице и жду начала репетиции. Как всегда, я пунктуально явилась и, как всегда, жду… „у моря погоды“… Аничка, мой Збышек приехал домой из Москвы, как невеста с приданым! Еле дотащился домой! Сколько хороших и вкусных вещей! И рыбки были…

Вот я его почаще буду посылать к тебе за рыбкой… хотя они и мелкие, но очень вкусные. С луком, и маслом, и, конечно, с картошкой. Мы сразу угостили гостей, как полагается, рыбкой и картошкой. Спасибо, Аничка!» (22 апреля 1975 года).

«Аничка, мне просто очень захотелось ещё тебя поблагодарить за заботу, за все морковочки и всё-всё… Передай, Аничка, привет Вите, который меня проводил до купе, и Бореньке с его знакомой (ой, забыла имя… мама Марины). Она мне передала мёд – не мёд, а чудо! – и пирог с капустой. Тоже не пирог, а просто король тортов! Я угостила им в вагоне своих коллег, и мы, попробовав, решили, что лучше не ждать, пока он подсохнет через 2 часа, и сразу съесть его. Так мы и сделали. Не удержались!» (июль 1975 года).

Благодарность

Автор выражает искреннюю благодарность всем людям, чьи воспоминания и фотоматериалы вошли в эту книгу.

Отдельную благодарность выражаю тем, кто помогал в создании этой книги, в поисках и сканировании материалов, документов, фотографий.

Автор книги Иван Ильичёв в Варшаве у могилы Анны Герман

Спасибо

Ольгане (Ольге) Нафиковой (Узбекистан), редактору этой книги;

издательству Znaki czasu (Польша) и лично пану Мирославу Харасиму;

пану Мареку Смальцу (Польша);

монахине Екатерине (Алексеевой, Санкт-Петербург);

Ольге Чернятьевой (Москва);

Алексею Исаакову (Москва);
Ильясу Савельеву (Казахстан);
Сержану Кайырбекову (Казахстан);
Аббасу и Халиде Садиковым (Казахстан);
Наталье Гончаровой (Казахстан);
Надежде Блошкиной (Казахстан);
Израилу Кондубаеву (Киргизия);
Михаилу Бондареву (Москва);
русской, польской и немецкой общинам города Тараз (Казахстан);
Посольству Республики Польша в Республике Узбекистан;
Мариоле Призван (Польша);
Аарисе Максименко (Новокузнецк);
Елене Бабичевой (Осинники);
Марине Фёдоровой (Франция);
Марине Шнайдер (Германия);
Роберту Фризену (Германия);
Андрею Выползову (Калининград);
Леониду Федорчуку (Житомир)
…и всем, кто ратовал за выход этой книги.

Свои отзывы и предложения вы можете присылать на электронный адрес 5175587@mail.ru

Иван Ильичёв